STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

СБОРНИКЪ

Т. ФИЛИППОВА.

Правда груба, да Богу люба.

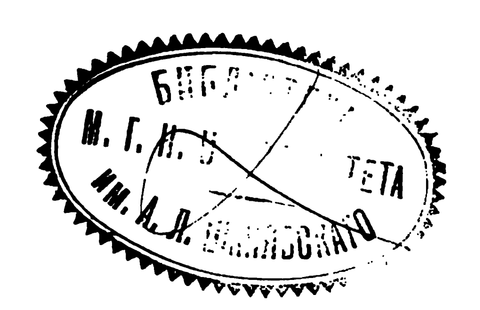
С.-Петербургъ—1896.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

Непорочной памяти

Ивана Васильевича

Киреевскаго.


М. Г. И.
ТЕТА
ИМ. А. Л.

Въ 1882 г. былъ изданъ сборникъ „Современные Церковные Вопросы“ въ двухъ частяхъ: въ первой его части собраны три мои статьи о церковной болгарской смутѣ, напечатанныя первоначально въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1869 г.), въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (1870 г.) и въ „Гражданинѣ“ (1872 г.); во второй разсужденія „О нуждахъ единовѣрія“, читанныя мною въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія и впервые напечатанныя въ его протоколахъ (1873 и 1874).

Изданіе статей, помѣщенныхъ въ первой части этого сборника, было вызвано крайней нуждою въ возстановленіи поруганной истины и въ успокоеніи оскорбленныхъ церквей православнаго Востока.

Первый взрывъ болгарскаго озлобленія противъ патріархіи въ русской печати послѣдовалъ, какъ извѣстно, въ 1858 г., когда въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ появились статьи болгарина Даскалова, исполненныя яда и желчи и принятыя въ ту пору русскимъ общественнымъ мнѣніемъ на вѣру. Преступная легкость этого мнѣнія въ настоящее время, по исполненіи событій, является очевидною.

Кто предъ нимъ обвинялся и кто обвинялъ?

Обвинителемъ явился никому дотолѣ неизвѣстный, рядовой болгарскій проходимецъ, похожій—они всѣ на одно лице—на любаго изъ нынѣшнихъ дѣятелей Болгаріи.

Кого же влекъ на судъ этотъ странный прокуроръ?

Одну изъ святыхъ Божіихъ церквей, первенствующую по чести во всемъ православномъ мірѣ; Матерь церкви русской, воспитавшую ее, а чрезъ нее и весь русскій народъ въ тѣхъ священныхъ началахъ и преданіяхъ, коими донынѣ стоитъ и—при вѣрности имъ—будетъ впредь стоять твердо Русская земля; ту церковь, изъ лона которой вышли безсмертные солунскіе братья, просвѣтители всего славянскаго рода, усвоившіе нашему языку въ своемъ чудотворномъ переложеніи всю бездонную глубину церковной мудрости и великолѣпіе церковнаго творчества; къ которой за ея духовныя благодѣянія вся Русская земля — отъ Царя до поселянина — въ теченіе многихъ вѣковъ привыкла питать благоговѣніе, участіе къ ея страданіямъ и лишеніямъ; союзомъ съ которой, вмѣстѣ съ другими патріаршими престолами, охраняется и *опредѣляется* наша вѣрность православному исповѣданію.

И вотъ такое высокое и священное учрежденіе, связанное съ нами нерушимыми узами единовѣрія и взаимныхъ благодѣяній, обреченное жить съ нами въ вѣчномъ духовномъ союзѣ, было позвано на судъ первымъ встрѣчнымъ, и мы постановили свой обвинительный надъ нимъ приговоръ, не позаботившись даже выслушать напередъ его объясненія и отвернувшись отъ нихъ, когда они были представлены.

Хотя совершившіяся на глазахъ всего міра событія должны бы, кажется, вразумить насъ, что нестроеніе церковныхъ дѣлъ на Востокѣ было только предлогомъ для оправданія затѣянной смуты, что о благо-

устроеніи церковныхъ дѣлъ предводители болгарскаго мятежа не имѣли ни малѣйшей заботы; тѣмъ не менѣе мы и до сихъ поръ не можемъ еще вполнѣ освободиться отъ посѣянныхъ въ нашемъ умѣ предубѣжденій и не покидаемъ усвоенной нами злой и безстыдной привычки чернить клиръ единовѣрныхъ намъ церквей. Восхищая на себя судъ надъ братьями, которые, по опредѣленію Божію, прошли чрезъ цѣлый рядъ вѣковъ тяжкаго рабства и, среди неизобразимыхъ злостраданій, умѣли соблюсти въ непорочной цѣлости врученный имъ священный залогъ вѣры, мы и донынѣ не стыдимся къ ихъ язвамъ прилагать новыя свѣжія раны, которыя, какъ наносимыя братскою рукою, для нихъ во сто кратъ больнѣе тѣхъ, которыя наносятся имъ общими, ихъ и нашими, врагами.

Печальное положеніе церковныхъ дѣлъ на православномъ Востокѣ не новость. Оно было издавна извѣстно всему русскому народу, его благочестивымъ царямъ и іерархамъ; но имъ также были извѣстны и причины такого положенія, которое они старались, въ мѣрѣ силъ своихъ, облегчать и сочли бы смертнымъ грѣхомъ еще болѣе отягчать его „подло жестокими" (lâchement cruelles), по выраженію Хомякова, укоризнами. Но да сбудется слово: „скверный да сквернится еще и обидяй да обидитъ еще"!

Въ оборону отъ этихъ оскорбленій изданный мною сборникъ принесъ, говорю съ увѣренностію и утѣшеніемъ, свою долю пользы: встревоженныя настроеніемъ значительной части нашей печати восточныя церкви пришли въ покой, усмотрѣвъ въ моей книгѣ тѣ самыя понятія и чувства, коими украшалась еще недавно вся сплошь благочестивая Россія и на коихъ почивала надежда ихъ и нашего спасенія.

Вопросъ, разсмотрѣнный мною въ чтеніяхъ „О нуж-

дахъ единовѣрія“, имѣетъ также чрезвычайно важное значеніе. Рѣшеніе его, предлагаемое мною, совпадаетъ съ намѣреніями русской церковной и государственной власти, которыя остались доселѣ безъ исполненія единственно вслѣдствіе невѣрнаго донесенія нашего константинопольскаго посольства о мнимо непріязненномъ расположеніи къ этому дѣлу восточныхъ православныхъ церквей.

Извѣстно, что склонные къ миру съ Церковію старообрядцы, съ самаго начала своихъ примирительныхъ переговоровъ, еще во дни знаменитаго Никодима, просили о снятіи съ нихъ клятвъ 1667 г. чрезъ сношеніе съ четырьмя апостольскими престолами. Никогда не покидая надежды на удовлетвореніе этой духовной потребности, они неоднократно заявляли о ней церковной власти и въ 1864 г. еще разъ рѣшились обратиться къ Московскому митрополиту Филарету съ просьбою объ исполненіи ихъ давнихъ чаяній. Великій іерархъ внялъ ихъ ходатайству и вошелъ по этому предмету съ представленіемъ въ Святѣйшій Синодъ. „Если ихъ нельзя убѣдить логически, писалъ онъ, то не слѣдуетъ ли успокоить ихъ канонически“?

Согласное съ его мыслію постановленіе Святѣйшаго Синода было Высочайше утверждено Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, который, принимая по сему случаю Московскихъ единовѣрцевъ, выразилъ передъ ними надежду, что Православные Патріархи не откажутъ Ему въ своемъ согласіи.

Мои постоянныя и близкія сношенія съ православнымъ Востокомъ дали мнѣ способъ убѣдиться въ томъ, что онъ не поставилъ бы никакого препятствія къ удовлетворенію духовныхъ нуждъ единовѣрцевъ; и вотъ, опираясь на это твердое убѣжденіе и сознавая крайнюю необходимость для насъ самихъ выдти изъ угне-

тающихъ насъ противорѣчій, я рѣшился поднять вновь этотъ вопросъ, давно уже благопріятно нашею властію предрѣшенный, но остановленный въ своемъ теченіи случайнымъ прискорбнымъ недоумѣніемъ.

Исполняя свой долгъ предъ Церковію, какъ я его разумѣлъ, я не усомнился принять на себя odium различныхъ подозрѣній и превратныхъ истолкованій не только моихъ мнѣній, но и самыхъ намѣреній, успокоивая себя свидѣтельствомъ своей совѣсти, *„еяже ничтоже въ мирѣ нуждпѣйше“*.

По изданіи сборника, въ которомъ разъяснены мною столь важные, можно сказать, роковые вопросы, мнѣ можетъ быть слѣдовало бы на томъ и опочить: той крайней нужды, которая побудила меня предпринять изданіе перваго сборника, я не могу привести въ оправданіе моего появленія вновь передъ судомъ читателей съ собраніемъ другихъ произведеній моего пера.

Но моя воля связана требованіемъ моихъ литературныхъ друзей, пристигающихъ меня болѣе всего ссылкою на обязанность каждаго убѣжденнаго человѣка выходить, не жалѣя себя, на защиту охранительныхъ началъ, побѣда коихъ въ общественномъ сознаніи недостаточно еще, по ихъ мнѣнію, утверждена и обезпечена.

Эту обязанность я признаю во всей ея силѣ, и кто удостоитъ взглянуть въ издаваемую мною новую книгу, тотъ увидитъ, что въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ я служилъ этимъ началамъ неизмѣнно, въ свободѣ искренняго исповѣданія, и не тогда только, когда то было покойно и выгодно, но и въ самый разгаръ бѣшеныхъ противъ нихъ ополченій, когда борьбу съ ними вели не одни Чернышевскіе и Благосвѣтловы, но и разные Савлы, выжидавшіе лишь благопріятныхъ для себя обстоятельствъ, чтобы объявить себя *внезапно*

обращенными Павлами: „начало-де ровно въ половинѣ девятаго“.

И вотъ я сколько волею, больше того неволею, предстою передъ моимъ благосклоннымъ и неблагосклоннымъ читателемъ, какъ давній, убѣжденный и вѣрный послѣдователь направленія охранительнаго. Считаю однако нужнымъ оговориться: есть охранитель и охранитель. Вѣдь и опричникъ говоритъ, что онъ охранитель, и даже гордится тѣмъ, что онъ песъ. „Ни! но и худшій пса“, сказалъ бы я такому охранителю, который своимъ нечистымъ прикосновеніемъ оскверняетъ непорочное само по себѣ исповѣданіе.

Я имѣю основаніе надѣяться, что даже недоброжелательно относящіеся къ моему направленію судьи не пожелаютъ обидѣть меня смѣшеніемъ съ такими охранителями; но чтобы еще болѣе оберечь себя отъ опасности подобнаго смѣшенія, я укрылъ свои произведенія подъ сѣнь имени И. В. Кирѣевскаго. Это имя крѣпкій и надежный щитъ! Въ разгарѣ борьбы славянофиловъ съ западниками, когда, надѣясь на свое количественное преобладаніе, западники обращались съ своими соперниками съ возмутительною наглостію, презрительно относясь даже къ такимъ именамъ (например, къ имени Хомякова), которымъ теперь благоговѣйно покланяется вся Россія, имя И. В. Кирѣевскаго одно смиряло ярость ихъ злобы и покоряло ихъ силою своей чистоты и непорочности. Ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не стѣснявшіеся Бѣлинскій и Герценъ стихали передъ Кирѣевскимъ, побѣждаемые единственно его нравственнымъ превосходствомъ.

Въ „Конрадѣ Валленродѣ“ Мицкевича есть одно мѣсто, которое по поводу этихъ воспоминаній невольно приходитъ на мысль. Описывая, какъ опьянѣвшаго Конрада, готоваго проговориться и выдать свою роко-

вую тайну, унималъ старый Гальбинъ, потопляя свой взоръ въ его лице, поэтъ приводитъ въ сравненіе съ нимъ укротителя дикихъ звѣрей, который сдерживаетъ ихъ не вещественною силою, а только

oczyma,
Tym niesmiertelnéj talizmanem duszy
Moc bezrozumną na uwięzi trzyma *).

Откуда жъ мое право на покровъ такого имени и на пріобщеніе къ нему моихъ произведеній? Онъ былъ надо мной отъ дней моей юности, онъ осѣнялъ первыя незрѣлыя попытки моей литературной дѣятельности.

И если отъ юности до перваго псаломскаго предѣла жизни **), котораго я уже достигъ, я оставался неизмѣнно вѣренъ своему образу мысли, то право на посвященіе моей книги непорочной памяти Ивана Васильевича Кирѣевскаго я могу счесть за мною. Могу съ тѣмъ вмѣстѣ выразить надежду, что вѣрность исповѣданію, котораго я держался всю жизнь, сохранится и до ея не очень уже далекаго конца:

Да неизмѣненъ жизни новой
Приду къ таинственнымъ вратамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовый
Приходитъ цѣлый къ берегамъ.

Т. Филипповъ.

---

*) Одинъ смиритель львовъ недвижно, безъ смущенья,
Спокойно на груди скрестивши руки, вдругъ
Очами льва разитъ въ его разбѣгѣ рьяномъ,
И этимъ лишь души безсмертной талисманомъ
Безумной силѣ онъ безвредный чертитъ кругъ.
(Перев. Н. П. Семенова).

**) Дніе наши, въ нихъже седмьдесятъ лѣтъ, аще въ силахъ осмьдесятъ.

I.

О началахъ русскаго воспитанія.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи первой Московской гимназіи 3 октября 1854 года преподавателемъ русскаго языка и словесности Тертіемъ Филипповымъ [1]).

Милостивые государи!

Одна изъ главнѣйшихъ обязанностей просвѣщеннаго человѣка есть вниманіе къ общественному воспитанію: ибо отъ его направленія весьма много зависитъ образъ мыслей и нравственность будущихъ поколѣній, а съ тѣмъ вмѣстѣ и весь будущій ходъ народной жизни. Кто способенъ отвлекаться отъ вліянія текущихъ обстоятельствъ и смотрѣть на настоящее въ связи съ прошедшимъ и будущимъ; кто притомъ, по любви къ отечеству, его потребности включаетъ въ число своихъ собственныхъ нуждъ: тотъ, безъ сомнѣнія, не можетъ остаться равнодушнымъ къ ходу народнаго образованія и не рѣшится сложить съ себя всѣ заботы о немъ, предоставивъ ихъ исключительно тѣмъ, кому оно поручено правительствомъ; тому, вмѣстѣ съ важностью этого дѣла, откроется и трудность, и многосложность

---

[1]) Первоначально было напечатано въ книгѣ: «Отчетъ о состояніи 1-й Московской гимназіи и рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи 1854 года 3 го октября» (Москва. Въ Университетской типографіи, 1854); затѣмъ по распоряженію г. Министра Народнаго Просвѣщенія перепечатано въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1890, I. 1—11, и отдѣльно подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ (Спб., тип. В. Балашева, 1890, стр. 16).

[illegible] что вести его съ успѣхомъ и уберечь отъ [illegible] можетъ только дружное и согласное дѣйствіе [illegible] и общества. И потому не удивлялись мы, гг., что [illegible] нашей гимназіи и [illegible] напередъ, что [illegible] вознаграждены лишь [illegible] Но намъ свойственно было [illegible] къ просвѣщенію, по- [illegible] еще свойственнѣе намъ [illegible] благо- [illegible] за достойнымъ [illegible] выразить вамъ [illegible] ободренные [illegible] къ [illegible] ревностью, [illegible] намъ пра- [illegible] общества, [illegible]

[illegible] во всякое [illegible] то въ [illegible] не- [illegible] за которою [illegible] искусствъ и [illegible] печаль- [illegible] весьма [illegible] словесности [illegible] и пред- [illegible] общества на [illegible] и на развитіе [illegible] но [illegible] событія [illegible] намъ [illegible]

медленность нашего мышленія и наше равнодушіе къ своей народной сущности. Мы много употребили усилій для того, чтобы въ дѣлахъ внѣшней мудрости сравняться съ Западомъ. Опасаться за распространеніе въ нашемъ отечествѣ нужныхъ знаній нельзя: за будущіе успѣхи нашего народнаго образованія ручается съ избыткомъ и постоянная заботливость объ немъ правительства, и развитая уже любознательность общества. Намъ теперь должно подумать о другомъ: какъ бы привести въ ясность наши неопредѣленныя отношенія къ европейскому просвѣщенію, какъ отдѣлить въ немъ нужное и полезное для насъ отъ того, чего намъ должно избѣгать, какъ лишняго и даже вреднаго. Нужно наконецъ привести во всеобщее сознаніе то, что насъ отдѣляетъ отъ Запада и что составляетъ основныя начала нашей самобытной жизни, и потомъ, приведя эти начала въ живое сознаніе, поставить ихъ краеугольнымъ камнемъ русскаго воспитанія.

Въ воспитаніи усматриваются двѣ цѣли, тѣсно между собою связанныя: первая имѣетъ въ виду развитіе общихъ человѣческихъ свойствъ независимо отъ случайныхъ условій, вторая достигается примѣненіемъ общихъ началъ воспитанія къ историческимъ условіямъ; первая имѣетъ въ виду человѣка, вторая—гражданина. Въ первомъ случаѣ основаніемъ дѣлу служитъ религія: она воспитываетъ въ насъ тѣ вѣчныя, всеобщія стихіи духа, которыя необходимы всякому человѣку безъ различія мѣста, времени и народности. Хотя она собственно приготовляетъ насъ къ жизни, ожидающей человѣка по ту сторону гроба, но тѣмъ не менѣе въ ней находится единственное руководство и для нашего земнаго пути: ибо только тотъ способенъ пройти безпреткновенно путь земной жизни, кто видитъ въ ней пріуготовленіе къ вѣчности, а не заключаетъ въ ея тѣсные предѣлы всѣхъ своихъ ожиданій. Науки и искусства суть цвѣтъ человѣческой дѣятельности; онѣ не только украшаютъ и услаждаютъ нашу жизнь, но и составляютъ существенную ея принадлежность, безъ коей нѣтъ полноты жизни: однако благо человѣку и народу, который въ своей жизни отводитъ имъ принадлежащее имъ мѣсто и не теряетъ изъ виду ихъ отношеній къ высшей духовной дѣятельности человѣка—религіозной. Въ противномъ

случаѣ изъ орудій блага онѣ становятся источникомъ частнаго и общественнаго зла, разрушаютъ внутренній миръ человѣка и благосостояніе общества.

Мы знаемъ, что Западъ стоитъ во главѣ человѣчества въ дѣлѣ знаній и искусствъ, однако замѣчаемъ тамъ крайнее смущеніе совѣсти въ отдѣльныхъ лицахъ и страшное колебаніе всѣхъ общественныхъ основъ въ государствахъ. Причины тому очевидны. Оторвавшись отъ истинныхъ началъ жизни, проповѣданныхъ Евангеліемъ, западный человѣкъ ищетъ для нея новыхъ основаній и, разумѣется, не находитъ: ибо ихъ нѣтъ. Все, что бы ни создалъ человѣкъ самъ отъ себя въ замѣнъ отвергнутой имъ истины, все будетъ ложь; до истинныхъ законовъ человѣческаго естества не можетъ возвыситься наше поврежденное умствованіе, они открыты только божественному вѣдѣнію. Итакъ въ основаніе человѣческаго воспитанія должно положить ученіе христіанское: оно одно можетъ указать человѣку, въ чемъ состоитъ истинное просвѣщеніе, истинная добродѣтель и истинное счастіе; безъ него онъ нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ни счастливъ самъ, ни полезенъ другимъ.

Но, говоря о христіанскомъ воспитаніи, мы не должны забывать и того, что оно должно быть не какое иное, какъ предлагаемое православною Церковію: ибо единственная и неизмѣнная хранительница правой вѣры въ тоже время есть по необходимости и единственная сокровищница истиннаго разумѣнія вещей и чистыхъ нравственныхъ понятій. Кромѣ исключительной истины и чистоты своего ученія, православіе дорого русскому народу и по безчисленнымъ благодѣяніямъ, которыя оно оказало ему въ теченіе его исторіи. Православію мы обязаны всѣмъ: оно спасло насъ въ древній періодъ нашей жизни отъ тысячи бѣдъ, татарскихъ, литовскихъ, польскихъ и т. д.; оно охранило насъ отъ западныхъ искушеній и доселѣ сохраняетъ невредимою нашу народность отъ безчисленныхъ иноземныхъ вліяній: и въ годину настоящихъ испытаній оно—причина нашей брани, оно же—и наша защита, и наше упованіе. Оно и до конца жизни нашего народа да будетъ ея неизмѣннымъ

основанiемъ, источникомъ нашего величiя и славы, нашею первою похвалою!

Вторая цѣль воспитанiя состоитъ въ примѣненiи общихъ его началъ въ той средѣ, въ которой Провидѣнiе судило жить человѣку. Конечно, внутреннее воспитанiе должно возносить человѣка надъ всѣми случайными условiями его быта; но оно должно достигать этого, не разрушая его законныхъ связей съ отечествомъ, обществомъ и семьей; напротивъ того, своею силой и священнымъ дѣйствiемъ своимъ оно должно укрѣплять и освящать ихъ. Въ сущности нѣтъ ничего противоположнѣе христiанскаго ученiя объ этомъ предметѣ ученiямъ нашего времени о всемирномъ гражданствѣ: христiанство, воспитывая человѣка въ любви къ своему народу и всему окружающему, стремится распространить эту любовь на все человѣчество; ученiя космополитическiя, внушая безразличную любовь ко всему, доводятъ до полнаго равнодушiя къ своему и чужему. И потому за общими началами воспитанiя, образующими человѣка, необходимо должно слѣдовать (я говорю не о хронологической послѣдовательности, а о мѣрѣ важности) воспитанiе народное, связующее человѣка съ его мѣстными, временными и вообще историческими условiями. Этой цѣли воспитанiя преимущественно предъ другими предметами способствуетъ отечественная исторiя, отечественная словесность и отечественный языкъ. Преподаванiе двухъ послѣднихъ предметовъ въ этомъ заведенiи поручено высшимъ начальствомъ мнѣ; позвольте, мм. гг., представить вамъ краткiй обзоръ моихъ занятiй, указать на объемъ ихъ и на приноровленiе моего преподаванiя къ вышеупомянутой цѣли народнаго воспитанiя.

Я начинаю свои занятiя съ четвертаго класса и отъ моихъ товарищей принимаю воспитанниковъ, знакомыхъ уже съ теорiею нашего языка. Въ первый годъ нашихъ занятiй они ее повторяютъ, при чемъ рядомъ съ нею идетъ классъ языка церковно-славянскаго. Очевидная важность изученiя его, какъ языка богослужебнаго, понятна всѣмъ: знакомство съ нимъ открываетъ воспитаннику весь внѣшнiй смыслъ Св. Писанiя и богослуженiя, по мѣстамъ затруднительный, а иногда и вовсе непонятный для людей, по навыку, а не научно знающихъ

[illegible] языкъ. [illegible] у насъ въ Россіи [illegible] и въ религіоз-[illegible] церковно-славянскій языкъ [illegible]

[illegible] Церковно-славянскій [illegible] Церковно-славянскій [illegible]

[illegible]

своей тѣснѣйшей связи съ нашимъ языкомъ, проходящей черезъ всю исторію сего послѣдняго. Я не говорю уже о древнемъ періодѣ нашей словесности, когда языкъ церковно-славянскій такъ сливался съ языкомъ устнымъ, народнымъ, что эти двѣ стихіи никакъ почти нельзя разнять въ древнерусскихъ письменныхъ памятникахъ; но даже впослѣдствіи, въ новый періодъ нашей словесности, церковно-славянскій языкъ не переставалъ и не перестаетъ обогащать нашъ языкъ своими сокровищами и охранять его отъ вторженія иноплеменныхъ выраженій. Въ эпоху преобразованія Россіи, когда къ намъ настежь растворились двери всему чуждому, и въ языкъ нашъ вошло много варваризмовъ, смутившихъ его чистоту. Чтобы положить предѣлъ этому наплыву и вывести нашу рѣчь изъ хаотическаго состоянія, великій учредитель нашего новаго языка прибѣгнулъ къ языку церковно-славянскому, какъ оплоту его чистоты. И послѣдующіе великіе писатели наши не уклонялись отъ вліянія этого языка: и не только духовные витіи, которымъ свойственно украшать свою рѣчь славянскими реченіями и возвышенный слогъ которыхъ такъ близко подходитъ къ торжественному строю рѣчи церковно-славянской, но и на лучшихъ представителяхъ нашей свѣтской литературы его вліяніе отразилось очень замѣтно, напримѣръ: на Державинѣ, Карамзинѣ, Жуковскомъ и особенно на Пушкинѣ.

Познакомившись съ церковно-славянскимъ языкомъ, мы переходимъ къ изученію древне-русскаго языка, которому посвящается отдѣльный классъ. Здѣсь мы знакомимся съ русскимъ языкомъ на всемъ пространствѣ древняго періода его исторіи: отъ языка первобытной нашей письменности, встрѣчаемаго въ проповѣди митрополита Иларіона, лѣтописи Нестора, Словѣ о полку Игоревѣ, богатырскихъ пѣсняхъ, до языка схоластическихъ писателей, который мы видимъ въ силлабическихъ виршахъ Симеона Полоцкаго и его современниковъ и въ произведеніяхъ духовнаго краснорѣчія того времени. А между тѣмъ, рядомъ съ этимъ практическимъ изученіемъ нашего языка идетъ преподаваніе риторики, цѣль котораго собственно состоитъ въ томъ, чтобы познакомить воспитанниковъ съ общими правилами построенія рѣчи, но оно не остается безплоднымъ

и по отношенію къ языку: отрывки, приводимые въ примѣръ риторическихъ правилъ изъ лучшихъ нашихъ писателей отъ Ломоносова до Пушкина и Гоголя, знакомятъ воспитанниковъ съ языкомъ и слогомъ новаго періода русской словесности.

Такимъ образомъ, по сколько можно умѣстить въ тѣсные предѣлы отмѣреннаго намъ времени, мы изучаемъ историческі языкъ нашего народа отъ начала нашей письменности до послѣдняго времени. И пусть изученіе это не особенно глубоко: оно важно, какъ сѣмя, отъ котораго ожидать плодовъ должно въ будущемъ. Во всякомъ случаѣ, и въ этомъ ограниченномъ размѣрѣ оно есть залогъ патріотическихъ убѣжденій въ воспитанникѣ: оно сближаетъ и роднитъ его съ его народомъ и отечествомъ: ибо языкъ есть образъ народа или, лучше сказать, самъ народъ, выразившій себя въ своемъ словѣ. Вамъ извѣстны, мм. гг., печальныя слѣдствія того могущественнаго вліянія, которое имѣлъ на наше общество языкъ французскій: пристрастіе къ чужому языку находится въ прямомъ противорѣчіи съ патріотическимъ воспитаніемъ, ибо оно переноситъ наше сочувствіе отъ своего къ чужому. «Любить отечество и имѣть пристрастіе къ чему-либо внѣ отечества», говоритъ ревнитель русскаго слова [1], «значитъ не любить отечества. Любовь къ отечеству требуетъ любви ко всему отечественному, ко всему, что относится къ пользѣ отечества. Вѣра, законы, нравы, обычаи отечественные суть предметы, которые сердце каждаго сына отечества должны наполнять нѣжнымъ чувствомъ, какъ свое родное, природное. Особенно же языкъ отечественный, которымъ выражаются мысли и чувствованія, внутренняя природа и духъ соотечественниковъ, которымъ внушены законы и вѣра предковъ, которымъ проповѣдывается Богъ въ храмахъ отечественныхъ, сей языкъ требуетъ особаго вниманія, постояннаго упражненія, которое бы въ употребленіи и слышаніи его находило свое пріятнѣйшее удовольствіе и утѣшеніе». И точно, повторимъ еще разъ, не смотря на [illegible] историческаго изученія русскаго языка въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. И мы увидимъ, мм. гг., что [illegible] распоряженія

---

[1] Шишковъ.

правительства, клонящіяся къ усиленію преподаванія отечественнаго языка, увѣнчаются полнымъ успѣхомъ и поселятъ въ юношествѣ сознательное уваженіе ко всему, что носитъ на себѣ печать нашей народности. Юноши наши будутъ говорить и по французски, и поанглійски, и на всѣхъ другихъ языкахъ, но уже не изъ тщеславнаго щегольства своимъ мнимымъ образованіемъ, но въ нужныхъ случаяхъ, чтобы помочь незнакомству иностранцевъ съ нашимъ языкомъ.

Затѣмъ мы переходимъ къ теоріи словесныхъ произведеній, сначала прозаическихъ, потомъ поэтическихъ. Главное вниманіе при семъ обращается на объясненія внутренняго построенія словесныхъ произведеній, на условія, коимъ подлежатъ различные роды ихъ. Теоретическое изученіе словесности сопровождается примѣрами, которые берутся преимущественно изъ писателей отечественныхъ и изъ произведеній иноземныхъ, усвоенныхъ русской словесности переводами нашихъ знаменитыхъ писателей. Было время, когда въ преподаваніи словесности преимущественно передъ практическимъ знакомствомъ съ нею изучали правила и законы ея видовъ, отчетливо разъясняли взаимное различіе ихъ и особенныя ихъ свойства, но не знакомили достаточно воспитанниковъ съ живыми примѣрами, столь важными для смысла теоріи, и тѣмъ придавали какую-то мертвенность нашему предмету, въ сущности живому и привлекательному. Такой методѣ, убивающей духъ предмета, противодѣйствуютъ современныя мнѣнія о преподаваніи, совѣтуя въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ обогащать воспитанниковъ преимущественно чтеніемъ и личнымъ знакомствомъ съ образцовыми произведеніями словесности. Если бы выбирать изъ этихъ двухъ методъ, то безъ сомнѣнія, должно предпочесть послѣднюю первой; но и относительно ея нельзя обойтись безъ нѣкоторыхъ замѣчаній: она въ свою очередь, переступая законныя границы, вредитъ надлежащему познанію предмета. Въ наше время такъ не трудно встрѣтить молодаго человѣка съ большою начитанностью, которая не столько радуетъ за него, сколько печалитъ: этотъ способъ чтенія всего безъ разбора и отчета приводитъ читателя къ крайнему смѣшенію понятій. Всѣ роды словесныхъ произведеній съ особенностями назначенія каждаго

изъ нихъ и съ особенностями условій, свойственныхъ каждому изъ нихъ, сливаются въ головѣ неразборчиваго читателя въ одну хаотическую груду: онъ читаетъ и поэму, и ораторскую рѣчь, и сатиру, и басню, выщипывая изъ нихъ какія-нибудь общія мысли и занимаясь общностью ихъ содержанія, упуская вовсе изъ виду частную красоту каждаго рода, ему только свойственную. Отъ этого такой упадокъ и такое смѣшеніе художественныхъ понятій въ наше время; отъ этого и наша критика такая, какая она есть. Да и въ отношеніи къ обогащенію мышленія, такая метода болѣе вредитъ, нежели приноситъ пользы, ибо мышленіе обогащается не столько простымъ знакомствомъ со многими предметами, сколько уразумѣніемъ отношеній, между ними по природѣ существующихъ, и умѣніемъ всякой вещи указать ея мѣсто, существомъ ея опредѣляемое.

Наконецъ, въ заключеніе гимназическихъ занятій, проходится курсъ исторіи русской словесности. Запасъ свѣдѣній, заготовленный предыдущими занятіями въ классѣ и собственною начитанностью учениковъ, здѣсь пополняется и приводится въ стройный порядокъ; тѣ писатели, съ которыми ученики знакомились изъ отрывковъ, изучая исторію языка или прилагая примѣры къ правиламъ риторики и піитики, вновь предстаютъ предъ нихъ, но уже въ полнотѣ своей дѣятельности, поясняемой притомъ теоретическими замѣчаніями. Многообразная духовная жизнь нашего народа, выразившаяся въ его словесности, раскроетъ здѣсь воспитаннику свой смыслъ, по скольку онъ можетъ воспринять его, и обойметъ его могуществомъ своего вліянія.

И древній періодъ нашей исторіи, въ теченіе котораго возрастали коренныя начала русской жизни, явится ему во всемъ своемъ величіи и святынѣ. Тамъ пройдутъ передъ нимъ и глубокомысленные церковные витіи первыхъ трехъ вѣковъ нашего христіанства, Иларіонъ, Кириллъ и Серапіонъ; тамъ услышитъ онъ правдивыя сказанія нашего честнаго Нестора о первыхъ временахъ нашего государства и чудную повѣсть о подвижникахъ печерскихъ, основателяхъ народнаго благочестія; тамъ разскажетъ ему игуменъ Даніилъ о своемъ благочестивомъ посѣщеніи Св. Мѣстъ, столь вожделѣнныхъ для сердца

христіанина; тамъ прочтетъ ему благовѣрный Мономахъ свое Поученіе, повергающее мысль въ прахъ передъ величіемъ древняго русскаго христіанина, и митрополитъ Никифоръ своимъ посланіемъ укажетъ на любовныя отношенія церкви русской къ верховной власти, чуждыя даже тѣни совмѣстничества или соперничества; тамъ прозвучитъ передъ нимъ скорбная пѣснь о плѣненіи Игоря и радостная повѣсть о куликовской битвѣ, предтечѣ освобожденія нашего отечества; тамъ услышитъ онъ стихи нашей нищей братіи, въ которыхъ выразилось глубокое сочувствіе русскаго человѣка къ богоугодному житію праведниковъ, и пѣснь нашего народа, какой нѣтъ другой въ мірѣ (ибо по народу и пѣснь), откликающуюся и на важныя событія нашей исторіи, и на красоты внѣшней природы, и на живыя ощущенія внутренняго міра души; тамъ услышитъ онъ священный призывъ духовнаго пастыря, спасающаго отчизну во дни безначалія, и отвѣтный гласъ истинныхъ сыновъ и спасителей отечества; тамъ наконецъ онъ возблагоговѣетъ передъ ревностью святыхъ отцовъ нашихъ—Іосифа Волоцкаго, Геннадія, Максима Грека, Димитрія Ростовскаго и иныхъ, которые сохранили святую православную Церковь нашу отъ всѣхъ опасностей, грозившихъ ей со стороны стригольниковъ, жидовъ, раскольниковъ и другихъ враговъ ея, и которые завѣщали намъ оружіе для ея защиты, какъ бы предчувствуя, что жизни русской предстоятъ новыя и сильнѣйшія искушенія.

При такомъ дѣйствіи на воспитанника нашей древней словесности, можно ожидать, что и въ произведеніяхъ новаго ея періода онъ сумѣетъ отличить существенныя явленія отъ несущественныхъ. Ничто не воспрепятствуетъ въ такомъ случаѣ духу великихъ нашихъ писателей обнять его умъ своимъ благотворнымъ вліяніемъ и уберечь его отъ насилія бѣглыхъ современныхъ мнѣній. Высокая нравственная чистота, лежащая въ основѣ всей ихъ дѣятельности, будетъ постоянною охраною его отъ искушеній, всюду разставленныхъ на скользкомъ пути юности; возвышенность и глубина ихъ помысловъ не дастъ ему погрязнуть въ тинѣ низкихъ страстей или ограничить свои стремленія въ жизни какими-нибудь мелочными выгодами себялюбія; наконецъ ихъ пламенная любовь къ отечеству, любовь

дѣятельная и самоотверженная, научитъ его приносить всѣ свои дарованія и силы въ жертву отечеству и съ тѣмъ вмѣстѣ вселитъ въ него глубокое и сознательное уваженіе къ нашей народности.

На этихъ двухъ началахъ нашей жизни, то есть, на православіи и народности, созидается третіе его основаніе—самодержавіе, которое отъ православія заимствуетъ свое освященіе, а въ исторіи находитъ блистательное опытное подтвержденіе своей истинѣ.

Эти основныя начала нашей жизни давно уже сознаны нашимъ правительствомъ и поставлены имъ въ основаніе русскаго воспитанія. Оживить смыслъ ихъ въ сознаніи учащагося юношества и тѣмъ предохранить его отъ проникающихъ всюду современныхъ заблужденій—вотъ что составляетъ задачу русскаго воспитателя, желающаго оправдать довѣренность къ нему правительства, которое за всѣ свои благодѣянія, намъ оказываемыя, требуетъ отъ насъ одного: вѣрнаго исполненія своихъ мудрыхъ предначертаній.

Въ заключеніе рѣчи хочу сказать нѣсколько словъ вамъ, юные друзья мои, въ напутствіе вашего новаго поприща. Въ послѣдній разъ обращаю къ вамъ слово свое съ правомъ, ибо вижу васъ въ стѣнахъ того заведенія, въ которомъ столько лѣтъ вы слушали мои наставленія. Вы вступаете въ ту прекрасную пору жизни, которая обыкновенно почитается лучшею и счастливѣйшею. Я очень хорошо знаю и живо чувствую всѣ привлекательныя свойства юности, тѣмъ болѣе, что самъ едва переступаю за ея черту; но не хочу скрыть отъ васъ и опасностей этого возраста. Чистота побужденій еще не ручательство за чистоту умствованій и дѣйствій; не много такихъ сердецъ, которыя, предваряя опытъ, отвращаются отъ всего того, что содержитъ въ себѣ примѣсь порока; рѣдко встрѣчается такой чистый смыслъ, который, при первой встрѣчѣ съ вещью, еще до внимательнаго разбора ея, отдѣлилъ бы въ ней отъ истины ложь. Большая часть людей, можно сказать, всѣ идутъ путемъ опыта и проходятъ, одинъ болѣе, другой менѣе, искушенія зла: и потому необходимо строгое и постоянное вниманіе къ себѣ. Берегитесь самонадѣянности, которая такъ тѣсно

связана съ неопытностью и незнаніемъ мѣры своихъ средствъ, не почитайте всего себѣ извѣстнымъ и охотнѣе преклоняйте слухъ свой къ указаніямъ воздерживающей васъ любви, нежели къ обаянію на все соизволяющей лести. Воспитывайте въ себѣ строгое понятіе о своихъ обязанностяхъ къ обществу, которое отнынѣ будетъ смотрѣть на васъ, уже не какъ на безотвѣтственныхъ дѣтей, а какъ на юношей, способныхъ давать себѣ разумный отчетъ во всемъ. Болѣе же всего храните чистоту сердца и совѣсти и не уступайте ея никакимъ внушеніямъ и требованіямъ лжеименнаго разума.

Кончу словами великаго вселенскаго учителя: «Возвышайся болѣе жизнію, нежели мыслію: ибо жизнь можетъ сдѣлать тебя богоподобнымъ, а мысль довести до великаго паденія» [1]).

[1]) Творенія Григорія Богослова.

II.

Не такъ живи, какъ хочется

Народная драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе А. Н. Островскаго. Москва. 1855 [1]).

При появленіи своемъ на поприще нашей словесности, г. Островскій сразу отдѣлился отъ остальныхъ современныхъ ему русскихъ писателей [2]) яркими признаками необыкновеннаго дарованія. Если припомнить впечатлѣніе, которое произвела на общество его первая комедія, «Свои люди—сочтемся», то можно рѣшительно сказать, что послѣ Гоголя никто не имѣлъ у насъ такого громкаго, общаго и вполнѣ заслуженнаго успѣха, какъ г. Островскій. Никто изъ нынѣ дѣйствующихъ писателей, какой бы успѣхъ ни предположить въ развитіи ихъ дарованій, не подойдетъ даже близко къ тому необыкновенному искусству въ созданіи чисто народныхъ комическихъ лицъ, въ выраженіи ихъ мельчайшихъ оттѣнковъ и особенно въ соблюденіи истиннаго склада ихъ рѣчи, какое показалъ въ своей первой комедіи г. Островскій. Послѣдующія его произведенія, даже лучшее изъ нихъ, «Не въ свои сани не садись», не имѣли уже того успѣха; не смотря на всѣ неоспоримыя ихъ достоинства, общество принимало ихъ холоднѣе и всеобщаго, безусловнаго одобренія, какъ первой комедіи, не оказывало.

---

[1]) Разборъ этотъ напечатанъ былъ первоначально въ «Русской Бесѣдѣ», 1856, I. 70—100.

[2]) Гоголь въ то время молчалъ.

Въ нихъ не видно было прежней художественной силы; отдѣлка становилась небрежнѣе, въ языкѣ стали попадаться сперва рѣдко, а потомъ и довольно часто, такія выраженія, которыя отъ частаго употребленія сдѣлались нестерпимы, которыми такъ богаты наши лженародныя произведенія и которыхъ даже слѣда нѣтъ въ «Своихъ людяхъ». Въ самыхъ замыслахъ, не смотря на сравнительно большую глубину ихъ, стало замѣчаться какое-то колебаніе и какая-то нерѣшительность, какъ будто бы они зараждались въ переходномъ состояніи мышленія, безъ полной свободы окончательно выработаннаго и твердо установленнаго воззрѣнія на жизнь. Критика, неблагосклонная къ духу новыхъ произведеній г. Островскаго, замѣтивъ въ немъ ослабленіе исполнительныхъ силъ, довольно сурово обошлась съ нимъ и съ видимымъ удовольствіемъ отмѣчала его слабости, обходя отчасти умышленно, отчасти по недостатку вкуса и проницательности, достоинства его произведеній. Критика, пристрастная къ его дарованію, не хотѣла видѣть, какъ это всегда бываетъ, его недостатковъ и, конечно по прекрасному побужденію отстоять правду, но къ сожалѣнію безъ основательнаго разбора, одною силою своей горячности старалась отразить всѣ нападенія, отчасти ею же самою вызываемыя или по крайней мѣрѣ умножаемыя. Дѣло кончилось тѣмъ, что г. Островскій изъ писателя, стоявшаго на нѣкоторомъ особомъ возвышеніи, сдѣлался мало по малу во мнѣніи большинства, почти даже въ общемъ мнѣніи, равнымъ по достоинству съ нѣкоторыми другими писателями, которые подобно ему посвящаютъ свои силы изображенію искомаго русскаго человѣка.

Это однако не мое мнѣніе. Не смотря на то, что я вмѣстѣ съ другими чувствую и признаю значительную слабость въ исполненіи послѣднихъ произведеній г. Островскаго, все таки его отличіе отъ другихъ писателей, изображающихъ нашъ народный бытъ, для меня остается существеннымъ. Можно почти такъ сказать, что даже въ то время, когда г. Островскій явился съ первой своей комедіей, когда во всемъ современномъ ему поколѣніи писателей не было ему равнаго, онъ не столь существенно отличался отъ своихъ совмѣстни-

ковъ, какъ теперь, если только позволено думать, что взглядъ на жизнь въ художникѣ такъ же важенъ, какъ и исполнительныя его дарованія. Въ то время отличіе его отъ другихъ состояло только въ силѣ художественной, такъ сказать, внѣшней: ни у кого не было такого языка, какъ у него, такой опредѣлительности въ очертаніи лицъ, такой близости къ изображаемому быту и многихъ другихъ, не спорю, весьма важныхъ, но все таки внѣшнихъ художническихъ преимуществъ; но въ сущности воззрѣнія на жизнь, и въ особенности на русскую жизнь, различіе было не столь велико. «Свои люди — сочтемся» есть конечно такое произведеніе, на которомъ лежитъ печать необыкновеннаго дарованія, но оно задумано подъ сильнымъ вліяніемъ отрицательнаго воззрѣнія на русскую жизнь, отчасти смягченнаго еще художественнымъ исполненіемъ, и въ этомъ отношеніи должно отнести его, какъ ни жалко, къ послѣдствіямъ *натуральнаго* направленія.

Были уже и въ этой комедіи признаки того, что для г. Островскаго возможенъ иной взглядъ на русскую жизнь, взглядъ самостоятельный, но только признаки; въ послѣдующихъ его сочиненіяхъ эти признаки стали гораздо яснѣе, отрицательное отношеніе къ жизни смѣнилось сочувственнымъ, и вмѣсто мрачныхъ изображеній, какія мы видѣли въ «Своихъ людяхъ», появляются образы, созданіе которыхъ внушено другими лучшими впечатлѣніями отъ жизни. Ясно стало, что усмотрѣнія г. Островскаго сдѣлались глубже и полнѣе: русская жизнь стала по немногу открывать ему свои завѣтныя стороны, которыя недоступны предубѣжденному отрицанію, въ которыхъ рисуются существенныя свойства нашего народнаго духа и въ которыхъ, между прочимъ, скрытъ отвѣтъ на многіе важнѣйшіе вопросы, предстоящіе мышленію современнаго человѣка. Скажутъ, можетъ быть, что взглядъ на русскую народность вообще измѣнился, что прежняго ожесточенія противъ нея уже нѣтъ, что и въ произведеніяхъ другихъ писателей, ее изображающихъ, видно вездѣ скорѣе сочувствіе къ ней, чѣмъ противное, что слѣдовательно разницы въ этомъ отношеніи между г. Островскимъ и другими нѣтъ никакой. Но дѣло не въ какомъ нибудь неопредѣленномъ и безотчетномъ сочувствіи,

которое болѣе похоже на снисходительное вниманіе, чѣмъ на истинное сочувствіе: мало сочувствовать, надобно разумно и самостоятельно оцѣнить то, чему сочувствуешь.

Всѣ другіе писатели, заимствующіе содержаніе своихъ произведеній изъ народной жизни, относятся къ ней двояко: иной подходитъ къ ней, какъ любопытный изслѣдователь и наблюдатель; ему дорого подсмотрѣть особенности наблюдаемаго быта, которыя для него много, много, что занимательны а не рѣдко и странны, но ему самому, для его собственной внутренней жизни онѣ не нужны. Это характерныя картины, которыя ему пріятно разсматривать, еще пріятнѣе умѣть нарисовать самому, но внутренняго, глубокаго сочувствія съ этой жизнью у него нѣтъ: основы этой жизни и его жизни личной иныя. Отъ этого такая робость въ пріемахъ: ибо любопытному доступна только поверхность жизни, и онъ заботится лишь о томъ, чтобы не взять какого-нибудь рѣзко-фальшиваго звука, и потому блѣдную точность рисунка ставитъ своею конечною цѣлью. Отъ этого и такой холодъ: потому что любопытный можетъ быть внимательнымъ, но любить не можетъ. А безъ любви къ жизни, съ однимъ какимъ-то среднимъ расположеніемъ къ ней, возможно ли художнику проникнуть въ тайны внутренняго ея смысла и изъ нихъ извлекать художественныя задачи? По необходимости придется въ эту чуждую, неусвоенную область приносить свои вопросы, извнѣ навѣянные, а не изъ нея собственно возникшіе. Это есть какое-то формально-художественное отношеніе къ жизни.

Есть другое къ ней отношеніе, которое принадлежитъ направленію въ истинномъ смыслѣ *натуральному*: здѣсь писатель боится спросить о чемъ-либо жизнь, и самый недалекій идеальный полетъ его пугаетъ, какъ нѣчто такое, къ чему онъ не привыкъ, что внѣ знакомыхъ ему представленій, что по этому кажется ему натяжкой и нарушеніемъ естественности. Здѣсь вся забота о томъ, какъ бы повѣрнѣе сдѣлать снимокъ съ того, что доступно самому внѣшнему наблюденію, что происходитъ въ низменныхъ слояхъ нравственной народной жизни. Здѣсь нельзя искать того, чѣмъ живутъ истинныя произведенія искусства: присутствія той внутренней художественной силы,

которая пользуется природою, какъ веществомъ, и, свободно распоряжаясь ею, претворяетъ ее въ новое произведеніе, являющееся чрезъ то уже произведеніемъ духа, а не произведеніемъ природы. Это направленіе, почитающее себя свободно художественнымъ, на самомъ дѣлѣ есть самое подчиненное изъ всѣхъ направленій: даже тѣ писатели, которые дѣлаютъ свои произведенія орудіемъ для рѣшенія общественныхъ или нравственныхъ вопросовъ, хотя они тѣмъ и нарушаютъ основный законъ самобытности искусства, все таки, по моему мнѣнію, свободнѣе *натуралиста*, который не подчиняется вліянію человѣческихъ вопросовъ единственно по равнодушію къ нимъ, но за то находится въ полной зависимости отъ своихъ наблюденій, стало быть, отъ того вещества, которымъ долженъ бы былъ самъ владѣть и которымъ истинный художникъ дѣйствительно владѣетъ. И какъ блѣдность рисунка и скудость *натуры* составляютъ отличительные признаки предыдущаго направленія, такъ на оборотъ здѣсь все отличается пестротою окраски и обиліемъ мелочныхъ подробностей; въ этомъ ставитъ славу свою *натуральное* направленіе.

Г. Островскій не чуждъ до нѣкоторой степени недостатковъ послѣдняго изъ обозначенныхъ нами направленій, но эти недостатки проистекаютъ не изъ природныхъ свойствъ его дарованія, а изъ невольныхъ предразсудковъ его художественнаго воспитанія. Видно, что онъ постоянно стремится создать нѣчто самобытное, что онъ силится проникнуть въ глубину народной жизни, извлечь изъ нея достойные истиннаго искусства образы (онъ уже и создалъ нѣкоторые, а еще болѣе намѣтилъ весьма ясно и выразительно); но у него иногда не достаетъ рѣшительности и смѣлости въ исполненіи задуманнаго: ему какъ будто мѣшаетъ ложный стыдъ и робкія привычки, воспитанныя въ немъ *натуральнымъ* направленіемъ. Отъ того нерѣдко онъ затѣетъ что-нибудь возвышенное или широкое, а память о *натуральной* мѣркѣ и спугнетъ его замыслъ; ему бы слѣдовало дать волю счастливому внушенію, а онъ какъ будто испугается высоты полета, и образъ выходитъ какой-то недодѣланный, не въ угоду ни истинно-художественной, ни *натуральной* критикѣ. Не смотря на эти недостатки, я полагаю,

что ни отъ кого изъ нынѣшнихъ писателей нельзя ожидать такого глубокаго и истиннаго изображенія нашей народной жизни, какъ отъ г. Островскаго: за это ручается, кромѣ особенностей его дарованія, и теплое сочувствіе его къ этой жизни, и разумное уваженіе къ ея глубокому смыслу. Онъ рисуетъ ее, не какъ посторонній любопытствующій пришлецъ, но какъ человѣкъ, выросшій самъ посреди этой жизни и усвоившій себѣ съ малолѣтства ея разнообразныя очертанія; онъ въ тоже время не боится извлекать изъ нея идеальныя изображенія, зная, что они весьма ей свойственны, хотя ихъ съ трудомъ замѣчаетъ нашъ искаженный глазъ. Правильность его отношеній къ нашей жизни лучше всего доказывается тѣмъ, что онъ съ особенной любовью беретъ въ содержаніе своихъ произведеній тѣ ея стороны, въ которыхъ видится искаженіе прекрасныхъ свойствъ нашей природы тлетворнымъ вліяніемъ извнѣ принятыхъ обычаевъ и чуждаго намъ образа мыслей. Прибавлю, что въ произведеніяхъ г. Островскаго задачи не только правильны (это достоинство отрицательное), но и полны глубокаго смысла и всегда здравы въ нравственномъ отношеніи, что въ особенности должно сказать о драмѣ, которой оцѣнка здѣсь предлагается. И нельзя не пожалѣть, что какъ будто нарочно именно это произведеніе, такъ прекрасно задуманное и такъ прекрасно въ драматическомъ отношеніи расположенное, по исполненію слабѣе всѣхъ другихъ доселѣ писанныхъ произведеній г. Островскаго. На это весьма справедливо могутъ замѣтить, что исполненіе въ художественныхъ произведеніяхъ такъ важно, что его недостатковъ не могутъ искупить никакія достоинства замысла и расположенія. Это правда; я и не причисляю эту драму къ произведеніямъ, украшающимъ собою нашу словесность, я вижу ея недостатки и буду говорить о нихъ безпристрастно. Но я не считаю также себя въ правѣ умолчать и объ ея достоинствахъ: ибо замыслъ драмы никакъ не слѣдуетъ относить къ предметамъ, ничего не значущимъ, особенно если онъ взятъ не изъ отвлеченныхъ представленій о человѣческихъ отношеніяхъ, а возникъ изъ такихъ глубокихъ усмотрѣній дѣйствительной жизни, какъ это есть въ настоящемъ случаѣ. Такъ задумать драму можетъ

только художникъ: ни умъ, ни познанія, никакія другія свойства души не помогутъ въ этомъ случаѣ, кому не дано творческаго дара. Сверхъ драматическаго своего достоинства, задача этой драмы замѣчательна въ высшей степени и по отношенію къ жизненному смыслу, въ ней заключенному: здѣсь предлагается художественное рѣшеніе одного изъ важнѣйшихъ нравственныхъ и общественныхъ вопросовъ; и вопросъ этотъ тѣмъ для насъ особенно занимателенъ, что рѣшается весьма различно, даже противоположно, у насъ и на Западѣ. Г. Островскій взялъ въ содержаніе своей драмы происшествіе изъ нашей народной жизни, которымъ рѣшается этотъ вопросъ съ русской точки зрѣнія. Дѣло идетъ о правахъ личнаго чувства и о границахъ сихъ правъ.

Взаимная любовь мужчины и женщины есть чувство естественное, слѣдовательно законное; ибо законъ естественный въ своей чистотѣ есть тотъ же божественный законъ, какъ данный свыше нашей природѣ при созданіи, а не изобрѣтенный впослѣдствіи чьимъ-либо вымысломъ. Посему никто не сомнѣвается, что человѣкъ можетъ испытывать чувство любви и пользоваться счастіемъ, изъ него проистекающимъ, съ полнымъ правомъ и несмущенною совѣстью. И кто не чувствуетъ естественнаго стремленія къ этому счастію, въ томъ безъ всякаго сомнѣнія слѣдуетъ предположить особенный холодъ душевный, сухость сердца и вообще болѣзненное состояніе души, соединенное съ важными нравственными недостатками. Иное дѣло вольное отреченіе отъ этого блага для высшихъ цѣлей: это обѣтъ души великой, сильной и любящей, способной забыть личное счастье для высшей любви. Не отсутствіе сердечной теплоты, а изобиліе ея, побуждаетъ человѣка, которому предлежитъ подвигъ, воздержаться отъ всего, что, не смотря на свою законность, можетъ отвлечь его силы отъ главной задачи жизни и чувствомъ наслажденія ослабить крѣпость и напряженіе душевныхъ силъ.

Но оставимъ людей необыкновенныхъ, которымъ лежитъ особый путь, и возвратимся къ людямъ обыкновеннаго порядка, которыхъ касается обсуждаемый нами вопросъ. Личная любовь, какъ естественное чувство, имѣетъ свои права; но это чувство

не есть единственное въ нашей душѣ, слѣдовательно правамъ его должны быть поставлены границы. Въ составѣ нашей душевной жизни оно встрѣчается съ другими побужденіями и чувствами, которыя также естественны, слѣдовательно также законны: отсюда естественно проистекаетъ мысль о необходимости мѣры для нашихъ ощущеній. И правильность нашей внутренней жизни зависитъ именно отъ истинной мѣры, до которой мы позволяемъ доходить нашимъ душевнымъ движеніямъ: при такомъ только художественномъ устроеніи души въ нее вселяется истинная красота. И если стремленіе къ счастію встрѣчается съ такими препятствіями, которыя преодолѣть нельзя, не оскорбивъ нравственной своей чистоты, то лучше отказаться отъ правъ на счастіе, чѣмъ принять его на условіяхъ унизительныхъ, оскверняющихъ совѣсть. Не тотъ высоко цѣнитъ чувство любви, кто боится провести жизнь, не испытавъ ея наслажденій, но тотъ, кто принимаетъ счастіе лишь тогда, когда оно не входитъ въ раздоръ съ высшими требованіями нравственнаго закона, кто отказывается отъ своихъ правъ на счастіе, боясь оскорбить святыню самаго чувства какой-либо порочной примѣсью или постыднымъ торгомъ съ совѣстью. Кромѣ того, что любовь,—чувство законное, но все-таки личное,—должна бываетъ иногда посторониться и дать дорогу другимъ побужденіямъ, но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда ея стремленія не встрѣчаютъ никакихъ нравственныхъ препятствій, не должно брать ее только съ одной стороны ея значенія, т. е. только какъ источникъ личнаго счастія и наслажденія: у нея есть болѣе важныя стороны. Семейный союзъ, какъ основа всякаго общества, и рожденіе дѣтей, какъ поддержаніе жизни человѣческаго рода, суть явленія, которымъ любовь служитъ поводомъ; слѣдовательно съ нею существенно соединены обязанности супружеской вѣрности и воспитанія дѣтей. Какъ важны эти обязанности, очевидно для всякаго: если супружескій союзъ есть основа общественнаго быта, то нарушеніе супружескихъ обѣтовъ есть источникъ общественнаго распаденія; что же касается до воспитанія дѣтей, то нужно ли говорить, что отъ него зависитъ нравственное, общественное и тѣлесное состояніе цѣлыхъ поколѣній, иначе, вся судьба

человѣческаго рода? На условіи сихъ-то обязанностей союзъ любви признается христіанскимъ закономъ и освящается въ бракѣ таинственнымъ благословеніемъ Сотворившаго мужескій полъ и женскій. Такимъ образомъ въ христіанскомъ бракѣ объемлются супружескія отношенія во всей полнотѣ: требуя отъ соединяющихся полной свободы побужденій при вступленіи въ союзъ и нерушимой взаимной вѣрности послѣ вступленія, онъ чуднымъ образомъ уравновѣшиваетъ права и обязанности чувства въ *свободномъ обѣтѣ*.

Казалось бы, такой взглядъ на эти отношенія, какъ основанный на божественномъ ученіи, какъ сообразный съ природою вещей, какъ оправданный вѣковыми опытами, долженъ быть выше всякаго возраженія. При такомъ вѣрномъ руководствѣ, единственною заботою человѣка оставалось бы стремленіе приблизить свои жизненныя отношенія къ ихъ первообразу: ибо въ этомъ состоитъ вообще вся задача жизни, когда законъ ея найденъ. Въ обществахъ нехристіанскихъ усовершенствованіе можетъ состоять еще въ преобразованіи самаго закона жизни, но для христіанскаго общества этой заботы не существуетъ (ибо самые враги христіанскаго закона не отвергаютъ его безусловной высоты и истины, но нападаютъ на него именно за его высоту, тяжкую для нашей чувственной низости): его задача — осуществлять свой законъ на дѣлѣ. Безъ сомнѣнія, въ жизни уклоненія отъ закона неизбѣжны; про это нечего и говорить: жизнь останется всегда ниже своего содержимаго въ умѣ образца; это справедливо не только въ отношеніи къ законамъ христіанскимъ, но и въ отношеніи къ законамъ земнымъ, примѣненнымъ къ временному состоянію обществъ. Но эти частныя уклоненія, всѣми за уклоненія и признаваемыя, еще не составляютъ существеннаго возраженія противъ закона, а суть слѣдствіе естественной человѣческой немощи, закономъ обличаемой и передъ нимъ смиряющейся. Лишь бы законъ, стоя на приличномъ ему возвышеніи, своею правдою освѣщалъ мракъ нашей жизни: видя свои слабости и свои уклоненія отъ истины, мы можемъ по крайней мѣрѣ при свѣтѣ закона обличать ихъ, сознавать ихъ зло и покаяніемъ обновлять свою жизнь. Стремиться къ высотѣ законной и, не

достигая ея, падать передъ нею съ благоговѣйнымъ смиреніемъ,—вотъ истинныя отношенія жизни къ закону, который въ такомъ случаѣ является для насъ источникомъ нравственнаго воспитанія и всякаго внутренняго преуспѣянія. И пока такъ мыслитъ общество, до тѣхъ поръ для него возможно возрожденіе, какъ бы ни было на самомъ дѣлѣ печально его нравственное состояніе; усиленіе воспитательныхъ мѣръ и другія благопріятныя обстоятельства могутъ пробудить заснувшее общественное сознаніе, и нравственная жизнь, на время замершая, можетъ воскреснуть и вновь разцвѣсти. Но совершеннѣйшая опасность наступаетъ для человѣческаго общества въ то время, когда жизнь не только по безсилію не достигаетъ до своего образца, начертаннаго въ законѣ, но когда, отъ свирѣпости ли страстей, или отъ слѣпаго отрицанія разсудка, или отъ совокупнаго дѣйствія той и другой причины, упраздняется самое понятіе о законности, ограничивающей произволъ нашихъ желаній и дѣйствій, и узаконивается этотъ самый произволъ. Вмѣсто того, чтобы тянуть жизнь вверхъ, къ закону, здѣсь напротивъ того законъ нисходитъ до уровня самыхъ неправильныхъ и случайныхъ движеній воли. Отсюда естественно происходитъ полное смѣшеніе законнаго и случайнаго, добра и зла, отрицаніе всѣхъ безусловныхъ понятій о чемъ бы то ни было, и въ жизни, на мѣсто божественнаго порядка, воцаряется мрачный хаосъ того дозаконнаго времени, о которомъ говоритъ Апостолъ, когда лишь слабый лучъ естественной совѣсти освѣщалъ человѣку его нравственный путь.

Въ западно-европейской жизни мы видимъ ясные признаки такого опаснаго нравственнаго состоянія. Положимъ, что въ настоящее время, отличающееся совершеннымъ отсутствіемъ какого-либо умственнаго направленія, къ намъ не доносится съ Запада никакого рѣзкаго выраженія тамошняго образа мыслей: грозныя событія послѣдняго времени приковали къ себѣ общее вниманіе и отвлекли его отъ умозрительныхъ задачъ. Но въ прошломъ десятилѣтіи, когда послѣдніе выводы европейской жизни и мысли выражались съ такою неумѣренною искренностію, мы помнимъ, вся Европа огласилась странными ученіями, которыя имѣли своею цѣлію совершенно ниспроверг-

нуть весь прежній нравственный и общественный порядокъ, упразднивъ всѣ вѣчныя, неизмѣнно пребывающія начала человѣческаго быта. Эти ученія касались всѣхъ сторонъ жизни: и государственныхъ учрежденій, и частныхъ правъ, и семейнаго союза, однимъ словомъ, всѣхъ человѣческихъ отношеній. Опыты политическаго примѣненія стоили много крови, и дѣло кончилось тѣмъ, что суровая сила призвана была для спасенія страны, бывшей главнымъ средоточіемъ этихъ примѣнительныхъ опытовъ. Но оставимъ политическую жизнь и возвратимся къ нашему вопросу.

Самыя сильныя и опасныя по своему вліянію возраженія противъ семейнаго союза провозглашались въ романахъ Жоржъ Занда. Съ именемъ этой женщины связано столько зла, что говорить объ ея достоинствахъ приходится съ большой осторожностію; но говорить о нихъ необходимо, какъ по чувству правды (потому что онѣ дѣйствительно существуютъ), такъ и для того, чтобъ объяснить причины столь могущественнаго ея дѣйствія на общество. Безусловное порицаніе безъ разбора всего въ такихъ дѣятеляхъ можетъ болѣе повредить истинѣ, чѣмъ способствовать ея торжеству: преступникъ по увлеченію, а не по умыслу, имѣетъ право на разсудительное обличеніе, которое не пропустило бы и того, что можетъ служить къ смягченію приговора. Не подлежитъ сомнѣнію, что Ж. Зандъ одарена такими свойствами, которыя мы встрѣчаемъ лишь въ людяхъ, если такъ можно выразиться, перваго разбора: во 1-хъ на всемъ Западѣ не было послѣднее время такого сильнаго поэтическаго дарованія въ соединеніи съ такимъ гибкимъ и рѣшительнымъ умомъ и рѣдкой тонкостью и обиліемъ чувства. Во 2-хъ она въ свою ложь вѣритъ, какъ въ истину, и готова служить ей всѣми своими средствами, во что бы то ни стало, въ чемъ выражается искренность ея убѣжденій; а это есть такое свойство воли, котораго нельзя не цѣнить, въ комъ бы оно ни было замѣчено: пусть будутъ ошибочны, даже преступны, только неумышленно преступны убѣжденія человѣка, но если онъ связываетъ съ ними судьбу своей жизни и служитъ имъ съ послѣдовательностію и самоотверженіемъ, въ такомъ случаѣ можно, по моему мнѣнію, проклинать послѣдствія этихъ

убѣжденій и, разумѣется, противодѣйствовать ихъ развитію и вліянію, но самаго представителя ихъ должно оплакивать, какъ жалкаго безумца, нравственно погибшаго по излишнему довѣрію къ своей личной правдѣ. Такіе люди находятъ себѣ нѣкоторое, весьма впрочемъ недостаточное, оправданіе въ томъ, что они по большей части бываютъ порожденіемъ злоупотребленій общественной жизни, преимущественно такихъ, которыя лицемѣрно прикрываются наружнымъ уваженіемъ къ закону; не вынося такого двоедушія, они въ разгарѣ своей неудержимой страстности преступаютъ должные предѣлы обличенія и вмѣстѣ съ злоупотребленіями борютъ и злоупотребляемую святыню. Это можно сказать и о Зандѣ. Если вникнуть въ смыслъ ея произведеній, то легко открыть, что наиболѣе разжигаетъ ея негодованіе и ея страсть къ низверженію существующихъ учрежденій: не смыслъ самыхъ учрежденій, хотя она и его не щадитъ, а бездушное отношеніе къ нимъ тѣхъ, которые ихъ существованіемъ и общимъ признаніемъ пользуются для своихъ выгодъ. Я никакъ не намѣренъ защищать лицемѣріе; напротивъ того, изо всѣхъ золъ человѣческой жизни я нахожу его самымъ гнуснымъ и самымъ гибельнымъ: оно есть знакъ неисправимаго внутренняго безстыдства, знакъ истиннаго невѣрія въ самомъ глубокомъ значеніи этого слова, оно есть первый и самый вѣрный поводъ къ отрицанію святыни, къ подрыву всего того, къ чему оно оказываетъ свое уваженіе. Но что же сказать о тѣхъ, которые, соблазняясь лицемѣріемъ, не ограничиваются борьбою съ нимъ, но возстаютъ и противъ тѣхъ священныхъ учрежденій, которыя сами въ себѣ непорочны и не обязаны отвѣчать за чистоту каждаго личнаго исповѣданія? Такіе люди, сами того не чувствуя, дѣлаются самыми дружными сообщниками лицемѣровъ: ибо другою дорогою идутъ къ одной съ ними цѣли,—къ ниспроверженію истины, которая никогда не избираетъ крайнихъ дорогъ, а идетъ всегда среднимъ царскимъ путемъ.

Но злоупотребленія были для Занда только предлогомъ къ борьбѣ и снабжали ее живыми возраженіями; истинное же, внутреннее ея побужденіе было иное: ненасытимая страстность ея природы, влеченіямъ которой она предаться не хотѣла, не

узаконивъ ихъ, вывела ее изъ здраваго понятія о правахъ личной любви, которое предлагается уставомъ христіанскаго брака. Обстоятельства, естественно ограничивающія произволъ нашихъ личныхъ ощущеній, показались ей насильственными и не содержащими въ себѣ неприкосновенной правды: она ихъ переступила и свое преступленіе задумала возвести на степень общаго закона. Въ средствахъ не было строгаго разбора: все, что въ житейскихъ случайностяхъ можно найти несообразнаго съ достоинствомъ брачныхъ отношеній, всякія исключительныя, не-типическія супружескія несчастія, однимъ словомъ все, что можетъ придумать самая неистощимая изобрѣтательность, воодушевляемая въ своихъ поискахъ страстью, все было ею собрано и представлено въ возраженіе противъ святаго устава. За единственное основаніе сердечнаго союза принята любовь, какъ источникъ личнаго эгоистическаго наслажденія, а все остальное, всѣ обязанности, соединенныя съ этимъ союзомъ, напримѣръ, хоть бы судьба дѣтей, все это препоручалось случайному устройству, какъ нѣчто не существенное, а второстепенное. То, что въ христіанскомъ бракѣ почитается поводомъ, здѣсь стало цѣлью, и на оборотъ. Такой извращенный порядокъ мышленія имѣлъ необыкновенно разрушительныя послѣдствія: то, что прежде сдерживалось предписаніями нравственнаго закона, получило не только свободу, но какой-то призывъ на усиленное развитіе. Изящество любовнаго наслажденія, столь приманчивое для кипящаго юнаго возраста и столь опасное для его нравственной твердости, даже при тщательномъ огражденіи постановленій, вдругъ разрѣшается безусловно, даже съ поощреніемъ. Женщина, до того времени исключенная изъ позорныхъ правъ, восхищенныхъ мужчиною, получила уравненіе съ нимъ въ этихъ правахъ, и все, что отъ вѣка считалось ея украшеніемъ: стыдъ, цѣломудріе, скромность, вѣрность однажды сдѣланному выбору, изгонялось, какъ обветшалая принадлежность прежняго времени съ его предразсудками. Отсюда-то происходитъ это мрачное уныніе современнаго поколѣнія, ибо священнѣйшія тайны нашего бытія, источникъ нашего счастія, нагло обнажаются прежде времени, и жизнь чрезъ то теряетъ всю свою красоту; отсюда и это общее умственное,

нравственное и тѣлесное разслабленіе въ наше время, признанное свидѣтельствомъ лучшихъ умовъ и оплакиваемое друзьями человѣческаго рода. «Дрянь и тряпка сталъ всякъ человѣкъ» [1])—есть выраженіе, не ловкое по обороту и по мѣстоименію *всякъ*, но оно осмѣяно и обругано напрасно: оно не съ вѣтру сказано, а есть плодъ глубокихъ и безпристрастныхъ наблюденій надъ современностію. Да и какъ же иначе можетъ быть? Наслажденіе, ставъ основнымъ началомъ жизни, не можетъ воспитать ничего твердаго, сильнаго, здраваго, трезваго (это все послѣдствія воздержанія и мѣры); оно порождаетъ вялость, лѣнь, болѣзненность, тревогу ума. До чего доводятъ эти ученія женщину, имъ слѣдующую, объ этомъ я умолчу изъ стыда; гдѣ-то сказано: «на женщинѣ, какъ бы нѣкая узда, наложенъ естественный стыдъ; и если бы не онъ, то не спаслось бы ничто въ мірѣ». Не слишкомъ ли я мрачно изобразилъ сущность и послѣдствія новыхъ европейскихъ ученій? Но возьмемъ образчикъ. Самымъ полнѣйшимъ образомъ выражены понятія Ж. Занда о любви въ ея знаменитомъ романѣ «Люкреція Флоріани»: эта женщина, представленная образцевою и во многихъ другихъ отношеніяхъ, въ особенности является такою въ своихъ понятіяхъ о любви и въ своихъ способахъ устанавлять сердечныя отношенія. Что же такое Люкреція Флоріани? Это есть мать четверыхъ дѣтей отъ различныхъ и живыхъ еще отцевъ, вступающая въ новый союзъ, который и составляетъ содержаніе романа. Какое же правило было у этой женщины при переходѣ отъ одного избранника къ другому? Не очень мудреное: «Я его прогнала», говоритъ она про одного изъ нихъ. «Впрочемъ я никогда не отдавалась безъ увлеченія», говоритъ она въ другомъ мѣстѣ; и вотъ все, чѣмъ она руководствовалась въ своихъ выборахъ. Что же еще остается? Еще бы безъ увлеченія!!.

Таковъ послѣдній выводъ европейской жизни и мысли въ столь существенной области человѣческаго быта? Не скажутъ ли, что это вовсе не общій взглядъ въ Европѣ на эти отношенія, а частно принадлежащій извѣстному писателю? Но

---

[1]) Переписка съ друзьями.

Зандъ не столько нововводительница, сколько угадчица общаго настроенія западныхъ обществъ, которое она только выяснила и привела въ порядокъ силою своего дарованія [1]); кто жъ бы принялъ ея уроки, еслибы въ умахъ было заготовлено твердое имъ противодѣйствіе? А ея романы обошли всю Европу, всюду собирая обильную дань. Притомъ ея понятія естественно выводятся изъ европейскаго невѣрія, въ распространеніи и владычествѣ котораго на Западѣ, я думаю, не имѣетъ сомнѣнія никто: ни тотъ, кто этому радъ, ни тотъ, кого это печалитъ. Когда же невѣріе ограничитъ стремленія человѣка предѣломъ его земнаго быта, куда же дѣться чувству? Отказаться отъ счастія, небеснаго или земнаго, оно не можетъ (это его природа—искать счастія); небо затворено, земная дѣйствительная жизнь даетъ мало; остается строить самодѣльный рай. Нужды нѣтъ, что онъ похожъ на магометанскій: «часъ—да мой»! вотъ все, къ чему приводится человѣкъ, лишенный христіанскаго упованія. Если мнѣ докажутъ противное, т. е. что Зандъ есть явленіе частное, особенно возникшее внѣ связи съ общимъ ходомъ западной жизни, я ни мало не поколеблюсь отказаться отъ своего мнѣнія, но я сомнѣваюсь въ возможности это доказать, и Европа врядъ ли откажется отъ Занда, которую она считаетъ плодомъ своихъ умственныхъ и общественныхъ успѣховъ. Странный однако *прогрессъ!*

Гдѣ же нашъ русскій взглядъ? Гдѣ его искать? Существуетъ ли онъ гдѣ-нибудь, строго опредѣленный? Развѣ у насъ въ обществѣ нѣтъ вовсе этихъ грустныхъ явленій, которыя въ такомъ множествѣ встрѣчаются и даже узаконяются на Западѣ? Конечно, есть, и не мало. Но вѣдь у насъ много своего, а болѣе того чужаго, и чувство справедливости велитъ намъ отдать Западу западное, а себѣ оставить свое. Западъ и у насъ посѣялъ много злаго, пошатнулъ въ нашемъ сознаніи не мало прав-

---

[1]) А. С. Хомяковъ развилъ эту мысль въ своей статьѣ «Мнѣніе Русскихъ объ иностранцахъ»; тамъ онъ между прочимъ говоритъ: «Жоржъ Зандъ переводитъ въ сознаніе и въ область науки только ту мысль, которая была проявлена въ жизни Ниноною (Ninon d'Enclos) и которой относительная справедливость къ обществу была доказана истиннымъ уваженіемъ общества къ этой дерзко-логической женщинѣ». Моск. Сборн. 1846.

ственныхъ началъ: это необходимыя слѣдствія нашихъ неосторожныхъ съ нимъ сближеній, чуждыхъ всякой осмотрительности и разбора. Намъ довольно знать, что то или другое идетъ съ *просвѣщеннаго* Запада, и мы какъ будто какіе неопытные малолѣтки, бросаемся на все съ жадностію и кучей загребаемъ, что ни попало, по пословицѣ: «клади въ мѣшекъ,— дома разберемъ.» Мы однако не будемъ распространяться о явленіяхъ нашей общественной жизни: они извѣстны столько же читателю, сколько и мнѣ; притомъ въ нихъ многое проистекаетъ не изъ сознательныхъ побужденій, а изъ невольныхъ увлеченій, и все это такъ смѣшано, что трудно съ точностію разграничить, что въ нихъ своего и что чужаго. Обратимся лучше къ нашей словесности, которая должна намъ представить не житейскія невольныя увлеченія, а твердо сознанныя и исповѣдуемыя начала; и тутъ мы найдемъ не мало слѣдовъ чужаго вліянія. Припомнимъ, напримѣръ, какіе упреки сыпались на Татьяну Пушкина за то, что она не измѣнила мужу, къ которому не имѣла особой нѣжности, для Онѣгина, котораго любила и котораго видѣла у своихъ ногъ. «Вотъ поистинѣ русская женщина!» говорили про нее съ язвительной насмѣшкой. Да, мы еще счастливы, что съ понятіемъ о русской женщинѣ самые враги наши соединяютъ способность не только любить такъ, какъ любила Татьяна, но и такой строгій взглядъ на свои обязанности: да, это *наше*. Русская женщина не купила счастія цѣною совѣсти: слава ей! О, еслибы эта слава осталась на вѣки за нею! Еслибы просвѣщеніе Запада никогда не увѣрило ея, что вѣрность и честь суть принадлежности слабаго умственнаго развитія, что позорное счастіе лучше чистой скорби! И кто же предпочтенъ Татьянѣ ея суровымъ критикомъ? Вѣра изъ «Героя нашего времени»: эта женщина, которую нѣкогда любилъ Печоринъ, потомъ бросилъ, а она все отъ него не отстаетъ, и когда онъ ее отъ скуки кликнетъ, бѣжитъ къ нему опрометью, боясь пропустить счастливую минуту его прихоти! И у этого человѣка поворачивался языкъ говорить о человѣческомъ достоинствѣ! Конечно мы попривыкли таки ко всякимъ понятіямъ (и то сказать, ужъ пора), слухъ нашъ притерпѣлся, но, кому не въ привычку,—я не знаю,—

это должно привести въ содраганіе. Представьте себѣ свѣжаго человѣка съ естественно развитымъ чувствомъ, воспитаннаго вдали отъ современнаго растлѣнія, какъ на него должно это подѣйствовать? Нужно ли распространяться еще о тѣхъ романахъ и повѣстяхъ, въ которыхъ изображается на разные лады, какъ дѣвушка идетъ за мужъ рѣшительно по своей волѣ, даже по любви, сперва живетъ съ мужемъ счастливо, потомъ подвертывается кто-нибудь побойчѣе мужа, и начинается драма: и виноватаго не сыщешь! Еще какъ-то такъ выходитъ, что мужъ виноватъ: чего онъ глядѣлъ? не видалъ развѣ, кого за себя бралъ? Это уже *Западъ*.

Не грубо ли я обошелся съ содержаніемъ нашихъ западныхъ повѣстей и романовъ? Можетъ-быть меня обвинятъ въ томъ, что я не принялъ во вниманіе тонкости чувствъ и т. п.? Но бѣда пускаться въ тонкости: здравая совѣсть всегда нѣсколько груба и не льститъ пороку, какъ бы прилично онъ себя ни одѣвалъ, какихъ бы искусныхъ и благовидныхъ извѣтовъ къ самооправданію онъ ни изыскивалъ. Мерзость—все мерзость, грѣхъ—все таки грѣхъ, хотя бы кто грѣшилъ и съ высшей точки зрѣнія.

Но гдѣ же наконецъ нашъ взглядъ, собственно русскій? На Татьянѣ нельзя же основать никакого общаго всему народу воззрѣнія? Я и не имѣлъ такого намѣренія, и о Татьянѣ упомянулъ только по данному поводу. Такъ не присвоимъ ли мы себѣ христіанскій взглядъ? Но онъ не нашъ, а общій всей Церкви. Впрочемъ мы имѣемъ нѣкоторое право назвать его нашимъ въ томъ смыслѣ, что нашъ народный бытъ устроенъ совершенно на основаніи православныхъ мнѣній, что всѣ жизненныя отношенія, а въ томъ числѣ и семейныя, обсуждаются у насъ въ народѣ совершенно сообразно съ ученіемъ церковнымъ. Это должно быть извѣстно всякому, кто имѣетъ средства проникнуть, хоть нѣсколько, въ смыслъ нашей русской жизни; крѣпость же христіанскаго семейнаго начала есть отличительная черта нашего народнаго быта, признанная, кажется, и друзьями сего начала, и противниками, хотя тѣ и другіе судятъ о немъ разно. Но бытъ, скажутъ, дѣло темное: въ немъ такъ много противорѣчій, что не трудно сдѣлать ошибку въ

выводѣ; объ немъ же такія ходятъ различныя, даже взаимно-противуположныя мнѣнія, что изъ него мудрено извлечь какія-либо безспорныя опредѣленія нашей народной сущности. Я соглашаюсь съ этимъ возраженіемъ и предлагаю для своего дѣла другой источникъ, котораго нельзя ни оподозрить, ни отвергнуть, народную поэзію. Никто, я думаю, не станетъ спорить, что народная поэзія есть самое искреннее и неподдѣльное выраженіе внутренней жизни народа, сдѣланное имъ самимъ а не кѣмъ-либо, со стороны пришедшимъ, притомъ провѣренное общимъ судомъ всенароднаго ума и чувства. Извѣстно, что въ народной пѣснѣ, какъ и вообще въ поэзіи, отражаются самыя задушевныя стороны жизни, которыя въ наибольшемъ ходу въ народѣ; а семейныя отношенія такъ разработаны въ русской народной поэзіи, что извѣстный собиратель нашихъ пѣсенъ цѣлый значительный отдѣлъ ихъ назвалъ *семейными*. Какъ же бы извлечь изъ нихъ существенныя черты русскаго взгляда на семейныя отношенія? Постараюсь сдѣлать это, сколько силы позволятъ.

Есть у насъ въ народѣ пѣсня, которую всякій можетъ слышать и понынѣ, если часъ, другой постоитъ около любаго хоровода. Она начинается такъ:

Взойди, взойди, солнце, не низко, высоко!
Зайди, зайди, братецъ, ко сестрицѣ въ гости!

Содержаніе пѣсни такое: сестра, отданная за мужъ въ недобрую семью, проситъ брата провѣдать ее и помочь ей совѣтомъ въ ея тяжеломъ и одинокомъ положеніи.

Спроси, спроси, братецъ, про ея здоровье!
У меня ли, братецъ, есть четыре горя,
Есть четыре горя, пятая кручина:
Какъ первое горе—свекоръ-то бранчивый,
А второе горе—свекры [1]) ворчалива,
Какъ третіе горе—деверекъ насмѣшникъ,
Четвертое горе—золовка смутьянка,
Пятая кручина—мужъ жену не любитъ.

Что же дѣлаетъ въ этомъ положеніи Русская женщина,

[1]) Древняя форма слова: свекровь.

оскорбленная, какъ показываетъ пѣсня, во всѣхъ своихъ правахъ, во всѣхъ самыхъ естественныхъ чувствахъ? Возстаетъ ли она противъ ниспосланной судьбы? Нѣтъ! тѣни этого намѣренія не видно въ пѣснѣ. Клянетъ ли она по крайней мѣрѣ своихъ мучителей и съ ними вмѣстѣ свою судьбу, совершенно ничѣмъ не заслуженную? Тоже нѣтъ! Посмотрите, какъ просто и коротко, можно сказать, спокойно она говоритъ о своемъ несчастіи; мужу не придала даже никакого прилагательнаго. Страдаетъ ли она? Конечно; но что же она позволяетъ себѣ въ своемъ страданіи? Какую отраду? Одну тихую жалобу, обращенную къ брату; и кромѣ брата, ея жалобы навѣрно ужъ никто не услышитъ. Чужіе люди и злые сосѣди если и узнаютъ объ ея несчастіи, такъ ужъ вѣрно не отъ нея. Я не знаю, какъ кому, а мнѣ эта кроткая покорность судьбѣ, которой перемѣнить нельзя, не нарушивъ того, что святѣе всякаго личнаго чувства, представляется трогательнѣйшею чертою, умиляющею до слезъ. Что же отвѣчаетъ братъ? Возмутилъ ли по крайней мѣрѣ онъ ея покорность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и миръ совѣсти? Сталъ ли онъ раскрывать ей силу ея правъ? Однимъ словомъ, растравилъ ли онъ еще болѣе рану ея сердца, какъ бы сдѣлалъ непремѣнно всякій братъ, который польстилъ бы минутно ея оскорбленному чувству, изобразивъ ей яркими чертами несправедливость къ ней мужа и поруганіе ея правъ? Нѣтъ! Братъ не растерялся ни отъ множества сестринаго горя, ни отъ тайнаго, неуловимаго желанія блеснуть силой своего участія: сохраняя полную ясность невозмущеннаго ума, которую даетъ только истинное вниманіе къ чужому дѣлу и желаніе помочь ему (иначе: истинная любовь), онъ обозрѣлъ ея положеніе и посовѣтовалъ трудное, но лучшее:

Потерпи, сестрица! потерпи, родная!

Сколько въ этихъ словахъ любви! Какой честный, не льстивый, исполненный истиннаго и прозорливаго участія совѣтъ! Вѣдь можно бы и иначе было посовѣтовать: *брось! уйди!* или что нибудь въ этомъ родѣ. И это показалось бы можетъ-быть за первыхъ порахъ любовью и самой сестрѣ! Но какая безумная, если не преступная, любовь! Будто хоть

намъ другъ, кто помогаетъ падать, а не тотъ, кто во время изнеможенія поддерживаетъ насъ на ногахъ? Ну, пусть она бы ушла, что же бы изъ нея вышло? Ни вдова, ни мужняя жена, какихъ—увы!—довольно въ наше время. Но неужели вѣкъ страдать и не ждать ни откуда отрады? Въ чемъ же пройдетъ жизнь? Это не наше дѣло; мы не сами собой получили жизнь и не сами собой распоряжаемся своими обстоятельствами. Наше дѣло—итти своей дорогой, не сбиваясь съ пути добродѣтели и долга; а тамъ что будетъ, не узнаешь, да и не нужно: пошлется счастіе—благодари, пошлется горе—терпи! Вотъ всѣ правила для устройства обстоятельствъ нашей жизни. Но нашей несчастной не до конца еще терпѣть; братъ предвидитъ измѣненіе ея обстоятельствъ и утѣшаетъ ее такъ:

Свекоръ-то бранчивый, свекоръ скоро пòмретъ,
Свекры ворчалива за нимъ въ землю пòйдетъ,
Деверекъ насмѣшникъ въ чужихъ людяхъ вòзьметъ,
Золовка смутьянка сама за мужъ выдетъ,
Мужъ жену не любитъ, другую не возьметъ,
Другую не возьметъ, тебя не минуетъ.

Полагаю, что сказаннаго достаточно для уясненія нашего вопроса, т. е. для отличія нашихъ народныхъ воззрѣній на семейныя отношенія отъ воззрѣній западныхъ. Надѣюсь, здѣсь доказано по крайней мѣрѣ, что есть это отличіе; я оставляю каждому свободный выборъ изъ этихъ двухъ воззрѣній, но желаю только, чтобы этихъ двухъ воззрѣній не считали за одно: хорошо ли для насъ, или худо, что мы въ этомъ разнимся отъ Запада, это особый вопросъ; но смѣшивать различное—во всякомъ случаѣ противно истинѣ.

Пожалуй, кто нибудь скажетъ, что въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ не всегда-то берется вопросъ семейный съ такой чистой стороны, что и въ нихъ поется иногда про невѣрность, нерѣдко рисуется кипящая страсть, вовсе не строго судимая, а изображаемая съ сочувствіемъ къ ней, что слѣдовательно русская пѣснь разнообразна и непослѣдовательна, какъ самая жизнь; что поэтому и нельзя сдѣлать изъ нея такихъ выводовъ, которые не опровергались бы другими, изъ того же источ-

ника почерпнутыми. Справедливаго въ этомъ возраженіи будетъ то, что русская пѣснь, какъ и всякая впрочемъ поэзія, разнообразна до безконечности, что она беретъ въ предметъ своего пѣнія всякія человѣческія отношенія. Но надъ этимъ разнообразіемъ пѣсни господствуетъ вездѣ воззрѣніе безличнаго, но живаго творца ея, русскаго народа, который, какъ словесный художникъ между народами, не нарушаетъ изящества своихъ твореній, явно внося въ нихъ свой судъ надъ ихъ содержаніемъ, предоставляя намъ самимъ его угадывать. И кто умѣетъ самъ, не нуждаясь въ указкѣ, извлекать изъ поэтическихъ произведеній духъ и созерцаніе поэта, тотъ оцѣнитъ въ русскомъ народѣ эту художественную воздержность и не сочтетъ ея за нравственное безразличіе, усмотрѣвъ въ нашей пѣснѣ, вмѣсто отвлеченной *морали*, присутствіе живаго нравственнаго суда. Она не строго судитъ страсть? Точно, она благодушна и не способна сурово судить о невольныхъ увлеченіяхъ сердца; она человѣчественна и всегда помнитъ, что имѣетъ дѣло не съ твлеченнымъ идеаломъ, а съ живымъ человѣкомъ. Но когда эти увлеченія становятся преступны, то русскую пѣснь не подкупишь никакимъ блескомъ страстныхъ движеній: она никогда не станетъ на сторону порока, хотя бы и разряженнаго и разукрашеннаго [1]).

Обратимся наконецъ къ драмѣ г. Островскаго, которая подала намъ поводъ къ изложеннымъ разсужденіямъ; вотъ вкратцѣ ея содержаніе:

Молодой Московскій купецъ, Петръ Ильичъ, бывая по дѣламъ въ одномъ уѣздномъ городѣ, полюбилъ тамъ небогатую дѣвушку и съ ея согласія увезъ ее изъ родительскаго дома. Впрочемъ, какъ человѣкъ съ совѣстью, онъ не захотѣлъ ее погубить и женился на ней. Но дѣло, начатое въ такомъ страстномъ забвеніи естественныхъ обязанностей, не обѣщало хорошихъ послѣдствій и въ себѣ самомъ носило зародышъ семейнаго горя, какъ справедливаго возмездія: Петръ Ильичъ, слѣдуя тѣмъ же призывамъ своей страстной природы, по которымъ

[1]) Изъ новѣйшихъ пѣсенъ есть уже и такія (въ томъ числѣ и извѣстная, превосходная въ художественномъ отношеніи пѣсня «Ванька ключникъ»), но за новое время я не отвѣчаю: тутъ наконецъ попадаются и такія пѣсни, которыя разъ въ разъ приходятся по нравственной мѣркѣ эманципаціи.

украдучи увезъ Дашу, полюбилъ другую красавицу (уже въ Москвѣ), и въ домѣ пошло все вверхъ дномъ. Даша, замѣтя охлажденіе къ себѣ мужа и перемѣну въ его жизни (онъ сталъ пропадать изъ дому, пить и т. д.), сперва не могла придумать, отъ чего это съ нимъ сдѣлалось; она думала было усиленными ласками и памятью прежнихъ дней вновь обратить его къ себѣ, но вышло еще хуже. Приходилъ отецъ и строго говорилъ сыну объ его безпутствѣ, грозилъ близостью бѣды и отказомъ въ своемъ благословеніи, но страсть не допускала до сердца Петра никакихъ увѣщаній и только своими крайними послѣдствіями могла привести его къ сознанію его положенія. Наконецъ Даша узнаетъ объ измѣнѣ мужа и, какъ сама страстная, не вынесла этого извѣстія и съ разу собралась изъ мужняго дома къ отцу съ матерью.

Тѣмъ временемъ старики, провѣдавъ, что дочь съ мужемъ живетъ неладно, сами вздумали ее навѣстить и какъ разъ съѣхались съ ней на Московскомъ постояломъ дворѣ, гдѣ жила Дашина разлучница, Груша. По тихимъ причитаньямъ, мать узнала дочь свою; сперва Даша стыдилась было взглянуть на отца, котораго не видала съ самаго своего побѣга, но его нѣжность тотъ часъ разсѣяла ея стыдъ, и она стала разсказывать родителямъ о своемъ горѣ. Они слушали ее съ большимъ участіемъ; но какъ скоро рѣчь дошла до того, что она кинула своего мужа и ѣдетъ къ нимъ на житье, Агаѳонъ (отецъ Дашинъ) и слышать этого не захотѣлъ и повезъ ее назадъ къ мужу. «Поплакать съ тобой я поплачу; но Богъ соединилъ, человѣкъ не разлучаетъ».

Груша слышала всѣ Дашины разсказы и изъ нихъ узнала свое положеніе и обманъ Петра, который сказался ей холостымъ. И когда вечеромъ онъ къ ней приходитъ, Груша, сама не своя отъ досады, вычитала ему свои упреки и, уходя съ гурьбой подругъ на улицу, говоритъ въ прекращеніе всякихъ его недоумѣній: «жена твоя здѣсь была». Петръ остается пораженный, какъ громомъ. Тутъ подвертывается къ нему Еремка (какое-то загадочное лице, ни то шутъ, ни то колдунъ) и предлагаетъ ему испытать для поправленія своихъ дѣлъ волшебныя средства. Подъ внушеніемъ ложныхъ навѣтовъ Еремки, Петръ является домой и ищетъ жену, грозясь убить ее; но ее пря-

чуть, и онъ въ изступленіи убѣгаетъ изъ дому, думая отыскать ее по слѣду. Домашніе остаются въ ужасѣ. Отецъ съ матерью видѣли наконецъ своими глазами, каково житье дочери, но когда она опять заговорила было о разлукѣ съ мужемъ, отецъ ее остановилъ, припомнилъ ей, что она сама выбрала себѣ судьбу, представилъ ей обязанности жены и посовѣтовалъ ей ждать въ терпѣніи перемѣны своей участи. Его совѣты скоро оправдались: во время общаго безпокойства о Петрѣ, когда хотѣли было бѣжать за нимъ его отыскивать, вдругъ онъ является самъ, чудеснымъ образомъ избѣгши гибели, и, потрясенный своей недавней опасностью, на колѣнахъ проситъ прощенія у жены и у добрыхъ людей. Отецъ говоритъ: «что, дочка, говорилъ я тебѣ?» Даша бросается къ мужу: «Голубчикъ, Петръ Ильичъ!».

Мысль этого произведенія прекрасно выражается его заглавіемъ: «Не такъ живи, какъ хочется», особенно если прибавитя другую половину пословицы: «а какъ Богъ велитъ»; но еще лучше можно бы выразить ее другой пословицей, тутъ же употребленной: «Божье-то крѣпко, а вражье-то лѣпко.» Здѣсь подъ Божьимъ должно разумѣть начала закона, подъ вражьимъ начало страсти, воюющей противу закона. Намѣреніе воспользоваться такимъ взглядомъ нашего народа на дѣла человѣческаго быта дѣлаетъ честь художническому выбору г. Островскаго и подтверждаетъ сказанное мною выше о глубинѣ его усмотрѣній въ области нашей народной жизни. Страстность понимается у насъ въ народѣ, какъ одностороннее развитіе души, какъ нарушеніе цѣльности внутренняго бытія; законъ, напротивъ того, какъ безстрастный, почитается началомъ, уравновѣшивающимъ нашу внутреннюю жизнь чрезъ ограниченіе всякаго крайняго развитія одной какой-либо душевной силы. Г. Островскій понялъ это и представилъ въ своей драмѣ страстность, какъ зло, воюющее противъ законнаго семейнаго начала, въ совершенную противуположность тѣмъ западнымъ романамъ и повѣстямъ (о которыхъ мы говорили выше), гдѣ выводится на оборотъ законное начало, какъ зло, губящее свободу и красоту личной жизни. Мнѣ хочется замѣтить, что г. Островскій обязанъ этою глубиной своего воззрѣнія близкому знакомству своему съ русской пѣсней (по крайней мѣрѣ мнѣ это

такъ кажется), которая оторвала его взоръ отъ случайныхъ и несущественныхъ выраженій русской народности и постепенно вводила его и не перестаетъ вводить въ полнѣйшее познаніе народнаго духа и его существенныхъ проявленій: не даромъ онъ такъ любитъ вставлять русскія пѣсни въ свои произведенія. Въ этой же драмѣ слышится даже нѣкоторое вліяніе пѣсни, приведенной у меня выше (Взойди, взойди, солнце, не низко, высоко!). Я не смѣю сказать утвердительно, что г. Островскій именно ею воспользовался (онъ могъ и совпасть съ нею), но не могу не обратить вниманія читателя, напримѣръ, хоть на конецъ драмы; въ ея заключеніе такъ и просятся стихи:

Мужъ жену не любитъ, другую не возьметъ;
Другую не возьметъ, тебя не минуетъ.

Потомъ, когда Агаѳонъ говоритъ дочери о терпѣніи, опять приходятъ на мысль изъ той пѣсни слова:

Потерпи сестрица! потерпи родная!

Кромѣ того, что мысль этой драмы имѣетъ сама по себѣ глубокое значеніе, и драматическая обстройка ея заслуживаетъ полнаго вниманія критики, какъ превосходное художественное намѣреніе. Въ этой драмѣ взяты мужъ съ женою, соединившіеся по страстной взаимной привязанности, которая заставила ихъ забыть важныя естественныя обязанности: они обвѣнчались тайкомъ отъ родителей, не испросивъ на то ихъ благословенія. Но и послѣ своего соединенія они не умѣли развить своихъ отношеній въ истинно супружескія, оставаясь и въ бракѣ страстными любовниками: тѣже самыя побужденія, по которымъ они соединились, въ дальнѣйшемъ своемъ естественномъ развитіи привели ихъ отношенія къ разладу, который и данъ въ драмѣ исходною точкою дѣйствія. Цѣль драмы—возстановленіе разлаженныхъ семейныхъ отношеній. При какихъ же условіяхъ совершается это возстановленіе? При дѣйствіи двухъ взаимно противодѣйствующихъ силъ: съ одной стороны московскій постоялый дворъ, какъ искушающая сила, съ отважной красавицей Грушей, съ ея матерью Спиридоновной, которая «уважаетъ купцевъ за ихъ жизнь», съ темнымъ колдуномъ Еремкой, съ

масляничнымъ пьянствомъ и т. д.; съ другой стороны представители Божьяго начала: Илья, отецъ Петровъ, и Агаѳонъ, Дашинъ отецъ, которые, каждый по своему, стараются умирить семейный бытъ своихъ дѣтей, возстановивъ въ немъ законное начало, низверженное дѣйствіемъ страсти [1]). Обстановка истинно драматическая! И въ самомъ внѣшнемъ расположеніи дѣйствія г. Островскій показалъ значительное искусство: дѣйствіе развивается естественно и быстро, каждая сцена способствуетъ его постепенному ходу къ предположенной цѣли. Исключить должно только появленіе Ильи, который какъ-то странно появляется, какъ случайное лице, въ началѣ драмы, чтобъ выговорить свои нравоученія, и потомъ не принимаетъ въ ней никакого участія. Этотъ упрекъ впрочемъ не имѣетъ важности. Гораздо важнѣе упрекъ, касающійся развязки драмы: здѣсь г. Островскій показалъ свою обычную слабость; онъ не умѣетъ никогда свести своего дѣйствія къ круглому заключенію, которое удовлетворило бы чувству читателя. Такъ случилось и здѣсь: доведя дѣйствіе до самой крайней точки драматическаго возвышенія, онъ круто повернулъ его въ противную сторону и привелъ читателя туда, куда тотъ и не думалъ попасть. Тоже самое мы видимъ и въ другомъ его произведеніи, «Бѣдность не порокъ»; должно быть это какой-нибудь природный порокъ въ дарованіи г. Островскаго. Такіе быстрые и неожиданные переломы встрѣчаются въ нашихъ народныхъ сказаніяхъ, которыми видимо руководствовался г. Островскій, но сказанія наши спасаетъ въ этомъ случаѣ ихъ эпическая форма; а какъ неловки въ драмѣ такого рода переходы, это испыталъ навѣрно тотъ, кто видѣлъ піесу г. Островскаго на сценѣ.

Но главный недостатокъ этой драмы, по которому она не имѣла ни малѣйшаго успѣха ни на сценѣ, ни въ чтеніи, слабость въ созданіи характеровъ, какой доселѣ не показывалъ

---

[1]) Замѣтимъ, что г. Островскій показалъ тутъ богатство своего вымысла, представивъ законное начало въ двухъ типахъ: Илья есть представитель строгой законности, не знающей ничего, кромѣ своей отвлеченной правды; Агаѳонъ есть представитель истинно-христіанской законности, строго не [illegible] безобразія страстныхъ движеній, но въ тоже время любовью [illegible] чужую слабость.

г. Островскій ни въ одномъ изъ своихъ произведеній. Правда, Агаѳонъ, Даша, Груша и Вася намѣчены довольно живо и можетъ-быть, при лучшемъ созданіи главнаго дѣйствующаго лица, они могли бы способствовать общей красотѣ произведенія; изъ нихъ Даша, по моему мнѣнію, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Но Петръ, на которомъ держится вся драма, исполненъ такъ неудачно, что и самому посредственному художнику не принесъ бы чести: здѣсь повредила г. Островскому та робость пріемовъ, о которой я говорилъ, какъ о вліяніи *натуральнаго* направленія. Слѣдовало бы этотъ характеръ взять гораздо пошире, дать ему размахъ, свойственный русскому разгулу, который стремится уйти въ какую-то безконечность. Эта черта поддерживала бы постоянно высоту драматическаго настроенія; и притомъ она наша русская черта, воспроизведеніе которой могло бы быть лестной задачей для нашего отечественнаго художника: она слышится и въ нашей пѣснѣ, и въ безконечномъ разливѣ ея напѣва; объ ней упоминаетъ и Пушкинъ, какъ объ основной чертѣ нашей народной поэзіи, ее брали и другіе писатели наши и выражали иные очень удачно.

А у г. Островскаго вышелъ какой-то средней руки гуляка, у котораго всплываютъ на верхъ животныя чувства, внушающія омерзѣніе; а при такихъ условіяхъ отъ лица трудно ожидать драматическаго впечатлѣнія. Возьмемъ, напримѣръ, его пьянство. Я ни слова не говорю: пьянство здѣсь выведено совершенно умѣстно; оно очень свойственно въ такомъ запутанномъ состояніи, въ какомъ находится Петръ. Но это долженъ бы быть запой отъ страшной внутренней тревоги, которой ни чѣмъ ни зальешь, ни затушишь. А онъ что говоритъ? «Вина! да ты подай хорошенькаго, вѣдь нынче масляница!»

Объясненіе его съ Грушей оскорбляетъ вкусъ съ другой стороны: это точно какой-нибудь герой изъ лже-народной драмы Кукольника или Гедеонова. Онъ объясняется съ нею въ такихъ выраженіяхъ, которыми г. Островскій никогда не позволялъ себѣ злоупотреблять: онъ былъ сперва такъ строгъ къ себѣ въ отношеніи къ языку. «Жизнь моя, лебедь бѣлая, прилука молодецкая!» и другія подобныя выраженія никогда не встрѣчались прежде въ его произведеніяхъ: они сами по себѣ пре-

красны и взяты изъ народной поэзіи, но наши романисты и драматическіе писатели такъ ихъ опошлили неумѣстнымъ употребленіемъ, что ихъ избѣгаетъ художникъ съ чистымъ вкусомъ.

Въ особенности же дуренъ Петръ въ той сценѣ, когда онъ подъ внушеніемъ Еремкиныхъ навѣтовъ является домой, грозясь убить жену. Тутъ ожидаешь страшнаго потрясающаго дѣйствія: вдругъ является отяжелѣвшій отъ хмѣля, раскисшій человѣкъ, который несетъ какую-то нескладицу, ничего въ себѣ драматическаго не заключающую. Напримѣръ:

«Ты мнѣ тетка, а ты меня не трожь! А то... ухъ! Не дыши передо мной, не огорчай меня».

Это прямо норовитъ въ какой-нибудь *натуральный* водевиль. Потомъ онъ говоритъ про жену:

«Мнѣ нынче человѣкъ про нее сказывалъ.... Вотъ и кореньевъ мнѣ далъ...., горючъ камень алатырь.... Привороты всѣ знаетъ, пущаетъ по вѣтру....»

Неужели же для того прибѣгалъ г. Островскій къ волшебной стихіи, чтобы дать случай Петру сказать нѣсколько нелѣпыхъ суевѣрныхъ выраженій? Какъ же можно въ такую страшную драматическую минуту смѣшить читателя безсвязнымъ вздоромъ? Хмѣль должно было взять, какъ средство усилить изступленіе страсти, какъ подчиненное явленіе, а тутъ онъ является посверхъ всего, на главномъ мѣстѣ. Непостижимая ошибка!

Кстати тутъ скажемъ и объ Еремкѣ. Вывести лице таинственное и искушающее около запутавшагося Петра — мысль прекрасная, сообразная съ общими понятіями о введеніи чудесной стихіи въ поэзію и въ особенности согласная съ нашими народными сказаніями подобнаго содержанія. Всякій изъ насъ безъ сомнѣнія слыхалъ въ дѣтствѣ не мало народныхъ разсказовъ о томъ, какъ человѣкъ, сбившійся съ прямой нравственной дороги, встрѣчается съ какимъ-то таинственнымъ лицемъ, которое всюду за нимъ слѣдуетъ и доводитъ его своими обольщеніями до конечной гибели, и только особенная, ниспосланная во время помощь спасаетъ заблудшаго и возвращаетъ его на истинный путь. Въ этомъ отношеніи мысль вывести Еремку и свести Петра на Москву-рѣку мы находимъ прекрасною, но исполненіе ея весьма неудачнымъ. Еремка похожъ

болѣе на шута, чѣмъ на колдуна, и вовсе ужъ не производитъ на читателя того околдовывающаго впечатлѣнія, какое всегда есть въ народномъ изображеніи этихъ лицъ. Конечно такимъ лицемъ можно воспользоваться и съ комической стороны, но тогда нужно было бы переладить всю драму и обратить ее въ комедію; въ противномъ случаѣ оно должно разстроить собою все драматическое впечатлѣніе, какъ это и случилось съ Еремкой. Мало того, Еремка и не смѣшенъ, а до невѣроятности пошлъ, такъ что своими словами производитъ даже не смѣхъ, а нестерпимую скуку и досаду. Онъ выходитъ такой, какимъ бы его вывелъ не дальновидный художникъ, если бы желалъ потѣшиться надъ народнымъ суевѣріемъ; въ г. Островскомъ такого нехудожественнаго намѣренія предположить нельзя; и для меня просто необъяснимо, отъ чего онъ такъ дурно воспользовался этимъ лицемъ, которое, при искусномъ употребленіи, могло бы выйти красою драмы, усиливъ ужасъ изображенія внутренней страстной бури своимъ таинственнымъ присутствіемъ и искушающими внушеніями.

Столь слабое исполненіе въ созданіи главнаго лица, на которомъ держится вся драма, должно было отнять у нея всю красоту, какъ бы ни были хороши въ ней отдѣльныя явленія, побочныя лица и другія подробности. Я не остановлюсь на этихъ подробностяхъ, хотя разборъ ихъ во многомъ смягчилъ бы строгій приговоръ художественной сторонѣ драмы. Никто не сомнѣвается въ способности г. Островскаго ловко составить какую-либо сцену, зацѣпить мимоходомъ какую-нибудь любопытную черту характера или народной жизни; но эти достоинства мы видимъ не рѣдко въ писателяхъ, и не столь даровитыхъ, и потому мы пропускаемъ ихъ на этотъ разъ безъ вниманія. Мы надѣемся еще не разъ встрѣтиться съ г. Островскимъ на художественныхъ вопросахъ; теперь же мы хотѣли по-ярче выставить недостатки его произведенія съ указаніемъ главной ихъ причины, чтобы сколько-нибудь съ своей стороны способствовать освобожденію г. Островскаго отъ привычекъ ложнаго вкуса.

Главною же нашею цѣлью въ этомъ разборѣ было оцѣнить важность той задачи, которую предложилъ себѣ г. Островскій

въ своей драмѣ: ибо въ выборѣ ея онъ показалъ особенную проницательность, какой не видать ни въ комъ изъ современныхъ писателей. Въ наше время, когда прежде всего просятъ рѣшенія вопросы, касающіеся нашей народной сущности, искусству предстоятъ великія и славныя задачи: ибо у него есть особенныя средства, ему одному принадлежащія, уловлять тончайшія подробности народной жизни и народныхъ типовъ, которые не могутъ быть схвачены и опредѣлены наукою и въ которыхъ между тѣмъ отражаются внутреннія свойства народнаго духа. Напрасно возражать противъ этого, что искусство должно быть свободно въ выборѣ задачъ и не слушаться въ этомъ отношеніи никакихъ постороннихъ указаній, а пользоваться тѣмъ, что даетъ сама жизнь. Мы и не посягаемъ на свободу искусства и никакъ не хотимъ предписывать ему того или другаго направленія; но когда оно само склонилось къ преимущественному изображенію народной жизни, тутъ мы въ правѣ пожелать ему, чтобы содержаніемъ его были не однѣ внѣшнія и незначительныя подробности ежедневнаго быта, на которыя съ такой жадностью кидаются современные писатели, но чтобъ его задачи брались изъ существенныхъ сторонъ внутренней жизни народа. Г. Островскій выборомъ своихъ задачъ, а особливо послѣдней, совершенно удовлетворяетъ этому требованію и, какъ намъ кажется, въ этомъ отношеніи недостаточно оцѣненъ и даже понятъ; между тѣмъ какъ это-то и кладетъ рѣшительную разницу между нимъ и другими современными писателями. Неудачи исполненія не должны пугать г. Островскаго, онѣ случались не съ нимъ однимъ. Передъ нимъ будущность; мы ждемъ исполненія тѣхъ надеждъ, которыя возбудилъ онъ въ обществѣ при своемъ появленіи и надѣемся, что намъ еще придется читать его произведенія, столь же прекрасныя по исполненію, какъ «Свои люди-сочтемся», и столь же глубокія по содержанію, какъ та драма, которая подала намъ поводъ къ этимъ разсужденіямъ.

III.

Историческіе очерки русской народной словесности и искусства.

Сочиненіе Ѳ. Буслаева. С.-Петербургъ. 1861 [1]).

Подъ выписаннымъ заглавіемъ вышли въ свѣтъ два огромные и роскошно изданные тома, содержащіе въ себѣ тридцать четыре статьи г. Буслаева, которыя почтенный профессоръ въ свое время помѣщалъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ и теперь позаботился собрать вмѣстѣ къ общему удовольствію образованныхъ читателей.

Нѣкоторыя главы, содержащіяся въ новоизданныхъ томахъ, предлагаются читателямъ въ первый разъ; большая же часть ихъ, какъ сказано, уже была напечатана и теперь является съ нѣкоторыми поправками и измѣненіями, которыхъ нужду указалъ сочинителю опытъ. Не смотря на монографическій способъ изложенія, которымъ каждой главѣ сообщается самостоятельность, и не смотря на многочисленность предметовъ, которымъ почтенный ученый посвятилъ свои изслѣдованія, не мудрено однако усмотрѣть между ними тѣсную и ощутительную связь, которая зависитъ какъ отъ вѣрности сочинителя основнымъ началамъ, разъ принятымъ и твердо усвоеннымъ, такъ и отъ родства между самыми предметами изслѣдованія. Первый томъ содержитъ изслѣдованія о народной поэзіи: сначала идутъ

---

[1]) Разборъ этотъ напечатанъ былъ первоначально въ «Библіотекѣ для Чтенія», 1861, апрѣль, стр. 1—56.

главы, имѣющія предметомъ поэзію въ связи съ языкомъ, народнымъ бытомъ и миѳологіею; затѣмъ слѣдуютъ статьи, посвященныя изученію славянской поэзіи сравнительно съ поэзіею прочихъ родственныхъ народовъ, далѣе изслѣдованіе о народной поэзіи русской. Во второмъ томѣ разсматриваются народные элементы древне-русской литературы и искусства. Но языкъ, народный бытъ; народная поэзія съ ея составными частями, пословицами, примѣтами и заклинаньями; миѳологія, начатки искусства: это все стихіи самобытной народной жизни, вѣрно изображающія отличительныя первоначальныя свойства народа, его внутренній образъ, изъ глубокой древности получившій опредѣленныя очертанія; короче, это сама народность. И такъ вотъ тотъ собирательный предметъ, который по составнымъ частямъ своимъ изслѣдованъ въ отдѣльныхъ главахъ разсматриваемой нами книги: русская народность въ ея многоразличныхъ проявленіяхъ.

Если мы и встрѣчаемъ въ книгѣ г. Буслаева не только отдѣльныя замѣчанія о поэзіи, языкѣ и миѳологіи другихъ народовъ, но даже и цѣлыя главы, въ коихъ разсматриваются сказанія или поэтическія произведенія народовъ скандинавскихъ или соплеменныхъ намъ Славянъ: то причиною тому сравнительный методъ изслѣдованія, усвоенный почтеннымъ авторомъ отъ знаменитаго германскаго ученаго Я. Грима и во многихъ случаяхъ столь удачно примѣненный имъ къ изслѣдованію родной старины. Собственный же предметъ изслѣдованій г. Буслаева, къ которому, какъ къ средоточію, сводитъ онъ всѣ разнообразныя свои изысканія, есть именно русская народность.

Извѣстно, что вопросъ о русской народности раздѣлялъ нашихъ писателей на два совершенно разномысленные стана. Раздѣленіе это и донынѣ не уничтожено и будетъ въ извѣстной мѣрѣ существовать еще долго, пока новыя открытія науки и основанныя на нихъ безпристрастныя изслѣдованія ученыхъ, чуждыхъ предразсудкамъ и увлеченіямъ, не уяснятъ дѣла вполнѣ. Но въ ожиданіи этого будущаго примиренія литературныхъ несогласій въ столь живомъ и для всѣхъ насъ существенно важномъ предметѣ, почтимъ искреннею хвалою и признательнымъ воспоминаніемъ тѣхъ недавно похищенныхъ ран-

нею смертію благороднѣйшихъ дѣятелей нашей литературы, которымъ вопросъ о русской народности такъ много обязанъ и которые въ самую трудную пору отстаивали свои убѣжденія, противныя литературному большинству, съ мужествомъ и постоянствомъ, достойнымъ всякаго уваженія.

Многія мнѣнія ихъ, при первомъ появленіи своемъ въ литературѣ встрѣченныя грубыми насмѣшками, теперь сдѣлались прочнымъ достояніемъ науки, а иныя даже основою важнѣйшихъ общественныхъ понятій нашего времени. Такова вообще судьба всякаго самобытнаго ученія, которое возникаетъ сперва въ свободномъ, творческомъ мышленіи людей одаренныхъ и затѣмъ уже, разъясненное и истолкованное долговременными преніями, въ цѣлости или въ частяхъ своихъ усвояется даже прежними противниками его, влагается въ общую сокровищницу человѣческихъ знаній и наконецъ передается въ оборотъ дѣйствительной жизни.

Мы вспоминаемъ, какъ видитъ читатель, о прошлыхъ несправедливостяхъ литературнаго большинства безъ всякаго злостнаго намѣренія; потому что этого рода распри дѣло слишкомъ обыкновенное и естественное, даже и не въ такой молодой литературѣ, какова русская. Цѣль наша состоитъ только въ томъ, чтобы принести искреннюю дань уваженія небольшому, но дружно и честно дѣйствовавшему, литературному обществу, котораго главные представители такъ недавно и такъ безвременно отошли въ вѣчность. Здѣсь не мѣсто говорить подробно о дѣятельности славянофиловъ; она безъ сомнѣнія найдетъ своего правдиваго историка, который, не покрывая ихъ увлеченій и ошибокъ, исчислитъ многоразличныя заслуги ихъ родному слову и мысли; мы же, исполнивъ по отношеніи къ нимъ свою обязанность, обратимся къ предмету, о которомъ предположили разсуждать.

Упомянутыя нами пренія о русской народности, при какихъ бы условіяхъ они ни производились и какими бы увлеченіями и ошибками ни сопровождались, имѣли однако тѣ неоспоримо благотворныя послѣдствія, что возбудили всеобщее вниманіе и участіе къ дѣлу и подали поводъ къ многообразнымъ открытіямъ, разъяснившимъ многія до того времени не-

ясныя для насъ стороны внутренней жизни нашего народа, и такимъ образомъ весьма много способствовали успѣхамъ нашего народнаго самопознанія, обѣщая въ будущемъ еще большіе плоды. Народныя пѣсни, пословицы, примѣты, заклинанія, загадки, сказки, духовные стихи, сказанія и легенды, областныя реченія, древнія повѣсти и разсказы, почерпнутыя изъ устъ народа, изъ старинныхъ сборниковъ и другихъ рукописей, до послѣдняго времени извѣстныхъ только по имени, хронографовъ, палей и тому подобныхъ: все это стало въ послѣднее время издаваться въ такомъ изобиліи, что изслѣдующая наука, по скудости ея представителей, едва поспѣваетъ внимательно осмотрѣть множество вновь представляющихся ея суду явленій. Изданіе духовныхъ стиховъ и пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго, легендъ г. Костомарова, народныхъ пѣсенъ г. Якушкина, духовныхъ стиховъ г. Варенцова, сказокъ г. Аѳанасьева; многочисленные памятники народнаго слова, изданные и постоянно вновь издаваемые въ Извѣстіяхъ втораго отдѣленія Академіи Наукъ, Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ, Лѣтописахъ Русской литературы и древности, Православномъ Собесѣдникѣ, Москвитянинѣ, Русской Бесѣдѣ, Отечественныхъ Запискахъ, Современникѣ и т. д. Какой обильный запасъ для изслѣдованія! Сколько новыхъ вопросовъ представляется вниманію и труду ученыхъ въ этомъ обширномъ складѣ народной мысли и народнаго творчества и сколько новыхъ рѣшеній для прежнихъ вопросовъ! Какъ много надобно прямаго художественнаго чувства и въ тоже время любви къ народу, чтобы настоящимъ образомъ уразумѣть красоту его чистосердечной поэзіи: и какая необходима свобода отъ всякаго пристрастія, чтобы не остаться подъ обаяніемъ роднаго слова и не придти, подъ вліяніемъ этого очарованія, къ произвольнымъ и противнымъ истинѣ заключеніямъ! Мало того: даже при самомъ чистомъ и правильномъ вкусѣ, при полномъ сочувствіи къ народу, при самомъ рѣшительномъ желаніи остаться въ предѣлахъ правды, для изслѣдователя возможны въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, важныя ошибки, пропуски и уклоненія отъ прямаго пути, если онъ приступитъ къ дѣлу безъ надлежащаго разумнаго метода.

О методѣ, коему слѣдовалъ въ своихъ изысканіяхъ г. Буслаевъ, у насъ уже замѣчено, что онъ заимствованъ имъ у Я. Гримма, знаменитѣйшаго изслѣдователя народной нѣмецкой старины, проложившаго въ наукѣ о древностяхъ совершенно новые пути, коихъ отнынѣ никто не можетъ миновать, не желая оставаться назади. Послѣднія слова наши должны увѣрить г. Буслаева, что мы нисколько не желаемъ поставить ему въ вину того, что онъ слѣдуетъ по пути, не имъ самимъ открытому. Напротивъ мы вмѣняемъ ему въ особенную заслугу, что онъ такъ старательно и такъ основательно изучилъ творенія своего великаго учителя и, вѣрно слѣдуя его руководительству, примѣнилъ къ изученію нашей народной поэзіи и вообще нашихъ древностей его плодотворный методъ. Если, говоря выше о направленіи и заслугахъ славянофиловъ, мы выразили наше уваженіе къ независимости ихъ мышленія и своеобразію ихъ ученыхъ пріемовъ; то конечно не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы поощрять презрѣніе къ иноземнымъ авторитетамъ, котораго и они, какъ люди высоко просвѣщеннные, были чужды, и не для того, чтобы заступаться за своенравіе и произволъ, которые и въ наукѣ такъ же вредны, какъ гнусны и отвратительны въ жизни общественной.

По ложному уваженію къ своему народному достоинству обойти вниманіемъ то, что сдѣлано уже въ иномъ народѣ, при полной возможности усвоить себѣ совершенное другими, значило бы обречь себя на трудъ совершенно излишній и оказать дикое, завистливое и безумное презрѣніе къ общимъ, всему роду человѣческому принадлежащимъ, успѣхамъ науки. И если добросовѣстному ученому непозволительно пропускать безъ вниманія мнѣнія обыкновенныхъ тружениковъ; то что сказать о томъ, кто не обратилъ бы вниманія на Винкельмана, занимаясь древнимъ искусствомъ, или на Ньютона, изучая законы тяготѣнія?

Лишь безумецъ зажигаетъ
Тамъ свѣчу, гдѣ Фебъ пылаетъ.

Чувствуемъ, что мы говоримъ вещи слишкомъ извѣстныя и безспорныя; но мы почли необходимымъ оговориться передъ

г. Буслаевымъ, изъ опасенія недоумѣній. Повторяемъ: не въ укоръ, а въ истинную заслугу передъ отечественной наукой поставляемъ мы точное послѣдованіе его методу Я. Гримма.

Мы не можемъ сказать, чтобы этотъ методъ предостерегъ г. Буслаева отъ всякаго рода ошибокъ (отъ ошибокъ не свободенъ конечно и самъ Гриммъ); и странно было бы требовать отъ кого бы то ни было безусловной вѣрности во всѣхъ мнѣніяхъ. Но весьма важно то, что общія начала избраннаго г. Буслаевымъ метода, при посредствѣ его статей, сдѣлались достояніемъ нашей литературы и со временемъ приведутъ безъ сомнѣнія изслѣдователей нашей старины къ обильнымъ и твердымъ заключеніямъ. Уже и теперь добрыя послѣдствія этого усвоенія очевидны: и одно изъ самыхъ лучшихъ есть конечно появленіе книги г. Буслаева. Если мы, отдавая полную справедливость нашему ученому, полагаемъ однако, что критика можетъ-быть не согласится со многими изъ его выводовъ и соображеній и представитъ ему свои указанія, которымъ онъ принужденъ будетъ уступить: то съ другой стороны мы утверждаемъ съ полною увѣренностію, что весьма многое изъ его изслѣдованій выдержитъ искушеніе самаго строгаго, самаго разборчиваго суда и перейдетъ въ общее убѣжденіе образованнаго общества.

Какъ нѣкогда сравнительный способъ языковѣдѣнія, изобрѣтенный въ той же многоученой Германіи знаменитымъ Боппомъ, будучи примѣненъ къ изученію нашего отечественнаго языка и родственныхъ намъ нарѣчій, измѣнилъ вовсе основаніе нашей грамматики и уяснилъ намъ въ собственномъ нашемъ языкѣ множество явленій, безъ сравненія съ иными языками необъяснимыхъ: такъ и въ изученіи народной нашей поэзіи примѣненіе сравнительнаго способа, утвержденнаго на твердыхъ основаніяхъ Гриммомъ, обѣщаетъ того же рода благотворныя послѣдствія.

И если мы, поставивъ нашу поэтическую, миѳологическую и художественную старину лицемъ къ лицу съ древностями другихъ народовъ индо-европейской семьи, принуждены будемъ признать общимъ достояніемъ многія прекрасныя черты древ-

ня, которыя доселѣ почитали нашею исключитель-

ною принадлежностію, нашею *собиною*: то съ другой стороны это общеніе наше въ высокихъ духовныхъ дарованіяхъ съ лучшею частію человѣческаго рода должно, по нашему мнѣнію, убѣдить и исправить людей съ испорченнымъ вкусомъ, столь къ несчастію многочисленныхъ и столь упорно отвергающихъ дѣвственныя, никогда не старѣющія и недоступныя искуственному творчеству красоты русской эпической поэзіи. Еще не такъ давно не только въ обществѣ, но и въ самой средѣ литературы, раздавались голоса, довольно явственно напоминавшіе незабвеннаго Василія Кирилловича, который, какъ извѣстно, просилъ извиненія у своихъ просвѣщенныхъ слушателей въ томъ, что онъ осмѣлился предложить имъ въ примѣръ тоническаго стихосложенія подлую народную пѣсню:

Отставала лебедь бѣлая
Прочь отъ стада лебединаго.

И если для этихъ людей, туго понимающихъ тайны поэзіи, казались неубѣдительны, а иногда и смѣшны, опередившія общество мнѣнія объ этомъ предметѣ славянофиловъ; то теперь имъ не куда дѣться. Приходится класть оружіе и сдаваться: съ Хомяковымъ и Аксаковымъ можно было и пошумѣть, и поиспытать свое дешевое остроуміе; а съ Гриммомъ-то что сдѣлаешь? Лучше покориться.

Конечно благовиднѣе было бы сдѣлать это безъ понужденій иноземнаго авторитета; но и то хорошо, что вліяніемъ знаменитаго имени положенъ конецъ упрямому и несправедливому порицанію прекраснѣйшаго достоянія народнаго слова. Нѣтъ ничего страннаго или предосудительнаго въ измѣненіи понятій, разумѣется, если оно совершается чистосердечно; на то опытъ, чтобы улучшать человѣческія мнѣнія, всегда сопряженныя съ погрѣшностями. Но, признаемся, мы не можемъ воздержаться иногда отъ легкой улыбки, наблюдая, какъ иной журналъ, отъ котораго нѣкогда такъ много доставалось русской народной поэзіи и ея заступникамъ, безъ малѣйшей оговорки о прошлыхъ своихъ грѣхахъ, важно, хотя и не очень умно, разсуждаетъ въ настоящее время о высокомъ достоинствѣ русской пѣсни. Эта незастѣнчивая увертливость напоминаетъ

намъ находчивость другаго рода, выраженную русской поговоркой:

Я не я, и лошадь не моя.

Изъявивъ полное уваженіе къ заслугахъ и дарованіямъ г. Буслаева и имѣя въ виду въ теченіи настоящаго разсужденія не одинъ разъ остановить вниманіе читателей на прекрасныхъ подробностяхъ его изслѣдованій, мы просимъ его вникнуть въ наши замѣчанія о недостаткахъ, которые на нашъ взглядъ встрѣчаются въ его сочиненіяхъ, въ полной увѣренности, что онъ приметъ ихъ съ безпристрастіемъ, всегда отличающимъ истиннаго ученаго, и оцѣнитъ наше намѣреніе оказать посильную услугу тому же дѣлу, которому онъ самъ посвящаетъ свое время и свой трудъ. При этомъ почитаемъ нужнымъ замѣтить, что мы не имѣемъ въ виду останавливаться на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ «Историческихъ Очерковъ русской народной поэзіи и искусства», которыя подаютъ поводъ къ замѣчаніямъ: писать разборъ въ такихъ размѣрахъ значило бы написать такіе же два полные тома. Это не соотвѣтствуетъ ни нашимъ собственнымъ намѣреніямъ, ни условіямъ того неспеціальнаго изданія, для котораго назначается наша статья. Само собою разумѣется, что мы съ особеннымъ вниманіемъ остановимся на болѣе значительныхъ главахъ «Очерковъ», въ которыхъ выражены важнѣйшія общія положенія автора или же представляются наиболѣе любопытныя частности; нѣкоторыя же статьи, небольшія по объему и содержащія въ себѣ второстепенной важности замѣтки, мы позволимъ себѣ пройти молчаніемъ.

Начнемъ съ того, что у г. Буслаева на ряду съ замѣчательными по остроумію словопроизводствами и совершенно вѣрными сближеніями словъ, по виду не имѣющихъ между собою ничего общаго, на дѣлѣ же находящихся въ ближайшемъ родствѣ, на ряду съ такими, говоримъ, совершенно справедливыми и тонкими выводами, встрѣчаются иногда сближенія произвольныя, сдѣланныя a priori или, какъ говорятъ въ семинаріяхъ, отъ разума, безъ вниманія къ дѣйствительному происхожденію словъ. На основаніи же этихъ неправильныхъ филологическихъ выводовъ и соображеній предлагаются чита-

телю историческія или миѳологическія и бытовыя данныя, которыя отъ прикосновенія здравой критики исчезаютъ.

Такъ: остановимся на истолкованіи, какое даетъ г. Буслаевъ слову *притча*. Въ первой статьѣ своего перваго тома [1]) онъ говоритъ:

«Пѣснь содержанія повѣствовательнаго именуется былиною, то есть, разсказомъ о томъ, что было. Согласно съ этимъ, слово притча означаетъ не только повѣствованіе о событіи, но и самое событіе, необыкновенный случай, катастрофу».

Въ другой статьѣ, «Русскій бытъ и пословицы» [2]), читаемъ въ пополненіе къ сказанному:

«Притча, какъ отдѣльный членъ народнаго эпоса, означала событіе, случай, приключеніе; а какъ роковое изреченіе о сбывшемся и о впредь имѣющемъ совершаться, принималось въ смыслѣ рока, судьбы. Такое совпаденіе понятій о словѣ и судьбѣ, кромѣ *притчи*, выразилось весьма ясно еще въ формѣ *рокъ* отъ *реку*».

«Несторъ употребляетъ слово *притча* въ его древнѣйшемъ, эпическомъ смыслѣ, какъ изреченіе о роковомъ событіи, о судьбѣ: «есть притъча въ Руси и до сего дне: погыбоша, аки Обрѣ».

Притча, по древнему правописанію, *притъча* (др. русск. притъка, притка), имѣетъ два значенія: а) уподобленія, иносказанія или, какъ читаемъ въ Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ, съкровеннаго глагола [3]) (*παροιμία, παραβολή*); б) нечаяннаго, въ особенности несчастнаго случая. Не знаемъ, на какомъ основаніи г. Буслаевъ распространяетъ первое значеніе этого слова до разсказа вообще о какомъ-либо необыкновенномъ событіи; тогда какъ только извѣстнаго рода разсказъ, именно иносказательный, въ которомъ идутъ безпрерывныя примѣненія и сравненія, т. е., собственно притчи, обозначается этимъ словомъ, синекдохически, отъ части къ цѣлому. Собственно же *при-тъч-а* есть приравненіе или уподобленіе, отъ одного

[1]) Стр. 18. Эпич. Поэз.

[2]) Т. I. стр. 123.

[3]) Стр. 197. Сравни: «Уразумѣетъ же притчу и темное слово (παραβολὴν καὶ σκοτεινὸν λόγον)». Притч. Сол. гл. I. ст. 6.

корня со словомъ *точенъ*, встрѣчающимся въ древнихъ русскихъ памятникахъ и въ современномъ текстѣ Св. Писанія: значитъ равенъ или подобенъ. Такъ, въ Поученіи дѣтямъ своимъ Владиміръ Мономахъ [1]) заповѣдуетъ: «съ точными (т. е. съ равными) любовь имѣти». Въ книгѣ Іисуса сына Сирахова [2]) читаемъ: «Не оставляй друга стараго, новый бо нѣсть точенъ (ἐπίσος—равенъ) ему».

Точно также составлено греческое реченіе *παροιμία* (*παρά*=при; ὅμοιος=подобенъ, точенъ). Для насъ замѣчателенъ составъ и другаго греческаго слова съ тѣмъ же значеніемъ: *παραβολή* отъ παρά—βάλλω=при-кинуть (въ смыслѣ сравнить), при-разить, при-ткнуть. Отъ того же глагола приткнуть (приразить, прикинуть) производится весьма естественно и другое значеніе слова: *притча*—приложеніе при-ткновеніе (позволяемъ себѣ для объясненія, предположить такое слово, по образцу: преткновеніе, προσκοπή), столкновеніе съ чѣмъ-либо (*συμβάν, σύμπτωμα*), встрѣча, стычка, случай, бѣда, несчастіе [3]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что то и другое значеніе слова *притъча* произошло, каждое само по себѣ, независимо одно отъ другаго, прямо отъ общаго корня; переносъ же, сдѣланный г. Буслаевымъ, является совершенно ненужнымъ, кромѣ того, что онъ произволенъ и невѣренъ. Г. Буслаевъ опирается въ своемъ выводѣ на извѣстное выраженіе Несторовой лѣтописи о погибели великановъ Обровъ: «есть же притъча въ Руси и до сего дне: погибоша, аки Обрѣ»; говоря, что лѣтописецъ нашъ употребляетъ здѣсь слово *притъча* въ его

[1]) П. С. Лѣт. Лавр. Спис. стр. 101.

[2]) Гл. IX. 12.

[3]) Припомнимъ Ц. славянское срящь (отъ сряща и бѣса полуденнаго—Псал. XC. 6.)—несчастный и при томъ нечаянный случай σύμπτωμα, отъ глагола *срящити* (нечаянно встрѣтить=наткнуться на что-нибудь). У Сербовъ отъ тогоже корня *срећа* съ противоположнымъ значеніемъ *добраго* случая, счастія. Въ связи съ этимъ и вѣра въ стрѣчу, какъ въ несчастный случай, порицаемая въ древности благочестивыми проповѣдниками Русской земли.

Кстати приводемъ здѣсь изъ древняго славянскаго перевода слова Іоанна Златоуста на Великую Пятницу одно мѣсто, показывающее, что глаголъ *натъкнутися* или *утъкнутися* былъ употребляемъ и въ древности въ значеніи соприкоснутися. «Елико ся утыкаашеся, клацаашеся (человѣкъ) ему»—съ чѣмъ встрѣчался, тому покланялся (человѣкъ). Gl. Cloz. стр. 582.

древнѣйшемъ эпическомъ смыслѣ, какъ изреченіе о роковомъ событіи, о судьбѣ.

Ничего не бывало; Несторъ приводитъ пословицу [1]), поговорку, которая принадлежитъ къ разряду притчъ или притчей именно потому, что въ ней заключается уподобленіе, приравненіе (притча). Просимъ г. Буслаева обратить вниманіе на сравнительный характеръ этой поговорки: погибель Обровъ, отъ которыхъ не осталось ни племени, ни наслѣдка, сдѣлалась образцемъ для всякой другой ужасной и поражающей вниманіе гибели; потому и говорили во времена Нестора притчею, сравненіемъ: они погибли, *какъ* Обры.

Такимъ образомъ всѣ приведенныя г. Буслаевымъ объясненія притчи, какъ роковаго изреченія о сбывшемся и о впредь имѣющемъ совершаться, основанныя на логическихъ соображеніяхъ, помимо фактическаго корнесловнаго основанія, оказываются несостоятельными. Еще дальше отъ истины приписываемое имъ слову *притча* значеніе судьбы, рока: почтенный ученый не приводитъ и, какъ мы твердо увѣрены, не могъ бы привести, если бы и желалъ, ни одного мѣста изъ древнихъ русскихъ или славянскихъ памятниковъ, въ которомъ притча означала бы судьбу. Это значеніе судьбы придаетъ онъ притчѣ, развивая далѣе свою ошибку, нами обнаруженную: по связи между словомъ и притчею, такъ какъ притча есть изреченіе, онъ думаетъ найти между ними такое же соотношеніе, какое существуетъ между реченіями: слово и рокъ. Рокъ, отъ глагола реку, какъ и латинское fatum отъ глагола fari, дѣйствительно означаетъ судьбу, неизмѣнное опредѣленіе: ибо это изреченіе и слово божества, за коимъ слѣдуетъ непремѣнное исполненіе, по силѣ всемогущества, съ понятіемъ о божествѣ у всѣхъ народовъ сопрягаемаго.

«Глаголъ (рокъ=ῥῆμα) Божій не возвратится къ Нему тощъ».

Или: «Отрещися себе (Богъ) не можетъ».

---

[1]) Въ лѣтописи Переяславской, какъ указываетъ самъ г. Буслаевъ, читаемъ въ этомъ мѣстѣ: «есть же пословица въ Руси и до сего дни: погибоша, рече, яко Обри, безъ остатка».

Притча же есть уподобленіе, иносказательное изреченіе, прикровенное слово, загадка, вся состоящая обыкновенно изъ уподобленій, съкровенъ глаголъ, по Іоанну Экзарху Болгарскому [1]); но никогда не переходитъ въ значеніе судьбы, или роковаго изреченія, или изреченія о роковомъ событіи. Правда, что и о роковомъ событіи можно выразиться *притчею*, какъ и выразился Несторъ о погибели Обровъ; но отнюдь не въ большей мѣрѣ, какъ и обо всемъ другомъ: кромѣ другихъ доказательствъ, въ томъ достаточно можетъ убѣдить всякаго тридцать одна глава Притчей Соломонихъ, между коими г. Буслаевъ не найдетъ въ опору своего мнѣнія ни одного примѣра.

И такъ между притчею и судьбою, рокомъ, не существуетъ никакого особеннаго древнѣйшаго соотношенія, которымъ думаетъ г. Буслаевъ объяснить эпическое происхожденіе пословицы. Сущность ошибки почтеннаго филолога состоитъ въ заключеніи отъ частнаго къ общему: его силлогизмъ построенъ такъ: Несторъ выразился о роковомъ событіи притчею; слѣдовательно притча есть вообще роковое изреченіе о судьбѣ, а потомъ и самая судьба. Non valet consequentia!

Въ той же самой статьѣ разбирая древнѣйшіе свадебные обряды нашего народа въ связи съ эпическою поэзіею, г. Буслаевъ останавливается съ особымъ вниманіемъ на одномъ строго [illegible] [illegible] описаніи этихъ обрядовъ, извлеченномъ изъ рукописнаго сборника второй половины XVII столѣтія, гдѣ между прочимъ упоминается о подстилкѣ колосьевъ или [illegible] для ложа новобрачныхъ.

«Если уже у нихъ бракъ совершается и [illegible] храмина [illegible] [illegible] съ [illegible] [illegible] [illegible] быти, и постилаютъ [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] съ зернами...» [2]).

Разсуждая о [illegible] [illegible], сохранившихся въ народѣ отъ [illegible] [illegible], г. Буслаевъ говоритъ [3]):

[1]) [illegible]

[2]) [illegible]

[3]) [illegible]

«Подстилка сноповъ имѣетъ прямое отношеніе къ вѣну. Какъ вѣно имѣетъ значеніе вѣнка и вѣтви, такъ и снопъ, въ древности, употреблялось въ смыслѣ вѣтви. Драгоцѣнный фактъ для исторіи языка предлагаетъ сербскій списокъ Библіи XVI вѣка, принадлежащій профессору Григоровичу: вмѣсто вѣтви, въ одномъ мѣстѣ находимъ въ немъ рядомъ два слова: *сноповіа* и *вѣне*, что прямо указываетъ на первоначальное тожество словъ: вѣтвь, снопъ и вѣно. А именно въ Книгѣ Судей (гл. IX. ст. 48): «и усѣче *сноповіа* и воздвиже и положи на рамо свое»; въ исправленномъ текстѣ: «и усѣче вѣтвь отъ древа»; а въ слѣдующемъ 49-мъ стихѣ, по сербскому списку: «и усѣкоше въси людіе *вѣне*»; въ исправленномъ: «вѣтвія».

Приведемъ указанные г. Буслаевымъ 48 и 49 стихи IX главы книги Судей Израилевыхъ по греческому подлиннику и по чтенію Острожской Библіи изданія 1581 года.

Греческій текстъ Московскаго изданія 1821 года:

48) Καὶ ἔκοψε (Ἀβιμέλεχ) φορτίον ξύλων, καὶ ἔλαβεν αὐτὸ καὶ ἐπέθηκεν εἰς τοὺς ὤμους αὐτοῦ.

49) Καὶ ἔκοψαν καί γε πάντες αὐτοὶ ἕκαστος φορτίον.

Острожская Библія 1581 года:

48) И усѣче (Авимелехъ) снопъ вѣтвія отъ древа и воздвиже и положи на раму свою.

49) И усѣкоша всѣ людіе вѣтвія.

Если бы г. Буслаеву извѣстно было чтеніе Острожской Библіи, то оно удержало бы его отъ такой несостоятельной догадки, которая посулила ему подтвержденіе его миѳологическихъ соображеній, основанныхъ на мнимомъ единствѣ или тожествѣ реченій: снопъ, вѣно и вѣтвь. Да и греческій текстъ, въ который онъ по несчастію не догадался взглянуть, быть можетъ удержалъ бы его отъ ошибки.

φορτίον (отъ φέρ-ω — ношу) буквально значитъ ноша, охапка, беремя (отъ беру) [1]); оно одинаково годится и для обозначенія охапки дровъ или, какъ въ настоящемъ случаѣ, рубленныхъ вѣтвей, и для охапки сжатаго хлѣба, т. е. снопа. Переводчикъ или исправитель славянскаго текста, которому слѣ-

[1]) Славянскій корень *бер* совершенно тоже, что греческій φερ.

довалъ списатель сербскаго списка Библіи, принадлежащаго г. Григоровичу, могъ изъ двухъ реченій, снопъ и беремя, одинаково переводимыхъ по гречески φορτίον, выбрать по недосмотру то, которое къ настоящему случаю менѣе подходило: т. е. вмѣсто «беремя (положимъ) вѣтвія» перевести «снопъ вѣтвія». Нѣкоторое подобіе этому могутъ представлять галлицизмы, весьма въ нашемъ обществѣ обыкновенные: «сломать стаканъ» вмѣсто «разбить стаканъ», говорятъ у насъ, потому что изъ двухъ значеній французскаго глагола casser, ломать и разбивать, выбираютъ не соотвѣтствующее данному случаю.

Можетъ быть и то, что слово *снопъ*, въ настоящее время исключительно относимое къ сжатому хлѣбу, въ древнемъ языкѣ обозначало вообще беремя и относилось какъ къ хлѣбу, такъ и къ дровамъ или нарубленнымъ вѣтвямъ. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ «снопъ» не означаетъ вѣтви, какъ думаетъ г. Буслаевъ, точно такъ же, какъ пукъ не обозначаетъ прута, букетъ цвѣтка и т. п.

Третьяго же, какъ видится, ничего быть не можетъ для объясненія слова *снопъ* въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ.

Замѣтимъ кстати: беремя дровъ (φορτίον ξύλων) называется иначе *вязанка* дровъ; и снопы *вяжутъ*.

Недоразумѣніе, въ которое введенъ г. Буслаевъ формою *вѣне*, встрѣчающеюся въ этомъ же мѣстѣ сербскаго списка Библіи и, по мнѣнію почтеннаго профессора, однозначащею съ словомъ *снопъ*, еще страннѣе, чѣмъ предлагаемое имъ объясненіе *снопа*. Мы желали бы спросить у г. Буслаева: если онъ производитъ новооткрытую имъ форму *вѣне* отъ *вѣнъ* или *вѣно*; то какая же это будетъ форма? По смыслу рѣчи здѣсь долженъ стоять винительный множественнаго: по какой же грамматикѣ отъ именительнаго *вѣнъ* и *вѣно* будетъ винительный множественнаго *вѣне*?

А между тѣмъ дѣло объясняется очень просто опискою переписчика: вмѣсто невозможной, противорѣчащей законамъ грамматическимъ, формы *вѣне*, надобно читать: *вѣие*, слово извѣстное наукѣ, совершенно вѣрное законамъ славянскаго языка, и съ тѣмъ именно значеніемъ, какое въ настоящемъ случаѣ тре-

буется, и даже въ той собирательной формѣ, которая сохранена и въ Острожскомъ, и въ нынѣшнемъ текстѣ (вѣтвія).

Отъ древне-славянскаго слова *вѣя*—вѣтвь, κλάδος [1]), которое, кромѣ другихъ древнихъ списковъ, читается и въ Антіоховыхъ Пандектахъ, и сверхъ того доселѣ живетъ въ западныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ [2]), происходитъ собирательное: *вѣие* (нынѣшнее: вѣтвія), весьма обычное въ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ рукописяхъ, между прочимъ и въ знаменитой Супрасльской, откуда оно и занесено г. Миклошичемъ въ его древне-славянскій словарь [3]). Образованіе собирательной формы *вѣие* отъ *вѣя* совершенно правильно и обыкновенно: здѣсь точно также измѣнялось окончаніе: *я* на *іе* (собирательный суффиксъ), какъ въ формахъ: палоч-*іе* отъ палк-*а*, брат-*іе* отъ брат-*ъ*, батож-*іе* отъ батог-*ъ*, окончанія *а* и *ъ*.

Описка въ столь сходныхъ буквахъ, каковы *н* и *и*, весьма понятная безъ всякихъ объясненій, дѣлается еще естественнѣе, если мы припомнимъ, что древнѣйшее начертаніе буквы *и* было именно н, въ чемъ можно убѣдиться всякому, раскрывши Остромирово Евангеліе въ любомъ мѣстѣ. Писецъ сербской Библіи, если онъ писалъ съ какой-либо рукописи древнѣйшей, гдѣ *и* изображалось еще, какъ н, очень легко могъ скопировать по недосмотру древнее начертаніе.

Какъ просто, кажется, дѣло; а между тѣмъ такой серьезный ученый, какъ г. Буслаевъ, погнавшись за соблазнявшимъ его выводомъ, попадалъ изъ одной ошибки въ другую. Вотъ какъ опасно, оставляя твердое основаніе фактовъ, выводить заключенія a priori. Ужъ если въ психологіи, предметъ которой исполненъ неудобопостижимыхъ тайнъ, новѣйшіе представители ея стремятся установить точный и опытный методъ, коему слѣдуютъ науки естественныя; то тѣмъ менѣе позволительно, по нашему мнѣнію, оставлять сію надежную основу въ изслѣдованіи такихъ предметовъ, какъ языкъ, и на филологическихъ

---

[1]) См. Словарь Восток.

[2]) Въ словарѣ древнихъ славянскихъ реченій, приложенномъ къ Копитарову изданію Клоціевой Глаголиты, читаемъ: вѣя—ramus, κλάδος, hodieque usitatum a Carniolis.

[3]) См. Lexic. ling. Sloven. veter. dialect.

догадкахъ, изъ логики выведенныхъ, строить миѳологическія и бытоописательныя системы. Всѣ эти по видимому вѣроподобныя и остроумныя сближенія конечно имѣютъ свою привлекательность: ловко сообразить или открыть что-либо новое всегда бываетъ очень пріятно; но что же за радость въ этихъ мнимыхъ открытіяхъ и основанныхъ на нихъ выводахъ, если первая встрѣча съ невѣжливымъ фактомъ (правда груба) открываетъ ихъ тщету?

Мы помнимъ, что лѣтъ десять тому назадъ, одинъ изъ нашихъ миѳологовъ, весьма впрочемъ трудолюбивый, но не далекій въ филологіи, разсуждая о значеніи огня въ славянской миѳологіи, остановилъ свое вниманіе на словѣ *изба* и придалъ ей самыя неожиданныя значенія, по незнанію самыхъ простыхъ законовъ славянской фонетики и словообразованія. На основаніи древней уменьшительной формы: *истопка* (иначе: *истобка*), помянутно встрѣчающейся въ лѣтописи Нестора, онъ заключилъ, что слово *изба* происходитъ отъ предлога *изъ* и корня *топ*—(топить), и оттуда вывелъ множество замысловатыхъ положеній, въ томъ числѣ и то, что избою называется только то деревенское строеніе, которое имѣетъ печь, и т. д. Между тѣмъ, кромѣ этихъ уменьшительныхъ: истопка и истобка, которыя однѣ были извѣстны миѳологу, ученымъ извѣстно и первообразное *истъба*. Въ Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ, напримѣръ, читаемъ:

«Въ прѣпладенне сьсѣци *истъбу*, и всуду ю утвръди, да видиши, какоу ти тмоу створить въ сѣбѣ» [1]).

Въ полдень срубп себѣ шатеръ (шалашъ), и всюду его утверди и т. д.

Если *истъба* [2]) означаетъ иногда, какъ въ настоящемъ случаѣ, шатеръ; то ясно, что понятіе о избѣ не имѣетъ необходимой связи съ огнемъ и что изба не есть непремѣнно та часть жилья, которая отапливается.

Отъ слова *истъба* происходитъ уменьшительное *истобка*; точно такъ, какъ отъ *игла*—*иголка*, отъ *игра*—*игорка*, отъ (*скаба*)—*скобка*, отъ *изба*—*изобка* и т. д.

Зап.

По извѣстному фонетическому закону, согласныя мягкія (по Латини mediae): б, г, д, з, встрѣчаясь съ твердыми (tenues), п, к, т, с, переходятъ въ соотвѣтствующія твердыя, и на оборотъ: законъ, извѣстный подъ именемъ ассимиляціи [1]), общій нашему языку съ греческимъ. Такъ: *кдѣ* перешло въ *гдѣ*, *изключить* стало исключить и т. д. Точно такъ и *истобка* перешло въ *истопка*; слѣдовательно буква *п* въ этомъ словѣ есть измѣненное *б* отъ встрѣчи съ твердою *к*. А потому *истопка* съ корнемъ *топ*—(топить) и съ огнемъ не имѣетъ другихъ отношеній кромѣ того, что избу дѣйствительно и безспорно топятъ, если въ ней есть печь.

Для объясненія того, какъ *истъба* обратилось въ *изба*, мы представимъ читателю другой и весьма, по нашему мнѣнію, любопытный примѣръ перехода: *ст* въ *з*. Извѣстное выраженіе: «зги божіей не видать», въ бѣжецкомъ уѣздѣ тверской губерніи (а можетъ быть и въ другихъ какихъ мѣстахъ, не знаемъ), произносится такъ: «стеги божіей не видать». *Стега*, по смягченіи конечной гласной, *стезя* (дорога, путь), по древнему провописанію *стьга*; эта послѣдняя форма перешла въ *зьга*, какъ *истъба* перешло въ *изба*.

Иные производятъ слово *изба* отъ простѣйшей сербской формы *соба* (тоже, что изба) чрезъ приставку къ началу слова звука *и*, на подобіе того, какъ видимъ русскую форму *и-гра* при польской gra, областную *и-кра* (льдина) при областной же *кра*. Такъ отъ сербской формы *соба*—и-соба, исъба, по ассимиляціи: *изба*. Древняя форма *истъба* объяснялась бы вставкою *т*, какую видимъ въ словахъ: страмъ, страженіе и т. п., а еще лучше въ словѣ *стѣнь*, отъ славянскаго *сѣнь*.

Извиняясь въ долгомъ отступленіи, которое мы позволили себѣ болѣе ради любопытныхъ филологическихъ соображеній,

---

[1]) Въ собственномъ смыслѣ законъ ассимиляціи состоитъ въ томъ, что, при сложеніи двухъ словъ въ одно, изъ коихъ первое оканчивается согласною, а другое начинается, конечная согласная перваго слова переходитъ въ начальную согласную втораго. Напр. inter-lego—intel-ligo, ad-similatio - as-similatio и т. д. Но иными принято называть ассимиляціею и тотъ законъ, по коему mediae и tenues при встрѣчѣ переходятъ однѣ въ другія. Просимъ извиненія за такія нелитературныя подробности.

нежели по желанію уколоть неискуснаго миѳолога, возвращаемся опять на краткій срокъ къ слову *вѣя*.

Весьма, по нашему мнѣнію, согласно съ значеніемъ и формою слова *вѣя* предположить, что отъ него происходитъ прекрасное областное слово *увѣя*—мѣсто, осѣняемое вѣтвями дерева, на которое въ теченіе дня не падаютъ лучи солнца.

Не можемъ пройти безъ вниманія замѣчательное слово, встрѣчающееся въ Новомъ Завѣтѣ, съ значеніемъ вѣтви, но происхожденія загадочнаго:

Пріяша ваіа отъ финикъ [1]).

Эти ваіа, такъ сильно напоминающія наши вѣя (ибо аі=ѣ) и вѣие, есть впрочемъ славянскими буквами написанное иностранное и при томъ не греческое слово:

Καὶ ἔλαβον βαΐα τῶν φοινίκων.

Ревнители обширнаго участія славянской стихіи въ языкахъ и народахъ міра, вѣроятно, не захотятъ уступить этого слова никакому другому языку, кромѣ славянскаго. Мы же, воздерживаясь отъ предположеній, которыя легко могутъ оказаться ложными, ограничимся простымъ указаніемъ на это слово и на сходство съ нашими: вѣя и вѣие, прибавивъ, что нѣмецкіе лексикографы почитаютъ его коптскимъ. Единственное число βαΐον.

Замѣтимъ наконецъ, что г. Буслаевъ, сравнивъ слово *вѣно* съ чешскимъ wiano и съ польскимъ wianie, что значитъ невѣстинъ подарокъ, не обратилъ вниманія на древне-славянское *вѣнило*—вѣнецъ, объясняемое слѣдующими словами стихиры изъ службы на день Св. Апостоловъ Петра и Павла:

Кіими похвальными вѣнцы, кіими похвальными пѣсньми увѣнчаемъ Петра и Павла?

Не можемъ признать убѣдительнымъ положеніе г. Буслаева, будто бы слово *міро* (миръ и міръ—одно и тоже слово) первоначально означало собраніе людей, общество, а потомъ уже перешло къ значенію вселенной [2]). Доказательства этого мнѣнія состоятъ въ слѣдующемъ:

1) «Средоточіемъ всего міра для эпической старины былъ

1) Еванг. отъ Іоан. гл. XII ст. 13. [illegible] Вербной недѣли [illegible].

2) Стр. [illegible].

самъ человѣкъ съ его семьей и роднымъ домомъ. Потому, согласно съ свойствомъ самородной поэзіи—всегда на первомъ планѣ выводить человѣка, и языкъ образовалъ названія для вселенной: по санкритски мадъямалока (собственно земля, изъ мадъяма-medius и лока-mundus), по готски midjun-gards (собственно media domus), откуда скандинавское midgardr. Слова эти означаютъ первоначально *жилище посреди*, свидѣтельствуя о томъ, что человѣкъ искони почиталъ себя средоточіемъ всего міра; а потомъ уже они переходятъ къ значенію земли и вселенной вообще. Такъ и нашъ *миръ* первоначально значитъ собраніе людей, общество, а потомъ ужъ отъ человѣка (да развѣ миръ значитъ человѣкъ?) переходитъ къ значенію вселенной» [1]).

2) «Первоначальное значеніе слова *миръ* было не просто согласіе въ общемъ, отвлеченномъ смыслѣ, но именно (?) согласіе извѣстныхъ лицъ, поставленныхъ между собою въ извѣстное отношеніе, то-есть, въ смыслѣ юридическомъ. На первомъ планѣ *могли* стоять два конкретныя примѣненія: 1) въ жизни семейной *миръ* означало бракъ, какъ это и до позднѣйшихъ временъ сохранилось въ Польскомъ *малженски миръ* — брачный союзъ (Слов. Линде); и 2) въ отношеніи къ чуждымъ народамъ, въ смыслѣ согласія и примиренія со врагами, какъ употребляется уже въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ нашихъ. Потомъ общественное и юридическое сближеніе нѣсколькихъ семей, живущихъ вмѣстѣ, получило названіе *мира;* отсюда *миромъ* называется цѣлая деревня, цѣлое населеніе; въ этомъ случаѣ миръ отъ семейнаго согласія переходитъ къ опредѣленному юридическому значенію собранія извѣстныхъ лицъ на *мирской сходкѣ* для рѣшенія дѣлъ общественныхъ» [2]).

3) «Съ принятіемъ христіанства наступила новая эпоха въ значеніи слова *миръ*. Христіанство, при первомъ прикосновеніи своемъ къ ограниченной языческой національности, стремится извлечь ее изъ тѣснаго домашняго круга воззрѣній и ввести въ область общечеловѣческихъ идей. Этотъ переходъ

[1]) Тамъ же.
[2]) Стр. 106.

всего очевиднѣе совершился на значеніи слова миръ. Переводчикамъ Священнаго Писанія на славянскій языкъ нужно было выразить всеобъемлющій смыслъ греческаго слова κόσμος (вселенная, mundus). Слово *миръ*, запечатлѣнное извѣстнымъ юридическимъ смысломъ, казалось переводчикамъ слишкомъ ограниченнымъ и тѣснымъ сравнительно съ необъятнымъ значеніемъ Греческаго κόσμος. Надобно было слово *миръ* какъ-нибудь расширить, распространить; и они, согласно со свойствами языка, произвели эту любопытную операцію, прибавивъ къ этому реченію мѣстоименіе *весь* (вьсь), которое въ древности означало и всякій. Потому-то во всѣхъ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ нашихъ греческое κόσμος переводится не просто *миръ*, но *вьсьмиръ*, то-есть, *весьмиръ* или *всякій миръ*, *всѣ миры*» [1]).

Въ этомъ длинномъ истолкованіи различныхъ значеній слова *миръ* изслѣдователю, привыкшему къ точности и ищущему въ доказательствахъ не общихъ разсужденій, а основъ фактическихъ, съ перваго раза покажется подозрительнымъ такое обиліе довольно мудреныхъ соображеній a priori, при рѣшительной скудости положительныхъ филологическихъ данныхъ. Посовѣтуемся съ словарями древнѣйшаго славянскаго языка: найдемъ ли въ нихъ какую-нибудь опору для выводовъ г. Буслаева, или они нагрубятъ ему такъ же, какъ и при выше изложенномъ разъясненіи слова *вѣне?*

Во всѣхъ древнѣйшихъ словаряхъ церковно-славянскаго и древне-русскаго языка мы встрѣчаемъ слово *миръ* съ слѣдующими значеніями: 1) по нынѣшнему правописанію, міръ, κόσμος; 2) миръ — тишина, мирное состояніе духа, согласіе, εἰρήνη; 3) перемиріе, мирные переговоры, pax. Но ни въ одномъ словарѣ древняго языка нѣтъ слова *миръ* съ тѣснымъ значеніемъ юридическаго союза или собранія людей, которое г. Буслаевъ почитаетъ первоначальнымъ. Какъ же это могло бы случиться, если-бы правда была на сторонѣ почтеннаго ученаго, что всѣ вторичныя, переносныя значенія слова сохранены и записаны, а перваго, кореннаго значенія нѣтъ и слѣдовъ? Мы попросили

---

[1]) Тамъ же.

бы г. Буслаева указать намъ хоть одинъ примѣръ этого будто бы первообразнаго значенія слова *миръ* изъ Остромирова Евангелія, Изборника Святославова, Іоанна Экзарха, Несторовой лѣтописи, Русской Правды и т. д.; этотъ одинъ примѣръ еще не доказалъ бы его мнѣнія, но во всякомъ случаѣ былъ бы для насъ важнѣе тысячи страницъ общихъ мѣстъ.

По г. Буслаеву выходитъ слѣдовательно такъ: слово *миръ* первоначально значило сходку, частное общество людей, потомъ въ этомъ значеніи вовсе не употреблялось [1]) въ теченіи многихъ вѣковъ нашей письменности, а потомъ опять возвратило себѣ первый свой смыслъ.

Мудрено повѣрить этому безъ положительныхъ доказательствъ; не можетъ быть, чтобы гдѣ-нибудь въ древнихъ памятникахъ не проскользнуло это первоначальное значеніе, если бы оно дѣйствительно было первоначальнымъ. Случаевъ къ тому было безчисленное множество; ибо въ древнихъ памятникахъ безпрестанно упоминается о народныхъ собраніяхъ или вѣчахъ, которыя и суть не что иное, какъ сходки, миры.

«Во всѣхъ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ нашихъ, говоритъ въ подтвержденіе своей мысли г. Буслаевъ, греческое κόσμος переводится не просто *миръ*, но *вьсь миръ*, т. е., *весь миръ* или *всякій миръ, вси миры*» (?).

По этимъ словамъ другой подумаетъ, что греческое κόσμος вовсе не переводится въ нашихъ древнѣйшихъ памятникахъ простымъ реченіемъ *миръ*, а исключительно сложнымъ *вьсь-миръ*. А между тѣмъ въ Остромировомъ Евангеліи слово *вьсь-миръ* въ этомъ значеніи встрѣчается рѣже, чѣмъ простое миръ, въ другихъ же древнихъ памятникахъ оно встрѣчается еще рѣже [2]).

---

[1]) Пословицы, въ коихъ говорится о мирѣ, какъ сходкѣ, не могутъ служить для г. Буслаева доказательствомъ: ихъ древность не чѣмъ доказать; онѣ могутъ быть вчерашнія.

[2]) Пользуемся случаемъ, чтобы исправить недосмотръ, допущенный Востоковымъ въ словарѣ Остромирова Евангелія. На стр. 52. б. этой рукописи читается: «На судъ азъ въ *сь миръ* придохъ». Знаменитый филологъ предположилъ здѣсь ошибочное написаніе, будто-бы вмѣсто въ *вьсь миръ;* между тѣмъ какъ это мѣсто въ греческомъ текстѣ читается: εἰς τὸν κόσμον τοῦτον; въ нынѣшнемъ славянскомъ: въ міръ сей; по древнему: въ миръ сь, что у Нестора явилось въ слитной формѣ: въ миросъ, какъ наши: домотъ отъ домъ тъ, денетъ отъ день тъ.

Если бы до принятія христіанства слово миръ значило юридическое общество, собраніе людей, и только христіанство уже возвело бы это реченіе до смысла греческаго κόσμος, прибавивъ къ нему мѣстоименіе *весь;* то одно слово *миръ* безъ этого мѣстоименія никакъ уже не могло бы означать вселенной, а оставалось бы въ своемъ первомъ тѣсномъ значеніи. Иначе зачѣмъ бы прибавлять къ нему слово *весь?*

Для объясненія древняго употребленія этой сложной формы *весь миръ* считаемъ не лишнимъ замѣтить, что въ текстѣ Священнаго Писанія весьма часто встрѣчается выраженіе: *εἰς ὅλον τὸν κόσμον, εἰς τὸν κόσμον ἅπαντα*, которыя по г. Буслаеву пришлось бы перевести: въ весь вьсьмиръ, въ вьсьмиръ весь [1]. А какъ бы тогда перевелъ г. Буслаевъ слово *παγκόσμιος* — всемирный?

Но если бы мы и уступили г. Буслаеву и согласились съ нимъ слово *κόσμος* переводить исключительно сложнымъ *вьсьмиръ*; ему не будетъ отъ того никакой пользы: *весь миръ* все таки не будетъ значить *вси миры*, какъ ему хочется. А ему нужно непремѣнно, чтобы *κόσμος* значило именно всѣ миры, то есть, совокупность всѣхъ частныхъ юридическихъ союзовъ, всѣхъ сходокъ. Напрасно г. Буслаевъ прибѣгаетъ къ посредству мѣстоименія *всякій*, замѣняя имъ *весь*: если весь и означало всякій, то все таки выраженіе *всякій миръ*, какъ и *весь миръ*, тоже не значитъ *вси миры*.

При томъ же *миръ* въ своемъ тѣсномъ значеніи никогда не означаетъ деревни, какъ говоритъ г. Буслаевъ; не деревня, а только населеніе деревни, сошедшееся вмѣстѣ съ особою опредѣленною цѣлью, преимущественно на общее совѣщаніе, называется миромъ. И такъ если, послѣдовавши г. Буслаеву, мы стали бы расширять и распространять понятіе *мира* отъ

---

[1]) Какъ догадку, за которую не беремъ на себя полной отвѣтственности, предлагаемъ читателямъ такое мнѣніе, что частое сосѣдство въ Новомъ Завѣтѣ слова *миръ* (κόσμος) съ реченіемъ *весь* (ὅλος, ἅπας) «Шедше въ міръ весь», «Ихъ же не бѣ достоинъ весь міръ» и т. д., могло подать поводъ въ древности сливать оба реченія въ одно сложное слово, тѣмъ болѣе, что съ понятіемъ о мірѣ существенно соединено понятіе о цѣломъ, о всемъ: все сотворенное и есть міръ. Мѣстоименіе *весь* было бы приличнымъ эпическимъ эпитетомъ слова міръ.

тѣснаго значенія мирской сходки до крайнихъ предѣловъ (что и сдѣлалъ будто бы, по мнѣнію г. Буслаева, языкъ): то въ концѣ нашихъ синекдохъ, т. е. перенесеній отъ частей къ цѣлому, все таки получили бы развѣ человѣческій родъ, и только, а не миръ, не все созданіе, не всеобъемлющій космосъ.

Не стоило, намъ кажется, такъ усиленно трудиться изъ-за того, чтобы оправдать такое натянутое словопроизводство, лишая при томъ языкъ нашъ одного изъ самыхъ прекрасныхъ словообразованій.

Если бы мы затруднялись опредѣлить происхожденіе нашего слова *міръ*, не выходя изъ предѣловъ собственнаго языка; то греческое κόσμος, которымъ наше слово переводится, могло бы открыть намъ глаза.

Κόσμος въ первомъ своемъ смыслѣ означаетъ порядокъ вообще, а въ частности порядокъ общественный и государственный. Напр. κόσμῳ ἑπεξῆς ἵζοντο. Въ порядкѣ рядомъ сидѣли.

— Μεταστῆσαι τὸν κόσμον καὶ εἰς δημοκρατίαν τρέψαι. Измѣнить порядокъ (государственный) и обратить въ демократію.

За тѣмъ κόσμος означаетъ украшеніе, красу, уборъ, древнеславянское: утварь, тварь (отъ глагола творить), нарядъ (порядокъ).

Πάντα περὶ χροὰ θήκατο κόσμον. Всякій кругомъ тѣла обложила нарядъ (Гера, когда шла обольщать Зевса).

Наконецъ κόσμος означаетъ совокупность творенія (сравни: тварь), міръ.

Въ различныхъ значеніяхъ нашего слова *миръ* мы видимъ совершеннѣйшее соотвѣтствіе его греческому κόσμος, какъ будто оба народа, славянскій и греческій, создавали эти слова по совѣщанію. Въ соотвѣтствіе слова *миръ* первому значенію κόσμος порядокъ, мы приведемъ выраженія, самыя у насъ обыкновенныя:

«Говорятъ, что такъ все *мирно* и *порядокъ* (общественный) ничѣмъ не былъ нарушенъ».

Не ясно ли здѣсь соотношеніе понятій о порядкѣ и мирѣ?

Прибавимъ къ этому, что слово *миръ* находится въ ближайшемъ родствѣ съ словомъ *мѣра*. Не говоря уже о другихъ безчисленныхъ примѣрахъ перехода звука *и* въ *ѣ*; напр. *тих*-ъ,

у-*тиш*-ить, у-*тъш*-ить; *ви*-ть, *вѣ-я*, *вѣ*-нъ (-окъ); въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей церковно-славянской и русской письменности читаемъ: смѣреніи вмѣсто *смиреніи*; у Остромира: яко кротъкъ есмь и съмѣренъ сердьцьмъ [1]); въ нынѣшнемъ: смиренъ сердцемъ. Сюда же можемъ отнести и современныя выраженія, напримѣръ: умѣрить гнѣвъ, какъ бы умирить, усмирить.

Мѣра же, соразмѣрность частей въ цѣломъ, *συμμετρία*, иначе ихъ согласіе (миръ), не тоже ли, что порядокъ?

Самъ г. Буслаевъ говоритъ, что, *по мнѣнію народа*, выраженному въ языкѣ, «мѣра всякому дѣлу полагается основаніемъ правильной и законной жизни (иначе порядка)» [2]).

Съ другой стороны мѣра, какъ согласіе частей, гармонія или взаимный миръ ихъ, есть основная стихія красоты, всякой красоты, внутренней и внѣшней.

«Правильность нашей внутренней жизни, сказано нами въ другомъ мѣстѣ, зависитъ именно отъ истинной мѣры, до которой мы позволяемъ доходить нашимъ душевнымъ движеніямъ: при такомъ только художественномъ устроеніи души въ нее вселяется истинная красота».

На помощь этому мнѣнію призовемъ изреченія, обратившіяся въ пословицы, изреченія, принадлежащія разнымъ народамъ, временамъ, воззрѣніямъ на миръ:

«*Πάντων μέτρον ἄριστον*», говорили древніе язычники Греки, лучшіе судьи въ дѣлѣ художественной красоты.

«Всяку вещь мѣра украшаетъ: кромѣ бо мѣры и непщуемая добра быти на вредъ прелагаются», говоритъ Исаакъ Сиринъ, величайшій изъ аскетическихъ писателей, относя эти слова къ внутреннему устроенію души. Но ихъ приложить можно, къ чему угодно: къ искусству, общественной и государственной жизни и т. д. Вездѣ мѣра является необходимымъ условіемъ красоты, правды, порядка.

Въ народныя русскія пословицы вошли первыя слова выше приведеннаго изреченія Исаака Сирина: Всякое дѣло мѣра краситъ [3]).

---

[1]) Л. 244. б.

[2]) Стр. 109.

[3]) Вѣроятно, въ народъ перешла изъ книгъ, что чувствуется и въ оборотѣ.

Особенно замѣчательно сочетаніе идей порядка и красоты въ нашемъ словѣ *нарядъ*, которое, кромѣ нынѣшняго своего значенія, т. е. убора, украшенія, имѣло въ древности значеніе порядка, что очевидно изъ знаменитаго мѣста лѣтописи Нестора:

«Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ».

Нѣкоторые изъ современныхъ историческихъ писателей, между прочимъ, если не ошибаемся, и г. Соловьевъ, употребляютъ это слово въ его древнемъ смыслѣ.

Отъ выраженія понятій отвлеченныхъ, мѣры, порядка и красоты, столь тѣсно между собою связанныхъ, славянскій языкъ перенесъ слово миръ какъ и греческій свое *κόσμος*, къ изображенію всего творенія, вселенной, въ устроеніи которой призналъ такимъ образомъ олицетвореніе совершеннѣйшаго порядка и высочайшей красоты, художественнѣйшей соразмѣрности и полнаго согласія, иначе взаимнаго мира, составныхъ частей.

Такой поразительный, вдохновенный пріемъ языка обращаетъ нашу мысль къ нѣкоторымъ изреченіямъ Священнаго Писанія о твореніи мира и свидѣтельствуетъ о изумительной, можно сказать, вѣщей, прозорливой силѣ творчества, проявляемой въ человѣческомъ языкѣ.

Писаніе говоритъ, что Создатель устроилъ все въ мірѣ вѣсомъ, числомъ и *мѣрою*.

И «видѣ Богъ вся, елика сотвори, и се вся *добра* [1]) зѣло».

Въ этомъ смыслѣ, можно сказать, обидна ошибка г. Буслаева. Изслѣдователь, просмотрѣвшій такое достоинство роднаго слова, хотя бы и неумышленно, виноватъ по крайней мѣрѣ въ небреженіи о чести своего языка, слѣдовательно и своей народности. Славянофилы ему не простили бы этого и были бы конечно правы.

Г. Буслаевъ, какъ намъ кажется, далъ въ настоящемъ случаѣ слишкомъ обширный размѣръ положенію, въ большей части случаевъ впрочемъ совершенно справедливому, что въ языкѣ слова переходятъ обыкновенно отъ конкретнаго значенія къ отвлеченному. Мы можемъ представить ему не одинъ примѣръ

---

[1]) Быт. гл. 1. ст. 31.

противнаго; но лучше и убѣдительнѣе настоящаго конечно нѣтъ.

Отъ тогоже отвлеченнаго понятія о мирѣ, какъ согласіи вообще, естественно перейти языку къ понятію о мирѣ, какъ общественномъ собраніи, сходкѣ.

Выше было показано, что миръ есть сходка съ особою извѣстною цѣлію, преимущественно совѣщательною; древнее названіе мира есть вѣче. Цѣль же всякаго вѣча или совѣщанія есть согласіе или соглашеніе разныхъ мнѣній, иначе примиреніе (миръ) мнѣній. Со-вѣщаніе и со-глашеніе (согласіе) синонимы, какъ и корни ихъ: вѣщать и гласить. Народное выраженіе «дай вамъ Богъ совѣтъ да любовь»—можно не нарушая смысла измѣнить такъ: «дай вамъ Богъ миръ и любовь». *Совѣтно* въ народномъ языкѣ значитъ *мирно*; «живутъ совѣтно» значитъ: живутъ во взаимномъ мирѣ, не ссорятся.

Впрочемъ еще вѣроятнѣе, что миръ, какъ собраніе народа, сельская сходка, произошло не прямо отъ отвлеченнаго значенія этого слова (согласіе, гармонія), а посредствомъ перенесенія отъ цѣлаго къ части, точно такъ же, какъ слово земля отъ обозначенія земнаго шара переносится къ наименованію сперва цѣлыхъ странъ (земель), а потомъ и всякаго отдѣльнаго участка: Русская, Нѣмецкая земля: моя земля. На то указываютъ нѣкоторыя выраженія народной поэзіи и пословицы:

У насъ миръ—народъ отъ Адамія.

Значеніе брака или брачнаго союза, которое принимаетъ слово *миръ* въ Польскомъ выраженіи: *малженски миръ* ничто не препятствуетъ объяснить переходомъ слова *миръ* отъ общаго и отвлеченнаго понятія о союзѣ или согласіи къ частному союзу брачному. Въ народномъ нашемъ языкѣ, рядомъ съ приведеннымъ выше *совѣтно*, есть другое реченіе *союзно* съ тѣмъ же самымъ значеніемъ: мирно, дружно. Въ приговорахъ и прибауткахъ, коими тѣшится народъ на масляницѣ, многимъ случалось конечно слышать слова:

Живали мы съ ней союзно,
Наѣдалися самимъ день грузно.

Народъ нашъ называетъ бракъ закономъ, употребляя тотъ

же синекдохическій пріемъ (родъ вмѣсто вида), какъ и польскій языкъ въ выраженіи *малженски миръ*.

Не можемъ рѣшить, принадлежитъ ли звукъ *р* въ словахъ *миръ* и *мѣра* къ корню, или окончанію; въ послѣднемъ случаѣ быть можетъ правильно было бы снести корень этихъ реченій: *ми-* и *мѣ-* съ греч. *μέ—τρον* лат. me-trum. Что *-τρον* и -trum суть окончанія, въ томъ сомнѣнія нѣтъ; въ санскритѣ имъ соотвѣтствуетъ окончаніе *тра*. Суффиксъ -ръ встрѣчается во многихъ реченіяхъ нашего языка: пи-ръ отъ пи-ти, жи-ръ отъ жи-ти, да-ръ отъ да-ти [1]).

Въ объясненіи слова *молить*, на нашъ взглядъ, замѣчаются у г. Буслаева также значительные недосмотры, на которые почитаемъ обязанностію обратить его вниманіе. Выпишемъ разсужденіе его объ этомъ словѣ:

«*Молить* употребляется въ значеніи: колоть, рѣзать—въ областномъ нарѣчіи Вятскомъ; потомъ ѣсть, и именно что-либо особенное, даже благословенное. *Молить* въ значеніи приносить жертву, давать обѣтъ, употребляется въ древнѣйшихъ рукописяхъ Ветхаго Завѣта: такъ слово *мольба* въ рукописи XVI в., В. И. Григоровича, употреблено тамъ, гдѣ въ исправленномъ текстѣ читаемъ «обѣтъ»; а именно: Кн. Числ. «Въ все дни *молбы* его» (VI, 4); «Яко *молба* Богу иемоу на немъ, на главѣ его» (VI, 7); «Глава бо молбы его» (VI, 9); Безъ сомнѣнія, читатель ясно видитъ, что о словѣ «молить» мы говоримъ въ его доисторическомъ значеніи, не имѣющемъ ничего общаго съ тѣмъ высокимъ понятіемъ, до котораго вознесено это слово утвержденіемъ христіанства между Славянами. Мы говоримъ о томъ моленіи, противъ котораго такъ громогласно вопіетъ слово Христолюбца, который, по рукописи XIV в. въ Троицкой Лаврѣ подъ названіемъ «Златая чепь», именно говоритъ о невѣрующихъ, что они «не оши-

---

1) Если въ словѣ *миръ* - ръ есть суффиксъ, то нельзя ли отъ темы *ми-* (предположительное infinitivum: ми-ти) предположить причастіе спрягаемое ми-лъ, при посредствѣ понятія любви, соединяющаго оба реченія: ми-ръ и ми-лъ? Не придаемъ серьезнаго значенія этой догадкѣ и не отвѣчаемъ за ея вѣрность; но изъ филологическихъ гипотезъ считаемъ ее не самою неправдоподобною.

буться [1]) (не отстаютъ) «проклятаго моленія», т.-е., жертвоприношенія идоламъ. Потому-то къ глаголу *молить* и приставляется возвратное мѣстоименіе *ся*, которое теперь ничего здѣсь не значитъ, но первоначально имѣло смыслъ, т.-е. приносить *себя* въ жертву, а не умолять или просить *себя*. Отсюда же явствуетъ, почему *молиться* употребляется съ дательнымъ падежемъ» [2]).

Почтенный профессоръ какъ будто предполагаетъ, что въ нашихъ областныхъ значеніяхъ слова *молить*—колоть, рѣзать, ѣсть, заключается первый его смыслъ, что отъ этихъ-то грубыхъ значеній оно перешло къ настоящему своему возвышенному смыслу, а не наоборотъ: не то, чтобы къ настоящему значенію этого глагола, по связи совокупно совершаемыхъ дѣйствій (принося жертву, вмѣстѣ и молятся, и закалаютъ, и вкушаютъ), присоединились и другія его значенія, сохранившіяся въ областномъ нашемъ языкѣ. Потому-то въ замѣнѣ слова *обѣтъ* словомъ *молба* онъ видитъ какое-то униженіе смысла послѣдняго реченія до значенія обѣта и жертвы.

Слово *обѣтъ* дѣйствительно замѣняется во многихъ древнихъ спискахъ Ветхаго Завѣта реченіемъ *молба*, но это нисколько не роняетъ высокаго значенія глагола молить и производныхъ отъ него реченій: потому что моленіе въ его истинномъ, священномъ смыслѣ вездѣ и всегда, не у язычниковъ только, приносившихъ кровавыя жертвы, но и у народа Израильскаго, и у Христіанъ, по сущности своей природы, всегда соединялось и нынѣ соединяется съ обѣтами и жертвою, закланіемъ и вкушеніемъ.

---

[1]) Сравни глаголъ *ошибиться* въ этомъ значеніи съ древнимъ словомъ *охабитися*, въ томъ же смыслѣ употребленномъ у Нестора; «ты, княже, чужея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ». Лавр. Спис. П. С. Л. т. I, стр. 28. Если предположить въ словѣ *охабитися* перемѣну *о* на *а* вслѣдствіе ударенія, какъ въ глаголѣ останáвливаться отъ остановить, похáживать отъ ходить, умáливать отъ молить и т. д.; то получится корень *хоб*-(*хъб*-), тожественный съ смягченнымъ *шиб*-(*шьб*-), подобно тому, какъ тожественны корни: *хъд*- и *шьд*-; *гъд*- и *жьд*-; *гън*- и *жьн*- и т. д. Отсюда можно заключить и о тожественности реченій: *хоб*- отъ и о-*шиб*-ъ, которыя въ древнемъ языкѣ обозначаютъ хвостъ. Въ древнихъ сказкахъ про змѣя говорится: хоботомъ ушибъ.

[2]) Т. I, стр. 82.

О Аннѣ, матери пророка Самуила, молившейся о разрѣшеніи ея безплодства, читаемъ въ первой главѣ первой Книги Царствъ: «И та умиленна душею, и помолися (προσ-ηῦξατο) Господу, и плачущи проплака. И обѣща обѣтъ (ηὔξατο εὐχὴν) Господу, глаголющи: Адонаи, Господи, Елои, Саваоѳъ, аще призирая призриши на смиреніе рабы Твоея, и помянеши мя, и даси рабѣ Твоей сѣмя мужское, то дамъ е предъ Тобою въ даръ до дне смерти его».

Развѣ это не мольба и обѣтъ въ одно и тоже время? И развѣ не довольно было бы, кромѣ другихъ филологическихъ объясненій, одного такого примѣра, чтобы заключить о естественности замѣны слова *обѣтъ* реченіемъ *молба?*

Для обозначенія связи между молитвою и жертвою въ христіанскомъ мірѣ мы можемъ сдѣлать указанія г. Буслаеву изъ Православнаго Служебника. Принося святые дары (жертву), іерей возглашаетъ:

«Еще приносимъ Тебѣ словесную сію и безкровную службу, просимъ, и молимъ (въ древнихъ: молимъся) и мили ся дѣемъ».

«Царь царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ *заклатися* и датися въ *снѣдь* вѣрнымъ».

И такъ невозможно согласиться съ г. Буслаевымъ, что слово *молба* въ приведенномъ мѣстѣ изъ списка г. Григоровича, замѣняющее нынѣшнее реченіе *обѣтъ*, употреблено, какъ онъ говоритъ, въ его доисторическомъ значеніи, не имѣющемъ ничего общаго съ тѣмъ высокимъ понятіемъ, до котораго вознесено это слово утвержденіемъ христіанства между Славянами. Христіанствомъ вознесено не слово, а самое понятіе о молитвѣ, обѣтахъ и жертвахъ, и самыя дѣйствія: вмѣсто идоловъ, стали молиться истинному Богу; вмѣсто тельцовъ и другихъ жертвенныхъ животныхъ, закалается и дается въ снѣдь вѣрнымъ Агнецъ Божій. Слово же *молить* не испытало при этомъ никакой метафоры: оно означаетъ понятіе о дѣйствіи тогоже порядка, какъ и прежде. Совершенно несправедливо, чтобы оно сперва значило колоть и ѣсть, а потомъ молить въ христіанскомъ значеніи.

Намъ кажется, что и въ этомъ случаѣ, какъ и въ указан-

у-*тиш*-ить, у-*тѣш*-ить; *ои*-ть, *вѣ*-я, *вѣ*-нъ (-окъ); въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей церковно-славянской и русской письменности читаемъ: смѣренiи вмѣсто *смиреннiи*; у Остромира: яко кротъкъ есмь и съмѣренъ сердьцѣмъ [1]); въ нынѣшнемъ: смиренъ сердцемъ. Сюда же можемъ отнести и современныя выраженiя, напримѣръ: умѣрить гнѣвъ, какъ бы умирить, усмирить.

Мѣра же, соразмѣрность частей въ цѣломъ, *συμμετρία*, иначе ихъ согласiе (миръ), не тоже ли, что порядокъ?

Самъ г. Буслаевъ говоритъ, что, *по мнѣнiю народа*, выраженному въ языкѣ, «мѣра всякому дѣлу полагается основанiемъ правильной и законной жизни (иначе порядка)» [2]).

Съ другой стороны мѣра, какъ согласiе частей, гармонiя или взаимный миръ ихъ, есть основная стихiя красоты, всякой красоты, внутренней и внѣшней.

«Правильность нашей внутренней жизни, сказано нами въ другомъ мѣстѣ, зависитъ именно отъ истинной мѣры, до которой мы позволяемъ доходить нашимъ душевнымъ движенiямъ: при такомъ только художественномъ устроенiи души въ нее вселяется истинная красота».

На помощь этому мнѣнiю призовемъ изреченiя, обратившiяся въ пословицы, изреченiя, принадлежащiя разнымъ народамъ, временамъ, воззрѣнiямъ на миръ:

«Πάντων μέτρον ἄριστον», говорили древнiе язычники Греки, лучшiе судьи въ дѣлѣ художественной красоты.

«Всяку вещь мѣра украшаетъ: кромѣ бо мѣры и непщуемая добра быти на вредъ прелагаются», говоритъ Исаакъ Сиринъ, величайшiй изъ аскетическихъ писателей, относя эти слова къ внутреннему устроенiю души. Но ихъ приложить можно, къ чему угодно: къ искусству, общественной и государственной жизни и т. д. Вездѣ мѣра является необходимымъ условiемъ красоты, правды, порядка.

Въ народныя русскiя пословицы вошли первыя слова выше приведеннаго изреченiя Исаака Сирина: Всякое дѣло мѣра краситъ [3]).

. 244. б.

р. 109.

ѣроятно, въ народъ перешла изъ книгъ, что чувствуется и въ оборотѣ—

Особенно замѣчательно сочетаніе идей порядка и красоты въ нашемъ словѣ *нарядъ*, которое, кромѣ нынѣшняго своего значенія, т. е. убора, украшенія, имѣло въ древности значеніе порядка, что очевидно изъ знаменитаго мѣста лѣтописи Нестора:

«Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ».

Нѣкоторые изъ современныхъ историческихъ писателей, между прочимъ, если не ошибаемся, и г. Соловьевъ, употребляютъ это слово въ его древнемъ смыслѣ.

Отъ выраженія понятій отвлеченныхъ, мѣры, порядка и красоты, столь тѣсно между собою связанныхъ, славянскій языкъ перенесъ слово миръ какъ и греческій свое *κόσμος*, къ изображенію всего творенія, вселенной, въ устроеніи которой призналъ такимъ образомъ олицетвореніе совершеннѣйшаго порядка и высочайшей красоты, художественнѣйшей соразмѣрности и полнаго согласія, иначе взаимнаго мира, составныхъ частей.

Такой поразительный, вдохновенный пріемъ языка обращаетъ нашу мысль къ нѣкоторымъ изреченіямъ Священнаго Писанія о твореніи мира и свидѣтельствуетъ о изумительной, можно сказать, вѣщей, прозорливой силѣ творчества, проявляемой въ человѣческомъ языкѣ.

Писаніе говоритъ, что Создатель устроилъ все въ мірѣ вѣсомъ, числомъ и *мѣрою*.

И «видѣ Богъ вся, елика сотвори, и се вся *добра* [1]) зѣло».

Въ этомъ смыслѣ, можно сказать, обидна ошибка г. Буслаева. Изслѣдователь, просмотрѣвшій такое достоинство роднаго слова, хотя бы и неумышленно, виноватъ по крайней мѣрѣ въ небреженіи о чести своего языка, слѣдовательно и своей народности. Славянофилы ему не простили бы этого и были бы конечно правы.

Г. Буслаевъ, какъ намъ кажется, далъ въ настоящемъ случаѣ слишкомъ обширный размѣръ положенію, въ большей части случаевъ впрочемъ совершенно справедливому, что въ языкѣ слова переходятъ обыкновенно отъ конкретнаго значенія къ отвлеченному. Мы можемъ представить ему не одинъ примѣръ

---

[1]) Быт. гл. 1. ст. 31.

противнаго; но лучше и убѣдительнѣе настоящаго конечно нѣтъ.

Отъ тогоже отвлеченнаго понятія о мирѣ, какъ согласіи вообще, естественно перейти языку къ понятію о мирѣ, какъ общественномъ собраніи, сходкѣ.

Выше было показано, что миръ есть сходка съ особою извѣстною цѣлію, преимущественно совѣщательною; древнее названіе мира есть вѣче. Цѣль же всякаго вѣча или совѣщанія есть согласіе или соглашеніе разныхъ мнѣній, иначе примиреніе (миръ) мнѣній. Со-вѣщаніе и со-глашеніе (согласіе) синонимы, какъ и корни ихъ: вѣщать и гласить. Народное выраженіе «дай вамъ Богъ совѣтъ да любовь»—можно не нарушая смысла измѣнить такъ: «дай вамъ Богъ миръ и любовь». *Совѣтно* въ народномъ языкѣ значитъ *мирно*; «живутъ совѣтно» значитъ: живутъ во взаимномъ мирѣ, не ссорятся.

Впрочемъ еще вѣроятнѣе, что миръ, какъ собраніе народа, сельская сходка, произошло не прямо отъ отвлеченнаго значенія этого слова (согласіе, гармонія), а посредствомъ перенесенія отъ цѣлаго къ части, точно такъ же, какъ слово земля отъ обозначенія земнаго шара переносится къ наименованію сперва цѣлыхъ странъ (земель), а потомъ и всякаго отдѣльнаго участка: Русская, Нѣмецкая земля; моя земля. На то указываютъ нѣкоторыя выраженія народной поэзіи и пословицы:

У насъ миръ—народъ отъ Адамія.

Значеніе брака или брачнаго союза, которое принимаетъ слово *миръ* въ Польскомъ выраженіи: *малженски миръ* ничто не препятствуетъ объяснить переходомъ слова *миръ* отъ общаго и отвлеченнаго понятія о союзѣ или согласіи къ частному союзу брачному. Въ народномъ нашемъ языкѣ, рядомъ съ приведеннымъ выше *совѣтно*, есть другое реченіе *союзно* съ тѣмъ же самымъ значеніемъ: мирно, дружно. Въ приговорахъ и прибауткахъ, коими тѣшится народъ на масляницѣ, многимъ случалось конечно слышать слова:

Живали мы съ ней союзно,
Наѣдалися кажинъ день грузно.

Народъ нашъ называетъ бракъ закономъ, употребляя тотъ

же синекдохическій пріемъ (родъ вмѣсто вида), какъ и польскій языкъ въ выраженіи *малженски миръ*.

Не можемъ рѣшить, принадлежитъ ли звукъ *р* въ словахъ *миръ* и *мѣра* къ корню, или окончанію; въ послѣднемъ случаѣ быть можетъ правильно было бы снести корень этихъ реченій: *ми-* и *мѣ-* съ греч. μέ—τρον лат. me-trum. Что -τρον и -trum суть окончанія, въ томъ сомнѣнія нѣтъ; въ санскритѣ имъ соотвѣтствуетъ окончаніе *тра*. Суффиксъ -ръ встрѣчается во многихъ реченіяхъ нашего языка: пи-ръ отъ пи-ти, жи-ръ отъ жи-ти, да-ръ отъ да-ти [1]).

Въ объясненіи слова *молить*, на нашъ взглядъ, замѣчаются у г. Буслаева также значительные недосмотры, на которые почитаемъ обязанностію обратить его вниманіе. Выпишемъ разсужденіе его объ этомъ словѣ:

«*Молить* употребляется въ значеніи: колоть, рѣзать—въ областномъ нарѣчіи Вятскомъ; потомъ ѣсть, и именно что-либо особенное, даже благословенное. *Молить* въ значеніи приносить жертву, давать обѣтъ, употребляется въ древнѣйшихъ рукописяхъ Ветхаго Завѣта: такъ слово *мольба* въ рукописи XVI в., В. И. Григоровича, употреблено тамъ, гдѣ въ исправленномъ текстѣ читаемъ «обѣтъ»; а именно: Кн. Числ. «Въ въсе дни *молбы* его» (VI, 4); «Яко *молба* Богу иемоу на немъ, на главѣ его» (VI, 7); «Глава бо молбы его» (VI, 9); Безъ сомнѣнія, читатель ясно видитъ, что о словѣ «молить» мы говоримъ въ его доисторическомъ значеніи, не имѣющемъ ничего общаго съ тѣмъ высокимъ понятіемъ, до котораго вознесено это слово утвержденіемъ христіанства между Славянами. Мы говоримъ о томъ моленіи, противъ котораго такъ громогласно вопіетъ слово Христолюбца, который, по рукописи XIV в. въ Троицкой Лаврѣ подъ названіемъ «Златая чепь», именно говоритъ о невѣрующихъ, что они «не оши-

---

1) Если въ словѣ *миръ* - ръ есть суффиксъ, то нельзя ли отъ темы *ми-* (предположительное infinitivum: ми-ти) предположить причастіе спрягаемое ми-лъ, при посредствѣ понятія любви, соединяющаго оба реченія: ми-ръ и ми-лъ? Не придаемъ серьезнаго значенія этой догадкѣ и не отвѣчаемъ за ея вѣрность; но изъ филологическихъ гипотезъ считаемъ ее не самою неправдоподобною.

буться [1]) (не отстають) «проклятаго моленія», т.-е., жертвоприношенія идоламъ. Потому-то къ глаголу *молить* и приставляется возвратное мѣстоименіе *ся*, которое теперь ничего здѣсь не значитъ, но первоначально имѣло смыслъ, т.-е. приносить *себя* въ жертву, а не умолять или просить *себя*. Отсюда же явствуетъ, почему *молиться* употребляется съ дательнымъ падежемъ» [2]).

Почтенный профессоръ какъ будто предполагаетъ, что въ нашихъ областныхъ значеніяхъ слова *молить*—колоть, рѣзать, ѣсть, заключается первый его смыслъ, что отъ этихъ-то грубыхъ значеній оно перешло къ настоящему своему возвышенному смыслу, а не наоборотъ: не то, чтобы къ настоящему значенію этого глагола, по связи совокупно совершаемыхъ дѣйствій (принося жертву, вмѣстѣ и молятся, и закалаютъ, и вкушаютъ), присоединились и другія его значенія, сохранившіяся въ областномъ нашемъ языкѣ. Потому-то въ замѣнѣ слова *обѣтъ* словомъ *молба* онъ видитъ какое-то униженіе смысла послѣдняго реченія до значенія обѣта и жертвы.

Слово *обѣтъ* дѣйствительно замѣняется во многихъ древнихъ спискахъ Ветхаго Завѣта реченіемъ *молба*, но это нисколько не роняетъ высокаго значенія глагола молить и производныхъ отъ него реченій: потому что моленіе въ его истинномъ, священномъ смыслѣ вездѣ и всегда, не у язычниковъ только, приносившихъ кровавыя жертвы, но и у народа Израильскаго, и у Христіанъ, по сущности своей природы, всегда соединялось и нынѣ соединяется съ обѣтами и жертвою, закланіемъ и вкушеніемъ.

---

[1]) Сравни глаголъ [illegible] въ этомъ значеніи съ древнимъ словомъ [illegible], въ томъ же смыслѣ употребленнымъ у Нестора: [illegible], чужея [illegible] [illegible] и [illegible], а [illegible]. Лавр. Спис. П. С. Л. т. I, стр. 25. Если предполагать въ словѣ [illegible] [illegible] о въ а вслѣдствіе ударенія, какъ въ глаголахъ оставливаться отъ оставить, [illegible] отъ [illegible], [illegible] отъ [illegible] и т. д.; то получится корень [illegible] ([illegible]), тожесозвучный съ [illegible] [illegible] ([illegible]), подобно тому, какъ тожественны корни: [illegible] и [illegible]; [illegible] и [illegible]; [illegible] и [illegible] и т. д. Отсюда можно заключить и о тожественности реченій: [illegible] отъ и [illegible], которыя въ древнемъ языкѣ обозначаютъ жертву. Въ древнихъ спискахъ про [illegible] говорится: [illegible] [illegible]

[2]) Т. I, стр. 82.

О Аннѣ, матери пророка Самуила, молившейся о разрѣшеніи ея безплодства, читаемъ въ первой главѣ первой Книги Царствъ: «И та умиленна душею, и помолися (προσ-ηῦξατο) Господу, и плачущи проплака. И обѣща обѣтъ (ηῦξατο εὐχὴν) Господу, глаголющи: Адонаи, Господи, Елои, Саваоѳъ, аще призирая призриши на смиреніе рабы Твоея, и помянеши мя, и даси рабѣ Твоей сѣмя мужское, то дамъ е предъ Тобою въ даръ до дне смерти его».

Развѣ это не мольба и обѣтъ въ одно и тоже время? И развѣ не довольно было бы, кромѣ другихъ филологическихъ объясненій, одного такого примѣра, чтобы заключить о естественности замѣны слова *обѣтъ* реченіемъ *мольба?*

Для обозначенія связи между молитвою и жертвою въ христіанскомъ мірѣ мы можемъ сдѣлать указанія г. Буслаеву изъ Православнаго Служебника. Принося святые дары (жертву), іерей возглашаетъ:

«Еще приносимъ Тебѣ словесную сію и безкровную службу, просимъ, и молимъ (въ древнихъ: молимъся) и мили ся дѣемъ».

«Царь царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ *заклатися* и датися въ *снѣдь* вѣрнымъ».

И такъ невозможно согласиться съ г. Буслаевымъ, что слово *мольба* въ приведенномъ мѣстѣ изъ списка г. Григоровича, замѣняющее нынѣшнее реченіе *обѣтъ*, употреблено, какъ онъ говоритъ, въ его доисторическомъ значеніи, не имѣющемъ ничего общаго съ тѣмъ высокимъ понятіемъ, до котораго вознесено это слово утвержденіемъ христіанства между Славянами. Христіанствомъ вознесено не слово, а самое понятіе о молитвѣ, обѣтахъ и жертвахъ, и самыя дѣйствія: вмѣсто идоловъ, стали молиться истинному Богу; вмѣсто тельцовъ и другихъ жертвенныхъ животныхъ, закалается и дается въ снѣдь вѣрнымъ Агнецъ Божій. Слово же *молить* не испытало при этомъ никакой метафоры: оно означаетъ понятіе о дѣйствіи тогоже порядка, какъ и прежде. Совершенно несправедливо, чтобы оно сперва значило колоть и ѣсть, а потомъ молить въ христіанскомъ значеніи.

Намъ кажется, что и въ этомъ случаѣ, какъ и въ указан-

номъ выше [1]), простая справка съ греческимъ текстомъ Ветхаго Завѣта и греческимъ словаремъ могла бы избавить г. Буслаева отъ уклоненія въ сторону. Во всѣхъ трехъ мѣстахъ, приведенныхъ имъ изъ списка г. Григоровича, въ соотвѣтствіе слову *молба* въ греческомъ текстѣ читаемъ *εὐχή* (глаголъ *εὔχομαι*). Εὐχή въ лучшихъ словаряхъ толкуется: молитва, желаніе, обѣтъ, первоначально всегда соединявшійся съ мольбою [2]); что же удивительнаго послѣ сего, что *εὐχή* въ однихъ спискахъ Св. Писанія переведено у насъ *молба*, а въ другихъ—*обѣтъ*? Въ греческомъ текстѣ вышеприведенной молитвы Анны рядомъ стоятъ выраженія: *ηὔξατο εὐχὴν*—помолися и *προσ-ηὔξατο*—обѣща обѣтъ.

Происхожденіе слова *молить*, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не объяснено никѣмъ вполнѣ удовлетворительно; посему почитаемъ себя въ правѣ предложить свое о томъ мнѣніе, которое, какъ читатель увидитъ, имѣетъ много правдоподобія.

Выше приведены нами изъ Служебника (они весьма не рѣдко встрѣчаются и въ другихъ богослужебныхъ книгахъ) два однозначущія реченія: молимъся и мили ся дѣемъ. Если отъ созвучія, должно думать, не случайнаго, корней *мил-* и *мол-*, употребленныхъ для выраженія тожественныхъ понятій, позволительно заключать о ихъ родствѣ: то будетъ ли дерзко признать реченіе *молить* за винословный глаголъ (verbum factitivum), произведенный отъ корня *мил*-ъ чрезъ обычную въ такихъ случаяхъ перемѣну въ корнѣ *и* на *о*? Такимъ образомъ получается слово *молити* съ значеніемъ *дѣлать милымъ*, откуда *молитися* съ значеніемъ *дѣлать милымъ себя* (милъ ся дѣю).

Но какъ тогда разъяснить выраженіе: молить Бога? Что будетъ означать: дѣлать милымъ Бога? Разъясненіе есть и совершенно, кажется, удовлетворительное. Дивимся, какъ никто изъ изслѣдователей славянскаго языка не замѣтилъ до сихъ поръ двойственнаго значенія слова *милъ*: страдательнаго, въ какомъ оно употребляется въ большей части случаевъ (быть

[1]) См. объясненіе слова: своить.

[2]) Греко-Нѣм. Лекс. Пасс.

кому милымъ, иначе жалкимъ), и дѣйствительнаго, рѣдко встрѣчающагося, но несомнѣнно существующаго (быть къ кому милостивымъ).

Въ притчѣ о блудномъ сынѣ читаемъ:

«Еще же ему далече сущу, узрѣ его отецъ его, и милъ ему бысть, и текъ нападе на выю его, и облобыза его» [1]).

Въ греческомъ текстѣ слова: милъ ему бысть (милъ ему сдѣлался) выражены однимъ словомъ: ἐσπλαγχνίσθη, котораго подлежащее не блудный сынъ, какъ это легко можетъ показаться, а отецъ его; ибо ἐσπλαγχνίσθη не имѣетъ никакого другаго значенія, кромѣ: помилосердовалъ (о немъ), пожалѣлъ, сдѣлался ему милостивъ. Возьмемъ любое мѣсто изъ Св. Писанія, въ которомъ этотъ глаголъ встрѣчается, и нигдѣ не встрѣтимъ его съ инымъ значеніемъ. Напр. σπλαγχνίζομαι ἐπὶ τὸν ὄχλον—милосердую о народѣ [2]), Καὶ ἐσπλαγχνίσθη 'επ' αὐτούς—И милосердова о нихъ [3]) и т. д.

Просимъ нашего славнаго языковѣда, Востокова, обратить на наши слова снисходительное вниманіе: ибо у него въ словарѣ выраженіе изъ притчи о блудномъ сынѣ истолковано, какъ намъ кажется, несообразно съ значеніемъ слова ἐσπλαγχνίσθη [4]), которое никогда не можетъ значить—сдѣлался ему жалокъ, но сдѣлался ему милостивъ, помилосердовалъ: хотя по тексту славянскому, при двойственномъ значеніи слова *милъ*, легко принять его здѣсь и въ смыслѣ страдательномъ: сдѣлался ему жалокъ.

На помощь намъ приходитъ и сербскій языкъ, гдѣ при словѣ Богъ весьма часто, почти постоянно, по крайней мѣрѣ въ народной поэзіи стоитъ прилагательное милы.

Милы Боже! Чуда великаго!

Самое существительное *милость*, отъ *милъ*, выражаетъ

---

[1]) Лук. Гл. XV, ст. 20.

[2]) Марк. Гл. VIII, ст. 2.

[3]) Мате. XIV, 14.

[4]) Σπλαγχνίζομαι въ словаряхъ толкуется: misericordia moveor, miseret me, miseror; происходитъ отъ σπλάγχνον — внутренности, утроба, сердца; εὔσπλαγχνος—благоутробный.

свойство лица милующаго, а не милуемаго; а оттуда милостивый.

Производство винословнаго глагола молить отъ корня милъ можетъ найти себѣ подтвержденіе въ точно такомъ же образованіи винословнаго *холить* (нѣжить) отъ *хил-ъ* (нѣжный, слабый *).

Впрочемъ это образованіе винословнаго глагола перемѣною и на о самое обыкновенное и постоянное явленіе въ русскомъ языкѣ. Формы *по-и-ти* отъ *пи-ти*; [illegible] отъ [illegible]; *го-и-ти* отъ *жи-ти*, образовались, какъ и *мол-и-ти* и *хол-и-ти*, простою перемѣною кореннаго и на о; а звукъ и передъ окончаніемъ — *ти* во всѣхъ вышесказанныхъ винословныхъ глаголахъ есть вставной. Обыкновенное мнѣніе, что глаголы пои-ти, гнои-ти и т. д. происходятъ отъ своихъ первообразныхъ пи-ти, гни-ти и т. д. чрезъ вставку о передъ и, не имѣетъ никакого основанія.

Областныя же значенія глагола молить — колоть, рѣзать и потомъ ѣсть — весьма удобно объясняются изъ перваго и основнаго его значенія. Моля, умилостивляя Бога, всегда приносили жертвы, всегда закалали и всегда вкушали отъ жертвъ, какъ было уже показано выше: что же естественнѣе этой метонимія, въ которой прибѣгъ русскій языкъ, перенеся именованіе главнаго дѣйствія и на постоянно сопровождавшія съ онымъ?

Такимъ образомъ объясняется смыслъ, [illegible] не находитъ г. Буслаевъ, смыслъ [illegible] въ словѣ молиться въ настоящемъ его употребленіи: хотя и не тотъ, который предложилъ г. Буслаевъ: будто [illegible] значило *приносить себя въ жертву*.

Понятенъ и [illegible] корня милъ въ томъ и другомъ его значеніи. [illegible] милостивымъ.

Замѣтимъ, что отъ глагола молить въ смыслѣ ѣсть, кушать

*) [illegible]

пробовать (я еще нынѣче ягодокъ-то не молила, не пробовала), есть областное *мóлины* (свадебные гостинцы, лакомства), сколько помнится, не вошедшее во второе изданіе Опыта Областнаго Словаря, хотя и указано было въ Москвитянинѣ за 1852 годъ, при разборѣ перваго изданія.

Совершенно справедливо сноситъ г. Буслаевъ слово *говорить* съ словомъ *править* [1]. Что между понятіями, выражаемыми въ этихъ реченіяхъ, есть близкая связь, это очевидно изъ значенія ихъ въ языкахъ польскомъ и чешскомъ: польское prawic и чешское prawiti значитъ говорить, разсказывать. Противъ факта сказать нечего, но его должно уразумѣть. Указавши на одинаковое значеніе этихъ двухъ реченій, остается еще объяснить тотъ постепенный переходъ отъ понятія къ понятію, или то сцѣпленіе понятій, по которому эти реченія, столь чуждыя одно другому по корню, явились съ одинаковымъ значеніемъ въ разныхъ родственныхъ языкахъ.

Не скроемъ того, что объясненіе, предлагаемое г. Буслаевымъ, нисколько насъ не удовлетворило. Для посредства между понятіями править и говорить, упомянувъ предварительно о древнемъ значеніи глагола *дѣяти* или *дѣти* (говорить), которое встрѣчается не рѣдко и въ нашихъ лѣтописяхъ, является постоянно и въ нынѣшнемъ чешскомъ языкѣ, сохранилось и въ нашемъ сокращенномъ реченіи *де* (дескать)—въ смыслѣ *говорить* [2]), г. Буслаевъ присовокупляетъ:

«Такъ какъ съ понятіемъ дѣла постоянно соединяется мысль о его качествѣ, то есть, дѣло правое, или неправое, то весьма естественно *правда* могла получить смыслъ дѣла, и *править* дѣлать: потому въ старинномъ языкѣ часто встрѣчаемъ вмѣсто дѣлать, править. Въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи 60: «сего не правьте», то есть не дѣлайте; какъ и теперь говорятъ: челобитье править, поклонъ править. Глаголъ править, заключающій въ себѣ понятіе о правильномъ и законномъ дѣйствіи, переходитъ весьма естественно въ значеніе говорить: по польски, по чешски: prawic, prawiti,значитъ говорить, разсказывать» [3]).

---

1) Т. I, стр. 2.

2) Бога еси почестилъ, аже *дѣеши*: ты мой еси отецъ. См. тамъ же.

3) Тамъ же.

обозначенія человѣка съ огромными, выпученными глазами. Слово *волыглазъ* употребляется въ народѣ всегда для брани и совершенно соотвѣтствуетъ прилагательнымъ: лупоглазый, пучеглазый. Г. Буслаевъ не можетъ конечно отвѣчать за то, что ему былъ неизвѣстенъ иронической или ругательный смыслъ слова *волыглазъ*: нельзя знать всѣхъ областныхъ словъ со всѣми оттѣнками ихъ значеній. Впрочемъ сказанное нами о словѣ волыглазъ указано было въ Москвитянинѣ за 1852 годъ, при разборѣ перваго изданія Опыта Областнаго Словаря.

Это различие въ смыслѣ словъ βοῶπις и *волыглазъ* весьма естественно объясняется тѣмъ, что Русскіе съ представленіемъ вола или быка соединяютъ представленіе не о величественной царственной красотѣ, какъ Греки, а только о тучности и нескладности. Всѣмъ извѣстно прекрасное, художественное сравненіе величественнаго царя Агамемнона съ воломъ, сдѣланное конечно безъ малѣйшаго ироническаго намѣренія:

Ἠΰτε βοῦς ἀγέληφι μέγ' ἔξοχος ἔπλετο πάντων
Ταῦρος [1].

По духу нашего языка, такое сравненіе у насъ было бы совершенно невозможно. Говоря про величественнаго царя, который превосходилъ всѣхъ сподвижниковъ своихъ именно почтеннымъ видомъ и царственною [illegible] [2], мы не рѣшились бы сказать: «экой быкъ»!

Итакъ должно разстаться съ мнѣніемъ г. Буслаева, что въ областномъ словѣ *волыглазъ* удерживается воззрѣніе гомерическаго эпитета *βοῶπις*: воззрѣніе даже и древне-греческое, какъ видимъ, крайне противоположно [illegible] русскому. Совершенно [illegible] потреблялось, какъ мы показали уже, санскритское реченіе [illegible], слѣдовательно и все, по поводу этого слова сказанное г. Буслаевымъ о первобытномъ родствѣ эпическихъ воззрѣній, опредѣляющихъ одинаковый взглядъ на природу, ни мало не относится къ настоящему случаю.

[1] [illegible] Иліад. Пѣснь II, ст. [illegible].

[2] См. Иліад. Пѣснь II, ст. [illegible].

— μετὰ δὲ κρείων Ἀγαμέμνων,
ὄμματα καὶ κεφαλὴν ἴκελος Διὶ τερπικεραύνῳ,
Ἄρεϊ δὲ ζώνην, στέρνον δὲ Ποσειδάωνι.

чаетъ въ себѣ понятіе о правильномъ и законномъ дѣйствіи. Это уже не то, что сказано было нѣсколько строкъ назадъ: иное значитъ дѣлать вообще, безъ различій и опредѣленій, и иное дѣлать правильно и законно. Большая часть глаголовъ выражаютъ какое либо дѣйствіе, но не всѣ они употребляются для выраженія дѣйствія вообще.

Въ третьихъ, г. Буслаевъ говоритъ, что *правда* весьма естественно *могла* получить смыслъ дѣла.

На это никакого опредѣлительнаго рѣшенія съ своей стороны дать не можемъ: можетъ быть и могла; одно вѣрно, что правда никогда не употребляется въ значеніи дѣла. Это опять легонькое a posse ad esse, которое мы имѣли уже случай встрѣтить у г. Буслаева, при объясненіи слова притча.

Въ четвертыхъ, замѣтимъ, что въ выраженіяхъ: челобитье править, поклонъ править, г. Буслаевъ, по нашему мнѣнію, напрасно признаетъ за глаголомъ *править* значеніе *дѣлать*. «Дѣлать челобитье» или «дѣлать поклонъ»—выраженія невозможныя: тогда какъ «сказать поклонъ», «сказать челобитье» не только возможныя, но и весьма обыкновенныя выраженія, какъ въ разговорномъ языкѣ, такъ и въ народной поэзіи:

Челобитьице скажите молодой женѣ,
Благословеньице моимъ малымъ дѣтушкамъ,

поется въ извѣстной русской пѣснѣ «Степь Саратовская», иначе «Степь Моздокская». Принявъ это въ соображеніе, г. Буслаевъ не имѣлъ бы нужды проводить глаголъ *править* чрезъ посредствующее значеніе *дѣлать*, чтобы привести его къ значенію *говорить*. Реченія польское и чешское нашли бы въ русскомъ языкѣ прямое себѣ соотвѣтствіе.

Но и тогда, какъ и теперь, оставалась бы необъясненною связь понятій править и говорить. Г. Буслаевъ говоритъ, что глаголъ *править*, заключающій въ себѣ понятіе о правильномъ и законномъ дѣйствіи, переходитъ весьма естественно въ значеніе говорить. Что переходитъ, это очевидно: чешское prawiti и польское prawic, какъ и русское поклонъ *править*, достаточно о томъ свидѣтельствуютъ. Что переходитъ весьма естественно, въ этомъ мы также имѣемъ мало сомнѣнія; потому что

всѣ древнія перенесенія словъ отъ одного значенія къ другому бываютъ совершенно просты и чужды натянутой искусственности, столь непріятно поражающей насъ въ современномъ языкѣ, на которомъ пороки идей и чувствъ эпохи оставили такіе замѣтные слѣды.

Но сказать, что слово отъ одного значенія перешло къ другому весьма естественно, не объяснивъ какъ, значитъ не сказать ничего—

Ничего иль очень мало.

Намъ показалось очень странно также, что г. Буслаевъ, оставивъ безъ объясненія то, что въ объясненіи имѣетъ нужду, въ другихъ случаяхъ, которые сами по себѣ ясны и просты, употребляетъ необыкновенно сложные пріемы и далекія соображенія, чтобы объяснить дѣло. Напримѣръ, нѣтъ, дѣйствительно нѣтъ ничего проще того обстоятельства, что народныя собранія, на которыя народъ сходится говорить или совѣщаться о своихъ общихъ дѣлахъ, назывались въ древнемъ русскомъ языкѣ *вѣча;* ибо слово *вѣче* происходитъ отъ корня *вѣт*, откуда древнее *вѣтъ* — совѣтъ, глаголъ *вѣщать* — говорить; сложное со*вѣщ*аться. На этомъ основаніи и въ древней Греціи народное собраніе, а потомъ и площадь (л. forum), на которой народъ собирался для совѣщанія (вѣча), наконецъ и самая рѣчь обозначилась словомъ ἀγορά, откуда глаголъ ἀγοράομαι, публично говорю. Посему и совѣщательныя собранія называются по латини collegium, отъ con и lego—читаю, греческое λέγω—говорю. Посмотримъ же, какими трудными путями доходилъ до такого простаго и яснаго заключенія г. Буслаевъ:

«Законъ и правда, какъ идеи семейнаго и общественнаго порядка, вытекающія изъ общихъ началъ духовной жизни эпохи первобытной, входятъ въ тотъ же общій разрядъ понятій, который составляетъ основу народности. Законъ и правда установляются обычаемъ; обычай держится преданіемъ, то есть, сообщеніемъ правды отъ одного поколѣнія къ другому. Слово, рѣчь — этотъ главный проводникъ понятій и сужденій между лицами, составляющими общество, есть та нравственная среда, въ которой вырабатывалась идея правды и устанавливался юри-

дическій обычай. *Потому* самое собраніе лицъ для рѣшенія вопросовъ по дѣламъ закона и правды называется *вѣче*» [1]).

Скажите, пожалуйста.

Объясняя древнія русскія или, лучше, общія славянскія реченія: рота—клятва, присяга; реть или рета—споръ; ротитися—клясться [2]): г. Буслаевъ прибѣгаетъ къ сравненію корня означенныхъ словъ *рот*—съ санскритскимъ *арт*. Противъ правильности филологическихъ пріемовъ, употребленныхъ въ этомъ сравненіи г. Буслаевымъ, мы сказать ничего не имѣемъ и совершенно готовы признать родство корней славянскаго и санскритскаго; ибо перемѣщеніе (metathesis) въ плавныхъ слогахъ явленіе весьма обыкновенное, взаимный переходъ звуковъ *а* и *о*, *о* и *е* также; значенія словъ, произведенныхъ отъ этихъ корней въ славянскомъ языкѣ и санскритѣ, подобны. Но не можемъ согласиться съ г. Буслаевымъ, чтобы первоначальное значеніе корня *рет*—или *рот*—было: итти, двигаться; для этого нѣтъ доказательствъ. Санскритскій корень *арт*—точно имѣетъ, судя по Боппу, первое значеніе итти, ire, потомъ уже aemulari, certare и т. д. Но въ славянскомъ языкѣ производныя отъ корня *рет* — или *рот*—реченія выражаютъ прежде всего понятіе о спорѣ, соревнованіи, ссорѣ, и потомъ уже принимаютъ смыслъ движенія, но движенія не вообще, а въ непремѣнной связи съ представленіемъ о спорѣ или соревнованіи. Выраженіе «вытечка конская», упоминаемое у Памвы Берынды и у Лаврентія Зизанія, поставлено уже въ послѣдующее, а не первое значеніе словъ: реть и рота, и обозначаетъ не просто конскій бѣгъ, а бѣгъ въ запуски, въ перегонку, за споръ. Переводъ нарѣчія *ретно* дѣепричастіемъ *убѣгаючися* не оставляетъ въ томъ никакого сомнѣнія: ибо взаимный залогъ этого дѣепричастія и предлогъ *у* прямо указываютъ на понятіе о соревнованіи въ бѣгѣ. Убѣгатися значитъ убѣгать другъ отъ друга, или другъ передъ другомъ. Конь ретивый есть конь способный къ спору на бѣгу, потомъ уже и вообще быстрый или лихой. Такимъ образомъ нѣтъ ни одного примѣра ни въ древнемъ, ни въ нынѣшнемъ языкѣ, по которому можно было бы заключить, что

[1]) Т. I, стр. 3.
[2]) Т. I, стр. 4.

слова рота, реть, ретно и т. д. отъ первоначальнаго значенія хода, бѣга или движенія вообще, перешли къ значенію спора, соревнованія, клятвы, брани и т. д. Всѣ примѣры говорятъ о переходѣ обратномъ.

Ни въ древнихъ словаряхъ, какъ напримѣръ у Миклошича, ни въ нынѣшнихъ церковно-славянскихъ книгахъ, не найдемъ словъ: ротитися, реть и т. д. въ иномъ смыслѣ, какъ клясться, ссора и т. д. Ясно, что въ немногихъ приведенныхъ г. Буслаевымъ примѣрахъ понятіе о бѣгѣ и движеніи соединилось съ этими реченіями случайнымъ, хотя и весьма понятнымъ, образомъ: къ числу всякихъ споровъ и соревнованій принадлежитъ и конское ристалище. Это самая обыкновенная въ языкахъ специализація [1]).

Замѣтивъ, что въ областномъ русскомъ языкѣ нѣкоторыя качественныя нарѣчія принимаютъ значеніе количественное (напримѣръ: дивно, благо=много), г. Буславъ приходитъ къ мысли, что и «наоборотъ (?) понятіе о числѣ переходитъ къ сравненію и уравненію качествъ; напримѣръ: *очисль* (отъ слова *число*) значитъ точь въ точь: *точно такъ* (?) какъ *разъ* отъ удара переходитъ къ счету, потомъ *къ образу*» [2]).

Слово *наоборотъ* употреблено г. Буслаевымъ, по нашему мнѣнію, вовсе не въ ту силу. Если бы онъ приводилъ примѣры тому, какъ реченія, выражающія количественное понятіе переносятся къ обозначенію качества, тогда употребленное имъ слово *наоборотъ* было бы у мѣста: такіе примѣры были бы дѣйствительно нѣчто обратное указаннымъ выше качественнымъ нарѣчіямъ, переносимымъ къ количественному значенію. Но онъ приводитъ такое слово (*очисль*), которое, какъ онъ самъ говоритъ, служитъ не для выраженія самаго качества, а только для

¹) Замѣтимъ, что слово реть есть и въ современномъ текстѣ Новаго Завѣта, [illegible] Евангелія [illegible] (гл. XXII, 24) читаемъ: да не како [illegible] г. Буслаевъ [illegible] привести слова изъ [illegible] и не столь [illegible] ближайшіе. Такъ, кромѣ слова реть, которое онъ не замѣтилъ въ нынѣшнемъ текстѣ Св. Писанія, онъ [illegible] слово [illegible] изъ путешествія Аѳанасія Тверитина, не упоминая о Евангеліи отъ Марка, гдѣ читаемъ: [illegible] (Гл. XV. [illegible]).

²) Т. I, стр. 182.

Объясненіе, какъ намъ кажется, противорѣчащее духу и пріемамъ нашего народнаго языка. Приведенныя г. Буслаевымъ выраженія: туръ—золотые рога, чоботы—зеленъ софьянъ и множество имъ подобныхъ, преобладающія въ народномъ языкѣ надъ эпитетами, сложенными изъ прилагательнаго и существительнаго [1]), принуждаютъ искать для замѣчательной формы *слѣпоочи* другаго объясненія.

Мы позволимъ себѣ такую догадку, что удвоеніе звука *о* въ этомъ словѣ сдѣлано по ошибкѣ доставившаго это реченіе въ Опытъ Областнаго Словаря. Ошибка могла произойти отъ того, что удареніе, стоящее на слогѣ *о*, можетъ сообщать ему въ мѣстномъ выговорѣ замѣтную долготу. Если бы наша догадка подтвердилась, то мы получили бы ясную и весьма сообразную съ законами языка форму *слѣпочи*, по древнему слѣпъчи, по нашему слѣпецъ. Для сравненія предлагаемъ рядъ древнихъ существительныхъ, образованныхъ точно такимъ образомъ: зодъчи (зодчій), книгочи, самъчи, самчій (начальникъ дома, *ὁ ἐπὶ τῆς οἰκίας*), бльхчи или бльгчи (плотникъ), кръчагьчи (скудельникъ), свѣтчій (дружка, сватъ), крайчій и т. д.

Вотъ въ какую многочисленную семью вводитъ наша догадка областное реченіе *слѣпоочи*, по нашему: слѣпочи или слѣпъчи; въ то время какъ толкованіе г. Буслаева поставляетъ его въ совершенное одиночество. Во всемъ русскомъ языкѣ, на всемъ пространствѣ его историческихъ и областныхъ измѣненій, слово *слѣпоочи* не найдетъ себѣ пары, по областному дружки [2]).

---

[1]) Извѣстно, что составленные Гнѣдичемъ сложные эпитеты для перевода Гомерическихъ эпитетовъ всѣмъ кажутся тяжелыми и языку нашему несродными; что критика указывала для замѣны ихъ именно на русскіе раздѣльные эпитеты: золотые рога вмѣсто златорогій и т. д.

[2]) Г. Буслаевъ, послѣдуя указанію Областнаго Словаря, думаетъ, что слово дружокъ (иначе дружка) употребляется въ значеніи пары, но только о вѣникахъ и о ведрахъ. Въ извѣстныхъ намъ областныхъ говорахъ «они дружки» значитъ они парные, и говорится о предметахъ, какихъ угодно, безъ разбора. Здѣсь кстати замѣтить, что г. Буслаевъ питаетъ къ Опыту Областнаго Словаря довѣріе, нѣсколько излишнее. Критиковать доставленныя въ этотъ словарь реченія конечно не безопасно; однако есть случаи, гдѣ критика должна вступить въ свои права.

шимъ; но г. Буслаевъ не доказываетъ и, мы увѣрены, никакъ не докажетъ, что къ обозначенію *образа* слово *разъ* (въ смыслѣ ударъ) перешло не прямо, а посредствомъ другаго своего значенія, счетнаго.

Какъ выше сравненіе славянскаго реченія *миръ* съ греческимъ κόσμος показало несостоятельность словопроизводства, предложеннаго г. Буслаевымъ; такъ и въ настоящемъ случаѣ сличеніе слова *разъ* съ греческимъ τύπος окажетъ истинѣ ту же услугу.

Τύπος отъ τύπτω—бью, первоначально значитъ ударъ, *разъ* въ его первоначальномъ смыслѣ; затѣмъ видимый слѣдъ удара, отпечатлѣніе, въ частномъ смыслѣ чеканъ; наконецъ вообще видъ, форма, *образъ*, а также и *образецъ* (модель).

Читатель согласится, мы надѣемся, что при такой ясной параллели въ пріемахъ двухъ языковъ для образованія одно-значащихъ реченій τύπος и *разъ* (образъ) не предстоитъ никакой надобности прибѣгать къ посредству счетнаго смысла слова *разъ*, чтобы объяснить переходъ его отъ удара къ образу. Τύπος не значитъ *разъ* (fois), однако перешло же указаннымъ, весьма естественнымъ путемъ къ значенію *образа*; зачѣмъ же подвергать наше слово *разъ* опасностямъ такого дальняго пути?

Намъ кажется, не малымъ подтвержденіемъ нашему мнѣнію послужитъ древнее значеніе и объясненіе производства слова *тѣло*.

Извѣстно, что первоначальное значеніе этого слова есть образъ, въ особенности ваятельный кумиръ. Такъ въ Охридскомъ Апостолѣ г. Григоровича словомъ *тѣлеса* переведено греческое σεβάσματα (предметы языческаго чествованія, капища, идолы); даже и въ нынѣшнихъ богослужебныхъ книгахъ встрѣчаемъ *тѣло* съ этимъ древнимъ значеніемъ. Напримѣръ:

Тѣлу златому премудрыя дѣти не послужиша [1]).

Въ другомъ мѣстѣ:

Образу златому на поли Деиры служиму.

Тоже видимъ въ заглавіи комедіи Симеона Полоцкаго о Навуходоносорѣ и златомъ *тѣлѣ*, что въ учебникѣ словесности

[1]) Канонъ ко Святому причащенію.

изданномъ отъ департамента М. Н. Пр., переведено о златомъ *тельцѣ* (sic). Не рѣдко встрѣчается увеличительное или уничижительное *тѣлище*—болванъ, истуканъ. Но встрѣчается и въ смыслѣ изображенія живописнаго, въ соотвѣтствіе греческому εἰκών [1]).

Не сомнѣваемся, что слово *тѣ*-ло происходитъ отъ древняго глагола *тя*-ти или *те*-ти: бить; сравни: кры-ти, кры-ло; мы-ти, мы-ло; ры-ти, ры-ло и т. д. Такъ и въ этомъ словѣ, какъ въ τύπος и образъ, понятіе о ударѣ сочеталось съ понятіемъ о образѣ, безъ всякаго посредства.

И такъ *разъ* въ значеніи счета самъ по себѣ, а въ значеніи образа самъ по себѣ; и то, и другое значеніе вторичное, но каждое произошло своимъ особымъ способомъ, безъ посредства другаго.

Совершенно справедливо замѣчаетъ г. Буслаевъ, что слово *хитрый* въ древности имѣло смыслъ умнаго, а не коварнаго, какъ теперь. Но позволимъ себѣ усомниться въ томъ, чтобы такое сцѣпленіе понятій о умномъ и зломъ, какое выразилось въ древнемъ и новомъ значеніи слова *хитрый*, имѣло какое-нибудь отношеніе къ сказкѣ о трехъ братьяхъ, изъ коихъ меньшой дуракъ. Во первыхъ сказка не представляетъ двухъ старшихъ братьевъ дурака ни особенно умными, ни особенно хитрыми и коварными, а просто обыкновенными, посредственными людьми, слѣдовательно и не подтверждаетъ собою связи понятій о умномъ и зломъ. Во вторыхъ сказка эта слишкомъ давно живетъ въ народѣ, а сочетаніе съ словомъ хитрый значенія коварный, по всѣмъ вѣроятіямъ, позднѣйшее и принадлежитъ къ такой эпохѣ народной жизни, когда нравы упали и умъ, данный для добра, устремился преимущественно на зло.

Если бы въ древнія времена, къ которымъ мы неошибочно, надѣемся, относимъ сказку о трехъ братьяхъ, съ реченіемъ *хитрый* было непремѣнно связано представленіе о зломъ; то производное отъ него существительное никакъ не могло бы сдѣлаться однимъ изъ христіанскихъ именованій Бога. Между тѣмъ въ древнемъ языкѣ вмѣсто словъ Творецъ и Худож-

[1]) Опис. Слав. рук. Моск. сvн. биб. Т. I, стр. 157.

обозначенія человѣка съ огромными, выпученными глазами. Слово *волыглазъ* употребляется въ народѣ всегда для брани и совершенно соотвѣтствуетъ прилагательнымъ: лупоглазый, пучеглазый. Г. Буслаевъ не можетъ конечно отвѣчать за то, что ему былъ неизвѣстенъ ироническій или ругательный смыслъ слова *волыглазъ*; нельзя знать всѣхъ областныхъ словъ со всѣми оттѣнками ихъ значеній. Впрочемъ сказанное нами о словѣ волыглазъ указано было въ Москвитянинѣ за 1852 годъ, при разборѣ перваго изданія Опыта Областнаго Словаря.

Это различіе въ смыслѣ словъ βοῶπις и *волыглазъ* весьма естественно объясняется тѣмъ, что Русскіе съ представленіемъ вола или быка соединяютъ представленіе не о величественной царственной красотѣ, какъ Греки, а только о тучности и нескладности. Всѣмъ извѣстно прекрасное, художественное сравненіе величественнаго царя Агамемнона съ воломъ, сдѣланное конечно безъ малѣйшаго ироническаго намѣренія:

Ἠΰτε βοῦς ἀγέληφι μέγ' ἔξοχος ἔπλετο πάντων
Ταῦρος [1]).

По духу нашего языка, такое сравненіе у насъ было бы совершенно невозможно. Говоря про величественнаго царя, который превосходилъ всѣхъ сподвижниковъ своимъ именно почтеннымъ видомъ и царственною сановитостію [2]), мы не рѣшились бы сказать: «экой быкъ»!

Итакъ должно разстаться съ мнѣніемъ г. Буслаева, что въ областномъ словѣ *волыглазъ* удерживается воззрѣніе гомерическаго эпитета *волоокій*: воззрѣніе наше и древне-греческое, какъ видимъ, крайне противоположны одно другому. Совершенно даромъ потревожено, какъ мы показали уже, санскритское реченіе *го*; слѣдовательно и все, по поводу этого слова сказанное г. Буслаевымъ о первобытномъ родствѣ эпическихъ воззрѣній, опредѣлившихъ одинаковый взглядъ на природу, ни мало не относится къ настоящему случаю.

---

[1]) Какъ быкъ бываетъ въ стадѣ весьма отличный отъ всѣхъ, Волъ: Иліад. Рапс. III. ст. 480, 481.

[2]) См. Иліад. Рапс. III. ст. 168—170.

Ἤτοι μὲν κεφαλῇ καὶ μείζονες ἄλλοι ἔασιν.
Καλὸν δ' οὕτω ἐγὼν οὔπω ἴδον ὀφθαλμοῖσιν,
οὐδ' οὕτω γεραρόν· βασιλῆϊ γὰρ ἀνδρὶ ἔοικεν.

Емуже присѣдяше искрь своя жена [1]).

Оттуда: искрьній буквально значитъ ближьній. Что же тутъ общаго съ словомъ *искра*, кромѣ звуковъ?

Областной глаголъ *озевать*—сглазить не имѣетъ для своего объясненія никакой нужды въ посредствѣ областнаго выраженія: солнце зѣваетъ [2]). Зѣ-вать, древнее зѣ-яти [3]), само по себѣ значитъ глядѣть или, еще лучше, глазѣть; слѣдовательно о-зѣвать значитъ о-глазить; отсюда происходитъ изѣ-ницы, зѣнки. Солнце зѣваетъ, какъ молнія зіяетъ (по древнему: зѣяетъ), какъ зѣницы зѣяютъ (моргаютъ, открываются и закрываются).

Объясняя происхожденіе областнаго реченія *рас-тока*, чтӧ значитъ разлука, разставанье, г. Буслаевъ говоритъ, что въ этомъ словообразованіи присвоенъ отвлеченный смыслъ слову *точить* (гнать, винословная форма отъ глагола *течь*, идти) [4]).

Не противорѣча мнѣнію г. Буслаева, позволимъ себѣ замѣтить, что есть винословный же глаголъ *точить* (лить, проливать, faire couler) отъ тогоже *течь* въ другомъ прямомъ его значеніи:

Ушибъ, убилъ лебедь бѣлую,
Онъ кровь *точилъ* во сине море.

Производный отсюда глаголъ рас-точить, въ значеніи разлить, разсыпать (лить и сыпать во многихъ языкахъ выражаются однимъ и тѣмъ словомъ), разсѣять, разогнать, —также можетъ обратить на себя вниманіе, при объясненіи слова растока.

Можно производить его и отъ корня *тък*-(нуть), однозначащаго съ простонароднымъ тор-нуть (славянская форма торгнуть; сравни: двинуть и двигнуть и т. д.): онъ меня ткнулъ и онъ меня торнулъ—выраженія одинаковыя; слѣдовательно рас-*тък*-нуть (оттуда рас-тока) значитъ рас-торг-нуть. Слово сутки (отъ предлога *съ* и корня *тък*-) имѣетъ значеніе противуположное—сочетанія, совокупленія (дня и ночи), встрѣчи (со-ткнуться—встрѣтиться).

---

[1]) Памят. Росс. Слов. XII в., стр. 118.
[2]) Т. I, стр. 159.
[3]) Слов. Восток.
[4]) Т. I, стр. 179.

Отъ слова *бучать*—издавать звукъ, strepo ut apis, производится древнее слово *бъчѣла* (пчела), которое per metathesin является у карніолійцевъ въ формѣ *чъбѣла* [1]). По другому правописанію слово *бъчела* per metathesin было бы *чъбела*. Если сравнить мценское слово *мчела* (пчела) съ древле-славянскимъ *чмель* [2]) (fucus, apis): то, по указанію выше приведенныхъ примѣровъ, весьма естественно признать, что слово *чмель* произошло отъ *мчела* также per metathesin. *Чмель* же къ нынѣшнему *шмель* относится, какъ *что* къ *што* [3]).

Увлеченные любопытными образчиками перемѣщеній, только что упомянутыхъ, предложимъ читателямъ — впрочемъ совершенно на волю, безъ всякой съ своей стороны отвѣтственности—такую догадку, не происходитъ ли слово *чъб*-анъ (иначе чванъ), ξέστης, sextarius, сосудъ, вмѣщающій около 50 фунтовъ, per metathesin отъ бъч-анъ, боч-анъ (тогоже корня, что бочка)? Другая областная форма его: *жбанъ* (*ч* въ *ж*) имѣло бы себѣ дружку въ малорусскомъ словѣ *бжолы* (древнее бъчелы).

Чрезвычайно любопытную особенность архангельскаго нарѣчія замѣтилъ г. Буслаевъ [4]) въ употребленіи глагола *жить* и производныхъ отъ него въ значеніи *не спать и бодрствовать*. «Вся деревня была еще жива» значитъ еще не спала. «Мы зажили утромъ рано»—рано утромъ проснулись. На этомъ основаніи г. Буслаевъ заключаетъ, что нашимъ предкамъ сонъ представлялся подобіемъ смерти.

«Хотя они не оставили намъ, говоритъ онъ, миѳа о родствѣ сна со смертію, подобно греческому, однако языкъ русскій и доселѣ свидѣтельствуетъ, что съ понятіемъ о снѣ соединялось нѣкогда понятіе о смерти» [5]).

Это безспорно. Замѣтимъ только, что кромѣ любопытнѣй-

---

[1]) Glag. Clotz. стр. 68.

[2]) Тамъ же стр. 86.

[3]) Почитая такое объясненіе совершенно сообразнымъ съ строгими законами языковѣдѣнія, не умолчимъ однако, что слову *бучать* (буч-бъч) въ настоящемъ случаѣ является опасный соперникъ въ глаголѣ тогоже значенія: *шумѣть* (шум-шъм). Безспорно, что отъ *шумѣть* до *шмель* или *шмѣль* дорога ближе, чѣмъ отъ *бучать*.

[4]) Т. I, стр. 16.

[5]) Тамъ же.

шихъ архангельскихъ реченій, указанныхъ г. Буслаевымъ, есть въ общемъ русскомъ и особенно въ церковно-славянскомъ языкѣ довольно много реченій, также выражающихъ связь сна со смертію: успеніе, усыпальница (мѣсто для погребенія какого либо семейства или рода) и т. д.

Въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ читаемъ: «Сего ради въ васъ многи немощни и недужливи и *спятъ* (умираютъ) довольни» [1]).

Мы слегка замѣтили уже выше, что ближайшее знакомство съ текстомъ Священнаго Писанія оказало бы г. Буслаеву большую пользу, предупредивъ его отъ многихъ обмолвокъ и недомолвокъ. Такъ:

Выраженіе Лаврентьевской лѣтописи «вверглъ еси ножъ въ ны» г. Буслаевъ не сталъ бы причислять къ постоянно повторяющимся эпическимъ выраженіямъ быта воинскаго [2]), если бы обратилъ вниманіе на 34-й стихъ X главы Евангелія отъ Матѳея: «не пріидохъ воврещи миръ, по мечъ» (μάχαιρα—ножъ) [3]),—выраженіе, обратившееся въ постоянное, какъ въ древнихъ русскихъ памятникахъ, такъ и въ греческихъ произведеніяхъ Св. Отцевъ, и въ средневѣковыхъ латинскихъ.

Разбирая повѣрье о полудницахъ, г. Буслаевъ съ пользою для себя могъ бы указать на псаломское выраженіе:

От сряща и бѣса полуденнаго [4]).

Текстъ изъ Пророковъ, весьма часто повторяемый въ произведеніяхъ духовно-нравственнаго содержанія: *въ чемъ тя застану, въ томъ тя и сужду*, вложенный въ уста олицетворенной смерти въ сказаніи о Аникѣ Воинѣ [5]), г. Буслаевъ не назвалъ бы юридической пословицей и не нашелъ бы причины измѣнить въ немъ славянскую форму *сужду*, на русскую *сужу*.

---

[1]) Гл. XI. ст. 30.

[2]) Т. I, стр. 88.

[3]) См. Ев. отъ Іоан. гл. XVIII. 10. 11.

[4]) Пс. XC. 6.

[5]) Т. I, стр. 637. Смерть говоритъ Аникѣ: Какъ Господь повелитъ, въ мѣгновеніе ока возьму; *и въ чемъ тя застану, въ томъ тя и суж(д)у*. По сему случаю г. Буслаевъ замѣчаетъ: «Какъ глубоко понята идея смерти въ этой *юридической пословицѣ* (?!) о судѣ, вложенной въ уста ея!»

очевидныя свидѣтельства, но только не эти и не такія. Дуракъ, ни къ чему не способный, ничего не дѣлающій и потому вѣчно проживающій на печи, въ ней и въ кирпичахъ, ее составляющихъ, находитъ для себя все: и отраду, и пріютъ [1]), а по комической гиперболѣ, и святыню. Онъ молится печкѣ и кирпичамъ, чтобы они его берегли и покоили, какъ поѣзжане съ безтолковымъ сватомъ молились вереѣ, чтобы она показала имъ дорогу по невѣсту ѣхати.

По поводу слова *печь* замѣтимъ кстати, что если принять мнѣніе г. Буслаева, какъ намъ кажется, совершенно вѣрное, о тождествѣ *печи* и жилища вообще, и прибавить къ тому неоспоримое тождество жилища и древне-славянскаго *хлѣвина* [2]) (отъ *хлѣвъ*): то не опасно будетъ снести съ нашимъ *хлѣвина* или *хлѣвъ* греческое реченіе κλίβ—ανος (печь).

Другой общеизвѣстный синонимъ жилища, дымъ, подалъ г. Буслаеву поводъ къ объясненію областнаго выраженія «дымная шапка», въ смыслѣ старшой, въ поговоркахъ: помни, малой, дымную шапку! Не забывай дымную шапку!

«Если дымъ, говоритъ г. Буслаевъ, былъ символомъ очага и семейнаго кружка; то само собою слѣдуетъ, что кто долѣе живетъ на свѣтѣ, того одѣяніе болѣе закоптится отъ дыму. *Потому* (?) вмѣсто *старшой* употребляется выраженіе: *дымная шапка*» [3]).

Сомнительно, чтобы это было *потому*. Если принять эту причину, то почему же мы не встрѣчаемъ вмѣсто выраженія «дымная шапка» другихъ: «дымный кафтанъ или армякъ», или «дымная рубаха» и т. п., а именно шапка? Въ словѣ *шапка*, намъ кажется, и вся сила: шапка есть верхъ (chapeau—caput, глава); «дымная шапка» иначе «шапка дыму» есть верхъ или глава дыму, то есть, дому.

---

[1]) Печка—общій пріютъ всѣхъ больныхъ и немощныхъ, неспособныхъ къ дѣлу людей. Въ пѣснѣ поется:

Стару бабу взять,
На печи въ углу держать.

[2]) См. Миклош. Lex. ling. Slov. veter. dial. и Опис. Слав. рукоп. Московск. Синод. библ. Т. I, стр. 18.

[3]) Т. I. стр. 102.

Сравнимъ съ этимъ выраженіемъ областное реченіе *кичка*. Въ настоящее время это есть именованіе женской головной одежды, какъ шапка есть названіе мужской; древнее же реченіе *кыка*, первообразное нашего *кичка*, кромѣ значенія головнаго убора, имѣло и другое значеніе: верхъ, высшая степень, *ἀκμή* [1]). Оттуда глаголъ *кычитися* (кичиться, киченіе, кичливый и т. д.) значитъ выситься, превозноситься, почитать себя посверхъ другихъ.

Г. Буслаевъ, по довѣрію къ Областному Словарю, полагаетъ, что, по стариннымъ понятіямъ, говорить значитъ вспоминать о старинѣ, потому что въ Рязанской губерніи *старовать* значитъ разсуждать, разговаривать. Предоставляя читателю удовлетвориться этимъ выводомъ, или его отвергнуть, укажемъ на послѣдующее за тѣмъ разсужденіе почтеннаго ученаго:

«Между тѣмъ настоящее время—предметъ лирики и драмы—душа наполняетъ ожиданіемъ, стремленіемъ впередъ: потому *годъ* (собственно время вообще) родственно съ глаголами *годить*, *жьдать* (гъд- по смягченіи жьд-) и *часъ* (тоже время вообще) съ глаголомъ *чаять*» [2]).

Ежели мы такъ поняли, г. Буслаевъ говоритъ, что *годъ* и *часъ*, означающіе время *вообще*, родственны съ глаголами *годить* и *чаять*, потому что *настоящее* время, какъ предметъ лирики и драмы, душа наполняетъ ожиданіемъ, стремленіемъ впередъ.

Это объясненіе имѣло бы смыслъ, правильный или неправильный, все равно, но во всякомъ случаѣ имѣло бы смыслъ, если бы *годъ* и *часъ* выражали именно настоящее время, которое, какъ предметъ лирики и драмы, душа наполняетъ ожиданіемъ; но такъ какъ *годъ* и *часъ*, по замѣчанію самаго же г. Буслаева, означаютъ время вообще, и прошедшее, и настоящее, и будущее, то мы остаемся касательно соображенія г. Буслаева въ крайнемъ недоумѣніи и согласны счесть его за недосмотръ.

---

[1]) Словарь Восток. стр. 192.

[2]) Т. I, стр. 60. Глаголъ *ча-я-ть* имѣетъ сокращенную или, правильнѣе, окончательную форму *ча-ть* (откуда ча-съ), употребляемую и нынѣ въ народѣ, наравнѣ съ повелительнымъ *чай*. Точно также: дѣ-ти и дѣ-я-ти; сѣ-ти и сѣ-я-ти; ка-ти и ка-я-ти; ба-ти и ба-я-ти; да-ти и да-я-ти; ла-(ну)-ти и ла-я-ти и т. д.

Не знаемъ причины тому, что, при объясненіи слова *деготь*, г. Буслаевъ производитъ его отъ одного стариннаго латышскаго причастія deggots, отъ литовскаго глагола degu-горю (оттуда существительное degguts-деготь), и сравниваетъ его, совершенно впрочемъ правильно, съ санскритскимъ *даг*-горѣть; между тѣмъ какъ не упоминаетъ вовсе о славянскомъ корнѣ *дег*, представляющемъ видоизмѣненіе корня *жег*- или *жьг*-.

Реченія раж-*диг*-ати, раж-*деж*-еніе, раж-*дег*-у, содержатъ въ себѣ именно этотъ корень *дег*, отъ коего, съ помощію столь обыкновеннаго въ нашемъ языкѣ образовательнаго окончанія -*оть* (лом-оть, лап-оть и т. д.), еще лучше произвести слово дег-оть, чѣмъ отъ латышскихъ формъ, съ которыми однако *деготь* состоитъ въ наиближайшемъ родствѣ.

«Какъ слово *бездна*, говоритъ г. Буслаевъ, происходитъ не прямо отъ существительнаго *дно*, а отъ прилагательнаго *бездный*: такъ и *искра*, отъ корня *кр* (откуда кремень) съ предлогомъ *из*, первоначально предлагаютъ (?) форму *искрь*, откуда уже *искра*. Кремень, по чешски *шкржемен*, а также и *скржемен*, указываютъ уже на форму *скра*, искра» [1]).

Весьма вѣроятно, что слову *бездна* и было соотвѣтствующее прилагательное *бездный*, откуда древняя форма *бездная*; подобно тому, какъ при словѣ *дѣва* есть несомнѣнно прилагательная форма *дѣвая*, сохранившаяся даже въ современныхъ богослужебныхъ книгахъ: како Дѣвая восходитъ отъ земли на небо [2]). Но не можемъ понять, какъ такое же отношеніе можетъ быть между формами *искра* и *искрь*? Развѣ *искрь*, по мнѣнію г. Буслаева, прилагательное? Но если и прилагательное, то какимъ способомъ отъ *искрь* произойдетъ *искра*? Отъ *бездный*— *бездная* это очень понятно; а отъ *искрь* не можетъ быть женскаго рода *искра*.

Но, главное, въ значеніи этихъ словъ (искра и искрь) нѣтъ ничего сходнаго. *Искрь* есть извѣстное по древнимъ памятникамъ нарѣчіе и значитъ *близь*; напримѣръ:

Повелѣ ю привязати искрь колесъ [3]).

---

[1]) Т. I, стр. 84.

[2]) Изъ службы на Успеніе Богоматери.

[3]) Слов. Вост., стр. 159.

Емуже присѣдяше искрь своя жена [1]).

Оттуда: искрьній буквально значитъ ближьній. Что же тутъ общаго съ словомъ *искра*, кромѣ звуковъ?

Областной глаголъ *озевать*—сглазить не имѣетъ для своего объясненія никакой нужды въ посредствѣ областнаго выраженія: солнце зѣваетъ [2]). Зѣ-вать, древнее зѣ-яти [3]), само по себѣ значитъ глядѣть или, еще лучше, глазѣть; слѣдовательно о-зѣвать значитъ о-глазить; отсюда происходитъ изѣ-ницы, зѣнки. Солнце зѣваетъ, какъ молнія зіяетъ (по древнему: зѣяетъ), какъ зѣницы зѣяютъ (моргаютъ, открываются и закрываются).

Объясняя происхожденіе областнаго реченія *рас-тока*, что̀ значитъ разлука, разставанье, г. Буслаевъ говоритъ, что въ этомъ словообразованіи присвоенъ отвлеченный смыслъ слову *точить* (гнать, винословная форма отъ глагола *течь*, идти) [4]).

Не противорѣча мнѣнію г. Буслаева, позволимъ себѣ замѣтить, что есть винословный же глаголъ *точить* (лить, проливать, faire couler) отъ тогоже *течь* въ другомъ прямомъ его значеніи:

Ушибъ, убилъ лебедь бѣлую,
Онъ кровь *точилъ* во сине море.

Производный отсюда глаголъ рас-точить, въ значеніи разлить, разсыпать (лить и сыпать во многихъ языкахъ выражаются однимъ и тѣмъ словомъ), разсѣять, разогнать, —также можетъ обратить на себя вниманіе, при объясненіи слова растока.

Можно производить его и отъ корня *тък*-(нуть), однозначащаго съ простонароднымъ тор-нуть (славянская форма торгнуть; сравни: двинуть и двигнуть и т. д.): онъ меня ткнулъ и онъ меня торнулъ—выраженія одинаковыя; слѣдовательно рас-*тък*-нуть (оттуда рас-тока) значитъ рас-торг-нуть. Слово сутки (отъ предлога *съ* и корня *тък*-) имѣетъ значеніе противуположное—сочетанія, совокупленія (дня и ночи), встрѣчи (соткнуться—встрѣтиться).

---

[1]) Памят. Росс. Слов. XII в., стр. 118.
[2]) Т. I, стр. 159.
[3]) Слов. Восток.
[4]) Т. I, стр. 179.

Не знаемъ причины тому, что, при объясненіи слова *деготь*, г. Буслаевъ производитъ его отъ одного стариннаго латышскаго причастія deggots, отъ литовскаго глагола degu-горю (оттуда существительное degguts-деготь), и сравниваетъ его, совершенно впрочемъ правильно, съ санскритскимъ *даг*-горѣть; между тѣмъ какъ не упоминаетъ вовсе о славянскомъ корнѣ *дег*, представляющемъ видоизмѣненіе корня *жег*- или *жьг*-.

Реченія раж-*диг*-ати, раж-*деж*-еніе, раж-*дег*-у, содержатъ въ себѣ именно этотъ корень *дег*, отъ коего, съ помощію столь обыкновеннаго въ нашемъ языкѣ образовательнаго окончанія -*оть* (лом-оть, лап-оть и т. д.), еще лучше произвести слово дег-оть, чѣмъ отъ латышскихъ формъ, съ которыми однако *деготь* состоитъ въ наиближайшемъ родствѣ.

«Какъ слово *бездна*, говоритъ г. Буслаевъ, происходитъ не прямо отъ существительнаго *дно*, а отъ прилагательнаго *бездный*: такъ и *искра*, отъ корня *кр* (откуда кремень) съ предлогомъ *из*, первоначально предлагаютъ (?) форму *искрь*, откуда уже *искра*. Кремень, по чешски *шкржемен*, а также и *скржемен*, указываютъ уже на форму *скра*, искра» [1]).

Весьма вѣроятно, что слову *бездна* и было соотвѣтствующее прилагательное *бездный*, откуда древняя форма *бездная*; подобно тому, какъ при словѣ *дѣва* есть несомнѣнно прилагательная форма *дѣвая*, сохранившаяся даже въ современныхъ богослужебныхъ книгахъ: како Дѣвая восходитъ отъ земли на небо [2]). Но не можемъ понять, какъ такое же отношеніе можетъ быть между формами *искра* и *искрь*? Развѣ *искрь*, по мнѣнію г. Буслаева, прилагательное? Но если и прилагательное, то какимъ способомъ отъ *искрь* произойдетъ *искра*? Отъ *бездный*—*бездная* это очень понятно; а отъ *искрь* не можетъ быть женскаго рода *искра*.

Но, главное, въ значеніи этихъ словъ (искра и искрь) нѣтъ ничего сходнаго. *Искрь* есть извѣстное по древнимъ памятникамъ нарѣчіе и значитъ *близъ*; напримѣръ:

Повелѣ ю привязати искрь колесъ [3]).

---

[1]) Т. I, стр. 84.

[2]) Изъ службы на Успеніе Богоматери.

[3]) Слов. Вост., стр. 159.

Форма этого корня *рѣ-* есть уже производная и усиленная, а первоначальный корень есть *рь-*, разрѣшающійся и въ *ре-* (ре-ку), и въ *ри-*(на-ри-цаю). Форма же *рѣ-* является уже въ прошедшемъ времени глагола *рещи*, по опущенію слога *ко-*, стоящаго между чистымъ корнемъ *ре-* и окончаніемъ прошедшаго времени: ре-ко-хъ=рѣхъ. Это сокращеніе, сопряженное съ усиленіемъ корня, въ древности бывало и съ другими глаголами. Такъ въ толковой Псалтири XII вѣка, списанной по мнѣнію многихъ ученыхъ съ древнѣйшей глаголитской рукописи, встрѣчаемъ весьма часто слѣдующія формы: вѣ-шя вм. ве-до-ша; нѣ-шя вм. не-со-ша, тѣ-шя вм. те-ко-ша и т. п.

Звѣрь *индрикъ*, играющій роль въ нашихъ духовныхъ стихахъ, есть не что иное, какъ единорогъ [1]), по древнему инорогъ: инрогъ, инрокъ (*г* въ твердомъ окончаніи слышится какъ *к*); по вставкѣ между *н* и *р* звука *д*—индрокъ (нравъ-ндравъ); по южно-русскомъ измѣненіи *о* въ *и* (конь-кинь, попъ-пипъ) индрикъ.

Эпическое выраженіе «у меня лежатъ тамъ (въ Новѣгородѣ) свѣтъ *добры дни*, батюшко Диви Мурза сынъ Улановичъ» [2]), которому соотвѣтствуетъ сохранившееся донынѣ въ народѣ слово *злы дни*, находитъ себѣ совершенное подобіе въ одномъ греческомъ выраженіи изъ Ветхаго Завѣта.

Защищаясь отъ одного подозрѣнія первосвященника, мать пророка Самуила Анна отвѣчаетъ: «Ни, Господи! Жена *въ день жестокъ* азъ есмь». Γυνὴ ἡ σκληρὰ ἡμέρα ἐγώ εἰμί—(Жена день жестокъ азъ есмь) [3]). Весьма вѣроятно, что въ греческомъ текстѣ удержано словосочетаніе еврейское.

Въ производствѣ имени *Адам* (ъ) отъ начальныхъ именъ четырехъ мнимыхъ звѣздъ, предложенномъ въ Бесѣдѣ трехъ святителей [4]), названіе четвертой звѣзды *севріа* съ предпоставленнымъ «мыслете (ме)» составитъ испорченное греческое слово μεσημβρία—полдень или югъ.

---

1) Т. I, стр. 463. А звѣрь звѣрямъ мать единорохъ (въ другихъ варіантахъ: индрикъ).

2) Т. I, стран. 545.

3) I Цар. гл. I, ст. 15.

4) Т. I, ст. 498.

Оканчивая наши разсужденія о филологической сторонѣ Историческихъ Очерковъ Русской народной словесности и искусства, мы чувствуемъ необходимость напомнить читателю, что въ настоящей статьѣ мы имѣли дѣло только съ тѣми выводами г. Буслаева, которые намъ представились ошибочными и требующими исправленія, не касаясь тѣхъ его соображеній, которыя совершенно удовлетворяютъ строгимъ требованіямъ филологической критики и изъ которыхъ иныя навѣрное войдутъ въ науку о русскомъ языкѣ. Мы поступили такъ конечно не для того, чтобы обличеніемъ однѣхъ погрѣшностей столь достойнаго труда посягнуть на его добрую славу; во избѣжаніе такого толкованія нашихъ намѣреній считаемъ нужнымъ объяснить, что мы, вмѣстѣ со всѣми образованными людьми въ Россіи, признаемъ г. Буслаева однимъ изъ полезнѣйшихъ дѣятелей въ нашей молодой наукѣ и хотя далеко расходимся съ нимъ во многихъ существенно важныхъ общихъ вопросахъ и частныхъ мнѣніяхъ, но никогда не позволимъ пристрастію возобладать надъ собою до отрицанія ясныхъ и неоспоримыхъ достоинствъ разномыслящаго лица.

Безпристрастному ученому, искренно любящему успѣхъ своего дѣла, указаніе на его ошибки, сдѣланное безъ задней мысли, должно казаться помощью въ собственныхъ его трудахъ.

Изъ всѣхъ рецензій на Опытъ Исторической Грамматики Русскаго Языка тогоже почтеннаго ученаго менѣе другихъ льстивая, но конечно болѣе всѣхъ другихъ полезная и дѣльная была рецензія К. С. Аксакова. Надѣемся, что и для самаго г. Буслаева она была болѣе другихъ пріятною; ибо она подаетъ ему возможность исправить многое въ его важномъ трудѣ, при повтореніи его изданій. Не смѣемъ приравнивать нашихъ скромныхъ замѣтокъ къ такому важному филологическому разсужденію, какъ разборъ многоученаго К. С. Аксакова; но можемъ увѣрить г. Буслаева, что при разборѣ его сочиненій, мы руководились тѣмъ же совершеннымъ безпристрастіемъ и дѣйствительнымъ желаніемъ послужить по силамъ своимъ общему дѣлу, не стѣсняясь лицами.

Не мудрено, что неправильныхъ объясненій въ книгѣ г. Буслаева нашлось не мало; кромѣ нѣкоторыхъ указанныхъ нами

погрѣшностей противъ логики, за которыя г. Буслаевъ отвѣтствуетъ одною своею особою, большую часть его ошибокъ должно приписать молодости самой науки. Давно ли было то время, когда наши ученые, всю жизнь проведшіе за чтеніемъ лѣтописей, не умѣли прочесть *хѣръ-азъ* подъ титломъ, или слово *борове* (боры, рощи) переводили *боровы?* Еще недавно, чуть ли не въ прошломъ году, одинъ спеціалистъ, подающій большія надежды, со тщаніемъ розыскивалъ въ областномъ словарѣ—и конечно не нашелъ—слова *тоерича*, не смекнувши, что это простое *топерича*. Много труда предстоитъ еще нашимъ ученымъ въ изслѣдованіи всѣхъ сторонъ жизни русскаго народа; мы такъ еще мало ее знаемъ, что въ изслѣдованіяхъ, раскрывающихъ ея смыслъ, долго еще будутъ встрѣчаться ошибки, недосмотры и одностороннія заключенія. Поэтому нужна большая терпимость при встрѣчѣ съ разномысліемъ; необходимо внимательно всматриваться въ противорѣчащія нашимъ выводамъ замѣчанія; должно съ уваженіемъ относиться къ трудамъ ученыхъ, пролагавшихъ намъ дорогу, и, исправляя ихъ ошибки, не придираться къ нимъ (ибо забвеніе надъ всѣми хвалится, какъ говорили наши благоразсудительные предки); только такимъ способомъ можно надѣяться достигнуть уваженія и къ своимъ трудамъ.

При такомъ еще весьма слабомъ знакомствѣ съ своимъ языкомъ, поэзіею и стариною своего народа, мы очень богаты чужими опытами и трудами. Западные ученые, съ неимовѣрною тщательностію изслѣдовавшіе старину, поэзію и языки своихъ странъ, пришли къ весьма замѣчательнымъ и для насъ весьма соблазнительнымъ выводамъ; соблазнительнымъ въ томъ смыслѣ, что мы часто изъ кожи лѣземъ, чтобы пріурочить ихъ къ явленіямъ нашей собственной народности, и въ пылу этихъ неумѣренныхъ стремленій теряемъ изъ виду дѣйствительную основу всякаго правильнаго и прочнаго вывода, факты. Мы не споримъ, что съ фактами имѣть дѣло очень часто бываетъ непріятно; потому что только приладишься иной разъ къ какому нибудь затѣйливому соображенію, а тутъ фактъ, какъ изъ-за угла, незванный, непрошенный. Пропуская безъ вниманія, какъ не стоящія вниманія, многочисленныя страницы многихъ рус-

скихъ журналовъ, наполненныя смѣшными миѳологическими построеніями; припомнимъ, въ какое странное и ежеминутное противурѣчіе фактамъ попадала теорія родоваго быта, которой слѣдовали и даже теперь не оставляютъ еще нѣкоторые наши ученые. Есть примѣры ошибокъ, и ихъ не мало, просто уморительные, и большая часть ихъ произошла именно отъ покорности ученію, заимствованному отъ нѣмецкаго профессора, и неумѣреннаго желанія дать этому ученію возможно обширное приложеніе въ области нашей жизни.

Такого рода заблужденія еще возможнѣе въ изслѣдованіяхъ о нашей народной поэзіи и миѳологіи, ибо эти области нашей внутренней жизни гораздо менѣе разработаны наукой: здѣсь еще болѣе потребна воздержность отъ поспѣшныхъ примѣненій чужихъ результатовъ. Конечно, при строгомъ способѣ изысканія, число нашихъ выводовъ нѣсколько оскудѣетъ, объемъ статей умалится, но за то мы будемъ спокойно владѣть тѣмъ, что добудемъ, не опасаясь ежеминутно разоренія нашихъ построекъ.

Иди, а самъ въ землю гляди:
Ничего не найдешь, да ноги не ушибешь.

погрѣшностей противъ логики, за которыя г. Буслаевъ отвѣтствуетъ одною своею особою, большую часть его ошибокъ должно приписать молодости самой науки. Давно ли было то время, когда наши ученые, всю жизнь проведшіе за чтеніемъ лѣтописей, не умѣли прочесть *хѣръ-азъ* подъ титломъ, или слово *борове* (боры, рощи) переводили *боровы?* Еще недавно, чуть ли не въ прошломъ году, одинъ спеціалистъ, подающій большія надежды, со тщаніемъ розыскивалъ въ областномъ словарѣ—и конечно не нашелъ—слова *тоерича*, не смекнувши, что это простое *топерича*. Много труда предстоитъ еще нашимъ ученымъ въ изслѣдованіи всѣхъ сторонъ жизни русскаго народа; мы такъ еще мало ее знаемъ, что въ изслѣдованіяхъ, раскрывающихъ ея смыслъ, долго еще будутъ встрѣчаться ошибки, недосмотры и одностороннія заключенія. Поэтому нужна большая терпимость при встрѣчѣ съ разномысліемъ; необходимо внимательно всматриваться въ противорѣчащія нашимъ выводамъ замѣчанія; должно съ уваженіемъ относиться къ трудамъ ученыхъ, пролагавшихъ намъ дорогу, и, исправляя ихъ ошибки, не придираться къ нимъ (ибо забвеніе надъ всѣми хвалится, какъ говорили наши благоразсудительные предки); только такимъ способомъ можно надѣяться достигнуть уваженія и къ своимъ трудамъ.

При такомъ еще весьма слабомъ знакомствѣ съ своимъ языкомъ, поэзіею и стариною своего народа, мы очень богаты чужими опытами и трудами. Западные ученые, съ неимовѣрною тщательностію изслѣдовавшіе старину, поэзію и языки своихъ странъ, пришли къ весьма замѣчательнымъ и для насъ весьма соблазнительнымъ выводамъ; соблазнительнымъ въ томъ смыслѣ, что мы часто изъ кожи лѣземъ, чтобы пріурочить ихъ къ явленіямъ нашей собственной народности, и въ пылу этихъ неумѣренныхъ стремленій теряемъ изъ виду дѣйствительную основу всякаго правильнаго и прочнаго вывода, факты. Мы не споримъ, что съ фактами имѣть дѣло очень часто бываетъ непріятно; потому что только приладишься иной разъ къ какому нибудь затѣйливому соображенію, а тутъ фактъ, какъ изъ-за угла, незванный, непрошенный. Пропуская безъ вниманія, какъ не стоящія вниманія, многочисленныя страницы многихъ рус-

ихъ патріархъ,имѣющій постоянное имя маръ-Шимона (Симеона). Кромѣ того, близъ тѣхъ же мѣстъ, но только внѣ черты курдскаго хребта, по долинамъ, лежащимъ у его подошвы, около городовъ Мосула, Багдада и др., насчитывается около 10,000 семействъ бывшихъ несторіянъ, обращенныхъ въ XVII вѣкѣ въ латинство и составляющихъ особую отъ другихъ католическихъ на Востокѣ прозелитовъ общину латинъ-халдеевъ, подъ управленіемъ особаго патріарха, носящаго также постоянное имя маръ-Юсуфа (Іосифа).

Этотъ обычай присвоенія патріархамъ и другимъ важнѣйшимъ архіереямъ постоянныхъ именъ встрѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ восточныхъ христіанскихъ церквахъ. Такъ, въ яковитской церкви патріархъ, сверхъ своего собственнаго имени, называется непремѣнно Игнатіемъ, въ честь св. Игнатія Богоносца, отъ котораго, какъ отъ антіохійскаго епископа, онъ производитъ свое іерархическое родословіе. Подобно тому мосульскій (яковитскій) митрополитъ присвоиваетъ себѣ второе имя Василія, почитая себя преемникомъ св. Василія Великаго, а іерусалимскій (яковитскій же) архіерей—имя Григорія, производя свое родословіе отъ св. Григорія Неокесарійскаго. Въ честь какихъ святителей патріархъ несторіянъ называется маръ-Шимономъ, а патріархъ латинъ-халдеевъ маръ-Юсуфомъ, намъ неизвѣстно.

Кромѣ Персіи, есть, какъ говорятъ путешественники, небольшой остатокъ несторіянъ и въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ частяхъ Китая; но сколько ихъ тамъ, опредѣлить никто доселѣ не могъ. Наконецъ, въ небольшомъ тоже числѣ встрѣчались несторіяне, подъ именемъ христіанъ св. Ѳомы, въ Остъ-Индіи, на малабарскомъ берегу; но въ весьма недавнее время они слились съ обществомъ живущихъ на томъ же берегу монофизитовъ яковитской церкви.

И такъ если не считать халдеевъ-католиковъ, обращенныхъ въ латинство, какъ сказано, въ XVII вѣкѣ, то всѣхъ несторіянъ, на всемъ земномъ шарѣ, будетъ около 30.000 семействъ, то есть никакъ не болѣе 150.000 душъ: вотъ ничтожный остатокъ церкви, нѣкогда весьма могущественной и многочисленной.

IV.

Нѣсколько словъ о несторіянахъ [1]).

Въ № 30 *Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника* помѣщено извѣстіе о прибытіи въ Лондонъ двухъ членовъ несторіянской секты, священника Йоганана (вѣроятно Иоганны, по нашему Іоанна) и діакона Йицксхака (Исаака), которые явились туда въ надеждѣ обратить вниманіе могущественнаго и благоденствующаго народа на свою бѣдствующую и въ настоящее время мало кому извѣстную общину.

Всѣхъ несторіянъ въ настоящее время насчитывается около 30,000 семействъ. Живутъ они по обѣимъ сторонамъ курдскаго хребта, отдѣляющаго Персію отъ азіятской Турціи: въ Персіи, нѣкогда главномъ мѣстопребываніи несторіянъ, теперь ихъ не болѣе 8,000 семействъ, которыя помѣщаются по деревнямъ въ окрестностяхъ города Урміи, близъ озера того же имени [2]). Въ азіятской Турціи, по другому склону Курдскаго хребта, въ области Хяккязи, ихъ полагаютъ въ числѣ 20.000 съ небольшимъ семействъ. Здѣсь около города Джуламерга, въ деревнѣ Оджалусъ (иные выговариваютъ: Кудчанусъ), живетъ

---

[1]) Статья эта напечатана была первоначально въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1862, августъ, стр. 798—820.

[2]) Въ Современной Лѣтописи пишется Ороміа, мы же предпочли остаться при названіи, къ которому пріучилъ насъ учебникъ. Сами несторіяне называютъ городъ Урмію Руми-сехиръ: сехиръ—городъ, Руми-Урмія (метатезисъ).

овладѣть полнымъ довѣріемъ правительства и въ свою очередь воздвигнуть гоненіе на обитавшихъ въ Персіи православныхъ.

Персидскіе цари, естественные и постоянные враги византійскихъ императоровъ, были недовольны тѣмъ, что весьма значительная часть ихъ подданныхъ, исповѣдовавшихъ христіанскую вѣру, находилась съ Византіей, какъ съ средоточіемъ восточнаго православія, въ непрерывныхъ и живыхъ сношеніяхъ, въ которыхъ византійская политика относительно Персіи почерпала важныя выгоды. По сему персидское правительство весьма охотно согласилось на предложенную вкрадчивыми несторіянами мѣру, которая разомъ пресѣкла всѣ сношенія персидскихъ христіанъ съ Византіей, именно: на признаніе несторіянскаго вѣроисповѣданія изъ всѣхъ христіанскихъ исключительно терпимымъ въ Персіи. Мѣра удалась совершенно. Послѣ страшныхъ гоненій, воздвигнутыхъ царемъ Ѳерозомъ на православныхъ, не согласившихся на вѣроотступничество, всѣ христіанскія церкви въ Персіи очутились въ рукахъ несторіянъ, и съ тѣхъ поръ сношенія персидскихъ христіянъ съ Византіей, вслѣдствіе укоренившагося разномыслія, совершенно прекратились.

Въ самомъ концѣ V вѣка былъ созванъ большой несторіянскій соборъ, утвердившій всѣ заблужденія Несторія и всѣ измѣненія въ церковномъ чинѣ, сдѣланныя его послѣдователями. На этомъ соборѣ несторіянскій епископъ Селевкій, именемъ Бабей, былъ окончательно признанъ патріархомъ всего Востока: именованіе, принадлежавшее до той поры единственно антіохійскому патріарху [1]). Это время почитается обыкновенно началомъ самостоятельнаго существованія несторіянской церкви.

Вслѣдъ затѣмъ несторіянство съ необычайнымъ успѣхомъ и быстротой распространилось по всей средней и южной Азіи: въ началѣ VI вѣка несторіянъ встрѣчали уже въ Индіи, Китаѣ, счастливой Аравіи, Сокотрѣ и другихъ мѣстахъ Востока. Въ Китаѣ, какъ и въ Персіи, это ученіе пользовалось полною свободою проповѣди не только въ народѣ, но и при дворѣ.

---

1) Православный антіохійскій патріархъ доселѣ сохраняетъ въ своемъ титулѣ это именованіе: Патріархъ Божія града Антіохіи и всего Востока.

Въ VII вѣкѣ, когда вмѣстѣ съ ученіемъ Магомета распространилось по Востоку владычество его послѣдователей, несторіяне успѣли стать къ новымъ повелителямъ Востока еще въ лучшія отношенія, чѣмъ къ персидскимъ царямъ. Самъ Магометъ былъ къ нимъ очень благосклоненъ и даровалъ имъ особыя льготы и права, неизвѣстныя подвластнымъ ему христіанамъ другихъ исповѣданій; обыкновенно полагаютъ, что ту часть своего ученія, которая отзывается христіанскими понятіями, Магометъ заимствовалъ изъ несторіянскихъ источниковъ. Преемники Магомета, аравійскіе халифы, извѣстные покровители искусствъ и знаній, съ особеннымъ благорасположеніемъ смотрѣли на эту секту, отличавшуюся любовію къ наукѣ и во многихъ отрасляхъ человѣческаго вѣдѣнія оказавшую значительные успѣхи. Наука не можетъ безъ искренней признательности вспомнить о томъ, что сохраненіемъ многихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ умственной дѣятельности древнихъ она обязана несторіянамъ.

Понятно, что несторіяне успѣли занять при дворѣ халифовъ всѣ важныя должности, требовавшія особыхъ познаній и умственныхъ даровъ. Своимъ вліяніемъ они упрочили положеніе своей церкви въ предѣлахъ, подвластныхъ халифамъ, и изъ разоренной Селевкіи перенесли каѳедру своего патріарха въ резиденцію халифовъ, Багдадъ. Многія епископскія каѳедры были вновь учреждены по различнымъ мѣстамъ Востока, такъ что въ половинѣ XIII вѣка подъ властію несторіянскаго патріарха насчитывалось до тридцати митрополій, разсѣянныхъ по всему обширному пространству средней и южной Азіи.

Ударъ, нанесенный владычеству аравитянъ татарскими ордами, былъ также тяжкимъ ударомъ и для несторіянской церкви. Сначала впрочемъ ханы не только не преслѣдовали несторіянъ, но даже покровительствовали имъ; одна изъ татарскихъ династій, окъ-ханъ, принадлежала сама къ несторіянскому исповѣданію. Полагаютъ также, что жена знаменитаго Чингисъ-хана была несторіянка. Но къ концу XIII вѣка, обстоятельства несторіянъ измѣняются, и на нихъ воздвигаются, одно за другимъ, страшныя гоненія, изъ которыхъ самое безпощадное и губительное для нихъ было при Тамерланѣ. Этотъ кро-

вожадный ханъ преслѣдовалъ ихъ съ неутомимостію, приводящею въ изумленіе; такъ что къ концу его царствованія отъ этой могущественной, недавно столь цвѣтущей, счастливой и просвѣщенной секты остались небольшія жалкія кучки, успѣвшія скрыться въ неприступныхъ возвышенностяхъ курдскаго хребта, около котораго они живутъ и донынѣ, претерпѣвая безпрестанныя гоненія отъ турокъ и персовъ. Изъ преслѣдованій, постигшихъ несторіянъ въ болѣе близкое къ намъ время, особенно памятны для нихъ тѣ, которымъ они подверглись въ XVII вѣкѣ по вліянію латинскихъ миссіонеровъ, видѣвшихъ въ этомъ вѣрное и простое средство для успѣха въ своихъ намѣреніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, предпринятыя латинами мѣры оказались дѣйствительными: выше было сказано, что въ XVII вѣкѣ всѣ несторіяне, живущіе по долинамъ, облегающимъ турецкую часть Курдскихъ горъ, были обращены въ латинство, въ которомъ и до нашего времени пребываютъ. Только тѣ изъ нихъ сохранили независимость своего исповѣданія и спасли самостоятельное бытіе своей церкви, которые успѣли скрыться въ горахъ, недоступныхъ гонителямъ. Въ этомъ главная причина общей ненависти несторіянъ къ латинской церкви, которая, не смотря на крайнія усилія своихъ миссіонеровъ и неисчислимыя вещественныя средства, находящіяся въ ихъ распоряженіи, почти вовсе не пріобрѣтаетъ между ними просилитовъ.

Въ настоящее время несторіяне находятся въ крайне бѣдственномъ положеніи. Кромѣ нѣкоторой ихъ части, состоящей подъ вліяніемъ американскихъ миссіонеровъ (къ ихъ числу принадлежатъ, какъ мы видимъ изъ *Современной Лѣтописи*, и лондонскіе гости), помогающихъ имъ какъ въ нравственныхъ, такъ и въ вещественныхъ нуждахъ, остальные живутъ въ бѣдности, въ совершенномъ невѣжествѣ и постоянномъ страхѣ не-христіанскихъ правительствъ, которымъ они подвластны. Не говоря уже о мирянахъ, въ самомъ духовенствѣ ихъ почти вовсе нѣтъ людей просвѣщенныхъ въ настоящемъ значеніи слова; немногіе изъ представителей несторіянскаго клира въ состояніи съ точностію опредѣлить основныя положенія ихъ вѣроисповѣданія и разъяснить существенныя отличія его отъ иныхъ христіанскихъ вѣроученій. Собственная ихъ

исторія также очень мало имъ извѣстна, и всѣ свѣдѣнія о ней, какія мы имѣемъ, почерпаются обыкновенно изъ изслѣдованій европейскихъ ученыхъ. Лучшимъ сочиненіемъ по этой части почитается книга англичанина Баджера; не мало также извѣстій объ этой сектѣ, этнографическихъ и историческихъ, заключается въ періодическихъ изданіяхъ латинскихъ миссіонеровъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ англійскомъ народѣ, къ сочувствію котораго обратились несторіяне чрезъ посредство священника Йоганны и діакона Йицксхака, всегда найдутся люди, готовые съ теплымъ участіемъ внять воплю всякой бѣдствующей христіанской церкви; что же касается до несторіянъ, то они, по нѣкоторымъ причинамъ, могутъ надѣяться на особое вниманіе и покровительство англичанъ.

Главная причина состоитъ конечно въ томъ, что Англія считаетъ одною изъ священнѣйшихъ своихъ обязанностей поддерживать дѣйствія протестантскихъ миссіонерскихъ обществъ на всемъ земномъ шарѣ, и на этотъ предметъ тратитъ, какъ извѣстно, огромныя суммы; несторіяне же до сихъ поръ ни съ кѣмъ изъ представителей всѣхъ христіанскихъ исповѣданій не вступали въ такія тѣсныя отношенія, какъ съ американскими протестантскими миссіонерами, дѣйствующими преимущественно въ Персіи и пользующимися постояннымъ покровительствомъ британскаго посольства.

Американскіе миссіонеры успѣли уже подчинить своему вліянію болѣе половины урмійскихъ несторіянъ; но это не потому, какъ думаютъ иные, что несторіяне близки будто бы къ протестантамъ по своимъ церковнымъ понятіямъ. Правда, что изъ всѣхъ восточныхъ христіанскихъ церквей нѣтъ ни одной, которая такъ далеко ушла бы отъ апостольскаго ученія и преданій первенствующей церкви, какъ несторіянская; справедливо также и то, что ни одно изъ христіанскихъ обществъ на Востокѣ не отличается такою разрозненностію въ понятіяхъ о собственномъ вѣроисповѣданіи, какъ несторіянское; яковиты, напримѣръ, или армяне, или копты, имѣютъ строго опредѣленныя догматическія понятія, стройный чинъ богослуженія и вообще имѣютъ видъ религіозныхъ обществъ, хотя и заблуждающихся въ нѣкоторыхъ предметахъ вѣры, но въ точности

знающихъ свои вѣрованія и свое отличіе отъ другихъ церквей. Несторіяне же не имѣютъ точной, строго опредѣленной символики, и даже образованнѣйшіе люди изъ ихъ духовенства затруднились бы изложить всѣ особенности нынѣшняго несторіянскаго вѣроученія, а тѣмъ болѣе объяснить ихъ историческое происхожденіе. Они находятся въ состояніи разрозненности и смущенія и въ этомъ смыслѣ дѣйствительно подобны протестантамъ. Но въ числѣ ихъ вѣрованій есть такія, какихъ не согласится признать ни одно отдѣленіе протестантской церкви: кромѣ основнаго догмата несторіева, въ ихъ ученіи есть слѣды вліянія пелагіянскаго, оригеновскаго и даже языческихъ сектъ. И наоборотъ въ ихъ ученіи, и особенно въ обрядословіи, есть такія древнія церковныя черты, по которымъ они гораздо ближе къ другимъ церквамъ апостольскимъ, преимущественно къ православной, нежели къ протестантству. И потому несправедливо приписывать успѣхи протестантскихъ миссіонеровъ между несторіянами какой-либо положительной близости вѣрованій того и другаго общества; гораздо вѣрнѣе, по нашему мнѣнію, объяснять эти успѣхи тѣмъ, что американскіе протестанты вовсе не касаются тѣхъ вопросовъ христіанской догматики, которые могли бы подать поводъ къ препирательству и раздору. Они не имѣютъ прямаго и непремѣннаго намѣренія обращать несторіянъ въ свою вѣру (что̀ было бы отчасти и не сообразно съ ихъ собственнымъ ученіемъ о свободѣ въ дѣлѣ вѣры всякаго личнаго убѣжденія) и довольствуются тѣмъ, что помогаютъ бѣдствующей общинѣ во всѣхъ ея нуждахъ, вещественныхъ, нравственныхъ и гражданскихъ. Во имя христіанской любви, они распространяютъ между этими забытыми міромъ людьми свѣтъ знаній и блага гражданственности, предоставляя дѣло единомыслія и согласія въ предметахъ вѣры свободному произволенію самихъ несторіянъ.

Когда американскіе протестанты въ первый разъ проникли въ селенія урмійскихъ несторіянъ (это было лѣтъ 30 тому назадъ), они не нашли у нихъ ни одного экземпляра какой бы то ни было печатной книги: даже св. Писаніе и другія богослужебныя книги были у нихъ рукописныя. И доселѣ у нихъ въ большой чести нѣкоторые рукописные экземпляры Св.

Писанія, которымъ они насчитываютъ безъ малаго 1,000 лѣтъ и которые до введенія печатныхъ экземпляровъ были особенно для несторіянъ важны, какъ вѣрнѣйшіе, по ихъ мнѣнію, кодексы Св. Писанія [1]). Американцы впервые познакомили несторіянъ съ искусствомъ книгопечатанія; они завели у нихъ (въ Персіи) типографію, въ которой напечатали всѣ священныя ихъ книги. Въ настоящее время, даже тѣ изъ урмійскихъ несторіянъ, которые чуждаются американцевъ (а такихъ половина), пользуются плодами ихъ просвѣтительной дѣятельности и имѣютъ печатные экземпляры слова Божія, выпущенные изъ заведенной американцами типографіи, не только на древнемъ сирскомъ языкѣ, но и въ переводѣ, совершенномъ тѣми же миссіонерами на нынѣшній халдейскій языкъ.

Американцы же поспѣшили завести во всѣхъ несторіянскихъ селеніяхъ, подчинившихся ихъ вліянію, приспособленныя къ потребностямъ и умственному состоянію жителей школы. Въ 1860 году ихъ было по разнымъ селамъ болѣе 50; кромѣ того, двѣ въ самомъ городѣ Урміи, одна для мальчиковъ, другая для дѣвочекъ; наконецъ въ Сыръ-Дагѣ они учредили центральное училище, въ родѣ нормальной школы, въ которомъ приготовляются изъ несторіянскихъ же юношей учители въ сельскія и урмійскія училища.

Американцами же заведена тамъ аптека, раздающая безвозмездно врачебныя пособія; при ней состоитъ и безмездный врачъ, готовый всегда и всюду спѣшить на приглашенія больныхъ бѣдняковъ.

Нечего и говорить о томъ, что во всякихъ другихъ житейскихъ нуждахъ американцы не оставляютъ несторіянъ безъ своей щедрой помощи: они дарятъ имъ земледѣльческія и другія ремесленныя орудія, хлѣбныя сѣмена и т. п.

Наконецъ во всѣхъ непріятныхъ встрѣчахъ несторіянъ съ персидскими мѣстными властями, которыхъ лихоимство превосхо-

[1]) Вотъ истинная причина уваженія ихъ къ книгамъ Св. Писанія, а не та, о которой говоритъ корреспондентъ *Современной Лѣтописи:* это вовсе не протестантская черта, какъ думаетъ корреспондентъ, а понятное благоговѣніе къ священнымъ спискамъ, хранящимъ истинный образъ Божія слова.

дитъ всякое вѣроятіе, американцы поручаютъ ихъ крѣпкой и надежной защитѣ британскаго посольства.

Для представителей такъ называемой *высокой церкви* (high church) существуютъ еще особыя побужденія быть внимательными къ несторіянскимъ путешественникамъ, если только съ ихъ прибытіемъ связанъ какой либо церковный вопросъ. Поставленныя изначала во враждебныя отношенія къ церкви римской и, по одному изъ основныхъ своихъ принциповъ, почитающая протестантство важнымъ религіознымъ заблужденіемъ, эта церковь съ весьма понятнымъ сочувствіемъ обращаетъ взоры свои къ христіанскому Востоку и ищетъ съ нимъ соглашенія и союза въ дѣлѣ вѣры. Извѣстно обращеніе ея къ новоучрежденному русскому синоду въ 1723 году и отвѣтъ на это обращеніе восточныхъ патріарховъ, которымъ мы немедленно сообщили грамоту англиканцевъ. Не кончившаяся полнымъ успѣхомъ попытка осталась во всякомъ случаѣ знакомъ искренняго и сильнаго сочувствія англиканцевъ къ православной церкви, и кто знаетъ?—можетъ быть залогомъ новыхъ, болѣе успѣшныхъ сношеній и переговоровъ.

Съ тѣхъ поръ, не смотря на то, что никакихъ оффиціальныхъ сношеній [1]) между англиканскою и православною церковію не было, сочувствіе англиканцевъ къ намъ не уменьшилось, но достигло напротивъ весьма значительныхъ размѣровъ, особенно со временъ извѣстнаго доктора Пьюзея, котораго послѣдователи, обратившись къ глубокому изслѣдованію писаній древнихъ отцевъ церкви и вообще церковной древности, пришли къ неизбѣжнымъ для безпристрастныхъ изслѣдователей выводамъ о превосходствѣ нашего вѣроученія предъ всѣми другими христіанскими, другими словами, о преимущественно апостольскомъ характерѣ православной восточной церкви.

---

[1]) Кромѣ впрочемъ одного случая, бывшаго въ 1857 году. Когда живущій въ Іерусалимѣ англиканскій епископъ Гоббатъ позволилъ себѣ присоединить къ англиканской церкви нѣсколькихъ православныхъ жителей Востока; тогда огромное число членовъ High Church составили на греческомъ языкѣ протестъ противъ такого небратолюбиваго поступка своего епископа и представили этотъ поступокъ на видъ восточнымъ патріархамъ и нашему синоду. Намъ случилось видѣть и прочесть этотъ протестъ; но о томъ, какъ онъ былъ принятъ, мы ничего не знаемъ.

Въ такомъ духѣ писали многіе изъ ученыхъ представителей высокой церкви: Ниль, Аллайисъ (Allies) и особенно извѣстный въ Россіи Пальмеръ, бывшій архидіаконъ англійской церкви, въ настоящее же время латинскій священникъ. Извѣстно, что этотъ замѣчательный человѣкъ искалъ соединенія съ православною церковію, которую предварительно изучалъ съ пристыжающею насъ обстоятельностію, и для этой цѣли долго жилъ въ Россіи и на Востокѣ; но разность въ чинѣ пріятія иновѣрцевъ въ лоно церкви, существующая съ 1756 года между русскою и восточною церковію и къ великому сожалѣнію и вреду до сихъ поръ не уничтоженная, послужила тому препятствіемъ.

Въ недавнее время нашлись впрочемъ между англичанами болѣе рѣшительные люди, которые не запнулись и объ это препятствіе и сдѣлались членами православной церкви: мирянинъ Стефанъ Гаѳерлей (Gatherley) въ 1553 году принятъ былъ въ нѣдра православія настоятелемъ греческой въ Лондонѣ церкви, по чину греческому, то есть. чрезъ повтореніе надъ нимъ крещенія; и священникъ англійской церкви, Ричардсонъ, въ прошломъ году вступилъ въ православную церковь въ Ниццѣ, гдѣ настоятель нашей посольской церкви совершилъ надъ нимъ таинство мѵропомазанія [1]).

Но, отдавая честь и преимущество нашей церкви, churchmen'ы не почитаютъ ея однако единою истинною; въ противномъ случаѣ они обязаны были бы передъ своею совѣстію немедленно къ ней присоединиться. Какъ извѣстно, они смотрятъ на раздѣленіе христіанскихъ церквей съ своей особенной точки зрѣнія: не почитая ни одной изъ нихъ, въ томъ числѣ и сво-

[1]) Древняя христіанская церковь, для принятія въ свое лоно отступившихъ отъ общенія съ нею и вновь къ ней обращающихся, учредила три способа или чина, соотвѣтственно различнымъ степенямъ уклоненія отъ истины: самыхъ злыхъ еретиковъ перекрещивали, второй степени отщепенцевъ мазали мѵромъ, наконецъ впадшихъ въ легкое разномысліе съ нею обязывали къ всенародному отреченію отъ заблужденія. На Московскомъ соборѣ 1667 г. мы были вразумлены восточными патріархами и стали латинъ принимать по второму чину, вмѣсто перваго, котораго держались по ошибочному опредѣленію московскаго же собора 1621 года; сами же Греки въ послѣдствіи, именно въ 1756 году, издали новое опредѣленіе (ὅρος), которымъ повелѣвалось съ той поры латинъ вновь крестить, какъ не погруженныхъ, а потому будто бы и не крещенныхъ (ἀβαπτίστους ἀκολούθως ἀβαπτίστους).

ей, исключительнымъ хранилищемъ откровенной истины, ясно опредѣленной апостолами и соборами, они полагаютъ, что всѣ собственно апостольскія церкви, то есть, имѣющія правильную и въ непрерывномъ преемствѣ отъ апостоловъ идущую іерархію, получили въ свой удѣлъ храненіе, одна большей, другая меньшей доли христіанской истины, и находятся только въ наружномъ раздѣленіи и отчужденіи, на самомъ дѣлѣ существенно связаны между собою таинственнымъ союзомъ и составляютъ единое тѣло. Этимъ взглядомъ на взаимныя отношенія христіанскихъ церквей объясняется то горячее участіе, которое принимаютъ представители англиканской высокой церкви въ судьбѣ всѣхъ древнихъ не-православныхъ (о православномъ уже говорено) исповѣданій Востока. Участіе ихъ выражается не въ однихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ прошедшей исторіи и современнаго состоянія этихъ малоизвѣстныхъ миру церквей, но и въ человѣколюбивыхъ предпріятіяхъ, имѣющихъ цѣлію внести свѣтъ науки и благодѣянія гражданственности въ нѣдра этихъ обществъ, погруженныхъ въ глубокій мракъ.

Въ нашихъ духовныхъ журналахъ (*Прав. Обозр.* 1860, іюнь) была въ сокращеніи напечатана переписка знаменитаго англиканскаго миссіонера Вульфа, служившаго на Востокѣ дѣлу христіанства болѣе сорока лѣтъ, съ ученымъ профессоромъ кембриджскаго университета, г. Вильямсомъ, также весьма извѣстнымъ на Востокѣ, гдѣ онъ прожилъ довольно долго въ 40-хъ годахъ и вошелъ въ близкія сношенія съ представителями всѣхъ христіанскихъ церквей. Переписка эта касалась учрежденія въ какомъ-либо мѣстѣ Англіи такихъ училищъ, въ которыхъ восточные юноши и отроки изъ армянъ, коптовъ, яковитовъ и друг. (также и изъ православныхъ) могли бы, сохраняя полную независимость религіозныхъ убѣжденій, получать столь дорогое для нихъ и, къ сожалѣнію, столь рѣдкое между ними общечеловѣческое просвѣщеніе.

Г. Вильямсъ имѣлъ намѣреніе учредить для этой цѣли въ кембриджскомъ университетѣ двѣ особыя коллегіи, одну для православныхъ учениковъ, другую для монофизитскихъ (армянъ, яковитовъ, коптовъ). Для осуществленія своей превосходной мысли онъ ѣздилъ еще разъ, въ томъ же 1860 году, на Вос-

токъ, былъ и въ Россіи, гдѣ надѣялся найти ей сочувствіе и поддержку; но, какъ кажется, не имѣлъ успѣха.

Несторіянская церковь, съ англиканской точки зрѣнія, заслуживаетъ такого же вниманія, какъ и церкви монофизитскія. Хотя она, какъ сказано выше, гораздо далѣе ушла отъ древнихъ церковныхъ постановленій, чѣмъ церковь, напримѣръ яковитская или армянская; но въ глазахъ англиканцевъ и она есть малая числомъ членовъ, но великая значеніемъ, отрасль христіанства. Несторіянская церковь сохраняетъ доселѣ непрерывно преемственную іерархію, чего нельзя сказать о самой англиканской церкви, хотя, дорожа этимъ высокимъ преимуществомъ, она и усиливается доказать, что происшедшая въ Англіи въ XVI вѣкѣ церковная реформа ни на минуту не прерывала іерархическаго преемства [1]).

Несторіянская церковь хранитъ въ своемъ ритуалѣ такія важныя особенности, которыя весьма дороги для защитниковъ истинной церковной древности и могутъ служить преимущественно для православнаго полемиста весьма сильными и ясными доказательствами, съ одной стороны противъ латинскихъ, съ другой—протестантскихъ заблужденій. Въ числѣ другихъ особенностей этого рода, о которыхъ не находимъ умѣстнымъ распространяться, не можемъ не указать на одну: несторіяне пріобщаются не только подъ двумя видами (sub utraque specie), но и порознь отъ тѣла и крови, какъ было въ самыя древнѣйшія времена христіанской исторіи.

Наконецъ должно указать и на то, что несторіяне не въ первый разъ видятъ Лондонъ и входятъ въ сношеніе съ англичанами. Въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія тотъ же самый Палмеръ, о которомъ выше была рѣчь, тогда еще англиканскій архидіаконъ, имѣлъ отъ своей церковной власти порученіе вести съ ними переговоры о соединеніи церквей чрезъ посредство несторіянина Расама, бывшаго въ то время собственно для этой цѣли въ Лондонѣ, въ настоящее время англійскаго

[1]) Въ 1860 г. намъ случилось видѣть въ рукахъ г. Вильямса только что отпечатанную книгу, въ которой исчислены по ряду всѣ архіепископы англиканской церкви, отъ перваго просвѣтителя Англіи до нынѣшняго ея примаса, именно съ этимъ намѣреніемъ.

консула (если намъ не измѣняетъ память) въ Мосулѣ. Переговоры эти не имѣли никакихъ важныхъ послѣдствій; но въ подобныхъ дѣлахъ было бы неблагоразумно и недостойно просвѣщеннаго духовнаго правительства желать непремѣнно полнаго и немедленнаго успѣха. Не малый успѣхъ слѣдуетъ видѣть въ подобныхъ случаяхъ и въ томъ, если между разномыслящими церквами устанавливаются братолюбныя и довѣрчивыя сношенія. Эта религіозная жадность, если можно такъ выразиться, составляющая одну изъ непріятныхъ чертъ въ поведеніи латинскихъ миссіонеровъ, должна быть чужда всякому, кто въ сношеніяхъ съ разномыслящими христіанами желалъ бы придти къ успѣшному и въ тоже время достойному предмета концу. Между посѣвомъ и жатвою должно быть порядочное разстояніе времени. *О семъ слово есть истинное, яко инъ есть сѣяй, и инъ есть жняй.*

Впрочемъ, обличая непріятную черту церкви римской, мы не имѣли нисколько въ виду ея безпокойной, лихорадочной дѣятельности противупоставить, какъ достоподражаемый образецъ, наше собственное равнодушіе и бездѣйствіе. Нѣтъ! мы далеки отъ подобнаго ласкательства или ослѣпленія, и признаемъ не только ложною, но и совершенно безнравственною мысль, которую впрочемъ имѣютъ нѣкоторые члены нашей церкви: будто бы обладающимъ истиною довольно *стоять* въ ней и нѣтъ обязанности *ходить* съ ея благовѣствованіемъ по всему лицу земли. Такіе мертвые хранители случайно и безъ всякой съ ихъ стороны заслуги принадлежащей имъ истины забываютъ, что истина болѣе чѣмъ что-либо другое *обязываетъ* и что не исполнившій дѣломъ своихъ обязанностей передъ нею напрасно сталъ бы уповать на то, что онъ исповѣдалъ ее устами. *Покажи мнѣ вѣру твою отъ дѣлъ твоихъ.*

Даръ истины и вѣры дается не для скупаго храненія, а для независтнаго сообщенія всѣмъ, кто по судьбамъ Промысла еще не озаренъ ихъ свѣтомъ. Наше общее спасеніе ввѣрено нашимъ же общимъ усиліямъ, союзу нашей взаимной любви. Эти сонливые христіане не замѣчаютъ того, что ихъ понятія о долгѣ благовѣстія, еслибъ они по несчастію сдѣлались у насъ общими (чего конечно не будетъ), могли бы до-

ставить латинамъ самое полное и легкое торжество надъ нами и покрыть насъ стыдомъ: ибо кто могъ бы сохранить уваженіе къ церкви, которая бездѣйствуетъ не по силѣ встрѣчаемыхъ ею препятствій и по недостатку средствъ къ дѣятельности, даже не по равнодушію, а по сознательному убѣжденію? Они забываютъ и то, что съ ихъ точки зрѣнія представляются безполезными и суетными апостольскіе труды нашихъ собственныхъ, немногочисленныхъ, но достойныхъ вѣчной и неувядаемой славы благовѣстниковъ, съ самоотверженіемъ обходящихъ безлюдныя и суровыя пустыни Камчатки, сѣверной Америки, острововъ Восточнаго океана и Алтая, чтобы пріобрѣти Христу сидящихъ во тьмѣ людей.

Не вспоминаютъ они и того, что наше собственное просвѣщеніе христіанскою вѣрою, равно какъ и всѣхъ прочихъ Славянъ [1]), есть плодъ благовѣстительныхъ подвиговъ греческой церкви. И если въ IX и X вѣкахъ восточная церковь почитала дѣло проповѣди святымъ и апостольскимъ, то почему въ настоящее время было бы позволительно намъ измѣнить о немъ мнѣніе? Неужели только потому, что противники нашей церкви въ этой отрасли христіанской дѣятельности успѣваютъ несравненно болѣе насъ? Причина не достойная истинной церкви, къ которой мы имѣемъ счастіе принадлежать и которая, вопреки странному заблужденію нѣкоторыхъ своихъ членовъ, никогда не отречется отъ послѣдованія божественному примѣру Спасителя.

Тѣ части православной церкви, которыя стонутъ на Востокѣ подъ игомъ невѣрныхъ и въ тоже время отражаютъ безстыдные натиски западной лжебратіи, конечно не могутъ и подумать въ настоящее время о трудахъ благовѣстія. Сами нуждаясь во всемъ, могутъ ли они благотворить неимущимъ? Сами лишенные средствъ къ образованію, могутъ ли они дѣлиться съ другими тѣмъ, чего не имѣютъ? Имъ не до миссій: единственная забота ихъ въ настоящее время—собственная

---

[1]) Изслѣдованіями ученыхъ славянскихъ положительно доказано, что всѣ славянскіе народы приняли христіанство первоначально отъ восточной церкви, и только впослѣдствіи западная часть ихъ подпала подъ власть папъ.

оборона. Съ нихъ пока довольно и той славы, что въ страшный четырехсотлѣтній періодъ порабощенія они соблюли неизмѣнную вѣрность своему исповѣданію.

Но мы, свободные, сильные и могучіе, можемъ ли пренебречь дѣломъ благовѣстія безъ опасенія подвергнуться общему порицанію и, чтò гораздо важнѣе, удалить отъ нашихъ собственныхъ начинаній и дѣлъ благословеніе Божіе?

Конечно и въ нашей жизни могутъ быть такія времена, когда иныя заботы и трудности важныхъ общественныхъ задачъ не дадутъ заняться этимъ дѣломъ съ полнымъ вниманіемъ и удѣлить на него такое количество средствъ, какого оно, по важности своей, заслуживало бы. Къ такимъ временамъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ и то, которое мы переживаемъ. Но и въ такую трудную пору мы должны, въ возможной для насъ мѣрѣ, пользоваться всѣми случаями просвѣщать незнающихъ Христова ученія и вразумлять тѣхъ, которые въ чемъ-либо уклонились отъ праваго разумѣнія его, и вмѣстѣ съ свѣтомъ вѣры распространять между обдѣленными судьбою народами блага знаній и общежитія.

Конечно у насъ въ этомъ отношеніи не мало заботъ, такъ сказать, домашнихъ: въ нашемъ отечествѣ много еще язычниковъ, магометанъ, іудеевъ; у насъ есть поповщина, безпоповщина, молоканы, скопцы, духоборцы, странники и т. п. Но какъ ни велики эти домашнія заботы, онѣ не могутъ однако освободить насъ отъ всякаго попеченія о внѣшнихъ сношеніяхъ по дѣламъ вѣры. Не говоримъ объ общеніи въ вѣрѣ и въ вещественныхъ благахъ съ нашими единовѣрцами: эту обязанность мы стараемся по возможности исполнять съ усердіемъ. Не подлежитъ конечно сомнѣнію, что и эти дѣла могли бы идти лучше: напримѣръ, мы могли бы лучше знать единовѣрный намъ Востокъ, его дѣйствительное положеніе и нужды, взаимныя отношенія входящихъ въ составъ православной церкви народовъ; могли бы изучать языки и исторію нашихъ единовѣрцевъ и т. д. Мы многое могли бы еще дѣлать кромѣ того, что дѣлаемъ; но теперь не о томъ рѣчь.

Мы полагаемъ, что и неправославныя восточныя церкви, издревле отдѣлившіяся отъ общенія съ нами, должны бы по

всему возбуждать въ насъ гораздо болѣе участія, чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ возбуждаютъ, возбуждать по крайней мѣрѣ нашу любознательность. Многіе ли у насъ знаютъ, что копты и абиссинцы исповѣдаютъ христіанскую вѣру? Кто слыхалъ о яковитахъ? А между тѣмъ всѣ эти отдѣлы одной древней монофизитской церкви, за исключеніемъ своего основнаго заблужденія [1]), которое большею ихъ частію поддерживается по недоразумѣнію, весьма близки къ нашей церкви и сохраняютъ въ своемъ обрядѣ много весьма замѣчательныхъ особенностей, подтверждающихъ древность и истину православнаго преданія. Они гораздо ближе къ намъ, чѣмъ къ какой-либо западной церкви, и они нисколько насъ не чуждаются. Напротивъ, по свидѣтельству всѣхъ, входившихъ съ ними въ сношенія, оказываютъ не малую готовность къ сближенію съ нашею церковью.

Объ абиссинцахъ и шойцахъ, составляющихъ особую отрасль этого племени, но содержащихъ ту же вѣру, сказать въ этомъ отношеніи нечего, ибо никто изъ Русскихъ не проникалъ къ нимъ и не заводилъ съ ними никакихъ сношеній: хотя этотъ народъ съ 8.000.000 населенія, имѣющій своего независимаго царя и исповѣдующій вѣру весьма близкую къ православной, конечно заслуживалъ бы нашего вниманія. Для предпріимчиваго русскаго путешественника мало, по нашему мнѣнію, болѣе заманчивыхъ задачъ, какъ посѣщеніе этого мало извѣстнаго и столь любопытнаго народа. Съ коптами, патріарху которыхъ подчинена и абиссинская церковь, ознакомиться и сблизиться было бы гораздо удобнѣе: они и живутъ не въ такой дали (ихъ довольно и въ Іерусалимѣ), и очень хорошо знаютъ православную церковь и свою близость къ ней. Недавно (въ прошломъ, кажется, году) скончавшійся коптскій патріархъ, по свидѣтельству знаменитаго путешественника нашего архимандрита Порфирія (Успенскаго), питалъ къ нашей церкви живое сочувствіе.

Даже въ армянахъ, которые пользуются несравненно боль-

---

[1]) Въ противность несторіанамъ, монофизиты признаютъ во Христѣ не только единое лицо, но и одну природу.

шимъ благоденствіемъ и независимостью, имѣютъ свою богатую исторію и связанныя съ нею преданія, обыкновенно препятствующія признанію чужаго превосходства, въ послѣднее время замѣчается наклонность къ сближенію съ православною церковью, чему доказательствомъ могутъ служить довольно многочисленныя и конечно совершенно добровольныя обращенія армянъ, совершающіяся на Востокѣ.

Яковиты, живущіе въ Сиріи, Месопотаміи и частью въ англійской Индіи (на малабарскомъ берегу), въ 1851—1853 годахъ вели дѣятельные переговоры съ нашимъ константинопольскимъ посольствомъ и, по увѣренію посредника ихъ [1]), были весьма недалеки отъ рѣшительнаго соединенія съ нами. Война 1853—56 годовъ прервала эти сношенія, которыя были впрочемъ съ ихъ стороны возобновлены тотчасъ по заключеніи мира; но неизвѣстныя намъ причины помѣшали развитію этихъ сношеній и вожделѣнному для церкви исходу ихъ [2]).

Не такъ близка къ нашему вѣроисповѣданію церковь несторіянская; но и на нее мы имѣемъ обязанность обратить свое вниманіе и пользоваться тѣми случаями и обстоятельствами, которые представляются намъ для общенія и сближенія съ нею.

По окончаніи послѣдней персидской войны (1829 г.), около ста несторіянскихъ семействъ переселилось изъ окрестностей

---

[1]) Сирійскаго уроженца Н. Г. Шаміе. Г. Шаміе происходитъ изъ древняго и всѣми православными на Востокѣ уважаемаго рода. Онъ защитникъ правъ своего отвсюду притѣсняемаго племени и вѣрный слуга Россіи, оказавшій ей не малыя услуги во время послѣдней турецкой войны. Ему же принадлежитъ начинаніе радостнаго для православной церкви событія, недавно совершившагося присоединенія къ ней мельхитовъ (Греко-унитовъ). Г. Шаміе племянникъ извѣстнаго логоѳета антіохійскаго престола г. Шаміе, котораго церковныя заслуги недавно почтены царскимъ даромъ.

[2]) Въ 1852—53 годахъ, когда происходили эти переговоры, бывшій настоятель нашей посольской церкви въ Константинополѣ, ученый архимандритъ Софонія, перевелъ, при участіи того же г. Шаміе, Яковитскую литургію на русскій языкъ. Тому же архимандриту Софоніи принадлежитъ превосходная записка о современномъ состояніи и бытѣ яковитовъ. Къ сожалѣнію, и тотъ, и другой трудъ о. Софонія доселѣ остается въ рукописи, слѣдовательно неизвѣстнымъ для русскаго общества, которое слѣдовало бы знакомить съ учеными трудами духовныхъ лицъ, способными уничтожать сильно распространенное предубѣжденіе противъ духовенства.

Урміи въ наши предѣлы и помѣстились въ Закавказьи, именно: близъ Эривани, въ трехъ селеніяхъ, Куйласарѣ, Дуйюнѣ и Гкёли. Лѣтъ черезъ десять послѣ переселенія, они приняли православную вѣру; имъ построена была (конечно не безъ препятствій со стороны мѣстной полиціи) церковь, при которой священникомъ и до сихъ поръ состоитъ обращенный изъ несторіянъ священникъ же Іоаннъ (бывшій маръ-Йоганна) Ильинъ; часть православнаго богослуженія была переведена тогда же на ихъ айсорскій (халдейскій) языкъ [1]).

Какъ слышно, религіозное и умственное состояніе этихъ недавнихъ нашихъ единовѣрцевъ не таково, чтобы мы могли почить отъ всякихъ заботъ о нихъ. До сихъ поръ они не только не имѣютъ полнаго круга православныхъ богослужебныхъ книгъ на своемъ языкѣ, но и та небольшая часть ихъ, которая переведена была въ самую минуту ихъ соединенія съ нами, требуетъ тщательнаго исправленія и въ особенности пополненія. Изъ переписки съ лицомъ, бывшимъ въ ихъ селеніяхъ и внимательно обозрѣвшимъ положеніе православныхъ айсоровъ, намъ извѣстно, что у нихъ нѣтъ очень важныхъ принадлежностей богослуженія: они не знаютъ ни тропарей, ни кондаковъ, ни прокимновъ, ни причастныхъ, ни стихиръ и т. д. Даже литургія переведена далеко не вся, такъ что у нихъ нѣтъ и Херувимской пѣсни.

Между тѣмъ айсоры не знаютъ славянскаго языка и слѣдовательно по необходимости остаются при томъ укороченномъ и изуродованномъ чинѣ богослуженія, который находятъ въ своихъ неудовлетворительно переведенныхъ служебникѣ и часословѣ. Не лежитъ ли на насъ прямой и неотмѣнной обязанности позаботиться о немедленномъ и исправномъ переводѣ всего православнаго богослужебнаго круга на языкъ айсоровъ и такимъ образомъ доставить имъ средство узнать ближе ученіе и чинъ той церкви, въ которую они вступили?

---

[1]) Несторіяне имѣютъ очень много названій. Турки зовутъ ихъ Назареями (Насара), какъ христіанъ; Персы, кажется, также; Армяне зовутъ ихъ Айсорами или Ассори (Ассурами, Ассиріянами); мы зовемъ ихъ именемъ ереси, котораго они не терпятъ, почитая себя совершенно православными. Сами себя зовутъ они Халдеями, съ гордостью указывая на древность своего рода.

Съ другой стороны не достойно ли нашей просвѣтительной ревности завести въ этихъ айсорскихъ селеніяхъ русскія школы, въ которыхъ дѣти недавно пріобрѣтенныхъ нами братьевъ изучали бы русскій и славянскій языки (кромѣ конечно другихъ предметовъ первоначальнаго обученія) и чрезъ то получили бы еще особый, лишній способъ уразумѣвать свою церковь и ея ученіе, а сверхъ того мало по малу знакомиться съ русскою, и чрезъ нее съ общечеловѣческою образованностью.

400—500 человѣкъ православныхъ айсоровъ (это все населеніе ихъ въ предѣлахъ Россіи) могли бы и въ житейскихъ своихъ нуждахъ быть успокоены нашимъ братолюбивымъ участіемъ. И всѣ эти предпріятія такъ легко исполнимы и такъ мало стоили бы жертвъ и трудовъ (кромѣ перевода священныхъ книгъ), что мы позволяемъ себѣ выразить надежду на ихъ осуществленіе. Нашъ голосъ, какъ онъ ни слабъ, можетъ быть достигнетъ чьего-либо воспріимчиваго слуха; намъ кажется, что удовлетвореніе всѣмъ означеннымъ духовнымъ нуждамъ православныхъ айсоровъ составляетъ одну изъ самыхъ прямыхъ и въ тоже время самыхъ легкихъ задачъ Общества распространенія православія на Кавказѣ.

Между тѣмъ наши православные айсоры находятся въ непрестанныхъ и живыхъ сношеніяхъ, по торговымъ и другимъ дѣламъ, съ бывшими своими единовѣрцами, которые въ числѣ 1500—2000 человѣкъ ежегодно приходятъ и не рѣдко въ своихъ *требахъ*, особенно въ смертныхъ случаяхъ, обращаются къ православнымъ священникамъ. Такимъ образомъ, чрезъ посредство нашихъ айсоровъ, возможно было бы дѣйствовать и на ихъ соплеменниковъ, живущихъ внѣ нашихъ предѣловъ и внѣ ограды православной церкви, и можетъ быть, со временемъ, привести ихъ къ единомыслію въ вѣрѣ.

Не подражая въ этомъ случаѣ уже укоренной нами жадности латинъ, мы сдѣлаемъ все, чего требуетъ отъ насъ долгъ нашъ, если съ усердіемъ и умѣньемъ займемся судьбою уже пріобрѣтенныхъ нами айсоровъ и, сколько отъ насъ будетъ зависѣть, пріобщать къ изливаемымъ на нихъ благамъ просвѣщенія и тѣхъ айсоровъ, которые живутъ въ Персіи и Турціи. Успѣхъ весьма возможенъ.

Такъ какъ при этомъ не будетъ и не должно быть никакихъ политическихъ цѣлей (да и какимъ политическимъ цѣлямъ могло бы послужить это малочисленное, необразованное и забитое племя?), то по крайней мѣрѣ персидское правительство не будетъ имѣть никакого повода подозрѣвать насъ и мѣшать нашимъ *чисто* христіанскимъ цѣлямъ. Оно терпитъ же тамъ американскихъ и латинскихъ миссіонеровъ; почему мы могли бы казаться ему опаснѣе и вреднѣе?

Намъ извѣстенъ одинъ случай, изъ котораго можно отчасти заключать, что персидское правительство болѣе расположено уважать наше вѣроисповѣданіе, чѣмъ, напримѣръ, латинское.

Извѣстно, что ни въ Тегеранѣ, при нашемъ посольствѣ, ни въ Таврисѣ, при нашемъ генеральномъ консульствѣ, нѣтъ, къ сожалѣнію, православной церкви; посему, для исполненія православными членами нашего посольства и генеральнаго консульства христіанскаго долга, ежегодно вызывается туда изъ Тифлиса какое-либо духовное лицо. Въ началѣ 50-хъ годовъ іеромонахъ, отправленный съ этою цѣлью въ Тегеранъ, былъ, по желанію шаха, ему представленъ, долго бесѣдовалъ съ нимъ о главнѣйшихъ положеніяхъ нашей вѣры и такъ понравился шаху, что получилъ отъ него въ даръ трость, осыпанную дорогими каменьями.

Въ то время жена нашего посланника только что обратилась въ православную вѣру изъ латинства. Переводчикъ нашего посольства, бывшій посредникомъ между шахомъ и о. Моисеемъ (имя іеромонаха), былъ католикъ. Шахъ, тутъ же узнавъ объ этомъ, спросилъ у него: «Для чего же ты, служа православному царю, не хочешь присоединиться къ такой превосходной вѣрѣ? Вотъ княгиня обратилась къ ней и очень хорошо поступила».

Въ заключеніе своихъ замѣтокъ почитаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ предубѣжденіи, съ которымъ большая часть нашего общества смотритъ на восточныхъ христіанъ, не только иновѣрныхъ, но и православныхъ. Ихъ невѣжество, хитрость, жадность къ деньгамъ, продажность и другіе пороки, которые отрицать было бы странно, внушаютъ намъ какое-то брезгливое отношеніе къ этимъ несчастнымъ наро-

дамъ и не находятъ на нашемъ слѣпомъ судѣ никакого оправданія; тогда какъ это оправданіе, по крайней мѣрѣ условное и относительное, само напрашивается на наше вниманіе. Эти народы—рабы.

Можетъ быть нѣкоторымъ изъ указанныхъ нами пороковъ восточныя племена причастны и по своей природѣ. Такъ о Грекахъ мы имѣемъ простодушное и безспорное свидѣтельство нашего честнаго Нестора, который говоритъ, что они были *льстивы* и въ его время, и прежде, слѣдовательно еще во дни своей свободы.

Объ армянахъ сохранились такого же рода показанія, болѣе раннія; напримѣръ въ знаменитомъ надгробномъ словѣ Василію Великому, произнесенномъ другомъ и совоспитанникомъ его Григоріемъ Богословомъ, разсказывается чрезвычайно занимательный случай, бывшій съ св. Василіемъ въ аѳинской школѣ и особенно сблизившій его съ св. Григоріемъ. Случай этотъ состоялъ въ томъ, что армянское отдѣленіе аѳинской школы, завидуя необычайной ученой славѣ и геніальнымъ дарамъ Василія, составило противъ него заговоръ, имѣвшій цѣлью унизить его и лишить того всеобщаго почета, который онъ успѣлъ пріобрѣсть, имѣя шестнадцать лѣтъ отъ рожденія. Св. Григорій, успѣвшій уничтожить злой умыселъ армянъ, повѣствуя объ этомъ въ надгробной рѣчи, сдѣлалъ общій о нихъ отзывъ: что армяне скрытны, коварны и вѣроломны.

Но сколько бы ни было въ восточныхъ племенахъ природной склонности къ порокамъ, столь поражающимъ европейца, мы, именно мы, сами причастные еще многимъ восточнымъ порокамъ, должны быть разсудительнѣе въ своихъ порицаніяхъ и умѣрять наши неистовые вопли, которые могутъ обратиться на нашу собственную голову: вотъ, могутъ сказать про насъ, обрадовались, что нашли хуже себя.

Главное же, мы не должны забывать, что восточные пороки порождаются, развиваются и поддерживаются рабствомъ. Вспомнимъ то, давно ли и нашему народу дарована благодать свободы, и не осталось ли на насъ самихъ слѣдовъ только что уничтоженнаго рабства, безъ сравненія болѣе мягкаго и слѣ-[illegible]но менѣе растлѣвающаго чѣмъ то, подъ игомъ кото-

Такъ какъ при этомъ не будетъ и не должно быть никакихъ политическихъ цѣлей (да и какимъ политическимъ цѣлямъ могло бы послужить это малочисленное, необразованное и забитое племя?), то по крайней мѣрѣ персидское правительство не будетъ имѣть никакого повода подозрѣвать насъ и мѣшать нашимъ *чисто* христіанскимъ цѣлямъ. Оно терпитъ же тамъ американскихъ и латинскихъ миссіонеровъ; почему мы могли бы казаться ему опаснѣе и вреднѣе?

Намъ извѣстенъ одинъ случай, изъ котораго можно отчасти заключать, что персидское правительство болѣе расположено уважать наше вѣроисповѣданіе, чѣмъ, напримѣръ, латинское. Извѣстно, что ни въ Тегеранѣ, при нашемъ посольствѣ, ни въ Таврисѣ, при нашемъ генеральномъ консульствѣ, нѣтъ, къ сожалѣнію, православной церкви; посему, для исполненія православными членами нашего посольства и генеральнаго консульства христіанскаго долга, ежегодно вызывается туда изъ Тифлиса какое-либо духовное лицо. Въ началѣ 50-хъ годовъ іеромонахъ, отправленный съ этою цѣлью въ Тегеранъ, былъ, по желанію шаха, ему представленъ, долго бесѣдовалъ съ нимъ о главнѣйшихъ положеніяхъ нашей вѣры и такъ понравился шаху, что получилъ отъ него въ даръ трость, осыпанную дорогими каменьями.

Въ то время жена нашего посланника только что обратилась въ православную вѣру изъ латинства. Переводчикъ нашего посольства, бывшій посредникомъ между шахомъ и о. Моисеемъ (имя іеромонаха), былъ католикъ. Шахъ, тутъ же узнавъ объ этомъ, спросилъ у него: «Для чего же ты, служа православному царю, не хочешь присоединиться къ такой превосходной вѣрѣ? Вотъ княгиня обратилась къ ней и очень хорошо поступила».

Въ заключеніе своихъ замѣтокъ почитаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ предубѣжденіи, съ которымъ большая часть нашего общества смотритъ на восточныхъ христіанъ, не только иновѣрныхъ, но и православныхъ. Ихъ невѣжество, хитрость, жадность къ деньгамъ, продажность и другіе пороки, которые отрицать было бы странно, внушаютъ намъ какое-то брезгливое отношеніе къ этимъ несчастнымъ наро-

V.

Записка о народныхъ училищахъ [1]).

«Записка о народныхъ училищахъ» составлена была въ 1862 году, въ ту пору, когда противъ безспорнаго дотолѣ права Церкви руководить первоначальнымъ обученіемъ народа впервые возвысился голосъ министерства народнаго просвѣщенія, которое изъ вѣрнаго союзника Церкви внезапно обратилось въ завистливаго и недоброжелательнаго соперника. Бороться съ такимъ неожиданнымъ нападеніемъ въ области правительственной выпало на долю бывшему въ то время оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода А. П. Ахматову, которому въ помощь и представлена была эта записка, изображающая главныя и самыя крупныя черты вопроса объ отношеніяхъ народной школы къ Церкви какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и на Западѣ. Исходъ борьбы извѣстенъ: вопреки всеобщему и исконному убѣжденію самого народа, желающаго для своихъ дѣтей только такой школы, которая изъ Церкви исходитъ и къ Церкви ведетъ, и въ нарушеніе правительственныхъ преданій, школа была искусственно отторгнута отъ Церкви и насильственно уклонена на тѣ странные и исполненные опасностей пути, по коимъ она понынѣ блуждаетъ.

---

[1]) Первоначально было напечатано отдѣльною книжкою подъ этимъ заглавіемъ безъ имени автора (Спб., Синод. тип., 1882).

Въ настоящую минуту, когда зловѣщія указанія опыта возбудили вниманіе Правительства къ сему роковому вопросу и когда возникаютъ надежды, что православному Русскому народу, вмѣсто подносимаго ему столько времени камня, дадутъ наконецъ чистый и питательный хлѣбъ, всякое слово въ огражденіе народной школы отъ «странныхъ и различныхъ наученій» получаетъ особую цѣну и право на распространеніе между людьми, способными внимать угнѣтенной предубѣжденіями истинѣ. Ихъ просвѣщенному вниманію составитель «Записки о народныхъ училищахъ» поручаетъ и свои любовію къ церкви, народу и истинѣ внушенныя размышленія.

Назначеніе первоначальныхъ народныхъ училищъ состоитъ прежде всего въ нравственномъ воспитаніи народа. Изъ предметовъ обученія, обыкновенно вносимыхъ въ программу первоначальнаго училища, этому главному его назначенію можетъ соотвѣтствовать только одинъ Законъ Божій; всѣ же прочіе предметы его программы: чтеніе, письмо, счисленіе и даже какіе-нибудь начатки наукъ, по природѣ своей, не содержатъ въ себѣ ни малѣйшей нравственно дѣйствующей силы и могутъ лишь сдѣлаться орудіемъ нравственнаго воспитанія, если только люди, которымъ ввѣрена школа, захотятъ и сумѣютъ употребить ихъ для этой, а не для противной цѣли.

Болѣе обширный курсъ ученія въ народной школѣ былъ бы въ настоящее время для насъ рѣшительно не по силамъ: безразсудно было бы гнаться за излишнимъ, когда нѣтъ достаточныхъ средствъ устроить, какъ слѣдуетъ, необходимое. Такое стремленіе тѣмъ болѣе могло бы показаться страннымъ, что даже у тѣхъ народовъ, которые преимущественно предъ другими прославились цвѣтущимъ состояніемъ своихъ народныхъ школъ, почитаютъ необходимымъ избѣгать разнообразія въ ихъ программѣ. Такъ, при опредѣленіи курса народныхъ училищъ въ Пруссіи въ 1854 г., правительство этой страны заботилось преимущественно о томъ, чтобы удержать народное образованіе въ предѣлахъ необходимо нужныхъ и простыхъ свѣдѣній

и не допускать въ его программу разнообразныхъ полезныхъ предметовъ (Vielerlei) [1]).

Впрочемъ какая бы программа ни была принята въ первоначальныхъ училищахъ, хотя бы самая обширная и разнообразная, нравственно-воспитательное значеніе этихъ заведеній черезъ то еще не было бы упрочено: ибо развитіе и обогащеніе ума не состоитъ въ необходимой и непремѣнной связи съ просвѣщеніемъ и утонченіемъ совѣсти. Не всякое образованіе ума приводитъ къ преуспѣянію нравственному: существуютъ самыя ясныя и неопровержимыя доказательства того, что съ развитіемъ народной образованности, *при превратномъ ея направленіи*, умножаются порочныя наклонности народа и увеличивается число его преступленій [2]). Посему справедливо будетъ заключить, что если желаютъ сохранить народныя школы вѣрными ихъ главному и существеннѣйшему призванію воспитывать народъ въ началахъ истинной нравственности; то средствъ къ достиженію этой цѣли слѣдуетъ искать отнюдь не въ расширеніи ихъ учебной программы. «Чтобы сдѣлать народъ нравственнымъ, говоритъ Vinet, самый вѣрный и краткій путь учить его нравственности».

Между тѣмъ для народа не можетъ быть никакого иного источника нравственныхъ понятій кромѣ религіи, понятіе о долгѣ, лежащее въ основаніи всякой нравственной дѣятельности, въ народѣ можетъ быть прочно связано только съ идеею о Богѣ; слѣдовательно предлагать ему нравственное ученіе, не-

---

[1]) Поборникомъ разнообразія (Vielerlei) въ прусской палатѣ былъ депутатъ Гаркордтъ, но всѣ его возраженія противъ простоты первоначальнаго обученія были побѣдоносно опровергнуты знаменитымъ Шталемъ, авторомъ регулятивовъ 1854 г.

Ниже будетъ предложено объ этомъ еще нѣсколько замѣчаній.

[2]) Знаменитый статистикъ Франціи Quetelet, въ началѣ 30-хъ годовъ нашего вѣка составившій карту Франціи и Нидерландовъ, въ которой обозначены мѣстности этихъ государствъ съ одной стороны по степени образованности народа, съ другой по количеству совершаемыхъ уголовныхъ преступленій, показалъ, что центральные департаменты Франціи (Крезы, Индры и др.), въ которыхъ совершалось наименѣе преступленій, были самые невѣжественные; что, на оборотъ, въ Эльзасѣ и департаментѣ Сены, самыхъ просвѣщенныхъ во Франціи, совершалось ежегодно преступленій всякаго рода болѣе, нежели въ сосѣднихъ мѣстностяхъ.

зависимо отъ вѣроученія, значило бы трудиться совершенно напрасно и строить на пескѣ. И хотя безспорно, что истинной нравственности безъ религіи нѣтъ не только для нисшихъ слоевъ народа, но и для всѣхъ его классовъ богатыхъ, просвѣщенныхъ и довольныхъ; но эти классы имѣютъ по крайней мѣрѣ нѣкоторую возможность воображать себѣ противное и въ жалкомъ самообольщеніи довольствоваться ограниченною и низкою мѣрою нравственныхъ идей, истекающихъ изъ постиженій естественнаго разума. Для народа невозможно даже такого рода самообольщеніе, и потому сообщать народу нравственныя начала значитъ учить его вѣрѣ и воспитывать его въ ея правилахъ.

Но религіозное воспитаніе народа не можетъ быть совершено однимъ преподаваніемъ въ народной школѣ предметовъ вѣры, даже и тогда, если бы изъ общаго числа учебныхъ часовъ для сихъ предметовъ была опредѣлена часть болѣе приличная ихъ важности, чѣмъ та, которую удѣляютъ ему проекты министерства народнаго просвѣщенія [1]).

Знаменитый авторъ французскаго закона о первоначальномъ обученіи (loi sur l' instruction primaire 28 juin 1833), разительными и горькими указаніями опыта убѣжденный въ несчастныхъ послѣдствіяхъ народнаго обученія, свободнаго отъ вліянія вѣры, говоритъ:

«Чтобы обученіе народа было на самомъ дѣлѣ здравымъ и полезнымъ обществу, ему необходимо быть *глубоко* религіознымъ. Подъ этимъ я разумѣю не только то, что обученіе предметамъ вѣры должно получить въ программѣ народнаго

M. Fayet въ 1850 г. сообщилъ парижской академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, что въ продолженіи двухъ послѣднихъ десятилѣтій число преступленій и проступковъ ежегодно возрастало въ бо́льшей пропорціи въ департаментахъ болѣе образованныхъ, нежели въ менѣе образованныхъ.

Въ извѣстномъ сочиненіи Dupanloup (т. I, стр. 326) приводятся многія другія, столь же неопровержимыя, доказательства той мысли, что между образованіемъ ума и усовершенствованіемъ нравственнымъ нѣтъ непремѣннаго соотношенія.

[1]) По проекту устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, законоучителю дается только три часа въ недѣлю для преподаванія его предмета въ самомъ краткомъ видѣ.

училища свою часть, и что религіозныя упражненія ея воспитанниками должны быть строго соблюдаемы; нѣтъ! народъ не можетъ быть воспитанъ религюзно такими ничтожными и механическими средствами. Народное воспитаніе должно совершаться посреди религіозной атмосферы такъ, чтобы религіозныя впечатлѣнія и навыки проникали въ него со всѣхъ сторонъ. Религія не есть занятіе или упражненіе, которому можно назначить свое мѣсто и свой часъ; это—вѣра, это—законъ, который долженъ постоянно и всюду чувствоваться и который только при этомъ условіи (à ce prix) производитъ на душу и жизнь спасительное дѣйствіе. Вліяніе религіи въ народныхъ школахъ должно быть преобладающимъ; если священникъ не довѣряетъ учителю и удаляется отъ него, если учитель почитаетъ себя независимымъ соперникомъ, а не вѣрнымъ помощникомъ священника; тогда нравственное значеніе школы утрачено, и она (изъ благодѣянія народу) легко можетъ обратиться въ опасность (для него)» [1]).

Этими замѣчательными словами необыкновеннаго человѣка ясно и опредѣлительно обозначаются два предмета: 1) какое мѣсто въ программѣ и вообще въ жизни народной школы принадлежитъ религіи и 2) въ какія отношенія къ народной школѣ долженъ быть поставленъ священникъ-законоучитель, если желаютъ, чтобы народная школа была благомъ, а не опасностію для страны.

Свидѣтельство Гизо тѣмъ особенно важно, что оно приходитъ изъ Франціи, изъ той страны, законы которой до послѣдняго времени старались изгонять отовсюду, особенно изъ области общественнаго и народнаго воспитанія, вліяніе религіи и духовенства, и отъ того самаго человѣка, которому принадлежитъ законъ 1833 года, поставлявшій этому вліянію не малыя препятствія.

Главный и существенный порокъ этого закона, по признанію самаго Гизо, состоялъ въ томъ, что его начертаніями ослаблено было вліяніе на народную школу церкви. Учитель былъ поставленъ этимъ закономъ въ совершенно неза-

---

[1]) ...es, par M. Guizot, T. III. p. 69.

висимое отношеніе къ приходскому священнику (curé), и хотя священникъ признанъ былъ непремѣннымъ членомъ общиннаго совѣта, учрежденнаго для наблюденія надъ народною школою; но предсѣдательство мэра, сопряженное съ рѣшительнѣйшимъ перевѣсомъ его надъ значеніемъ священника, и совмѣстничество другихъ независимыхъ членовъ общиннаго совѣта, дѣлало вліяніе священника на народную школу совершенно ничтожнымъ, въ той же почти мѣрѣ, какъ предположено это сдѣлать во вновь изготовленномъ проектѣ нашего министерства народнаго просвѣщенія [1]).

«Поставляя священника и учителя народной школы, говоритъ знаменитый авторъ книги «О воспитаніи», въ такое странное взаимное равенство, измѣряя тѣмъ же уровнемъ авторитетъ и характеръ обоихъ, унижали одного и надмѣвали неизбѣжно другаго. Кто же удивится, что такой законъ произвелъ во Франціи, по энергическому и столь часто повторяемому выраженію Тьера, 40.000 anticurés, 40.000 священниковъ атеизма и соціализма» [2]).

Что касается до другихъ странъ западной Европы, то въ большей части ихъ опредѣленное словами Гизо отношеніе къ народной школѣ религіи и ея наставника или положительно узаконено, или же соблюдается преобладающею силою мнѣній большинства.

Такъ въ Пруссіи, по силѣ нынѣ дѣйствующихъ законовъ (регулятивы 1854 г.), въ существенномъ согласныхъ и съ прежними постановленіями, лица духовнаго званія принимаютъ самое близкое участіе въ управленіи народными школами. Каждая суперинтендентура или деканатъ (въ католическихъ округахъ) составляетъ народно-учебный округъ, управляемый инспекторомъ, такъ что съ званіемъ суперинтендента или католическаго епископа (въ Пруссіи) совмѣщается и должность

---

[1]) Въ другомъ проектѣ, изготовленномъ тѣмъ же министерствомъ, даже и не упоминается о какомъ бы то ни было вліяніи священника на народную школу.

[2]) De l' éducation, par M. Dupanloup. T. I, p. 315—316. Гизо оправдывается впрочемъ тѣмъ, что законъ его подвергся весьма значительнымъ измѣненіямъ, прошедъ чрезъ обѣ палаты.

инспектора народныхъ училищъ въ округѣ. Въ случаѣ отказа суперинтендента или епископа отъ инспекторской должности, ее возлагаютъ на старшихъ послѣ нихъ лицъ (непремѣнно) духовнаго званія.

Вѣдѣнію суперинтендента подлежатъ собранія училищныхъ старшинъ (Schulvorstände), завѣдывающія сельскими школами. Хотя предсѣдательство въ этихъ собраніяхъ и предоставляется попечителю изъ мирянъ; но по силѣ дѣйствительнаго вліянія, и тамъ главное лице есть пасторъ: такъ какъ должность попечителя ограничивается въ настоящее время только правомъ предлагать высшему начальству (и то чрезъ суперинтендента) кандидатовъ для занятія учительскихъ мѣстъ. Въ его отсутствіе предсѣдательствуетъ въ собраніяхъ пасторъ.

Должность мѣстнаго инспектора и ревизора народныхъ школъ поручается также лицамъ духовнаго званія. Этимъ ревизорамъ принадлежитъ наблюденіе за умственной, нравственной и хозяйственною частію народныхъ училищъ; имъ вмѣнено въ непремѣнную обязанность созывать ежемѣсячно всѣхъ учителей на общія совѣщанія, на которыхъ разсматриваются письменно разработанныя и предварительно представленныя учителями задачи по предметамъ ихъ занятій. Этимъ же ревизорамъ предоставляется свидѣтельствовать о поведеніи народныхъ учителей.

Дѣятельность народнаго учителя ограничивается одними учебными занятіями. Въ служебномъ отношеніи онъ непосредственно подчиненъ мѣстному пастору, который, будучи членомъ собранія старшинъ, исключительно завѣдываетъ учебною частію школы, какъ духовный наставникъ всей общины (Seelensorger) и какъ преподаватель главнаго предмета.

Главное назначеніе народной школы, по прусскому уставу, состоитъ въ сообщеніи народу истинно религіознаго воспитанія, въ пробужденіи яснаго сознанія христіанскихъ обязанностей и въ указаніи способовъ, посредствомъ которыхъ ученіе вѣры можетъ и должно быть примѣняемо ко вседневной жизни: такъ чтобы эти правила и наставленія сроднились съ образомъ мыслей учащагося, укрѣпились въ его сердцѣ и перешли

бы наконецъ въ самую жизнь. (Наставленія учителямъ сельскихъ и нисшихъ городскихъ школъ 16 декабря 1794 г.).

Такъ какъ главная задача народной школы заключается именно въ томъ, чтобы во ввѣренномъ ея попеченію юношествѣ были насаждены и развиты сѣмена христіанской жизни, то первое мѣсто въ учебной программѣ элементарнаго курса занимаетъ Законъ Божій (регулятивъ 3-го октября 1854 г.). Сравнительно съ другими предметами, входящими въ програму прусской народной школы, курсъ Закона Божія особенно обширенъ.

Достойно вниманія, что изъ всѣхъ протестантскихъ государствъ Германіи, Пруссіи (вмѣстѣ съ Саксоніей) принадлежитъ никѣмъ неоспариваемое первенство въ отношеніи къ благоустройству народныхъ училищъ: ея школы почитаются наилучшими образцами германскихъ заведеній этого рода, какъ въ самой Германіи, такъ и у чужихъ народовъ [1]).

Въ Англіи коренное право церкви на воспитаніе, и въ особенности на народную школу, даже до послѣдняго времени признавалось почти повсюду, какъ нѣчто данное, какъ фактъ; на учителя всегда смотрѣли, какъ на самаго близкаго, естественнаго помощника пастору; обыкновенно говорили: пасторъ есть учитель духовной школы, а учитель школы есть свѣтскій пасторъ. Послѣднія пренія о школахъ, бывшія въ парламентѣ, ясно показали, что большинство еще досѣлѣ въ пользу сочетанія школы съ церковію. Какъ въ верхней, такъ и въ нижней палатѣ всего сильнѣе указывали на необходимость сохраненія религіознаго характера въ дѣлѣ народнаго воспитанія и всячески старались попеченіе о томъ оставить за разными церковными корпораціями. Генлей, членъ нижней палаты, всякую другую систему воспитанія назвалъ просто помойной системой, изъ воды и молока, безъ силы и жизни.

Люди противнаго направленія, желающіе лишить народную школу религіознаго характера, пользуясь опущеніями господ-

---

[1]) См. напримѣръ знаменитый Rapport de M. Cousin, представленный имъ министерству народнаго просвѣщенія по возвращеніи изъ Германіи въ 1831 г., или не менѣе замѣчательное сочиненіе англичанина: The social condition and education of the people in England and Europe, by Ioseph Kay.

ствующей церкви въ дѣлѣ народнаго образованія и упорствомъ ея представителей въ нѣкоторыхъ неизвинительныхъ предразсудкахъ, успѣли было сильно подѣйствовать на общественное мнѣніе въ Англіи, но не надолго.

Вообразивъ, какъ будто бы оставалось выбрать одно изъ двухъ—или свѣтское, или религіозное воспитаніе,—большинство стало на сторону церкви. Лучше хотѣли остаться съ нею при всѣхъ невыгодахъ ея односторонняго воспитанія, чѣмъ подать руку ея противникамъ и такимъ образомъ послужить къ разведенію *зміинаго сѣмени* по всей землѣ. Воспитаніе, вполнѣ отданное въ руки администраціи, думаетъ большинство англичанъ, будетъ заключаться только въ образованіи ума, которое безъ образованія религіознаго, вмѣсто благословенія, приноситъ проклятіе.

Вотъ почему, какъ скоро являлись какія либо попытки лишить народныя школы религіознаго ихъ характера, въ самое короткое время собирались невѣроятно огромныя суммы, единственно съ тою цѣлію, чтобы основать новыя школы на началахъ церкви. Событія 1848 и 1849 годовъ въ остальной части Европы еще болѣе утвердили ихъ въ исключительности сего направленія. Тамъ и доселѣ ссылаются на 1848 годъ, чтобъ доказать, какъ опасно образованіе народа, которое не простирается далѣе предѣловъ этой земли.

Нельзя не видѣть, что тамъ, гдѣ кончилось вліяніе религіи на народъ, порывы его къ свободѣ не знаютъ мѣры, потому что всѣ движенія страстей считаются позволенными. Всякому народу необходимы твердыя основы, людямъ нуженъ наставникъ, который училъ бы ихъ во имя Христово и научилъ бы ихъ по крайней мѣрѣ тому, что скорби и лишенія—необходимое условіе нашей жизни. Потому-то и въ безчисленныхъ англійскихъ сочиненіяхъ, касательно образованія и воспитанія народа, пробнымъ камнемъ дѣйствительности народнаго воспитанія полагается не иное что, какъ способность народа къ самоограниченію и готовность его на борьбу со страстями.

То воспитаніе, говорятъ англичане, которое не даетъ народу ни религіи, ни нравственной и гражданской свободы, не

заслуживаетъ имени воспитанія. (Письма о воспитаніи въ Англіи, доктора Визе, стр. 107 и 113).

Въ Даніи всѣ элементарныя школы, исключая копенгагенскихъ, существующихъ на особомъ положеніи, находятся подъ управленіемъ особыхъ коммиссій изъ прихожанъ, въ которыхъ приходскіе пасторы бываютъ непремѣнными и самыми дѣятельными членами, а въ деревенскихъ приходахъ даже непремѣнными предсѣдателями. Пасторы по закону наблюдаютъ за порядкомъ ученія въ школѣ, за учителями и учениками, заботятся о снабженіи школы всѣмъ нужнымъ и ведутъ отчетность.

Нисшимъ церковнослужителямъ законъ предписываетъ быть наставниками приходскихъ дѣтей, въ особенности въ предметахъ вѣры; по сему должность дайновъ или дьячковъ въ Даніи стараются соединять съ должностію наставниковъ народныхъ школъ.

Такъ какъ число богословскихъ кандидатовъ, выдерживающихъ экзаменъ на пасторскую должность, бываетъ по крайней мѣрѣ вдвое болѣе того, чѣмъ сколько нужно ихъ для замѣщенія свободныхъ пасторскихъ мѣстъ, то по крайней мѣрѣ половина студентовъ до полученія пастырской должности (а это продолжается иногда весьма долго) должна искать другихъ занятій. Посему очень многіе изъ этихъ будущихъ пасторовъ занимаютъ временно учительскія мѣста въ народныхъ школахъ.

Пробсты или благочинные суть ближайшіе начальники надъ духовенствомъ и народными школами. Они наблюдаютъ за поведеніемъ и исправностію пасторовъ, дайновъ и учителей, принимаютъ и ревизуютъ отчеты о состояніи школъ, производятъ въ нихъ экзамены и т. д.

Епископамъ и суперинтендентамъ принадлежитъ высшій надзоръ за состояніемъ народнаго образованія [1]).

Можно было бы значительно продолжить ссылки и указанія на иностранныя законодательства, на мнѣнія замѣчательныхъ людей, на многоразличныя свидѣтельства опыта, благопріятствующія мысли о необходимости тѣснѣйшаго союза между народною школою и церковію; но предѣлы настоящей записки не дозволяютъ вполнѣ воспользоваться этою возможностію.

---

[1]) Дух. Бесѣд. 1861.

Переходя къ Россіи, встрѣчаемся съ слѣдующими вопросами:

1) Существовало ли доселѣ въ нашемъ законодательствѣ какое либо систематическое воззрѣніе на вопросъ о первоначальномъ народномъ обученіи?

2) Замѣчалась ли въ самомъ народѣ какая либо ясно и опредѣлительно выраженная склонность къ тому или другому способу его обученія или воспитанія?

3) Кѣмъ и въ какой мѣрѣ эта склонность, если она выразилась, была доселѣ удовлетворяема?

4) Въ виду этой склонности, въ чемъ состоитъ задача тѣхъ властей, которыя призваны устроить судьбу народнаго обученія или воспитанія въ Россіи?

5) То, что для этой цѣли намѣреваются въ настоящее время предпринять, сообразно ли съ природою предмета, съ уроками, почерпаемыми изъ чужаго опыта, съ желаніями народа, съ ожиданіями церкви и государства, наконецъ съ нашими средствами.

1) Всѣ наши доселѣ бывшія постановленія, касавшіяся этого предмета не представляютъ полной и стройной законодательной системы, объемлющей всѣ стороны вопроса и его существеннѣйшія отношенія. Причина тому заключается конечно въ томъ, что размѣры, которыхъ до сихъ поръ достигало дѣло народнаго образованія въ Россіи, были весьма необширны, и черезъ то самый вопросъ о его устройствѣ возбуждалъ слишкомъ мало участія какъ въ обществѣ, такъ и въ законодателяхъ. При всемъ томъ частныя законоположенія, касавшіяся сего вопроса, склонялись постоянно къ той мысли, что въ первоначальной народной школѣ духовенству должно предоставить естественное законное первенство. Такое начало принято было въ основаніе при устройствѣ въ 1836 г. сельскихъ школъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ, куда наставники опредѣлялись (какъ и доселѣ опредѣляются) епархіальными начальствами изъ лицъ, имъ подвѣдомыхъ. Епархіальному же начальству предоставлено было въ 1850 г. опредѣлять въ тѣхъ школахъ: порядокъ преподаванія и наблюденія за нимъ, правила испытаній и отчетности, выборъ учебныхъ руководствъ и книгъ для чтенія.

2) Что касается до собственнаго воззрѣнія народа на главную цѣль образованія и школы, то оно издревле и къ великому счастію до нашихъ дней выражалось всегда одинаково и неизмѣнно, въ пользу церковнаго вліянія.

«Въ народѣ, говоритъ одинъ изъ замѣчательныхъ нашихъ писателей [1]), существуетъ особое воззрѣніе на грамотность. Грамота для него есть дѣло въ нѣкоторой степени священное: она есть дверь, отверзаемая къ уразумѣнію божественнаго писанія. Книжная мудрость, въ народномъ словоупотребленіи, почти равнозначительна богословію; начетчикъ означаетъ человѣка, изучившаго много священныхъ книгъ. Такимъ образомъ понятіе о книжномъ обученіи у простолюдина неразрывно связывается съ понятіемъ о истолкованіи слова Божія; въ простомъ учителѣ чтенія онъ ждетъ видѣть наставника въ Законѣ Божіемъ. По этому онъ отдаетъ дитя свое въ обученіе преимущественно лицу, котораго признаетъ за священное».

На основаніи этихъ совершенно вѣрныхъ соображеній, авторъ брошюры, предложивъ самому себѣ вопросъ: кому должно быть ввѣрено первоначальное обученіе народа, имѣлъ полное право дать слѣдующій сколько рѣшительный, столько и справедливый отвѣтъ:

«Духовенству. Отвѣтъ такъ не сомнителенъ, что только намѣренное желаніе поколебать въ народѣ христіанскія начала, или же совершенное незнаніе народныхъ склонностей, могутъ отвѣчать иначе. *Народъ самъ признаетъ духовенство законнымъ своимъ учителемъ*».

3) Въ какой же мѣрѣ отвѣчали стремленію народа тѣ, у которыхъ онъ преимущественно желалъ учиться? Если до послѣдняго времени учительная дѣятельность русскаго духовенства не произвела плодовъ, которыми могла бы гордиться исторія нашего просвѣщенія, то причины тому скрываются въ множествѣ различныхъ обстоятельствъ нашей общественной жизни: въ жалкомъ состояніи нашего просвѣщенія вообще, въ стѣсненномъ и бѣдственномъ положеніи духовенства, у кото-

---

[1]) Гиляровъ: О первоначальномъ обученіи народа: Твор. Св. От., 1862, кн. 2.

раго отняты были средства даже къ собственному образованію, и наконецъ въ крѣпостной зависимости цѣлой половины народа, державшей его во мракѣ и вредно дѣйствовавшей на общій строй русской жизни.

Но лишь только человѣколюбіе царя изрекло слово народнаго освобожденія и лишь только освобожденный народъ съ неимовѣрною, всѣхъ изумившею, жаждою, столь противуположной его прежнему равнодушію, устремился къ ученію: русское духовенство явило не менѣе изумительную готовность и способность послужить внезапно возникшей и съ каждымъ днемъ усиливающейся потребности народа. Въ теченіи 2—3 лѣтъ оно успѣло учредить по всему необъятному пространству Русской земли такое количество народныхъ школъ, которое могло бы показаться невѣроятнымъ, если бы не было вполнѣ достовѣрнымъ и несомнѣнно засвидѣтельствованнымъ. Общее число ихъ въ настоящее время простирается до 18,229, что составляетъ $^{3}/_{4}$ числа приходскихъ сельскихъ церквей въ Россіи. Есть епархіи, и ихъ не мало, въ которыхъ каждый приходъ имѣетъ уже свою народную школу, и въ этихъ школахъ, помѣщающихся по большей части въ домахъ священно-и церковнослужителей, учатся уже сотни тысячъ (болѣе 300,000) дѣтей обоего пола, у тѣхъ же священно-и церковнослужителей и у ихъ женъ. И все это множество дѣтей народа посѣщаетъ школы не только безъ всякой платы своимъ неимущимъ наставникамъ; но нерѣдко приходится встрѣчать въ печати извѣстія, что такой-то священникъ построилъ для своей приходской школы домъ, другой пригласилъ себѣ въ помощь учителя изъ окончившихъ курсъ семинаристовъ и платитъ ему изъ своихъ послѣднихъ достатковъ 25, 50 и 75 руб. въ годъ; третій выписалъ на свой счетъ учебныя и другія полезныя народу книги и разныя учебныя принадлежности. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ уже учреждены, а въ иныхъ учреждаются, особые блюстители народныхъ школъ, заводимыхъ духовенствомъ, которые обязываются обозрѣвать школы своего участка, доводить до свѣдѣнія епархіальнаго начальства о ихъ состояніи и нуждахъ, подавать наставникамъ совѣты и т. п. Въ консисторіяхъ учреждаются особые учебные столы, въ которыхъ

производятся дѣла, относящіяся исключительно къ церковно-народнымъ училищамъ. Такимъ образомъ русское духовенство, никѣмъ не поддержанное, лишенное не только какого либо дѣятельнаго пособія отъ правительства, но даже всякой нравственной опоры со стороны общества, оскорбляемое дурно направленною литературою, по мѣстамъ встрѣчающее даже противодѣйствіе отъ лицъ, имѣющихъ въ краѣ большую силу (напр. поляковъ-владѣльцевъ въ западныхъ епархіяхъ), и отъ представителей мѣстной гражданской власти, имѣющихъ на образованіе народа свой взглядъ,—это русское духовенство, при такихъ обстоятельствахъ, явилось въ высшей степени вѣрнымъ своей существенной обязанности обучать народъ и заслужило полнѣйшее право на всеобщую и глубокую признательность: благодаря его святой ревности, $^3/_4$ сельскихъ приходовъ въ Россіи уже имѣютъ даровыя народныя школы.

Явленіе поразительное, которое объясняется единственно тѣмъ и вмѣстѣ очевидно доказываетъ то, что нравственная связь духовенства съ народомъ, не смотря на всѣ неблагопріятныя для нея вліянія всей нашей исторіи за послѣднія 150 лѣтъ, въ такой еще мѣрѣ жива и крѣпка, что можетъ производить дѣла, едва вѣроятныя и безъ нея рѣшительно невозможныя. Счастливо государство, которое въ помощь своимъ труднымъ предпріятіямъ можетъ призвать такую великую и спасительную силу; въ союзѣ съ нею оно совершитъ легко и скоро то, о чемъ безъ ея содѣйствія невозможно было бы и подумать. Развѣ есть какая нибудь и для кого бы то ни было (для лицъ, корпорацій, учрежденій и т. д.) возможность въ теченіи 2—3 лѣтъ завести около 20,000 училищъ? Но между тѣмъ это по видимому невозможное и невообразимое явленіе есть совершившееся и никакому сомнѣнію не подлежащее событіе; совершитель этого событія есть русское духовенство. Можно этому радоваться или этимъ огорчаться, видѣть въ этомъ средство къ спасенію народа, или къ утвержденію въ немъ суевѣрія,—это зависитъ отъ личныхъ расположеній и взглядовъ каждаго; но никто не можетъ отвергнуть того, что $^3/_4$ всѣхъ сельскихъ церквей въ Россіи имѣютъ при себѣ народныя училища, благодаря усердію и жертвамъ нищаго русскаго духовенства.

4) Въ виду этого многозначительнаго явленія, въ чемъ же должна состоять задача правительства относительно устройства училищъ для первоначальнаго народнаго образованія? Отвѣтъ не можетъ быть затруднителенъ. Съ тѣми средствами, которыми оно располагаетъ, ему слѣдуетъ придти на помощь къ скромнымъ и безкорыстнымъ дѣятелямъ, которые, не дожидаясь ничьего содѣйствія, по свободному побужденію своей любви къ народу, приняли на себя заботы о его обученіи и устроили уже ³/₄ того количества училищъ, которое составляетъ край желаній самаго правительства [1]). Отказать въ такомъ содѣйствіи начинаніямъ духовенства и стараться исхитить изъ рукъ его воспитаніе народа правительство могло бы безъ грѣха лишь въ томъ случаѣ, если бы оно:

а) убѣдилось, что направленіе и духъ учрежденныхъ духовенствомъ школъ не соотвѣтствуетъ въ какомъ бы то ни было отношеніи (религіозномъ, нравственномъ, учебномъ или политическомъ) его собственнымъ намѣреніямъ и воззрѣніямъ на цѣль народнаго образованія. Или

б) думало, что эти школы, согласуясь съ видами правительства, не угодны однако самому народу и устроены не по его мысли и склонности, и что слѣдовательно поддержка ихъ со стороны правительства была бы тяжкимъ и непростительнымъ насиліемъ народу: такъ какъ по истинѣ безразсудно и не нравственно употреблять изъ народа извлеченныя средства на насильственно навязываемое ему образованіе, отъ котораго онъ отвращается. Или, наконецъ

в) надѣялось открыть отъ себя такое же или даже большее количество школъ, какое основано духовенствомъ, и при томъ такого же или даже лучшаго качества, съ меньшими издержками и общественными или государственными неудобствами.

Можно съ увѣренностію сказать, что ни убѣдиться въ первомъ, ни думать втораго, ни надѣяться на послѣднее русское правительство не можетъ.

а) Оставаясь вѣрнымъ выраженному имъ самимъ [2]) и со-

---

[1]) Проектъ министерства предполагаетъ учредить въ каждомъ сельскомъ приходѣ по школѣ.

[2]) Проекта общаго плана устройства народныхъ училищъ.

вершенно справедливому воззрѣнію на первую и главную цѣль народной школы воззрѣнію, общему, какъ выше показано, и всѣмъ просвѣщеннымъ народамъ Европы, русское правительство не можетъ въ этомъ отношеніи найти ни одного слова не впользу тѣхъ школъ, которыя заведены духовенствомъ. Если бы оно завело и свои особыя народныя школы, все же никому, кромѣ духовенства оно не могло бы ввѣрить исполненія главной ихъ задачи, т. е. утвержденія воспитанниковъ въ религіозно-нравственныхъ понятіяхъ посредствомъ преподаванія Закона Божія. Преподавать же изъ Закона Божія духовенство и въ школахъ министерства стало бы тоже самое, въ томъ же конечно духѣ и (если бы министерство не поставило отъ себя преградъ) въ томъ же размѣрѣ, какъ оно преподаетъ теперь въ своихъ собственныхъ училищахъ. Общее же вліяніе приходскаго священника и вообще духовенства на народную школу, признанное, какъ выше показано, законодательствомъ и общественнымъ мнѣніемъ просвѣщеннѣйшихъ странъ Европы за необходимое условіе того, чтобы школа не обратилась изъ благодѣянія въ опасность для народа, конечно, не можетъ быть менѣе дѣйствительно въ школахъ, учрежденныхъ духовенствомъ, чѣмъ въ тѣхъ, которыя были бы заведены самимъ министерствомъ. И такъ какъ правительство, знакомое конечно съ исторіею, современнымъ состояніемъ и уставами народныхъ школъ въ западной Европѣ, не могло не признать и съ своей стороны необходимость этого вліянія и вслѣдствіе того постановило (§ 40 проекта) правиломъ, чтобы общее наблюденіе за православнымъ характеромъ народной школы принадлежало законоучителю: то и въ этомъ отношеніи министерство должно бы по видимому признать учрежденныя духовенствомъ школы вполнѣ соотвѣтствующими своимъ собственнымъ воззрѣніямъ на цѣль школъ.

Въ отношеніи къ учебной программѣ, заведенныя духовенствомъ школы также сообразны съ намѣреніями министерства; предметы обученія въ нихъ тѣже самые (чтеніе, письмо, начало ариѳметики), какіе предполагаются проектомъ и въ будущихъ школахъ министерства. Нельзя не порадоваться, что въ этомъ отношеніи ни духовенство, ни министерство, не вы-

ходятъ изъ предѣловъ, указываемыхъ здравымъ разумѣніемъ цѣли первоначальныхъ училищъ и тѣхъ средствъ, которыя въ настоящее время могутъ быть употреблены для открытія ихъ въ числѣ, достаточномъ для удовлетворенія повсемѣстно обнаруженной народной потребности. Когда предстоитъ неимовѣрно трудная для правительства задача устроить такое огромное количество школъ для первоначальнаго обученія народа, то увеличивать затрудненія усложненіемъ програмы этихъ школъ (какъ выше показано, и вообще вреднымъ и неумѣстнымъ) значило бы подвергнуть самое дѣло народнаго образованія опасности многоразличныхъ неудачъ и даже вреда.

Франція, находившаяся въ 30-хъ годахъ нашего вѣка, по отношенію къ этому вопросу, въ положеніи весьма сходномъ съ нынѣшнимъ положеніемъ Россіи, то есть, занятая созданіемъ прочной и разумной системы первоначальнаго народнаго образованія и учрежденіемъ самыхъ школъ, была вовлекаема въ эти затрудненія и опасности людьми неблагоразумными, не понимавшими существенной цѣли народныхъ школъ и не соображавшими своихъ положеній съ средствами государства и народа.

Но мнѣнія истинныхъ друзей просвѣщенія и народа постоянно устремлялись противъ неумѣренности и недальновидности этихъ ревнителей разнообразія (multiplicité) и указывали на необходимость держаться самыхъ скромныхъ размѣровъ обученія и обращать особенное вниманіе на нравственное или, что тоже, религіозное воспитаніе народа. Такъ знаменитый Vinet писалъ по поводу разсужденій объ этомъ вопросѣ въ палатѣ депутатовъ:

Avec l' éducation, ou la culture morale, la faible instruction que l' on reçoit dans la plupart des écoles, pourrait suffire en attendant mieux. Il y a bien plus: la culture morale est pleine de développement intellectuel; on perfectionne bien moins le coeur par l'esprit qu'on ne perfectionne l'esprit par le coeur. И еще:

Nous voudrions pouvoir convaincre l' autorité qu' une instruction supérieure exige une masse d'efforts et de sac- ... cette instruction même, en cas qu' elle pût être

donnée, n'atteindrait qu'imparfaitement le but, à travers mille détours et mille longueurs, qu' un bon enseignement moral rendrait presque suffisante la mesure d' instruction que donnent aujourd' hui les écoles; que cet enseignement moral est en même temps un enseignement intellectuel, qu' il pourrait faire attendre avec patience un meilleur système d' instruction populaire, et que même il en faciliterait, il en hâterait la naissance [1]).

Враги религіознаго направленія первоначальныхъ народныхъ школъ обыкновенно прибѣгаютъ къ разнообразію программы, думая ею замѣнить даже самое дѣйствіе религіозно-нравственнаго воспитанія. Докторъ Визе въ своихъ превосходныхъ письмахъ о воспитаніи въ Англіи съ ужасомъ говоритъ о нѣкоторыхъ народныхъ школахъ Манчестера, Ливерпуля и Эдинбурга, учрежденныхъ противниками National Society, которое, какъ извѣстно, воспитываетъ народъ на началахъ господствующей церкви.

«Въ этихъ школахъ, говоритъ онъ, устроенныхъ исключительно для свѣтскаго воспитанія, о религіи и не упоминается: она совершенно оставлена на личный произволъ каждаго. Чему жъ они учатъ молодыхъ людей въ этихъ школахъ, чтобы съ самыхъ юныхъ лѣтъ подготовить ихъ для жизни? Почти невѣроятно, чему! Между прочимъ ихъ учатъ популярной физіологіи, краніологіи, анатоміи».

«Науки эти, прибавляетъ прусскій педагогъ, конечно имѣютъ свою цѣну, но замѣняютъ ли онѣ ту строгую религіозную систему воспитанія, которая дала Англіи столько высокихъ людей, столько добродѣтельныхъ членовъ общества»? [2]).

Къ счастію для нашего народа, министерство народнаго просвѣщенія не обнаруживаетъ стремленія къ разнообразію и широтѣ школьной программы и желаетъ ограничиться въ этомъ отношеніи тѣми же предметами, которые преподаются въ школахъ, открытыхъ духовенствомъ [3]); это счастливое обстоятель-

[1]) L' éducation, la famille et la société, par A. Vinet. Paris 1855. p. 110.

[2]) Стр. 115. Русск. переводъ Е. Н. Попова.

[3]) Странно, что два особые проекта по устройству народныхъ училищъ, обнародованные отъ одного и того же министерства, въ этомъ §, равно какъ

ство показываетъ, что и учебное устройство школъ духовенства сообразно съ воззрѣніями правительства.

Разность между воззрѣніями министерства и духовенства можетъ возникнуть при вопросѣ о методѣ первоначальнаго обученія и способѣ приготовленія народныхъ учителей; ниже предложены будутъ замѣчанія о томъ, чего можно ожидать въ этомъ отношеніи отъ министерства и отъ духовнаго вѣдомства, и можетъ ли этой разностью быть оправдано стремленіе министерства, оставивъ безъ вниманія 20.000 существующихъ народныхъ школъ, вновь заводить свои.

Въ отношеніи политическомъ школы, учрежденныя духовенствомъ, не только совершенно безопасны, но, можно сказать, спасительны какъ для самаго народа, такъ и для государства и для всего общества. Православная церковь и ея служители хотя и учатъ не бояться могущихъ только тѣло убити, но въ тоже время приписываютъ безпрекословное повиновеніе властямъ, какъ отъ Бога поставленнымъ. Ни невѣрію, ни мятежному сопротивленію отъ Бога поставленной власти, никогда не научитъ своихъ воспитанниковъ служитель церкви. Конечно, никто не имѣетъ права сомнѣваться въ томъ, что министерство желаетъ и своимъ школамъ внушить такое же христіанское направленіе и такую же вѣрность политическимъ обязанностямъ; но съ другой стороны всякій обязанъ крѣпко подумать о томъ, успѣетъ ли оно въ своихъ желаніяхъ при томъ образѣ дѣйствій, который намѣрено избрать. Нельзя предположить, чтобы министерство имѣло надежду или намѣреніе въ своихъ школахъ преподавать народу какія либо политическія понятія, которыя простирались бы за предѣлы политической морали катихизиса: это дѣло невозможное, опасное и,

---

и во многихъ другихъ существенно важныхъ частяхъ своихъ, противорѣчатъ другъ другу. По проекту Устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній министерства (§ 15), курсъ ученія въ народныхъ училищахъ начинается съ нагляднаго ученія, за тѣмъ преподаются Законъ Божій, русскій языкъ, чтеніе и письмо, ариѳметика и пѣніе; а по проекту общаго плана устройства народныхъ училищъ (§ 58), ни нагляднаго обученія, ни пѣнія, ни даже письма не полагается. Но тотъ и другой проектъ согласно избѣгаютъ вреднаго разнообразія программы.

что всего лучше, вовсе не нужное [1]. И такъ и въ этомъ отношеніи народныя школы, основанныя духовенствомъ, должны не только удовлетворять требованіямъ министерства, но представляться ему тѣмъ желаемымъ образцемъ, къ которому его школы могутъ и должны приближаться [2].

б) Что народныя школы, основанныя духовенствомъ, отвѣтствуютъ требованіямъ и желаніямъ самаго народа, тому нѣтъ лучшаго и болѣе сильнаго доказательства, какъ самое ихъ существованіе и число, и количество обучающихся въ нихъ дѣтей. Никто не могъ и не хотѣлъ привлекать въ эти школы дѣтей приманкой или принужденіемъ: 20.000 первоначальныхъ школъ съ 300.000 учениковъ есть плодъ свободнаго расположенія духовенства просвѣщать народъ и столь же свободнаго желанія народа учиться у своихъ духовныхъ пастырей. И въ этомъ смыслѣ совершенно справедливы слова вышеупомянутой брошюры. «Истинно понятая свобода образованія въ Россіи требуетъ мѣръ, которыя бы, согласно съ собственными склонностями народа, помогали ему глубже и сознательнѣе утверждаться въ церковномъ ученіи. Слѣдовательно свобода-то образованія и требуетъ, чтобъ обученіе народа ввѣрено было духовенству» [3].

Справедливость этой посылки и выведеннаго изъ нея заключенія не въ силахъ опровергнуть никто, если бы кому нибудь и понадобилось это для своихъ цѣлей: ибо посылка есть безспорный и живой фактъ, а заключеніе выведено совершенно согласно съ законами общей логики, равно для всѣхъ обязательной. Желаніе подчинить свободу просвѣтительной дѣятельности духовенства и свободу народнаго расположенія стѣснительнымъ условіямъ правительственной регламентаціи, съ цѣ-

---

[1] Въ той же книгѣ A. Vinet (p. 90) говорится: Donnez de la morale, de la bonne, à un peuple, donnez lui en pour les relations privées et les circonstances ordinaires, et vous verrez, si même sans lui parler politique, vous ne lui aurez pas donné la morale politique.

[2] Правда, § 13 проекта устава и т. д. предполагаетъ нѣчто особенное касательно внушенія 10—15-тилѣтнимъ дѣтямъ понятія о ихъ *правахъ*; но нельзя думать, чтобы въ этомъ § былъ выраженъ общій взглядъ правительства, а не частное воззрѣніе на дѣло министерства.

[3] Стр. 7.

лію взять въ свои руки чужое дѣло, конечно, можетъ дѣйствовать искусительно и склонять къ презрѣнію законовъ силлогизма; но чтобы своему властолюбію принести въ жертву не только логику, но и высшее духовное благо народа, или своимъ личнымъ всегда ограниченнымъ соображеніямъ подчинить его свободное и всеобщее настроеніе, котораго причины скрываются въ безконечно разнообразныхъ и, къ счастію, неизгладимыхъ вліяніяхъ всей исторической его жизни: для этого надобно или безъ мѣры презирать народъ, или слишкомъ уже не далеко видѣть, или наконецъ имѣть необыкновенно твердую совѣсть, способную безъ трепета принимать на себя самую тяжкую отвѣтственность.

в) О томъ, есть ли для министерства возможность завести въ 2—3 года 20.000 школъ, было бы странно и разсуждать. Наконецъ, что дешевле: заводить школы вновь, слѣдовательно строить или покупать для нихъ помѣщенія, учреждать для образованія народныхъ учителей особаго рода заведенія, платить этимъ спеціально для народныхъ школъ приготовленнымъ учителямъ жалованье, потомъ платить также жалованье—и большое—директорамъ народныхъ училищъ и ихъ помощникамъ и т. д.; или же учрежденнымъ уже училищамъ, по мѣрѣ добровольно оказываемыхъ ими заслугъ народному образованію, приходить на помощь съ денежными пособіями, не создавая при этомъ новаго непроизводительнаго разряда людей, не платя директорамъ и ихъ помощникамъ и не учреждая нормальныхъ школъ? Отвѣтъ ясенъ.

Ясно и то, что въ общественномъ и политическомъ отношеніи несравненно удобнѣе и безопаснѣе оставить народу тѣхъ учителей, которыхъ онъ самъ выбралъ и которыхъ церковь благословила учить его на основаніи своихъ божественныхъ истинъ, нежели создать особый классъ народныхъ учителей направленія неизвѣстнаго (это еще самый успокоительный эпитетъ), обезпеченнаго, не смотря на значительныя издержки на него казны, весьма неудовлетворительно, отъ народа оторваннаго и никакого иного пути передъ собою не имѣющаго, слѣдовательно непремѣнно недовольнаго.

Такимъ образомъ для правительства рѣшительно нѣтъ ни

политическихъ, ни нравственныхъ, ни экономическихъ, ни педагогическихъ, однимъ словомъ никакихъ причинъ, при устроеніи системы народнаго обученія, оставить безъ поощренія и содѣйствія школы, основанныя духовенствомъ, и совмѣстно съ ними, какъ будто въ перебой, заводить какія либо особыя училища, уничижая чрезъ то достохвальные подвиги духовенства и показывая явное презрѣніе къ его жертвамъ на общую пользу народа и самаго правительства. Однако не смотря на то, министерство не только имѣетъ это намѣреніе, но сдѣлало уже важные шаги къ его осуществленію: на основаніи Высочайшаго Повелѣнія 18 января 1862 года, имъ исходатайствованнаго, оно заводитъ уже свои училища рядомъ съ училищами, учрежденными духовенствомъ, полагая, безъ сомнѣнія, что для подобнаго соперничества или, вѣрнѣе сказать, противодѣйствія духовенству оно имѣетъ достаточныя и достойныя уваженія основанія. Важность дѣла побуждаетъ внимательно разсмотрѣть эти основанія, если они есть, и вникнуть въ существо и достоинство намѣреній министерства.

5) Исходатайствованное имъ Высочайшее повелѣніе 18 января сего года изложено (безъ сомнѣнія г. Управляющимъ министерствомъ) въ такомъ видѣ: Высочайше повелѣвается:

а) «Учрежденныя нынѣ и впредь учреждаемыя (вѣроятно: тѣ, которыя будутъ впредь учреждаемы?) духовенствомъ народныя училища оставить въ завѣдываніи духовенства, съ тѣмъ чтобы министерство оказывало содѣйствіе преуспѣянію оныхъ по мѣрѣ возможности».

б) «Оставить на обязанности министерства народнаго просвѣщенія учреждать во всей Имперіи, по сношеніи съ подлежащими вѣдомствами, народныя училища, при чемъ министерству слѣдуетъ пользоваться содѣйствіемъ духовенства во всѣхъ случаяхъ, *когда министерство признаетъ сіе нужнымъ* и когда духовенство найдетъ возможнымъ оказать ему содѣйствіе».

Если министерству вмѣняется въ обязанность обращаться къ содѣйствію духовенства только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно само (т. е. министерство) признаетъ это нужнымъ, иначе, когда оно захочетъ или когда ему заблагоразсудится: то для него

открывается полная и законная возможность даже вовсе не обращаться къ духовенству за содѣйствіемъ, если оно того не захочетъ, или же, если министерство не рѣшится явно оскорбить нравственнаго приличія и общественнаго чувства, предоставить духовенству такую малую долю вліянія на свои школы, которая будетъ вовсе ни для кого не замѣтна и не ощутительна.

Что намѣренія министерства клонятся именно къ тому, это съ очевидностію выражено въ изъясненіи Высочайшаго Повелѣнія 18 января, предложенномъ въ отношеніи г. Управляющаго министерствомъ къ кіевскому митрополиту (отъ 3 Іюля сего года за № 5062).

«Министерство народнаго просвѣщенія, сказано тамъ, съ своей стороны обязано, во первыхъ, не нарушать общихъ правилъ, связующихъ духовное вѣдомство, а во вторыхъ, предоставлять законоучителямъ такое вознагражденіе, которое привязывало бы ихъ къ преподаванію и обезпечивало образованіе юношей въ духѣ религіозной чистоты. Далѣе сего обязанности министерства народнаго просвѣщенія не идутъ: слѣдовательно соглашеніе съ духовнымъ вѣдомствомъ обязательно преимущественно въ отношеніи пріисканія законоучителей».

Въ этомъ примрачномъ изъясненіи Высочайшаго Повелѣнія не все понятно: безъ новаго разъясненія невозможно уразумѣть, къ чему именно обязало себя министерство, обѣщая не нарушать общихъ правилъ, связующихъ духовное вѣдомство, и что это за общія правила, и въ какомъ смыслѣ они связуютъ духовное вѣдомство. Но въ дальнѣйшихъ словахъ отношенія, не смотря на примѣчаемую и въ нихъ неточность, понятно выражена мысль, что министерство не признаетъ за духовнымъ вѣдомствомъ никакого другаго права на учреждаемыя министерствомъ школы, кромѣ права (вѣрнѣе будетъ сказать, обязанности) назначать въ нихъ, впрочемъ не по своему избранію, а по соглашенію съ министерствомъ, законоучителей.

Примѣтить можно, что и это необширное право исполнять свою непремѣнную обязанность министерство оставляетъ за духовнымъ вѣдомствомъ только потому, что не видитъ возможности отнять его.

«Что касается, сказано въ томъ же отношеніи г. Управляющаго министерствомъ, до условій опредѣленія въ будущія училища законоучителей: то само собой разумѣется, что безъ законоучителей училища обойтись не могутъ, равно и то, что законоучители не могутъ быть взяты иначе, какъ изъ духовнаго вѣдомства».

Дѣйствительно, было бы не совсѣмъ удобно оставить народныя школы безъ законоучителей или пригласить въ нихъ для преподаванія Закона Божія студентовъ или кандидатовъ университета; и нельзя не воздать г. Управляющему министерствомъ должной чести за то, что онъ это понялъ.

Но въ тоже время нельзя не сказать и того, что, соглашаясь принимать отъ духовнаго вѣдомства законоучителей для своихъ народныхъ школъ, министерство только покорялось необходимости и хотѣло соблюсти приличія: ибо, по его намѣренію, и въ первоначальныхъ училищахъ вліянію законоучителей оставляется такая же малая мѣра, какая предоставлена ему въ среднихъ и высшихъ училищахъ министерства; а это значитъ, что этого вліянія вовсе никто не будетъ ни замѣчать, ни испытывать. Изъ словъ г. Управляющаго министерствомъ очевидно, что и та весьма ограниченная доля вліянія на народную школу, которая опредѣлялась § 40 [1]) Проекта общаго плана устройства народныхъ училищъ, законоучителю предоставлена не будетъ и что всѣ отношенія его къ народнымъ школамъ министерства будутъ ограничиваться преподаваніемъ уроковъ трехъ въ недѣлю. Здѣсь прилично припомнить вышеприведенныя слова Гизо:

«Необходимо, чтобы народное образованіе было глубоко религіозное. И я разумѣю подъ этимъ не только то, что преподаваніе предметовъ вѣры должно имѣть тамъ свое мѣсто; нѣтъ! народу нельзя сообщить религіознаго воспитанія такими ничтожными и механическими средствами».

«Необходимо, чтобы народное воспитаніе сообщалось и вос-

---

1) § 40 «Независимо отъ обязанности по обученію Закону Божію, законоучитель имѣетъ постоянное наблюденіе, чтобы и вообще преподаваніе въ училищахъ всѣхъ прочихъ предметовъ совершалось въ духѣ православной вѣры и христіанскаго благочестія».

принималось среди религіозной атмосферы, чтобы религіозныя впечатлѣнія и навыки проникали въ него со всѣхъ сторонъ. Религія не есть занятіе и упражненіе, которому назначается свое мѣсто и свой часъ; это—законъ, который долженъ быть ощущаемъ постоянно и повсюду и который этимъ только путемъ производитъ на душу и жизнь спасительное вліяніе».

Уже и среднія, и высшія училища министерства подвергаются горькимъ и, къ сожалѣнію, совершенно справедливымъ обвиненіямъ въ томъ, что вліянія религіи на ихъ жизнь вовсе не существуетъ, и что должностное, мертвенное отношеніе къ нимъ законоучителей, состоящее въ одномъ преподаваніи предмета, не можетъ вовсе препятствовать разрушительному и всюду проникающему дѣйствію духа невѣрія и нестроенія. Г. Пироговъ въ одномъ изъ своихъ педагогическихъ разсужденій съ откровенностію, его отличающею, рѣшительно объявилъ (что всѣмъ впрочемъ очень хорошо извѣстно), что богословская каѳедра въ университетахъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, не приноситъ никакой пользы, вслѣдствіе чего и предлагаетъ уничтожить обязательное преподаваніе богословія въ университетахъ. Оставляя въ сторонѣ странность заключенія, нельзя не признать истины того явленія, изъ котораго оно выведено. Сословія, ближайшія къ народу, начинаютъ уже подумывать объ учрежденіи своихъ особыхъ гимназій, которыя намѣреваются подчинить руководству духовныхъ лицъ, дабы чрезъ то водворить въ нихъ то религіозное настроеніе, которое совершенно утрачено въ гимназіяхъ министерства, находящихся съ служителями и учителями вѣры въ самыхъ далекихъ и чисто оффиціальныхъ отношеніяхъ.

Важные для общества и весьма поучительные для министерства признаки! Изумительно, что они не производятъ на министерство ни малѣйшаго дѣйствія: ибо, оставляя ихъ безъ всякаго вниманія, оно и для народныхъ школъ, которыхъ главное и существенное назначеніе состоитъ именно въ религіозно-нравственномъ воспитаніи народа, не хочетъ отъ учителей вѣры принять ничего, кромѣ должностныхъ уроковъ, освобождая учителя народной школы отъ всякаго вліянія священника.

«Что касается, сказано въ томъ же отношеніи г. Управляющаго министерствомъ, до условій опредѣленія въ будущія училища законоучителей: то само собой разумѣется, что безъ законоучителей училища обойтись не могутъ, равно и то, что законоучители не могутъ быть взяты иначе, какъ изъ духовнаго вѣдомства».

Дѣйствительно, было бы не совсѣмъ удобно оставить народныя школы безъ законоучителей или пригласить въ нихъ для преподаванія Закона Божія студентовъ или кандидатовъ университета; и нельзя не воздать г. Управляющему министерствомъ должной чести за то, что онъ это понялъ.

Но въ тоже время нельзя не сказать и того, что, соглашаясь принимать отъ духовнаго вѣдомства законоучителей для своихъ народныхъ школъ, министерство только покорялось необходимости и хотѣло соблюсти приличія: ибо, по его намѣренію, и въ первоначальныхъ училищахъ вліянію законоучителей оставляется такая же малая мѣра, какая предоставлена ему въ среднихъ и высшихъ училищахъ министерства; а это значитъ, что этого вліянія вовсе никто не будетъ ни замѣчать, ни испытывать. Изъ словъ г. Управляющаго министерствомъ очевидно, что и та весьма ограниченная доля вліянія на народную школу, которая опредѣлялась § 40 [1]) Проекта общаго плана устройства народныхъ училищъ, законоучителю предоставлена не будетъ и что всѣ отношенія его къ народнымъ школамъ министерства будутъ ограничиваться преподаваніемъ уроковъ трехъ въ недѣлю. Здѣсь прилично припомнить вышеприведенныя слова Гизо:

«Необходимо, чтобы народное образованіе было глубоко религіозное. И я разумѣю подъ этимъ не только то, что преподаваніе предметовъ вѣры должно имѣть тамъ свое мѣсто; нѣтъ! народу нельзя сообщить религіознаго воспитанія такими ничтожными и механическими средствами».

«Необходимо, чтобы народное воспитаніе сообщалось и вос-

---

1) § 40 «Независимо отъ обязанности по обученію Закону Божію, законоучитель имѣетъ постоянное наблюденіе, чтобы и вообще преподаваніе въ училищахъ всѣхъ прочихъ предметовъ совершалось въ духѣ православной вѣры и христіанскаго благочестія».

будетъ состоять справедливое уравновѣшеніе дѣйствій обоихъ вѣдомствъ?

Во 1-хъ въ томъ, что духовное вѣдомство и министерство совершенно независимы другъ отъ друга въ дѣлѣ открытія и развитія (?) народныхъ училищъ;

во 2-хъ въ томъ, что прежде устроенныя (духовенствомъ) училища могутъ свободно оставаться и содержаться [1]) на прежнихъ основаніяхъ, на которыхъ они учреждены.

Это значитъ, что правительство, по истолкованію г. Управляющаго министерствомъ, не запрещаетъ духовенству и на будущее время учить народъ безъ всякаго вознагражденія, жертвовать на пользу народа свое время, свой трудъ, свои дома и деньги (однимъ словомъ, гоненія на духовныя школы воздвигать не намѣрено); но само не обѣщаетъ ему ни малѣйшаго денежнаго пособія.

«За симъ, говоритъ г. Управляющій министерствомъ, и не должно быть рѣчи о распредѣленіи между прежними приходскими училищами тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя предоставлены министерству на новыя учебныя заведенія».

Это значитъ, что весь новый налогъ по 27½ коп. съ души (болѣе ¼ всѣхъ подушныхъ), которыхъ предполагаютъ вновь взимать съ народа на учрежденіе первоначальныхъ училищъ и который составитъ милліоны рублей, сполна будетъ предоставленъ въ распоряженіе министерства.

Неужели подобное уравновѣшеніе двухъ вѣдомствъ въ самомъ дѣлѣ представляется г. Управляющему министерствомъ справедливымъ? Если бы дѣло не было такъ серьезно, то въ этомъ эпитетѣ можно было бы предполагать посильную шутку. Если же разсуждать о дѣлѣ безъ всякихъ шутокъ, то нельзя не понять, что такое распредѣленіе средствъ, которыя правительство намѣрено назначить на содержаніе первоначальныхъ школъ, приведетъ неизбѣжно, хотя и мало по малу къ тому, чего на словахъ какъ будто не хочетъ министерство; а именно къ тому, что училища, открытыя духовенствомъ, станутъ одно

[1]) Въ Высочайшемъ повелѣніи 18 Января ничего впрочемъ не сказано о способахъ содержанія народныхъ школъ обоихъ вѣдомствъ.

за другимъ закрываться и народъ лишится средствъ получать образованіе, какого онъ самъ ищетъ и въ школахъ министерства конечно не найдетъ.

Постоянныя жертвы вообще не въ природѣ человѣческой; невозможно по этому разсчитывать на то, чтобы русское духовенство, само нищее и требующее помощи, могло постоянно жертвовать народу своимъ трудомъ, временемъ и имуществомъ. Съ него слишкомъ довольно той заслуги и чести, что оно въ самую нужную минуту народной жизни явило такую удивительную ревность къ общему благу и въ такой мѣрѣ облегчило правительству исполненіе одной изъ самыхъ трудныхъ и самыхъ важныхъ его задачъ. И не будетъ ли оно въ совершеннѣйшемъ правѣ покинуть начатый имъ подвигъ, если увидитъ, что всѣ средства, извлекаемыя изъ безмездно просвѣщаемаго имъ народа, передъ его глазами раздаются тѣмъ, которые нимало для народа не трудились и которые будутъ народу чужды по духу и слѣдовательно будутъ стараться внести въ народъ собственный духъ [1]).

Въ высшей степени достойно замѣчанія то, какъ министерство приступило къ учрежденію народныхъ школъ.

Дѣйствуя въ точныхъ предѣлахъ своихъ обязанностей, сказано въ томъ же отношеніи г. Управляющаго, министерство должно стараться открывать новыя народныя училища вездѣ, гдѣ представляется къ тому надобность и возможность, и въ особенности вездѣ, гдѣ мѣстныя населенія явно нуждаются въ большихъ средствахъ образованія и сами просятъ о большемъ развитіи между ними учебнаго дѣла» (?).

По смыслу сихъ словъ, возможно было бы ожидать, что министерство прежде всего обратитъ свою просвѣтительную дѣятельность на тѣ мѣстности, въ которыхъ духовенство не могло или не потрудилось завести достаточнаго количества школъ: тогда дѣйствительно можно было бы сколько нибудь увѣриться въ искренности желаній министерства совокупно съ

[1]) «Si vous élevez le peuple, говоритъ M. Laurentie въ своемъ извѣстномъ сочиненіи, pour lui donner d'autres moeurs que ses moeurs, d'autres vertus que ses vertus, vous changez la nature du peuple, c'est-à-dire vous faites non une oeuvre d'éducation, mais une oeuvre de révolution».

духовенствомъ, хотя и не безъ соперничества съ нимъ, воспитывать народъ. Но что дѣлаетъ министерство?

Оно прежде всего заводитъ свои училища въ предѣлахъ той епархіи, въ которой гораздо болѣе приходскихъ церковныхъ школъ, чѣмъ самыхъ приходовъ, гдѣ учреждены особые блюстители (изъ духовныхъ лицъ) этихъ школъ, въ консисторіи которой учрежденъ особый столъ, завѣдывающій исключительно дѣлами этихъ школъ, просвѣщенный начальникъ которой неусыпно заботится о успѣхѣ этихъ школъ и тѣмъ снискалъ уже себѣ Высочайшую признательность, глубокое уваженіе всей образованной Россіи и даже лестный отзывъ самого г. Управляющаго министерствомъ.

«Я знаю, пишетъ онъ къ преосвященному митрополиту кіевскому, какъ усердно трудится духовенство кіевской епархіи, подъ высокимъ христіанскимъ руководствомъ Вашего Высокопреосвященства, на пользу религіознаго образованія ввѣренныхъ ему чадъ и какъ ревностно оно подвизается для воспитанія ихъ въ духѣ благочестія и преданности св. церкви».

Нельзя не поблагодарить г. Управляющаго министерствомъ за такое искреннее и полное признаніе болѣе чѣмъ успѣшной дѣятельности духовенства кіевской епархіи; только мудрено при этомъ понять, съ какою же цѣлію министерство стало заводить свои школы прежде всего въ предѣлахъ этой же епархіи? Вѣдь оно само признаетъ своею обязанностію открывать школы прежде всего тамъ, гдѣ въ нихъ ощущается особенная нужда. Отъ чего же оно не устремило своей энергіи и средствъ на тѣ епархіи, гдѣ школъ еще мало и гдѣ онѣ дурны, а выбрало епархію, наиболѣе богатую и славную своими школами? [1]) Такое противорѣчіе между словами и дѣломъ можетъ быть объяснено только такимъ образомъ:

Какъ ни хороши народныя школы, основанныя духовенствомъ кіевской епархіи, все же онѣ не могли достигнуть такой степени совершенства, чтобы, владѣя большими денеж-

---

[1]) Если потому, что кіевская епархія принадлежитъ къ западнымъ, то отъ чего бы не начать съ полоцкой или могилевской? Впрочемъ для школъ западныхъ епархій еще нужнѣе, чѣмъ для другихъ, вліяніе православнаго духовенства.

ными и педагогическими средствами, нельзя было учредить школъ лучшихъ, то есть, удобнѣе помѣщенныхъ, щедрѣе снабженныхъ книгами и учебными принадлежностями и т. п. Министерство, получивъ отъ правительства для учрежденія народныхъ школъ денежныя средства, которыми не думаетъ дѣлиться съ духовнымъ вѣдомствомъ, хочетъ завести пока немного школъ и безъ сомнѣнія устроить ихъ на славу.

«Такъ какъ министерство, пишетъ г. Управляющій, имѣетъ пока еще только ограниченныя средства и такъ какъ размельченіе денежныхъ пособій между значительнымъ числомъ школъ привело бы къ результатамъ ничтожнымъ, отнимая всякую цѣну у самыхъ пособій, то я призналъ болѣе полезнымъ начать съ опыта учрежденія на извѣстную сумму такого числа вполнѣ снабженныхъ (?) и благоустроенныхъ училищъ, какого можно достигнуть на счетъ означенной суммы».

Не мудрено послѣ этого, что эти пробныя школы министерства окажутся во многихъ отношеніяхъ (кромѣ впрочемъ самаго важнаго и существеннаго) лучше школъ кіевскаго духовенства. За тѣмъ стоитъ послать какого нибудь ревизора, который для большаго довѣрія къ искренности его донесеній не будетъ имѣть отъ министерства оффиціальнаго порученія, а поѣдетъ будто бы отъ себя, какъ путешествующій другъ народа; осмотрѣвъ школы обоихъ вѣдомствъ, онъ если будетъ уменъ, отдастъ должное школамъ духовенства, но тутъ же прибавитъ, что не смотря на ихъ неоспоримыя достоинства, онѣ все таки не могутъ выдержать сравненія съ школами министерства.

Этотъ отзывъ можно будетъ напечатать и, кому нужно, показать; въ немъ не будетъ повидимому и лжи. Но выводъ, который изъ этого отзыва можетъ сдѣлать общество и правительство, окажется совершенно ложнымъ и положительно вреднымъ: ибо на основаніи этого односторонняго сравненія могутъ признать духовное вѣдомство неспособнымъ соперничать съ министерствомъ въ учрежденіи народныхъ школъ и вслѣдствіе того всѣ средства, какія правительство найдетъ возможнымъ изыскать для этого дѣла, вручить исключительно мнимо способнѣйшему вѣдомству. Нельзя не отдать справедли-

вости ловкости пріемовъ министерства и ей можно было бы радоваться, если бы она была употреблена для лучшей цѣли. Но на духовномъ вѣдомствѣ лежитъ прямая обязанность предупредить опасность такого ложнаго и вреднаго заключенія и своевременно объяснить обществу и правительству, что школы, учрежденныя духовенствомъ, разсѣяны по всему пространству Россіи, тогда какъ министерство открываетъ нѣсколько образцовыхъ школъ въ одномъ ея уголкѣ; что духовенство для своихъ 20.000 школъ не получило ни откуда ни копѣйки, напротивъ, жертвовало имъ своею собственностію, тогда какъ министерство для своего десятка школъ получило отъ правительства достаточныя средства, которыхъ не хотѣло «размельчать», ибо въ такомъ случаѣ, по собственному его признанію, результаты его дѣятельности оказались бы ничтожными. Это признаніе очень важно и его должно имѣть въ виду. Это есть признаніе, конечно нечаянное, вырвавшееся невольно, но весьма рѣшительное, въ побѣдѣ духовнаго вѣдомства надъ министерствомъ, которое прямо говоритъ, что съ малыми пособіями оно можетъ придти только къ ничтожнымъ результатамъ; тогда какъ духовенство, дѣйствуя безъ всякихъ постороннихъ пособій, достигло уже результатовъ, которыхъ не назоветъ ничтожными самый безсовѣстный клеветникъ.

Выражая стремленіе овладѣть всѣми денежными средствами, какія государство можетъ отдѣлить на устроеніе народныхъ училищъ, что въ состояніи министерство обѣщать для этого дѣла такого, что было бы невозможно безъ его содѣйствія?

А. Оно думаетъ конечно, что можетъ обѣщать для народныхъ школъ такихъ учителей, какихъ не откуда взять никакому другому, въ томъ числѣ и духовному вѣдомству. Но имѣетъ ли оно ихъ въ готовности? Пока нѣтъ. Оно только надѣется создать ихъ въ извѣстный срокъ, если государство дастъ ему средства устроить разсадники этихъ учителей, такъ называемыя учительскія семинаріи или нормальныя школы. Въ эти нормальныя школы по проекту общаго плана устройства народныхъ училищъ, предполагается разными выгодами и льготами привлекать людей способныхъ изъ всякихъ званій, которымъ, при поступленіи въ должность народнаго учителя, обѣщаютъ:

а) 250 р. въ городахъ и 150 р. въ селахъ, съ квартирою и отопленіемъ.

При назначеніи такого содержанія, имѣли въ виду «вещественное положеніе народныхъ учителей обезпечить на столько, чтобы они не испытывали крайнихъ недостатковъ и не были вынуждены лишать себя предметовъ первой необходимости».

(Объясн. зап. къ проекту. Е. Мѣры привлеченія и т. д., подъ буквою а).

б) Прибавки жалованья чрезъ 10 и 20 лѣтъ и образованіе эмеритуры (§ 51 и объясн. зап. Е).

в) Права общественной службы, свобода отъ повинностей и тѣлесныхъ наказаній.

Означенныя льготы предполагается дать съ такою похвальною предосторожностію, чтобы при этомъ не извлекать народныхъ учителей изъ ихъ среды (въ этомъ намѣреніи не предоставляютъ имъ правъ государственной службы, между прочимъ, права на чинъ) и чтобы еще болѣе не расплодить и безъ того уже весьма тягостнаго, непроизводительнаго класса чиновничества.

Изъ этого видно, что надѣются получать учителей народныхъ школъ преимущественно изъ тѣхъ же сословій, къ коимъ принадлежатъ и ученики, сообразно съ мыслію, выраженною г. Пироговымъ.

Но предполагаемый учитель, по вступленіи въ свою должность, уже перестаетъ участвовать въ вещественной производительности своего сословія и получаетъ свободу отъ всѣхъ его повинностей, слѣдовательно изъ учителей, и безъ награжденія ихъ чинами, создается закономъ новый разрядъ людей, непроизводительныхъ и разобщенныхъ съ своимъ сословіемъ болѣе, нежели чиномъ, своимъ образованіемъ и особеннымъ во всякомъ случаѣ положеніемъ. Опыты чужихъ народовъ должны и въ этомъ отношеніи научить насъ осторожности.

«Германія имѣетъ учрежденіе сельскихъ учителей и вкушаетъ плоды его: въ ежегодномъ количествѣ преступленій на долю сельскихъ учителей выпадаетъ особенно значительный процентъ» [1]).

---

[1]) О первоначал. нар. обуч., стр. 4.

Воспитанники французскихъ нормальныхъ школъ подвергаются обвиненіямъ еще важнѣйшимъ. Вотъ вѣрная и живая характеристика ихъ, сдѣланная замѣчательнымъ ученымъ и политическимъ дѣятелемъ Франціи.

«Мнѣ говорятъ, пишетъ Тьеръ, что между народными учителями (maîtres d' école) есть хорошіе: это возможное дѣло, но они не что иное, какъ чудо; ибо вы употребили все ваше умѣніе, чтобы сдѣлать ихъ отвратительными».

«Когда вы берете въ деревнѣ маленькаго крестьянина, когда вы увозите его въ 15 или 16 лѣтъ въ большой городъ, когда вы даете ему черное платье, когда вы помѣщаете его въ превосходной нормальной школѣ, и когда тамъ въ теченіе двухъ лѣтъ, вы даете ему болѣе ума, чѣмъ сколько онъ можетъ понести; когда вы учите его физикѣ, геометріи, алгебрѣ, тригонометріи, исторіи и прочему и послѣ этого когда вы отсылаете его въ 18 лѣтъ въ глубь деревни, съ 200 франковъ въ годъ, чтобы тамъ умереть со скуки съ грубыми маленькими дѣтьми, которыя не умѣютъ ни читать, ни писать, и часто не хотятъ учиться ни тому, ни другому: вы по необходимости дѣлаете изъ него недовольнаго, врага».

«Какъ вы хотите, продолжаетъ Тьеръ, но, чтобы быть народнымъ учителемъ, потребно смиреніе, самоотверженіе, на которое мирянинъ рѣдко бываетъ способенъ; тутъ нуженъ священникъ, духовный: мирской духъ, мирская преданность дѣлу тутъ недостаточна».

«Я часто жилъ въ деревнѣ и посѣщалъ сосѣднія селенія; по моему обычаю, я старался освѣдомляться о всѣхъ предметахъ, которые могли меня занимать. Я старался видѣться и побесѣдовать поочередно со священникомъ, меромъ, учителемъ, фермерами, работниками. И что же? Я встрѣчалъ священника: его положеніе почти такое же, какъ и народнаго учителя, немного побогаче; положеніе, нужно сказать, по малой мѣрѣ весьма скромное и заброшенное. И однако, не смотря на все это, я не находилъ его недовольнымъ; напротивъ, онъ являлся мнѣ мирнымъ, покорнымъ своей судьбѣ; онъ принималъ меня безъ грусти и разговаривалъ со мной весело. Что касается до учителя, я находилъ его всегда недовольнымъ: его лице, его

слова, все было грустно и исполнено раздраженія. И причина всему этому та, что священникъ покоряется, мирянинъ—нѣтъ. Священникъ покоряется: у него есть свои обязанности, своя обѣдня, книги и нѣсколько друзей; у учителя нѣтъ ничего» [1]).

Весьма замѣчательны эти слова въ устахъ человѣка, который никакъ уже не можетъ быть заподозрѣнъ въ пристрастіи къ духовенству или церкви; но еще замѣчательнѣе признанія самого создателя французскаго закона о народномъ обученіи 1833 (loi sur l' instruction primaire), самого Гизо.

«1848-й годъ, говоритъ онъ [2]), подвергъ этотъ законъ, какъ и всѣ наши законы, наши школы, какъ и всю Францію, страшному испытанію. Какъ только буря немного утихла, возникла сильная реакція противъ первоначальнаго обученія, какъ и вообще противъ свободы, движенія и прогресса. Элементарныхъ наставниковъ обвиняли въ томъ, что они были, иные прямыми участниками и виновниками, иные орудіемъ революціи. Зло было несомнѣнно, хотя и не столь общее, какъ тогда говорили и думали. Однажды я спросилъ у одного уважаемаго и совѣстливаго епископа, который очень хорошо зналъ исторію школъ въ одномъ изъ нашихъ большихъ департаментовъ: сколько, по его мнѣнію, наставниковъ въ томъ краю были преданы революціонному духу. «Много, что изъ пяти одинъ»,—отвѣчалъ онъ мнѣ. Это было много, слишкомъ много, и симптомъ болѣзни весьма заслуживалъ лѣченія.

Неужели «толикій облежащій насъ облакъ свидѣтелей», даже такихъ, которымъ, какъ напримѣръ Гизо, было бы гораздо выгоднѣе и для самолюбія пріятнѣе утверждать противное тому, что онъ говоритъ, не окажется въ глазахъ нашего правительства достойнымъ вниманія? Неужели весьма свободнаго въ дѣлѣ вѣры Тьера и протестанта Гизо можно провозгласить клерикалами и, подъ этимъ предлогомъ, признать ихъ свидѣтельство пристрастнымъ? И неужели не постыдятся не понять, что есть самое простое, легкое и навязывающееся на наше вниманіе средство избѣжать всѣхъ затрудненій и общественныхъ опа-

[1]) De l'éducation par M. Dupanloup.
[2]) Mémoires, t. III, стр. 84.

ностей, сопряженныхъ съ учрежденіемъ нормальныхъ школъ? Это средство состоитъ въ томъ, чтобы ихъ просто не заводить и оставить дѣло народныхъ училищъ естественному теченію, предоставивъ въ нихъ духовенству то законное и естественное первенство, которое предоставляется ему законодательствомъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ Европы, которое соотвѣтствуетъ главному назначенію народной школы и которое наконецъ принадлежитъ уже ему даже на основаніи права primi occupantis.

Неужели, покорствуя какимъ либо вреднымъ предубѣжденіямъ, закроютъ глаза на тѣ выгоды, которыя обѣщаетъ такое рѣшеніе правительству, обществу и народу? А именно:

а) Священника нѣтъ нужды привлекать къ жизни въ селѣ или въ маломъ уѣздномъ городѣ: онъ и безъ того живетъ въ своемъ приходѣ, никогда не помышляя его оставить. Выше опредѣленное годовое жалованье и нѣкоторыя другія выгоды, обѣщаемыя за труды обученія въ народныхъ школахъ, столь недостаточныя для вновь созидаемаго сословія учителей, явились бы для священниковъ истиннымъ благодѣяніемъ, которое въ большей части приходовъ удвоило бы ихъ содержаніе и чрезъ то исполнило бы ихъ глубочайшей признательности къ правительству.

б) При учителѣ-священникѣ излишни всѣ разсужденія о правахъ и внѣшнемъ положеніи учителя: значеніе священника въ приходѣ и отношенія его къ прихожанамъ ясны. Отношенія эти имѣютъ выгоду естественной между духовнымъ отцемъ и дѣтьми близости и нравственной власти.

в) При учителѣ-священникѣ никто не отвлекается отъ производительныхъ занятій, никто не выходитъ изъ своего состоянія, никто не обременяетъ обществъ уплатою податей и свободою отъ повинностей и общественной службы.

Почти все, сказанное о священникѣ, прилагается и къ діакону.

Въ отношеніи же къ воспитанникамъ семинарій должно замѣтить слѣдующее:

По окончаніи курса, весьма многіе, даже отличные, воспитанники семинарій остаются цѣлые годы безъ мѣстъ, пріискиваютъ себѣ занятія случайныя, не соотвѣтствующія ни полу-

ченному ими воспитанію, ни будущему ихъ предназначенію, и при этомъ подвергаются искушеніямъ праздности и ничѣмъ не стѣсняемой свободы. Съ полученіемъ доступа въ сельскія школы они освобождаются отъ опасности всѣхъ этихъ искушеній и нравственная чистота ихъ, столь нужная и для народа, который они готовятся пасти, пріобрѣтаетъ надежный пріютъ. Между тѣмъ званіе учителя было бы наилучшимъ средствомъ для сближенія съ народомъ будущихъ его пастырей и для приготовленія ихъ къ священническому служенію [1]). Духовное же начальство, принимая на себя отвѣтственность за добрую нравственность опредѣляемыхъ въ школы воспитанниковъ семинарій, можетъ поставить правиломъ оцѣнять способность ихъ къ священническому служенію, сообразуясь съ усердіемъ ихъ къ просвѣщенію народа.

Достойно вниманія, что свѣтскихъ учителей, которыхъ предполагается создать, теперь еще нѣтъ; слѣдовательно, предоставивъ духовенству первоначальное обученіе дѣтей низшихъ сословій, правительство не коснется ничьихъ выгодъ и правъ. Если же законъ создастъ этотъ новый разрядъ людей и привлечетъ ихъ къ опредѣленнымъ занятіямъ; тогда изъ тѣхъ народныхъ учителей, которые оказались бы не соотвѣтствующими ожиданіямъ начальства и лишились бы своихъ спеціальныхъ занятій, образуется непристроенный и по праву недовольный классъ людей съ такимъ же направленіемъ, какое означено въ выше приведенныхъ словахъ Тьера и Гизо. Отъ одинаковыхъ причинъ весьма естественно ожидать одинаковыхъ послѣдствій.

Можетъ быть есть надобность предупредить еще одно возраженіе: могутъ утверждать, что воспитанникамъ духовныхъ семинарій не сообщаютъ такого педагогическаго приготовленія, какое получали бы воспитанники нормальныхъ школъ. Но

а) Въ курсѣ духовныхъ семинарій, кромѣ спеціальныхъ богословскихъ предметовъ, заключается полный гимназическій курсъ. Тамъ преподаются: русскій и славянскій языки и русская словесность, исторія, географія, математика, физика, философскія науки, древніе и новые языки и т. д.

---

[1]) Такой порядокъ дѣлъ существуетъ, какъ показано выше, въ Даніи.

Сомнительно, чтобы курсъ нормальныхъ школъ когда либо могъ быть обширнѣе этого общеобразовательнаго (не считая уже спеціальнаго) курса духовныхъ семинарій; даже и равнаго размѣра курсъ нормальныхъ школъ былъ бы напрасною и вредною роскошью [1]); слѣдовательно въ отношеніи къ общему образованію ученики духовныхъ семинарій будутъ несравненно выше воспитанниковъ нормальныхъ школъ.

б) По новому уставу духовно-учебныхъ заведеній, изготовленному бывшимъ при Святѣйшемъ Синодѣ комитетомъ, въ программу духовныхъ семинарій предположено ввести педагогику, при чемъ особенное вниманіе обращено на преподаваніе тѣхъ ея частей (дидактики и методологіи), которыя научаютъ лучшимъ и простѣйшимъ способамъ ученія; слѣдовательно и въ отношеніи къ теоретическому педагогическому образованію воспитанники духовныхъ семинарій нисколько не окажутся ниже питомцевъ нормальныхъ школъ и будутъ обучаться теоріи воспитанія, прежде чѣмъ открыта будетъ какая либо нормальная школа.

в) Правда, ученики предполагаемыхъ нормальныхъ школъ будутъ имѣть неизвѣстныя семинаріямъ практическія упражненія въ преподаваніи; но и этотъ недостатокъ духовно-учебныхъ заведеній ничего не стоитъ восполнить. Будто трудно учредить при каждой семинаріи образцовую народную школу, въ которой воспитанники, въ назначенную для каждаго очередь, занимались бы обученіемъ дѣтей подъ надзоромъ профессора педагогики и такимъ образомъ готовились бы заблаговременно къ прохожденію предстоящаго имъ учительскаго поприща? Устроить такія школы при семинаріяхъ будетъ весьма полезно, даже необходимо, и онѣ обойдутся правительству безъ сравненія дешевле и удобнѣе, чѣмъ особыя нормальныя школы, въ которыхъ при этомъ уже не окажется ни малѣйшей нужды.

Впрочемъ эти замѣчанія предложены единственно въ предупрежденіе возраженій. На самомъ же дѣлѣ о педагогическихъ

---

[1]) По нынѣшнему проекту министерства, нормальныя школы должны быть учреждаемы съ возможно ограниченнымъ по объему курсомъ, главная задача котораго должна состоять въ воспитаніи методически приготовленныхъ учителей грамотности.

ченному ими воспитанію, ни будущему ихъ предназначенію, и при этомъ подвергаются искушеніямъ праздности и ничѣмъ не стѣсняемой свободы. Съ полученіемъ доступа въ сельскія школы они освобождаются отъ опасности всѣхъ этихъ искушеній и нравственная чистота ихъ, столь нужная и для народа, который они готовятся пасти, пріобрѣтаетъ надежный пріютъ. Между тѣмъ званіе учителя было бы наилучшимъ средствомъ для сближенія съ народомъ будущихъ его пастырей и для приготовленія ихъ къ священническому служенію [1]). Духовное же начальство, принимая на себя отвѣтственность за добрую нравственность опредѣляемыхъ въ школы воспитанниковъ семинарій, можетъ поставить правиломъ оцѣнять способность ихъ къ священническому служенію, сообразуясь съ усердіемъ ихъ къ просвѣщенію народа.

Достойно вниманія, что свѣтскихъ учителей, которыхъ предполагается создать, теперь еще нѣтъ; слѣдовательно, предоставивъ духовенству первоначальное обученіе дѣтей низшихъ сословій, правительство не коснется ничьихъ выгодъ и правъ. Если же законъ создастъ этотъ новый разрядъ людей и привлечетъ ихъ къ опредѣленнымъ занятіямъ; тогда изъ тѣхъ народныхъ учителей, которые оказались бы не соотвѣтствующими ожиданіямъ начальства и лишились бы своихъ спеціальныхъ занятій, образуется непристроенный и по праву недовольный классъ людей съ такимъ же направленіемъ, какое означено въ выше приведенныхъ словахъ Тьера и Гизо. Отъ одинаковыхъ причинъ весьма естественно ожидать одинаковыхъ послѣдствій.

Можетъ быть есть надобность предупредить еще одно возраженіе: могутъ утверждать, что воспитанникамъ духовныхъ семинарій не сообщаютъ такого педагогическаго приготовленія, какое получали бы воспитанники нормальныхъ школъ. Но

а) Въ курсѣ духовныхъ семинарій, кромѣ спеціальныхъ богословскихъ предметовъ, заключается полный гимназическій курсъ. Тамъ преподаются: русскій и славянскій языки и русская словесность, исторія, географія, математика, физика, философскія науки, древніе и новые языки и т. д.

---

[1]) Такой порядокъ дѣлъ существуетъ, какъ показано выше, въ Даніи.

VI.

Привѣтственное слово Сербскому митрополиту Михаилу,

произнесенное въ засѣданіи Славянскаго комитета 26 октября 1869 года [1]).

Доблестный предстоятель церкви сербской,

Блаженнѣйшій кvръ Михаилъ!

Движимый естественнымъ чувствомъ признательности къ мѣсту твоего воспитанія, ты предпринялъ изъ своей благословенной родины не близкій путь въ торжествующій Кіевъ, чтобы украсить своимъ присутствіемъ праздникъ его знаменитой академіи, даровавшей Россіи и вообще православному миру великое множество замѣчательныхъ высотою просвѣщенія и нравственною крѣпостью дѣятелей, къ славному сонму которыхъ она имѣетъ утѣшеніе сопричислять и тебя.

Удивительно ли, что тамъ, въ этихъ родныхъ тебѣ мѣстахъ, свидѣтеляхъ твоихъ раннихъ умственныхъ подвиговъ, приготовившихъ тебя къ настоящему высокому призванію, ты былъ встрѣченъ, какъ присный и вожделѣнный гость, и окруженъ подобающимъ тебѣ почетомъ и вниманіемъ?

---

[1]) Первоначально было издано въ книгѣ Т. И. Филиппова: «Современные церковные вопросы». Спб. 1882, стр. 1—5; затѣмъ въ книгѣ: «Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Обще- Спб. 1883, стр. 31—33.

Но оттуда ты подвигся далѣе на сѣверъ, въ глубь русской земли, чтобы посѣтить другую древнюю ея столицу, и что же? Тамъ точно такъ же, хотя прежде ты и «не былъ знаемъ лицемъ церкви московской», ея досточтимая іерархія и весь священный клиръ, высшія власти города, ученыя и другія общественныя учрежденія, именитыя сословія и наконецъ весь православный народъ, которому ты явился въ день одного изъ его торжественнѣйшихъ воспоминаній, встрѣтили тебя тѣмъ же единодушіемъ и любовію, соревнуя другъ другу въ изъявленіи своей радости о твоемъ къ нимъ пришествіи.

Откуда же эта радость и эта любовь?

Источникъ ихъ возвышенъ и чистъ. Москва, вѣрный и испытанный стражъ завѣщанныхъ русскому народу его прошлою жизнію преданій, въ числѣ ихъ съ особенною ревностію хранитъ священный завѣтъ духовнаго союза русской земли со всѣми славянскими странами, и въ особенности съ тѣми, которыя донынѣ пребыли съ нами въ общеніи вѣры, не смотря на всѣ бѣдствія въ теченіе слишкомъ четырехъ вѣковъ насылаемыя на нихъ изъ широко растворенныхъ и *высокихъ вратъ* (ὑψηλὴ πύλη, excelsa porta) адовыхъ.

Вотъ почему, увидавъ въ своихъ стѣнахъ предстоятеля единовѣрной намъ церкви сербской и представителя одного изъ доблестнѣйшихъ народовъ славянской семьи, Москва не могла удержать своего восторга и встрѣтила тебя всенароднымъ выраженіемъ своего искренняго сочувствія.

Въ обители преподобнаго Сергія, котораго нетлѣннымъ останкамъ ты пожелалъ воздать благоговѣйное поклоненіе, ты нашелъ ту же Москву, и тамъ изъ устъ свѣтильника русской церкви и науки [1]) имѣлъ случай выслушать слова признательности сербской землѣ за услуги, оказанныя ею духовному просвѣщенію русскаго народа въ иные лучшіе дни ея исторической жизни.

И мы охотно присоединяемся къ этому признательному заявленію и просимъ тебя засвидѣтельствовать передъ твоимъ

---

[1]) А. В. Горскаго.

народомъ истину сложившейся у насъ пословицы: русскій человѣкъ добро помнитъ.

Наконецъ ты достигъ до третьей, нынѣ предержащей, столицы русскаго царства, которая носитъ странное иноязычное имя, способное смутить слухъ славянина. Что дѣлать? Мы сами, не смотря на ежеминутное обращеніе въ нашихъ устахъ этого имени, никакъ не можемъ освоиться и думаю, что никогда не освоимся съ нимъ, какъ съ знакомъ того духовнаго плѣна, въ который русскій народъ былъ отведенъ по особымъ судьбамъ своей исторіи и въ которомъ его верхніе слои, а за ними отчасти и средніе, отчуждались мало по малу отъ началъ собственной народной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ естественнаго родства съ славянствомъ.

Но «ослѣпленіе Израилю бысть отчасти», и, благодареніе Богу, мы видимъ тебя среди насъ въ такіе дни, когда узы этого плѣна уже ослабли и готовы ежеминутно порваться. Ты знаешь, что два года назадъ иноязычное имя этой столицы не помѣшало ей привѣтствовать собравшихся сюда славянскихъ гостей съ такимъ поразительнымъ единодушіемъ, котораго не превзошла въ своихъ изъявленіяхъ даже самая Москва. Ты конечно съ участіемъ слѣдилъ за подробностями этого восторженнаго пріема, о которомъ провозгласили, въ слухъ всей Европы, газеты и журналы и еще ближе и точнѣе могли возвѣстить тебѣ возвратившіеся отсюда твои соотечественники. Но какая еще нужда въ свидѣтеляхъ, когда ты самъ, при первой встрѣчѣ съ членами этого собранія, пришедшими къ тебѣ съ привѣтомъ, благоволилъ сказать, что здѣсь, въ сѣверной столицѣ русскаго государства, ты чувствуешь себя, какъ бы дôма, на югѣ?

Итакъ три столь отличные одинъ отъ другаго города, представители трехъ различныхъ эпохъ русской исторіи, великокняжескій Кіевъ, царская Москва и императорскій Петербургъ (не вся ли тутъ нынѣшняя и историческая Русь?), слились въ единой мысли и въ единомъ чувствѣ, когда имъ пришлось принимать у себя высокаго славянскаго гостя. Не явный ли это знакъ, что вся русская земля, изъ края въ край, приступаетъ къ служенію великой идеѣ славянской взаимности, въ которой

залогъ близкаго избавленія нашихъ братій и нашей собственной крѣпости и дальнѣйшаго преуспѣянія на всѣхъ путяхъ жизни?

Доблестный святитель! Позволь намъ надѣяться, что, по возвращеніи къ своей паствѣ, ты возвѣстишь ей, какъ очевидецъ и вѣрный свидѣтель, о тѣхъ успѣхахъ, которые съ каждымъ днемъ дѣлаетъ въ русскомъ обществѣ славянская идея, и тѣмъ утвердишь ее еще крѣпче въ чувствахъ взаимной преданности и довѣрія къ Россіи. Въ словахъ моихъ нѣтъ тѣни сомнѣнія въ этихъ чувствахъ сербскаго народа, нѣтъ! они вызваны не сомнѣніемъ, которое было бы для тебя оскорбительно, но весьма понятною заботливостію о прочности нашихъ взаимныхъ связей, внушаемою особымъ положеніемъ твоей родины и вообще юговостока Европы.

Для насъ не тайна, что по всему его пространству разсѣяны усердные служители враждебныхъ намъ властей и силъ, принимающіе на себя притворный образъ вашихъ друзей и ищущіе отвлечь васъ отъ природнаго союза съ нами, чтобы потомъ обратить васъ въ орудіе своихъ хищническихъ цѣлей. Безъ устали и безъ стыда они сѣютъ среди васъ разнообразныя клеветы на Россію, пугая васъ призракомъ нашего властолюбія. Предостереги же своихъ родичей отъ этихъ опасныхъ внушеній и не облѣнись повторять имъ, что у насъ нѣтъ на умѣ ничего, кромѣ заботы о счастіи и свободѣ (безъ которой нѣтъ и счастія!) нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, что приписываемая намъ алчность къ поглощенію иныхъ народностей совершенно противна нашей природѣ; что мы не иначе, какъ съ трудными усиліями, рѣшаемся даже на необходимую оборону своихъ народныхъ правъ отъ посягательствъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ собственныхъ инородцевъ, которые безнаказанно шлютъ намъ вызовъ за вызовомъ.

Это ли черты народа жаднаго и склоннаго къ захватамъ? Захваты, дѣйствительно, грозятъ вамъ, только не отъ насъ, а отъ того же клевещущаго на насъ Запада, приближающагося къ вамъ съ притворнымъ участіемъ, образомъ евангельскаго татя, который не приходитъ развѣ, да украдетъ, и убіетъ, и погубитъ.

народомъ истину сложившейся у насъ пословицы: русскій человѣкъ добро помнитъ.

Наконецъ ты достигъ до третьей, нынѣ предержащей, столицы русскаго царства, которая носитъ странное иноязычное имя, способное смутить слухъ славянина. Что дѣлать? Мы сами, не смотря на ежеминутное обращеніе въ нашихъ устахъ этого имени, никакъ не можемъ освоиться и думаю, что никогда не освоимся съ нимъ, какъ съ знакомъ того духовнаго плѣна, въ который русскій народъ былъ отведенъ по особымъ судьбамъ своей исторіи и въ которомъ его верхніе слои, а за ними отчасти и средніе, отчуждались мало по малу отъ началъ собственной народной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ естественнаго родства съ славянствомъ.

Но «ослѣпленіе Израилю бысть отчасти», и, благодареніе Богу, мы видимъ тебя среди насъ въ такіе дни, когда узы этого плѣна уже ослабли и готовы ежеминутно порваться. Ты знаешь, что два года назадъ иноязычное имя этой столицы не помѣшало ей привѣтствовать собравшихся сюда славянскихъ гостей съ такимъ поразительнымъ единодушіемъ, котораго не превзошла въ своихъ изъявленіяхъ даже самая Москва. Ты конечно съ участіемъ слѣдилъ за подробностями этого восторженнаго пріема, о которомъ провозгласили, въ слухъ всей Европы, газеты и журналы и еще ближе и точнѣе могли возвѣстить тебѣ возвратившіеся отсюда твои соотечественники. Но какая еще нужда въ свидѣтеляхъ, когда ты самъ, при первой встрѣчѣ съ членами этого собранія, пришедшими къ тебѣ съ привѣтомъ, благоволилъ сказать, что здѣсь, въ сѣверной столицѣ русскаго государства, ты чувствуешь себя, какъ бы дòма, на югѣ?

Итакъ три столь отличные одинъ отъ другаго города, представители трехъ различныхъ эпохъ русской исторіи, великокняжескій Кіевъ, царская Москва и императорскій Петербургъ (не вся ли тутъ нынѣшняя и историческая Русь?), слились въ единой мысли и въ единомъ чувствѣ, когда имъ пришлось принимать у себя высокаго славянскаго гостя. Не явный ли это знакъ, что вся русская земля, изъ края въ край, приступаетъ къ служенію великой идеѣ славянской взаимности, въ которой

залогъ близкаго избавленія нашихъ братій и нашей собственной крѣпости и дальнѣйшаго преуспѣянія на всѣхъ путяхъ жизни?

Доблестный святитель! Позволь намъ надѣяться, что, по возвращеніи къ своей паствѣ, ты возвѣстишь ей, какъ очевидецъ и вѣрный свидѣтель, о тѣхъ успѣхахъ, которые съ каждымъ днемъ дѣлаетъ въ русскомъ обществѣ славянская идея, и тѣмъ утвердишь ее еще крѣпче въ чувствахъ взаимной преданности и довѣрія къ Россіи. Въ словахъ моихъ нѣтъ тѣни сомнѣнія въ этихъ чувствахъ сербскаго народа, нѣтъ! они вызваны не сомнѣніемъ, которое было бы для тебя оскорбительно, но весьма понятною заботливостію о прочности нашихъ взаимныхъ связей, внушаемою особымъ положеніемъ твоей родины и вообще юговостока Европы.

Для насъ не тайна, что по всему его пространству разсѣяны усердные служители враждебныхъ намъ властей и силъ, принимающіе на себя притворный образъ вашихъ друзей и ищущіе отвлечь васъ отъ природнаго союза съ нами, чтобы потомъ обратить васъ въ орудіе своихъ хищническихъ цѣлей. Безъ устали и безъ стыда они сѣютъ среди васъ разнообразныя клеветы на Россію, пугая васъ призракомъ нашего властолюбія. Предостереги же своихъ родичей отъ этихъ опасныхъ внушеній и не облѣнись повторять имъ, что у насъ нѣтъ на умѣ ничего, кромѣ заботы о счастіи и свободѣ (безъ которой нѣтъ и счастія!) нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, что приписываемая намъ алчность къ поглощенію иныхъ народностей совершенно противна нашей природѣ; что мы не иначе, какъ съ трудными усиліями, рѣшаемся даже на необходимую оборону своихъ народныхъ правъ отъ посягательствъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ собственныхъ инородцевъ, которые безнаказанно шлютъ намъ вызовъ за вызовомъ.

Это ли черты народа жаднаго и склоннаго къ захватамъ? Захваты, дѣйствительно, грозятъ вамъ, только не отъ насъ, а отъ того же клевещущаго на насъ Запада, приближающагося къ вамъ съ притворнымъ участіемъ, образомъ евангельскаго татя, который не приходитъ развѣ, да украдетъ, и убіетъ, и погубитъ.

намъ сицевыя учители: отъ васъ бо добръ законъ исходитъ во всяку землю. Бѣ же въ Солуни градѣ, иже есть близь святыя горы аѳонскія, мужъ нѣкій именемъ Левъ, велика рода и царю знаемь, и отъ сыновъ его два, Константинъ философъ и Меѳодій, разумива языку словенску (Солуняне бо вси чисто словенски бесѣдоваху), отъ нихже Константинъ измлада ко царю Михаилу въ полату ять бысть, да купно съ нимъ царь, еще отрокъ сый, наученію книжному до конца навыкнетъ. Умолена отъ царя, идоста Константинъ и Меѳодій въ Мораву, и нача святый Константинъ составляти письмена азбуковная словенски. По сихъ преложиста съ греческаго языка въ словенскій Евангеліе и Апостолъ. Ради же бѣша Словене, слышаще величія Божія своимъ имъ языкомъ. Иніи же глаголютъ, яко прежде даже не пріити посломъ моравскимъ, уже бяху составлена святымъ Константиномъ письмена словенская, потребы ради ближайшихъ ко граду Солуню Словенъ, въ Македоніи жившихъ. Сіе же Богъ свѣсть: едино точію вѣмы, яко вся племена словенская, наченъ отъ восточныхъ странъ македонскихъ и болгарскихъ даже до предѣловъ селенія ихъ къ западу, добраго подвига сея блаженныя двоицы причастившася и даже до днесь, аще и разлучена тѣлесы, обаче духомъ совокуплена и союзомъ любве связуема, память о нихъ добрѣ творятъ по реченному: «Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе», и къ симъ умными очесы выну зрятъ, обновленія жизни своея чающе. Видѣвше же епископи моравстіи, иже отъ Нѣмецъ бывшіи, яко преложены быша Моравляномъ святыя книги, позавидѣша сему и клевету злу въ слухъ папы римскаго на святыя изнесоша: тѣмже повелѣ има пріити въ Римъ, да воздадятъ предъ нимъ слово о нихже научиста и сотвориста въ земли моравстѣй. Она же абіе идоста (не оу бо бѣ папа отлученъ отъ единости вѣры) и удобь изъявиста ему злохитрыхъ Нѣмецъ лесть и безумное тѣхъ мудрованіе: глаголаху бо окаянніи, яко не подобаетъ хвалити Бога инѣми языки, но точію еврейски, гречески и римски, по писанію Пилатову на крестѣ Господни. Папа же, еще пра-
[illegible]прети Нѣмцемъ, Пилату соревнующимъ, бра-
[illegible]ку вожда, къ совершенію благаго начала

ихъ призывая. Разболѣвся же святый Константинъ къ смерти, схиму святую воспрія и Кириллъ наречеся, и тако душу свою честную и трудолюбную Господеви предаде во градѣ Римѣ въ лѣто Господне 869, мѣсяца Февруарія въ 14 день. Меѳодій же возвратися въ Мораву, архіепископство области сея пріемь, и преложи тамо вся книги исполнь. Обаче Нѣмцы оніи зломудренніи отъ первыя злобы своея не престаша, и князя моравска Святополка прехитривше, святаго Меѳодія въ Швабы заточиша, идѣже пребысть святый въ тѣснотѣ велицѣй два лѣта и полъ. Послѣди же паки архіепископство свое воспріять и по всей земли моравстѣй вѣру истинную утверди и многи во тьмѣ идольстѣй сѣдящія къ Христу приведе. Еще же и въ Чехи достигъ, князя чешскаго Боривоя и супругу его святую Людмилу крещеніемъ просвѣти, якоже и прежде, до пришествія въ Мораву, князя болгарскаго Бориса крести. Таже въ старости добрѣй, исполнь дней многихъ и дѣлъ благихъ, почи о Господѣ въ лѣто Господне 885, Априллія въ 6 день, и въ Велеградѣ моравстѣмъ погребенъ бысть. Тѣмже зовемъ: радуйтася, вертограда словенскаго дѣлателя непостыдная, и Господа, Емуже со дерзновеніемъ предстоита, молита непрестанно: да вси паки едино будемъ о Христѣ Іисусѣ, Емуже слава во вѣки. Аминь.

намъ сицевыя учители: отъ васъ бо добръ законъ исходитъ во всяку землю. Бѣ же въ Солуни градѣ, иже есть близь святыя горы аѳонскія, мужъ нѣкій именемъ Левъ, велика рода и царю знаемь, и отъ сыновъ его два, Константинъ философъ и Меѳодій, разумива языку словенску (Солуняне бо вси чисто словенски бесѣдоваху), отъ нихже Константинъ измлада ко царю Михаилу въ полату ятъ бысть, да купно съ нимъ царь, еще отрокъ сый, наученію книжному до конца навыкнетъ. Умолена отъ царя, идоста Константинъ и Меѳодій въ Мораву, и нача святый Константинъ составляти письмена азбуковная словенски. По сихъ преложиста съ греческаго языка въ словенскій Евангеліе и Апостолъ. Ради же бѣша Словене, слышаще величія Божія своимъ имъ языкомъ. Иніи же глаголютъ, яко прежде даже не пріити посломъ моравскимъ, уже бяху составлена святымъ Константиномъ письмена словенская, потребы ради ближайшихъ ко граду Солуню Словенъ, въ Македоніи жившихъ. Сіе же Богъ вѣсть: едино точію вѣмы, яко вся племена словенская, начень отъ восточныхъ странъ македонскихъ и болгарскихъ даже до предѣловъ селенія ихъ къ западу, добраго подвига сея блаженныя двоицы причастишася и даже до днесь, аще и разлучена тѣлесы, обаче духомъ совокуплена и союзомъ любве связуема, память о нихъ добрѣ творятъ по реченному: «Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе», и къ симъ умными очесы выну зрятъ, обновленія жизни своея чающе. Видѣвше же епископи моравстіи, иже отъ Нѣмецъ бывшіи, яко преложены быша Моравляномъ святыя книги, позавидѣша сему и клевету злу въ слухъ папы римскаго на святыя изнесоша: тѣмже повелѣ има пріити въ Римъ, да воздадятъ предъ нимъ слово о нихже научиста и сотвориста въ земли моравстѣй. Она же абіе идоста (не оу бо бѣ папа отлученъ отъ единости вѣры) и удобь изъявиста ему злохитрыхъ Нѣмецъ лесть и безумное тѣхъ мудрованіе: глаголаху бо окаянніи, яко не подобаетъ хвалити Бога имѣми языки, но точію еврейски, гречески и римски, по писанію Пилатову на крестѣ Господни. Папа же, еще правовѣренъ сый, запрети Нѣмцемъ, Пилату соревнующимъ, братіямъ же честь велику возда, къ совершенію благаго начала

лицъ, значительно стѣсниться, при чемъ и самыя пренія не могли не утратить нѣкоторой доли ясности и вразумительности для присутствовавшаго собранія.

Уже г. Кояловичъ, возражавшій передо мною, испытывалъ на себѣ невыгодныя послѣдствія указаннаго обстоятельства; на мнѣ же они должны были отразиться съ особою силою. Поздній часъ [1]) и общее утомленіе, въ особенности ваше, разстроили весь планъ моихъ возраженій, задуманныхъ мною въ извѣстной послѣдовательности и взаимной связи, и побудили меня ограничиться предложеніемъ вамъ лишь одного (изъ многихъ) вопроса, относящагося къ ученію о бракѣ знаменитаго безпоповскаго писателя прошлаго вѣка Ивана Алексѣева. Упоминаю о встрѣченныхъ мною препятствіяхъ съ тою собственно цѣлію, чтобы обратить вниманіе вашего досточтимаго академическаго общества на необходимость принять мѣры къ отстраненію подобныхъ неудобствъ на будущее время. Для монологическаго изложенія сокровищъ вашей учености можно найти иной путь: для этой цѣли устраивайте публичныя чтенія, на которыя, послѣ такого блестящаго успѣха первыхъ двухъ академическихъ [2]) диспутовъ, я увѣренъ, будетъ собираться множество посѣтителей; а время, отмѣренное для ученыхъ преній, отдавайте цѣликомъ на предметъ его прямаго назначенія, на живой обмѣнъ мыслей между составителями ученыхъ разсужденій и ихъ читателями, въ особенности такими, которые не принадлежатъ къ вашей корпораціи. Участіе въ академическихъ состязаніяхъ лицъ, постороннихъ академіи и вообще духовно-учебному сословію, должно принести великую обоюдную (для академіи и общества) пользу, и я почитаю особеннымъ для себя счастіемъ, что на мою долю выпала честь почина въ этомъ взаимномъ умственномъ общеніи ученаго учрежденія и общества.

Обратимся къ моимъ возраженіямъ.

---

[1]) Я началъ свои возраженія въ четверть 5-го, послѣ слишкомъ трехчасоваго ожиданія очереди.

[2]) Первый диспутъ въ с.-петербургской духовной академіи происходилъ въ концѣ сентября; Иванъ Васильевичъ Чельцевъ, профессоръ церковной исторіи, защищалъ на немъ съ большимъ успѣхомъ диссертацію: «Древнія формы символа вѣры», написанную имъ на степень доктора.

1. Прежде всего я имѣлъ намѣреніе, которое теперь и исполняю, замѣтить вамъ, что въ вашемъ разсужденіи есть весьма важный, по моему мнѣнію, пропускъ, а именно: въ немъ нигдѣ не предложено полнаго и яснаго опредѣленія правильнаго или, что одно и тоже, православнаго понятія о таинствѣ брака; между тѣмъ какъ въ сочиненіи, которое посвящено изложенію столь многоразличныхъ ученій о брачной тайнѣ (первоначальнаго ученія всего безпоповскаго согласія, оставшагося впослѣдствіи и донынѣ пребывающаго въ обществѣ ѳедосѣевцевъ; ученіе Ивана Алексѣева и его ближайшихъ послѣдователей, новоженовъ; ученія Василія Емельянова, Гавріила Скочкова и другихъ послѣдователей покровской часовни и пр.), строгая и твердая постановка схемы православнаго брака составляла, какъ мнѣ кажется, явную и настоятельную необходимость, а потому отсутствіе оной я позволяю себѣ назвать прямымъ и немаловажнымъ недостаткомъ вашей книги.

Тѣхъ отрывочныхъ и по разнымъ мѣстамъ вашего сочиненія разбросанныхъ замѣчаній объ этомъ предметѣ, которыя читателю приходится самому извлекать и сопоставлять между собою, чтобы дойти до какого либо, и при томъ все таки не вашего, а своего вывода (не говоря уже о томъ, что нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній находятся въ непримиримомъ взаимномъ противорѣчіи), слишкомъ во всякомъ случаѣ недостаточно для читателя, котораго вы, поставивъ лицемъ къ лицу съ Иваномъ Алексѣевымъ, Гавріиломъ Скочковымъ, Филиппомъ Осиповымъ, оставляете затѣмъ его собственнымъ средствамъ, нисколько или по крайней мѣрѣ весьма мало помогая ему въ такихъ трудныхъ, вами самими устроенныхъ, встрѣчахъ.

Вы можете мнѣ на это замѣтить, что всякій, приступающій къ чтенію такого серьезнаго по своему предмету историко-богословскаго труда, каковъ вашъ, обязанъ по малой мѣрѣ помнить свой катихизисъ и его главу о бракѣ; но въ томъ-то и дѣло, что того сжатаго изложенія сущности и принадлежностей таинства брака, какое предложено въ катихизисѣ, на этотъ случай оказывается точно также слишкомъ мало. Понятіе о бракѣ есть понятіе сложное, въ коемъ каждая составная

часть имѣетъ свое особенное, ей только принадлежащее, значеніе. Эти составныя части суть: а) взаимное, непринужденное соизволеніе на бракъ жениха и невѣсты; б) согласіе, при извѣстномъ возрастѣ жениха и невѣсты, ихъ родителей и в) священнословіе (ἱερολογία) или, по нынѣшнему, вѣнчаніе вступающихъ въ бракъ въ церкви. Такъ какъ взаимное соотношеніе сихъ моментовъ и ихъ относительная важность были предметомъ сужденія и жаркихъ споровъ между представителями различныхъ безпоповскихъ обществъ, коихъ воззрѣнія излагаются въ вашей книгѣ: то объяснить ея читателю истинное значеніе этихъ моментовъ въ составѣ брака и чрезъ то дать ему ясное руководство къ оцѣнкѣ каждаго изъ тѣхъ видовъ брака, съ коими вы его знакомите, было, повторяю, вашею несомнѣнною обязанностію. Безъ этого вашему читателю приходится или повѣрить вамъ на слово, когда вы говорите ему, что такой-то видъ брака правиленъ, а другой неправиленъ, или же приняться самому за самостоятельное изслѣдованіе предмета, или наконецъ остаться съ своими неразрѣшенными недоумѣніями.

Равнымъ образомъ вамъ, по моему мнѣнію, слѣдовало бы войти въ ближайшее разсмотрѣніе и нѣкоторыхъ другихъ, къ понятію объ истинномъ бракѣ относящихся, вопросовъ, какъ напримѣръ о томъ, въ какой мѣрѣ для правильности брака необходимо: а) чтобы вступающія въ правильный бракъ лица принадлежали къ православной церкви и б) чтобы совершающіе бракъ священнослужители были православны; ибо объ этихъ двухъ условіяхъ правильности бракосочетанія въ книгѣ вашей предлагаются какъ отъ имени безпоповскихъ писателей, такъ и отъ вашего лица разнаго рода мнѣнія, одно другимъ взаимно не провѣренныя и потому ни къ какому опредѣлительному заключенію не приводящія.

Напрасно вы стали бы возражать на это, что единственная цѣль вашего сочиненія заключалась въ историческомъ изложеніи развитія въ безпоповщинскомъ обществѣ ученій о брачной тайнѣ, и что затѣмъ собственно критическій разборъ того или другаго изъ этихъ ученій въ составъ вашей задачи вовсе не входилъ. Во первыхъ, я и не требую отъ васъ подробной полемики съ каж-

1. Прежде всего я имѣлъ намѣреніе, которое теперь и исполняю, замѣтить вамъ, что въ вашемъ разсужденіи есть весьма важный, по моему мнѣнію, пропускъ, а именно: въ немъ нигдѣ не предложено полнаго и яснаго опредѣленія правильнаго или, что одно и тоже, православнаго понятія о таинствѣ брака; между тѣмъ какъ въ сочиненіи, которое посвящено изложенію столь многоразличныхъ ученій о брачной тайнѣ (первоначальнаго ученія всего безпоповскаго согласія, оставшагося впослѣдствіи и донынѣ пребывающаго въ обществѣ ѳедосѣевцевъ; ученіе Ивана Алексѣева и его ближайшихъ послѣдователей, новоженовъ; ученія Василія Емельянова, Гавріила Скочкова и другихъ послѣдователей покровской часовни и пр.), строгая и твердая постановка схемы православнаго брака составляла, какъ мнѣ кажется, явную и настоятельную необходимость, а потому отсутствіе оной я позволяю себѣ назвать прямымъ и немаловажнымъ недостаткомъ вашей книги.

Тѣхъ отрывочныхъ и по разнымъ мѣстамъ вашего сочиненія разбросанныхъ замѣчаній объ этомъ предметѣ, которыя читателю приходится самому извлекать и сопоставлять между собою, чтобы дойти до какого либо, и при томъ все таки не вашего, а своего вывода (не говоря уже о томъ, что нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній находятся въ непримиримомъ взаимномъ противорѣчіи), слишкомъ во всякомъ случаѣ недостаточно для читателя, котораго вы, поставивъ лицемъ къ лицу съ Иваномъ Алексѣевымъ, Гавріиломъ Скочковымъ, Филиппомъ Осиповымъ, оставляете затѣмъ его собственнымъ средствамъ, нисколько или по крайней мѣрѣ весьма мало помогая ему въ такихъ трудныхъ, вами самими устроенныхъ, встрѣчахъ.

Вы можете мнѣ на это замѣтить, что всякій, приступающій къ чтенію такого серьезнаго по своему предмету историко-богословскаго труда, каковъ вашъ, обязанъ по малой мѣрѣ помнить свой катихизисъ и его главу о бракѣ; но въ томъ-то и дѣло, что того сжатаго изложенія сущности и принадлежностей таинства брака, какое предложено въ катихизисѣ, на этотъ случай оказывается точно также слишкомъ мало. Понятіе о бракѣ есть понятіе сложное, въ коемъ каждая составная

на ваши положенія представляющія итогъ (далеко впрочемъ не полный) сказаннаго въ книгѣ.

На стр. 11 выпуска I, говоря о бракахъ, которые совершались въ обществѣ отдѣлившихся отъ церкви ревнителей стараго обряда на самыхъ первыхъ порахъ ихъ отпаденія, вы отзываетесь объ этихъ бракахъ такимъ образомъ:

«Такъ какъ на первыхъ порахъ, на сторонѣ раскола было не мало лицъ священныхъ, то, по всей вѣроятности, защитники старины безъ особыхъ затрудненій *вступали въ браки помимо православной церкви*. И если мы возьмемъ во вниманіе всю малозначительность тѣхъ обрядовыхъ разностей, исполненія коихъ раскольники требовали, какъ непремѣннаго условія для правильности брака: *то, кажется, не погрѣшимъ, если скажемъ, что браки раскольниковъ, совершавшіеся по старопечатнымъ требникамъ священниками, державшимися старыхъ обрядовъ, сначала были браками, въ сущности дѣла правильными*».

Въ этихъ словахъ, какъ вы сами, безъ сомнѣнія, согласитесь, заключается не просто историческое изложеніе того, какъ совершался бракъ у раскольниковъ въ первоначальную пору ихъ отдѣленія отъ церкви, а также и *сужденіе* о немъ, какъ о бракѣ, *въ существѣ дѣла* правильномъ, не смотря на то, что онъ совершался, какъ вы сами выразились, *помимо православной церкви*.

Второе положеніе ваше изложено въ слѣдующихъ словахъ:

«Иванъ Алексѣевъ, авторъ книги «О тайнѣ брака», признавая необходимымъ для заключенія брака церковное вѣнчаніе, понималъ въ тоже время бракъ не какъ таинство, но какъ естественный, или по крайней мѣрѣ гражданскій, союзъ двухъ лицъ разнаго пола, только неразрывный; онъ требовалъ вѣнчанія брака не по существу дѣла, а для соблюденія формы, и въ этомъ случаѣ показалъ себя истымъ раскольникомъ».

О томъ же писателѣ, на стр. 122—123 выпуска I, вы говорите, что Иванъ Алексѣевъ, этотъ «раскольникъ, котораго мы привыкли считать жаркимъ ревнителемъ старины и буквы, еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, *заговорилъ о бракѣ подобно современнымъ намъ ревнителямъ женской эманципаціи*».

Это уже не только сужденіе, но даже рѣшительный приговоръ, несправедливость коего я постараюсь доказать при дальнѣйшихъ съ вами объясненіяхъ.

На стр. 259 того же I выпуска, изложивъ ученіе о безсвященнословномъ бракѣ руководителей общества покровской часовни (поморцевъ) и сущность ихъ полемики съ ѳедосѣевцами, вы присовокупили отъ себя:

«Поморцы, довольствуясь для заключенія своихъ браковъ благословеніемъ наставника-мирянина, хотя бы и соединеннымъ съ прочтеніемъ канона, апостола и евангелія и съ пѣніемъ молебна, *очевидно, не придавали браку значенія таинства, а смотрѣли на него просто, какъ на гражданскій союзъ*».

Слова эти представляютъ не что иное, какъ вашъ собственный выводъ объ ученіи поморцевъ, и потому точно также относятся къ области сужденія, равно какъ и отзывъ вашъ на стр. 192 выпуска II о воззрѣніи на бракъ ѳедосѣевскаго писателя 50-хъ годовъ нашего вѣка, казанца Филиппа Осипова, о которомъ вы выразились такъ:

«За исключеніемъ несчастнаго заблужденія, будто нынѣ уже послѣднія времена міра и царство антихриста, будто церковь православная—церковь еретическая, *всѣ остальныя разсужденія Филиппа Осипова вѣрны и опираются на почвѣ церковнаго преданія*».

На стр. 75 выпуска II, говоря о безпоповцахъ, которые въ 40-хъ и 50-хъ годахъ нашего вѣка вѣнчались въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, *безъ присоединенія къ церкви*, по принужденію власти, и замѣчая при этомъ, что они поступали такъ «не по искреннему побужденію, но изъ страха, по неволѣ» и что «такимъ образомъ благословеніе церкви часто раздавалось людямъ, которые не только не уважали его, а напротивъ положительно ни во что не ставили» немного ниже, на стр. 80 тогоже выпуска, вы присовокупляете къ сему, что «въ прошлое царствованіе, подъ вліяніемъ раз-
...тельствъ, ученіе о необходимости брака болѣе и
...ъ поморскою безпоповщиной и выражалось не
...безсвященнословныхъ или сводныхъ брачныхъ
...ся по благословенію родителей и настав-

никовъ, *но и въ видѣ правильныхъ браковъ, освящавшихся молитвами православныхъ и единовѣрческихъ пастырей*».

То есть, браки лицъ, которыя повѣнчаны въ православномъ или единовѣрческомъ храмѣ, хотя бы лица эти къ истинной церкви и не принадлежали и даже ставили совершаемое надъ ними священнословіе рѣшительно ни во что, вы все таки признаете правильными. Согласитесь, что и это — сужденіе; правильное или нѣтъ, объ этомъ рѣчь впереди.

Итакъ не я, а точныя выписки изъ вашей книги и вашихъ положеній, которыя я счелъ долгомъ привести въ подтвержденіе своего перваго возраженія и къ которому я буду постоянно возвращаться при дальнѣйшихъ съ вами состязаніяхъ, несомнѣнно свидѣтельствуютъ не только о нѣкоторомъ присутствіи въ вашей диссертаціи элемента критики (что, повторяю, вамъ было бы слишкомъ невыгодно и отрицать), но даже о томъ, что ни одинъ изъ видовъ брака, въ вашемъ сочиненіи разсмотрѣнныхъ, не оставленъ вами безъ вашего личнаго о немъ сужденія и критическаго отзыва о степени его правильности. А такъ какъ степень правильности того или другаго вида брака опредѣляется, по моему, конечно и по вашему убѣжденію, большимъ или меньшимъ приближеніемъ его къ понятію о бракѣ, содержимому церковію, то обстоятельное и по возможности полное изложеніе того, въ чемъ, по ученію церкви, состоитъ самая сущность таинства брака, какое значеніе имѣетъ въ частности каждая изъ выше упомянутыхъ составныхъ частей сего понятія и какія вообще условія необходимы для правильнаго бракосочетанія, входило, еще разъ скажу, въ кругъ несомнѣнныхъ обязанностей писателя, предлагающаго обществу «историческій очеркъ раскольническаго ученія о бракѣ». Такое изложеніе было бы въ высшей степени полезно не только для вашего читателя, которому оно помогло бы въ правильной оцѣнкѣ изображенныхъ вами явленій изъ жизни безпоповщинскихъ обществъ, но и для васъ самихъ: оно должно было предостеречь васъ отъ немаловажныхъ ошибокъ и немалочисленныхъ противорѣчій съ самимъ собою и предотвратить ту сбивчивость терминологіи, которая составляетъ характеристическую черту вашего сочиненія.

II. Второе мое замѣчаніе касается вашего отзыва объ ученіи Ивана Алексѣева, о которомъ во второмъ положеніи, выше вполнѣ приведенномъ, а также на стр. 122—123 выпуска I, вы выразились: будто бы онъ бракъ не признавалъ таинствомъ, а смотрѣлъ на него, какъ на естественный, или по крайней мѣрѣ на гражданскій, союзъ двухъ разнаго пола лицъ, *только неразрывный*, и что, признавая священнословіе необходимымъ не по существу дѣла, а только для формы, онъ явилъ себя истымъ раскольникомъ и даже сообщникомъ тѣхъ ученій, которыя проповѣдываются современными намъ ревнителями женской эманципаціи.

Этотъ отзывъ я считаю, во первыхъ, невѣрнымъ; во вторыхъ, оскорбительнымъ для памяти дѣятеля, котораго, не смотря на его религіозныя заблужденія, мы не можемъ не уважать, какъ возстановителя въ обществѣ безпоповцевъ попраннаго ими начала семейной жизни; въ третьихъ, несогласнымъ съ вашими собственными словами о характерѣ ученія и дѣятельности Ивана Алексѣева, сказанными въ другомъ мѣстѣ вашей книги.

Вы говорите, что Иванъ Алексѣевъ считалъ бракъ не таинствомъ, а естественнымъ или гражданскимъ союзомъ; но во всей вашей книгѣ, исполненной многоразличныхъ выписокъ и ссылокъ, я не нашелъ ни одного подлиннаго слова Ивана Алексѣева о томъ, чтобы онъ самъ предлагаемый имъ бракъ не считалъ за таинство и чтобы въ замѣну бывшаго въ Христовой церкви таинственнаго союза мужа и жены, во образъ союза Христа съ церковію, онъ предлагалъ новый, имъ самимъ вымышленный, бракъ естественнаго или гражданскаго характера. И я беру на себя смѣлость утверждать, что такого отзыва о бракѣ, сдѣланнаго отъ лица самого Ивана Алексѣева, вы не отыщете во всемъ обширномъ его сочиненіи, и что ваши слова представляютъ такимъ образомъ не имъ самимъ формулированное ученіе о брачномъ союзѣ, а вами за него сдѣланный выводъ изъ его соображеній, за правильность коего отвѣтственность лежитъ исключительно на васъ.

Данныя, изъ которыхъ сдѣланъ вами этотъ выводъ, собраны во 2 главѣ I выпуска вашего сочиненія; позвольте васъ при-

гласить разсмотрѣть ихъ вновь вмѣстѣ со мною и затѣмъ разсудить, приводятъ ли они необходимо къ тому заключенію, на которомъ остановились вы, или есть возможность, не выходя изъ ихъ круга, прійти къ иному, даже совершенно противоположному выводу. При этомъ чтобы прямѣе и ближе подойти къ рѣшенію занимающаго насъ вопроса, начнемте съ разсмотрѣнія того, чѣмъ собственно вызвано было знаменитое сочиненіе Ивана Алексѣева «О тайнѣ брака» и какой потребности безпоповскихъ обществъ соотвѣтствовала его главная мысль.

Послѣ приговора московскаго собора 1666—1667 гг. и по наложеніи имъ на послѣдователей стараго обряда нерѣшимыхъ и безвозвратныхъ клятвъ, коими было утверждено и запечатлѣно конечное отлученіе старообрядцевъ отъ общенія съ церковію, та часть раскола (безпоповщина), о которой у насъ рѣчь, пришла, какъ извѣстно, къ такому убѣжденію, что «существующее время, по всѣмъ обстоятельствамъ, самое послѣднее», что въ мірѣ воцарился уже противникъ Божій, и св. церковь «безъ вѣсти бысть»; что вмѣстѣ съ гибелью благочестія исчезло и правильное священство и что «за разсыпаніемъ руки освященныхъ» не можетъ быть и совершенія установленныхъ церковію таинъ. Исключеніе было допущено ими только для двухъ изъ седьми таинствъ: крещенія и покаянія, которыя по нуждѣ могутъ совершаться, по ихъ мнѣнію, и безъ священства, простецами. На этомъ основаніи, они провозгласили ученіе о безусловной невозможности совершенія въ ихъ обществѣ брака и о всеобщемъ обязательномъ дѣвствѣ, и не только не допускали брачнаго сочетанія между лицами, принадлежавшими къ ихъ согласію изначала, но даже и обращавшихся къ единомыслію съ ними супруговъ, вѣнчанныхъ въ церкви, разводили, по ихъ выраженію, «на чистое житіе».

Вотъ противъ этого-то мнѣнія начальныхъ безпоповскихъ учителей [1]) и выступилъ сперва съ своей устною проповѣдію, а потомъ и съ своею книгой, Иванъ Алексѣевъ, возмущен-

---

[1]) Впрочемъ и между первоначальными наставниками безпоповскаго согласія были люди, признававшіе необходимость брака и семьи, какъ напр. Вышатинъ и Ѳеодосій Васильевъ, родоначальникъ нынѣшнихъ бракоборцевъ.

ный до глубины души тѣми послѣдствіями, къ коимъ неизбѣжно должно было привести и дѣйствительно привело безпоповцевъ ученіе о принудительномъ дѣвствѣ или, лучше сказать, безбрачіи, и сталъ учить, что къ допущеннымъ уже всѣми безпоповцами изъятіямъ относительно крещенія и покаянія слѣдуетъ присоединить новое исключеніе въ пользу таинства брака: ибо, вопреки мнѣнію прежнихъ учителей безпоповскаго толка, и бракъ, точно такъ же, какъ крещеніе и покаяніе, можетъ, по его мнѣнію, быть вполнѣ правильно (въ видѣ таинства) совершаемъ при безусловномъ отсутствіи на землѣ правильнаго священства. Я не вхожу здѣсь въ разсмотрѣніе того, правильно ли было воззрѣніе Ивана Алексѣева, такъ какъ у насъ пока не о томъ рѣчь. Вѣдь и та мысль безпоповцевъ, что они имѣютъ право совершать безъ священника таинства крещенія и покаянія, не можетъ быть признана справедливою; тѣмъ не менѣе никто не рѣшится на этомъ основаніи утверждать, что безпоповцы не считаютъ крещенія и покаянія церковными тайнами: еслибы не считали, имъ не за чѣмъ было бы ихъ и совершать. А потому можно опровергать какъ ихъ ученіе о способѣ совершенія крещенія и покаянія, такъ и понятіе Ивана Алексѣева о сущности и условіяхъ правильнаго брака; но изъ-за этого приписывать ему воззрѣніе на бракъ, какъ на союзъ естественный или гражданскій, чуждый благодатнаго таинственнаго освященія, значитъ внести въ заключеніе то, чего не дано въ посылкахъ.

Иное дѣло ошибочно думать о таинствѣ, и иное отвергать его: разность въ степени и характерѣ того и другаго заблужденія очевидна и при томъ весьма значительна. Напримѣръ, латинская церковь неправильно мыслитъ и учитъ о совершеніи таинства евхаристіи, допуская опрѣсноки, лишая мірянъ чаши и отступая отъ издревле хранимаго въ церкви преданія о самомъ времени пресуществленія даровъ; между тѣмъ никто вслѣдствіе сего не скажетъ, что эта церковь не признаетъ евхаристіи за таинство и что она отвергаетъ самое пресуществленіе, какъ кальвинисты.

Поповское согласіе сманило къ себѣ въ 1846 г. недостойнаго православнаго митрополита и способами, всѣмъ извѣст-

ными, возстановило въ своей средѣ, черезъ сего страннаго священноначальника, высшую іерархическую степень, которой ему не доставало и которая явилась источникомъ нужнаго для сего согласія священства. Одной минуты безпристрастнаго размышленія достаточно, чтобы признать неправильность такой нечаянно возникшей іерархіи; но никому однако не придетъ на мысль выводить изъ этого, что поповцы считаютъ рукоположеніе не таинствомъ.

Что Иванъ Алексѣевъ самъ почиталъ предлагаемый имъ бракъ за таинство, тому свидѣтель вся его книга, начиная съ ея заглавія: «О *тайнѣ* брака». Весь подвигъ его жизни и все намѣреніе его ученаго изслѣдованія въ томъ только и состояли, чтобы обществу безпоповцевъ, которые по тому единственно и отвергали бракъ, что онъ, по ихъ мнѣнію, не можетъ быть совершенъ безъ правильнаго священства, доказать, что напротивъ того, и при отсутствіи истиннаго священства, вполнѣ возможно совершеніе брака, *какъ таинства*. Именно: брака какъ таинства; ибо что касается гражданскаго брака, то и говорить нечего, что онъ можетъ быть совершенъ безъ священника: тутъ нечего было бы и доказывать, и не зачѣмъ было бы предпринимать тѣхъ дальнихъ странствій и тѣхъ усидчивыхъ книжныхъ изысканій, на которыя обрекъ себя еще съ отроческаго возраста Иванъ Алексѣевъ. И способъ доказательствъ, и самый источникъ ихъ, былъ бы въ такомъ случаѣ иной: зачѣмъ бы Ивану Алексѣеву, еслибъ онъ вздумалъ предлагать бракъ гражданскій, искать подтвержденія своей мысли въ Большомъ Катихизисѣ или въ Кормчей, гдѣ ни о какомъ другомъ бракѣ, кромѣ признаваемаго церковію, слѣдовательно таинственнаго и благодатнаго, не можетъ быть и рѣчи? Зачѣмъ ссылаться на Діонисія Ареопагита и на свидѣтельства ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи? Да и кому бы сталъ онъ предлагать гражданскій бракъ? Обществу, которое всѣ условія своей жизни опредѣляло началомъ религіознымъ или церковнымъ и которое одной минуты не потратило бы на разговоръ о бракѣ гражданскомъ, ни на что ему не нужномъ? Вѣдь вы сами же говорите въ положеніи 3-мъ, что исканіе выговскими поморцами, въ первой половинѣ прошлаго

вѣка, архіерея на Востокѣ было вызвано главнымъ образомъ вопросомъ о бракѣ. Не ясно ли изъ этого, какой бракъ, освященный или гражданскій, былъ нуженъ безпоповскому согласію? Все дѣло въ томъ, что Иванъ Алексѣевъ путемъ своихъ изысканій дошелъ до такого заключенія, что сущность таинства брака состоитъ не въ священнословіи, совершаемомъ въ церкви іереемъ, а индѣ, именно: во взаимномъ соизволеніи, или какъ онъ выражается, «въ любовныхъ слогахъ» жениха и невѣсты, а также въ согласіи на бракъ ихъ родителей (до извѣстнаго возраста брачущихся), и въ томъ первоначально изреченномъ Божіемъ глаголѣ: «да будета два въ плоть едину». Церковному же священнословію, надобности въ коемъ онъ впрочемъ нисколько не отвергалъ, Иванъ Алексѣевъ придавалъ значеніе второстепенное, какъ дѣйствію, коимъ выражается съ одной стороны общественное признаніе совершаемаго брака, съ другой, обязательство вступающихъ въ бракъ предъ обществомъ хранить брачный союзъ неразрывно и честно. «Треми, говоритъ онъ, согласіи составляется бракъ: согласіемъ родителей, согласіемъ жениха и невѣсты и согласіемъ общенароднымъ».

Какимъ же путемъ дошелъ Иванъ Алексѣевъ до такого заключенія? Во первыхъ, въ разныхъ учительныхъ книгахъ онъ нашелъ, какъ говорите вы сами [1]), такія опредѣленія брака, въ которыхъ не говорится о существенномъ значеніи для него пресвитерскаго вѣнчанія и въ которыхъ по видимому подается та мысль, что единственнымъ основаніемъ брака служитъ первоначальное Божіе благословеніе, данное въ лицѣ Адама и Евы ихъ потомкамъ, и за тѣмъ взаимное согласіе желающихъ вступить въ бракъ, выраженное словами передъ свидѣтелями; такъ въ Большомъ Катихизисѣ на вопросъ: «что есть бракъ», дается такой отвѣтъ: «бракъ есть тайна, еюже женихъ и невѣста отъ чистыя любве своея въ сердцы своемъ усердно себѣ изволятъ и согласіе между собою и обѣтъ сотворятъ, яко произволительно, *по благословенію Божію*, во общее и нераздѣлимое сожитіе сопрагаются: якоже Адамъ и Ева, прежде паденія и безъ плотскаго смѣшенія, правъ и истинный

---

1) Вып. I, стр. 123.

бракъ имѣста; и есть сопряженіе мужа и жены въ законномъ чину, въ сожитіе нераздѣльное, иже отъ Бога пріемлютъ особнѣ сію благодать, дабы дѣти добрѣ и христіански родили и воспитали и да соблюдутся отъ мерзостнаго блуднаго грѣха и невоздержанія».

А на вопросъ: «кто есть дѣйственникъ тайны брака», въ томъ же Катихизисѣ дается такой отвѣтъ: «Первое убо самъ Богъ, яко Моисей боговидецъ пишетъ: и благослови я Господь Богъ, глаголя: «раститеся и множитеся и наполняйте землю, и обладайте ею», еже и Господь въ Евангеліи утверждаетъ, глаголяй: «яже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ». *Посемъ сами брачущіися сію себѣ тайну дѣйствуютъ*, глаголюще «азъ тя посягаю въ жену мою, азъ же тя посягаю въ мужа моего: аки самъ кто продается, самъ есть вещь и купецъ, сице и въ сей тайнѣ сами себѣ продаются и предаются оба себѣ купно въ сію честную работу».

Съ другой стороны, Иванъ Алексѣевъ несущественное въ составѣ таинства брака значеніе священнословія выводитъ изъ того соображенія, что церковь во всѣ времена принимала супруговъ, приходившихъ въ ея лоно отъ ересей, іудейства, даже отъ язычества, не совершая надъ ними таинства брака, и сожитіе сихъ супруговъ, равно какъ и дѣторожденіе ихъ, всегда признавала благословеннымъ и не имѣющимъ нужды въ какомъ либо восполненіи, наравнѣ съ бракомъ, совершеннымъ въ церкви, и съ дѣторожденіемъ, отъ церковнаго брака послѣдовавшимъ, и такимъ образомъ браку, заключенному не только въ еретическомъ обществѣ, но даже и вовсе внѣ христіанства, усвояла извѣстную священную силу.

«Вси святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ правила, пишетъ Алексѣевъ, и всея святыя церкве обычаи и исторіи свидѣтельствуютъ, елико пріемляху браки отъ еллинъ, еликія отъ еретикъ, якоже въ вѣдѣніи и невѣдѣніи, вси равно въ церковь неповторно, не разведше, пріемляхуся; зри, колико быша сего во дни аріанства, во дни единовольныхъ еретикъ, во дни иконоборства, егда вси грады, вся страны въ то принуждахуся: *обаче ни едина исторія не помяне, чтобы браковѣн-*

чаніи въ тѣхъ еретикахъ правовѣрніи или повторялися, или разводилися, или не принималися [1])».

«Видимъ, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, яко по еллински, яко по жидовски, такожде по еретически браки восприявше, церковь Божія равно въ пріятіи поступаетъ, о чемъ весь народъ христіанскій, пришедый отъ оныхъ въ познаніе истины, свидѣтельствуетъ наши словеса не ложна быти. Аще же кои и познавше свѣтъ евангельскаго разума и потомъ случаемъ какимъ либо браковѣнчашася въ еретикахъ, и тако браковѣнчанно паки со женами возвращахуся къ соборной церквѣ, не разведше, ниже второвѣнчанно въ соборную пріимахуся церковь, и не токмо пріимахуся таковіи, но и призывахуся» [2]).

Наконецъ въ другомъ еще мѣстѣ своего сочиненія Алексѣевъ говоритъ:

«*Тайна* брака не такъ отъ церковнаго дѣйства силу имать, какъ отъ Божіяго онаго содѣтельства и Божіихъ оныхъ словесъ.... Посему церковь неразнственно всѣ браки имяше.... И отъ всякаго языка, аще отъ еллинъ, не знающихъ Бога, аще отъ жидовъ и аще отъ еретиковъ приходящія со своими ихъ браки пріемлетъ въ томъ же дѣйствѣ, точію бы въ нихъ было законно по коегождо обычаю совокупленіе. *Прочія же тайны, кромѣ сея единыя, святая церковь не пріемлетъ*» [3]).

Прошу васъ вникнуть въ послѣднія, курсивомъ напечатанныя, слова: неужели изъ нихъ не ясно, что Иванъ Алексѣевъ не исключалъ брака изъ числа седьми церковныхъ таинъ, а напротивъ считалъ его именно одною изъ этихъ таинъ, но только находилъ въ ней извѣстную, выше объясненную, особенность?

И такъ все, что вы могли бы съ нѣкоторымъ правомъ сказать объ ученіи Ивана Алексѣева на основаніи вами же самими приведенныхъ данныхъ, не простирается далѣе слѣдующаго: что онъ бракъ понималъ, какъ одно изъ богопреданныхъ церковныхъ таинствъ, но заблуждался лишь въ опредѣленіи его сущности и въ уменьшеніи того значенія, которое

---

[1]) Вып. I, стр. 127.

[2]) Тамъ же, стр. 127—128.

[3]) Тамъ же, стр. 128.

въ составѣ брака принадлежитъ собственно іерейскому вѣнчанію. Я сказалъ: «съ нѣкоторымъ правомъ», ибо и это заключеніе, уже далеко не столь для Ивана Алексѣева предосудительное, потребовало бы доказательствъ, которыя должны были бы состоять въ опроверженіи всѣхъ приведенныхъ имъ въ подтвержденіе его мысли доводовъ; а между тѣмъ этого опроверженія въ вашей книгѣ нѣтъ.

Мало того. Если говорить строго, то вы, именно вы, не имѣли настоящаго права сдѣлать даже и такой отзывъ о сущности ученія Ивана Алексѣева. Почему вы предлагаемый имъ бракъ считаете не только неправильнымъ, но даже вовсе исключаете его изъ ряда таинствъ? Собственно потому, что Иванъ Алексѣевъ, полагая сущность таинства не въ священнословіи, обращался за нимъ къ той церкви, которой самъ не признавалъ истинною, между тѣмъ какъ такое, не въ истинной силѣ, а только условно и съ ограниченіемъ пріемлемое священнословіе, совершаемое священникомъ иновѣрнымъ, таинства составить очевидно не можетъ. Но если такъ, то позвольте васъ спросить: на какомъ же основаніи вы считаете, что *браки раскольниковъ*, совершавшіеся (на первыхъ порахъ ихъ отпаденія) *помимо православной церкви* священниками, державшимися прежнихъ обрядовъ, *были браками, въ существѣ дѣла правильными* [1])?

Чѣмъ же эти браки правильнѣе тѣхъ, которые заключались по ученію Ивана Алексѣева? Между ними общее то, что и тамъ, и здѣсь, въ бракъ вступали раскольники, т. е., люди, за оградою св. церкви стоящіе и слѣдовательно дѣйствительнаго участія въ ея таинствахъ принять неспособные; разность же въ томъ, что браки совершались и священниками, отъ церкви отлученными, между тѣмъ какъ браки Ивана Алексѣева благословлялись священниками православными. Такимъ образомъ разность обращается еще въ выгоду ученія Ивана Алексѣева. За что же вы къ нему столь безмѣрно строги, тогда какъ къ заблужденіямъ болѣе важнымъ являете столь же безмѣрное снисхожденіе? Собственными силами согласить эти

---

[1]) Вып. II, стр. 80.

чаніи въ тѣхъ еретикахъ правовѣрніи или повторялися, или разводилися, или не принималися [1])».

«Видимъ, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, яко по еллински, яко по жидовски, такожде по еретически браки воспріявше, церковь Божія равно въ пріятіи поступаетъ, о чемъ весь народъ христіанскій, пришедый отъ оныхъ въ познаніе истины, свидѣтельствуетъ наши словеса не ложна быти. Аще же кои и познавше свѣтъ евангельскаго разума и потомъ случаемъ какимъ либо браковѣнчашася въ еретикахъ, и тако браковѣнчанно паки со женами возвращахуся къ соборной церквѣ, не разведше, ниже второвѣнчанно въ соборную пріимахуся церковь, и не токмо пріимахуся таковіи, но и призывахуся» [2]).

Наконецъ въ другомъ еще мѣстѣ своего сочиненія Алексѣевъ говоритъ:

«*Тайна* брака не такъ отъ церковнаго дѣйства силу имать, какъ отъ Божіяго онаго содѣтельства и Божіихъ оныхъ словесъ.... Посему церковь неразнственно всѣ браки имяше.... И отъ всякаго языка, аще отъ еллинъ, не знающихъ Бога, аще отъ жидовъ и аще отъ еретиковъ приходящія со своими ихъ браки пріемлетъ въ томъ же дѣйствѣ, точію бы въ нихъ было законно по коегождо обычаю совокупленіе. *Прочія же тайны, кромѣ сея единыя, святая церковь не пріемлетъ*» [3]).

Прошу васъ вникнуть въ послѣднія, курсивомъ напечатанныя, слова: неужели изъ нихъ не ясно, что Иванъ Алексѣевъ не исключалъ брака изъ числа седьми церковныхъ таинъ, а напротивъ считалъ его именно одною изъ этихъ таинъ, но только находилъ въ ней извѣстную, выше объясненную, особенность?

И такъ все, что вы могли бы съ нѣкоторымъ правомъ сказать объ ученіи Ивана Алексѣева на основаніи вами же самими приведенныхъ данныхъ, не простирается далѣе слѣдующаго: что онъ бракъ понималъ, какъ одно изъ богопреданныхъ церковныхъ таинствъ, но заблуждался лишь въ опредѣленіи его сущности и въ уменьшеніи того значенія, которое

---

[1]) Вып. I, стр. 127.
[2]) Тамъ же, стр. 127—128.
[3]) Тамъ же, стр. 129.

ства и, едва переступивъ черту отрочества, отправляется уже за разрѣшеніемъ возбужденнаго въ его умѣ томительнаго вопроса въ далекія и трудныя странствія, предлагаетъ свои недоумѣнія на разсмотрѣніе знаменитымъ наставникамъ своего согласія и предается неутомимымъ изслѣдованіямъ всѣхъ доступныхъ ему книжныхъ источниковъ, въ надеждѣ почерпнуть оттуда убѣжденіе въ вѣчномъ пребываніи тайны брака; наконецъ, по достиженіи своей цѣли, остается самъ непричастнымъ браку, конечно не гнушаясь имъ, но отстраняя тѣмъ всякое подозрѣніе въ своекорыстіи своей проповѣди? И все это при цвѣтущей молодости, красотѣ, обширномъ умѣ и познаніяхъ и въ высшей степени пріятномъ нравѣ, наконецъ при громкой извѣстности, однимъ словомъ, при всевозможныхъ благопріятныхъ условіяхъ для заключенія брака.

Что же, повторяю, здѣсь общаго съ ученіями и дѣйствіями современныхъ эманципаторовъ женщинъ? И не вы ли сами, говоря о бракѣ Ивана Алексѣева, замѣтили, что онъ почиталъ бракъ союзомъ хотя и гражданскимъ только, или естественнымъ, но во всякомъ случаѣ *неразрывнымъ?* Да что же вооружаетъ эманципаторовъ такою непримиримою ненавистію къ церковному браку, какъ не его неразрывность? Все остальное, т. е., то, что онъ совершается въ церкви и благословляется священникомъ, хотя тоже не нравится эманципаторамъ; но на эту сторону они смотрятъ гораздо легче, какъ на предметъ, не имѣющій большаго значенія, какъ на мало стоющую дань суевѣрію и общему невѣжеству. Главный же порокъ церковнаго брака состоитъ, по ихъ мнѣнію, именно въ его неразрывности, съ которою у нихъ и не можетъ быть мира.

Ужъ если вамъ непремѣнно хотѣлось параллели между ученіемъ женскихъ эманципаторовъ и безпоповскихъ наставниковъ, то мнѣ странно, какъ вы не остановились на комъ-нибудь изъ ѳедосѣевцевъ, напримѣръ, на Ильѣ Алексѣевичѣ Ковылинѣ? Тутъ сходство по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ образу дѣйствія весьма близкое; и вся разница, мнѣ кажется, въ томъ, что ѳедосѣевцы грѣшатъ, но каются, а послѣдователи эманципаціонныхъ доктринъ дѣлаютъ тоже самое и этимъ гордятся, такъ что ихъ можно бы, пожалуй, назвать *некающимися ѳедосѣев-*

цами. Близость этого сходства давно уже замѣчена, и я знаю, что она кидается въ глаза людямъ съ простымъ, но яснымъ взглядомъ на вещи. Я помню давнюю въ Москвѣ происходившую бесѣду, въ которой однимъ юнымъ послѣдователемъ Жоржъ Занда развивалось съ большимъ жаромъ и увлеченіемъ ученіе о женской эманципаціи и по окончаніи которой одинъ изъ присутствовавшихъ (московскій купецъ) кратко, но выразительно замѣтилъ: «Понимаемъ! Это, значитъ, по Ильѣ Алексѣевичу»!

Сказаннаго доселѣ, я полагаю, достаточно для того, чтобы подтвердить мою выше выраженную мысль о невѣрности и несправедливости, по отношенію къ Ивану Алексѣеву, вашего отзыва о свойствѣ предлагаемаго имъ брака; остается показать, что этотъ отзывъ противорѣчитъ вашимъ же собственнымъ словамъ о томъ же предметѣ. А для этого довольно будетъ, какъ я думаю, сослаться на стр. 149-ю выпуска I-го вашей диссертаціи, гдѣ, говоря о дѣйствіи проповѣди Ивана Алексѣева на безпоповское общество, вы выразились такъ:

«По тому ли, что ученіе защитниковъ всеобщаго дѣвства со всѣми основаніями, на которыхъ оно утверждалось, будучи сопоставлено съ ученіемъ Ивана Алексѣева о бракѣ, являлось въ глазахъ людей непредубѣжденныхъ и безпристрастныхъ слишкомъ натянутымъ и фальшивымъ, или по тому, что нужда брачнаго сожитія слишкомъ живо чувствовалась невольными дѣвственниками вслѣдствіе господствовавшаго въ средѣ ихъ разврата,—только все, что было въ безпоповщинѣ болѣе честнаго и *способнаго на принятіе слова истины, стало на сторону Ивана Алексѣева* и готово было воспользоваться его совѣтами въ устроеніи своей жизни».

Какимъ же дивомъ «слово истины» оказалось на сторонѣ Ивана Алексѣева, который, по вашему же мнѣнію, признавалъ бракъ не за таинство, а за гражданскій союзъ, сходился въ своемъ воззрѣніи на брачный союзъ со взглядами ревнителей женской эманципаціи и въ этомъ именно пунктѣ своего ученія «явился, какъ вы выразились, истымъ раскольникомъ»? Слово истины и гражданскій бракъ! Слово истины и эманципація женщинъ! Слово истины и истый расколъ! Haec non cohaerent.

ства и, едва переступивъ черту отрочества, отправляется уже за разрѣшеніемъ возбужденнаго въ его умѣ томительнаго вопроса въ далекія и трудныя странствія, предлагаетъ свои недоумѣнія на разсмотрѣніе знаменитымъ наставникамъ своего согласія и предается неутомимымъ изслѣдованіямъ всѣхъ доступныхъ ему книжныхъ источниковъ, въ надеждѣ почерпнуть оттуда убѣжденіе въ вѣчномъ пребываніи тайны брака; наконецъ, по достиженіи своей цѣли, остается самъ непричастнымъ браку, конечно не гнушаясь имъ, но отстраняя тѣмъ всякое подозрѣніе въ своекорыстіи своей проповѣди? И 'все это при цвѣтущей молодости, красотѣ, обширномъ умѣ и познаніяхъ и въ высшей степени пріятномъ нравѣ, наконецъ при громкой извѣстности, однимъ словомъ, при всевозможныхъ благопріятныхъ условіяхъ для заключенія брака.

Что же, повторяю, здѣсь общаго съ ученіями и дѣйствіями современныхъ эманципаторовъ женщинъ? И не вы ли сами, говоря о бракѣ Ивана Алексѣева, замѣтили, что онъ почиталъ бракъ союзомъ хотя и гражданскимъ только, или естественнымъ, но во всякомъ случаѣ *неразрывнымъ?* Да что же вооружаетъ эманципаторовъ такою непримиримою ненавистію къ церковному браку, какъ не его неразрывность? Все остальное, т. е., то, что онъ совершается въ церкви и благословляется священникомъ, хотя тоже не нравится эманципаторамъ; но на эту сторону они смотрятъ гораздо легче, какъ на предметъ, не имѣющій большаго значенія, какъ на мало стоющую дань суевѣрію и общему невѣжеству. Главный же порокъ церковнаго брака состоитъ, по ихъ мнѣнію, именно въ его неразрывности, съ которою у нихъ и не можетъ быть мира.

Ужъ если вамъ непремѣнно хотѣлось параллели между ученіемъ женскихъ эманципаторовъ и безпоповскихъ наставниковъ, то мнѣ странно, какъ вы не остановились на комъ-нибудь изъ ѳедосѣевцевъ, напримѣръ, на Ильѣ Алексѣевичѣ Ковылинѣ? Тутъ сходство по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ образу дѣйствія весьма близкое; и вся разница, мнѣ кажется, въ томъ, что ѳедосѣевцы грѣшатъ, но каются, а послѣдователи эманципаціонныхъ доктринъ дѣлаютъ тоже самое и этимъ гордятся, такъ что ихъ можно бы, пожалуй, назвать *некающимися ѳедосѣев-*

которая мною разсмотрѣна уже съ достаточною подробностію. И Василію Емельянову съ его послѣдователями, какъ выше Ивану Алексѣеву, вы приписываете взглядъ на бракъ не какъ на церковное таинство, а какъ на естественный или гражданскій союзъ. А между тѣмъ достаточно раскрыть на удачу любую страницу Каталога, или же Историческаго словаря Павла Любопытнаго (съ которыми, замѣчу, вы такъ часто справлялись), чтобы найти тамъ ясное опроверженіе вашего отзыва и положительное подтвержденіе той мысли, что наставники покровской часовни признавали бракъ именно таинствомъ, и при томъ такимъ, коему суждено сохраниться въ церкви (церковію они почитаютъ, разумѣется, свое согласіе) до кончины вѣка.

Такъ, напримѣръ, исчисляя въ своемъ Каталогѣ [1]) сочиненія поморскаго учителя Ивана Филиппова, Павелъ Любопытный седьмымъ, по своему счету, его произведеніемъ показываетъ: «Ясное, убѣдительное и духомъ благочестія дышущее показаніе или врачество злочестивымъ бракоборцамъ, *увѣряя ихъ и Духомъ Божіимъ, гласящимъ вездѣ: что законный бракъ въ Христовой церкви* (а не гражданскій, какъ вы говорите) *будетъ существовать вѣчно, и онъ совершаться можетъ навсегда свято* (т. е., какъ священное таинство) *единымъ тою существомъ, кромѣ хиротоніи* (будучи предметъ случайной принадлежности) *и благословеніемъ сопрягающихся родителей*».

Въ томъ же самомъ Каталогѣ [2]), въ числѣ твореній Гавріила Ларіоновича Скочкова, подъ числомъ 2-мъ, показано: «Трогательное и живое, духомъ убѣжденія и Христовой любви исполненное увѣщаніе къ грубымъ ѳедосіанцамъ и филипповымъ о явномъ ихъ заблужденіи въ бракоборствѣ: *что сія тайна во Христовой церкви вѣчно имать пребывать, доколѣ миръ сей существуетъ, и что она можетъ совершаться свято* (замѣтьте, опять *свято*, слѣдовательно *какъ таинство*) *кромѣ хиротоніи*».

---

[1]) По рукописному списку, принадлежавшему Валентину Ѳедоровичу Серебренникову, лист. 41 обор.
[2]) Тотъ же самс., лист. 32.

Итакъ нѣтъ сомнѣнія, что учители и послѣдователи покровской часовни проповѣдывали и учили о бракѣ, какъ о церковной тайнѣ, и увѣряли только, что это таинство можетъ быть совершено безъ священника, собственнымъ своимъ существомъ (то есть, взаимнымъ изволеніемъ жениха и невѣсты) и благословеніемъ родителей лицъ, вступающихъ въ бракъ. Вотъ пунктъ, на которомъ вамъ предстояло вступить въ борьбу съ писателями покровской часовни и который вы однако обошли, не давъ битвы. А между тѣмъ въ приведенныхъ вами самими цитатахъ изъ сочиненій покровскихъ учителей вамъ сдѣланъ былъ вызовъ самый рѣшительный, такъ что ваше уклоненіе отъ полемики (чѣмъ бы вы его ни извиняли) производитъ впечатлѣніе, для вашего сочиненія не совсѣмъ благопріятное, тѣмъ болѣе, что вы не просто умалчиваете объ этомъ вопросѣ, а позволяете себѣ отвергать выводъ покровцевъ, не давъ себѣ труда опровергнуть предварительно тѣ доказательства, на коихъ этотъ *выводъ* основанъ.

На стр. 242-й выпуска I-го вашего сочиненія читается, между прочимъ, слѣдующее мѣсто:

«Къ свидѣтельству св. Діонисія [1]) поморцы присовокупляли свидѣтельства Матѳея канониста и Севаста Арменопула, *изъ которыхъ* (говорите вы) *будто бы видно*, что даже въ IV вѣкѣ, при Василіи Великомъ, браки заключались безъ священнословія: «Матѳей канонистъ, писалъ Скочковъ, въ гл. 8-й, въ толкованіи 38-го правила Василія Великаго, явственно показуетъ, яко тогда упоминаемые имъ браки кромѣ всякаго священнословія состояшася. Тоже и Севастъ Арменопулъ въ книгѣ 8-й объясняетъ, яко тогда съ соизволеніемъ, а не съ священнословіемъ, браки состояша, но зазрѣнія ни отъ правилъ, ни отъ закона, ни отъ кого не бывало».

Вы сказали: «будто бы видно»,—стало быть, сами такого мнѣнія, что ни изъ Матѳея канониста (по-русски—правильника, по прозванію, Властаря), ни изъ Севаста Арменопула, вовсе не видно, чтобы было когда либо такое время, когда бы браки

---

[1]) Ареопагита, на коего ссылался, въ подтвержденіе своей мысли, и Иванъ Алексѣевъ.

совершались единымъ соизволеніемъ, безъ священнословія. А между тѣмъ Скочковъ совершенно правъ и ссылка его, по крайней мѣрѣ, на Матѳея Властаря (Арменопула я не имѣю подъ рукою) совершенно вѣрна и находитъ себѣ подтвержденіе въ другихъ церковныхъ писателяхъ, на которыхъ Скочковъ не сослался, вѣроятно, по незнанію.

38-е правило св. Василія Великаго, о изъясненіи коего Матѳеемъ Властаремъ идетъ рѣчь, содержитъ въ себѣ слѣдующее постановленіе:

«Дочери, безъ воли отца послѣдовавшія, блудодѣйствуютъ; если же родители примирятся, то дѣло пріемлетъ исцѣленіе; не прямо же возстановляются въ общеніе, но да будутъ подъ епитиміею три года» [1]).

Толкуя это правило, Матѳей Властарь говоритъ:

«38-е Великаго Василія правило подвластныхъ (по возрасту, родителямъ) дочерей, которыя мимо воли своихъ отцевъ предали себя любовникамъ въ общеніе брака, судитъ, какъ блудницъ. Но еслибы, говоритъ, родители съ ними помирились и сожительство ихъ съ любовникомъ и растлителемъ приняли, то съ начала бывшее беззаконнымъ чрезъ послѣдующее соизволеніе родителей должно (по мнѣнію св. Василія—δοκεῖ) исправиться (на условіи трехлѣтней епитиміи). *Но тогда единымъ соизволеніемъ бракъ составлялся; въ наше же время онъ безъ священнословія не состоялся бы»* [2]).

Еще яснѣе, въ томъ же самомъ смыслѣ, выразился объ этомъ другой знаменитый истолкователь священныхъ правилъ, Ѳеодоръ Вальсамонъ, при изъясненіи тогоже 38-го правила св. Василія Великаго. Сказавши, что, въ случаѣ примиренія

[1]) Αἱ κόραι, αἱ παρὰ τὴν γνώμην τοῦ πατρὸς ἀκολουθήσασαι, πορνεύουσι. διαλλαγέντων δὲ τῶν γονέων, δοκεῖ θεραπείαν λαμβάνειν τὸ πρᾶγμα. Οὐκ εὐθὺς δὲ εἰς τὴν κοινωνίαν ἀποκαθίστανται, ἀλλ' ἐπιτιμηθήσονται τρία ἔτη. Σύντ. Ῥάλ. καὶ Πότλ. Т. IV. стр. 182.

[2]) Ὁ λη' τοῦ Μεγάλου Βασιλείου κανὼν τὰς ὑπεξουσίας κόρας αἱ παρὰ γνώμην τῶν ἰδίων πατέρων τοῖς ἐρασταῖς εἰς γάμου κοινωνίαν ἐκδεδώκασιν ἑαυτάς, ὡς πόρνας καταδικάζει. εἰ μέντοι, φησί, διαλλαγεῖεν αὐταῖς οἱ γονεῖς καὶ τὴν μετὰ τοῦ ἐραστοῦ καὶ φθορέως αὐτῶν συνοίκησιν καταδέξαιντο, τὸ ἐξ ἀρχῆς παράνομον τῇ τῶν γονέων ὕστερον συναινέσει δοκεῖ θεραπεύεσθαι... Ἀλλὰ τότε μὲν συναινέσει μόνῃ ὁ γάμος ἵστατο, ἐφ' ἡμῶν δὲ οὐκ ἂν συσταίη χωρὶς ἱερολογίας. Ῥάλ. καὶ Πότλ. Т. IV, стр. 164.

родителей съ дочерьми, предавшими себя въ общеніе брака безъ воли родителей, бывшее сначала зло исправляется послѣдующимъ соизволеніемъ родителей, *такъ что блудъ переходитъ въ бракъ* (ὥστε τὴν πορνείαν εἰς γάμον μετάγεσθαι), и что это послѣдующее соизволеніе дѣлаетъ бракъ правильнымъ (ἡ μετὰ ταῦτα συναίνεσις ποιεῖ ἀνεύθυνον γάμον), Вальсамонъ присовокупляетъ къ этому:

«Но это, какъ мнѣ кажется, имѣло мѣсто (собственно въ то время), *когда бракъ составлялся единымъ соизволеніемъ. Ибо нынѣ, когда онъ совершается съ священнословіемъ*, еслибы родители и изъявили согласіе, бракъ съ священнословіемъ не послѣдовалъ бы ранѣе истеченія трехлѣтней епитиміи» [1]).

Итакъ ваше «будто бы» рѣшительно не удалось, и Скочковъ имѣлъ, какъ вы видите, полное право утверждать, что, по свидѣтельству Матѳея каониста, во время св. Василія Великаго «браки кромѣ всякаго священнословія состояшася». Свидѣтельство Матѳея подтверждается (кромѣ Севаста Арменопула, на котораго ссылается Скочковъ тоже, можно думать, не безъ основанія) древнѣйшимъ сравнительно свидѣтельствомъ наиболѣе уважаемаго и обстоятельнаго толковника церковныхъ правилъ, сперва номофилакса и хартофилакса Великой церкви, а впослѣдствіи патріарха антіохійскаго, Ѳеодора Вальсамона, и оба эти свидѣтельства весьма замѣчательны по своей формѣ: ни Вальсамонъ, ни Матѳей Властарь, какъ вы, вѣроятно, замѣтили, вовсе и не усиливаются доказывать, что въ прежнія времена бракъ составлялся безъ священнословія, а указываютъ на это съ совершеннымъ спокойствіемъ и твердостію, какъ на общеизвѣстный въ ихъ время фактъ, въ достовѣрности котораго не было ни малѣйшаго сомнѣнія.

Такимъ образомъ Скочковъ, на основаніи приведенныхъ имъ свидѣтельствъ, ставилъ передъ вами и вообще передъ нашею богословскою наукой слѣдующее ученое положеніе:

«Если въ исторіи истинной Христовой церкви дѣйствительно было такое время, когда вполнѣ правильные, въ смыслѣ церковномъ, браки (ἀνεύθυνος γάμος) составлялись единымъ

[1]) Ταῦτα δέ, ὡς ἐμοὶ δοκεῖ, χώραν εἶχον, ὅταν συναινέσει μόνῃ συνίστατο γάμος. Σήμερον γάρ, ἐπεὶ μετὰ ἱερολογίας γίνεται, κἂν συναινέσωσιν οἱ γονεῖς, γάμος μετὰ ἱερολογίας οὐ γενήσεται, εἰ μή... Ῥάλ. καὶ Ποτλ. Т. IV, стр. 183.

соизволеніемъ, безъ священнословія, а между тѣмъ такого времени, когда бы бракъ въ церкви не почитался за таинство, никогда не было: то отсюда выводъ ясенъ, и вопросъ *о безусловной* невозможности брака, какъ таинства, безъ священнословія рѣшается отрицательно».

И на этотъ вопросъ наша наука, по крайней мѣрѣ отъ вашего лица, не предложила не только вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія, но даже вовсе никакого отвѣта, если не считать за отвѣтъ ваше косвенное «будто бы». А между тѣмъ это былъ пунктъ для генеральнаго сраженія; здѣсь требовалась вся ваша ученая энергія, чтобы доказать (если только доказать это вы считаете возможнымъ), что священнословіе не только теперь, но и во всѣ времена христіанской исторіи составляло существенную и необходимую сторону таинства брака. Если же этого доказать нельзя, то вамъ предстояло по крайней мѣрѣ объяснить вашимъ читателямъ, когда и при какихъ условіяхъ введено въ церкви священнословіе брака, почему оно сдѣлалось необходимостію и какимъ образомъ, по введеніи священнословія, въ него было перенесено, такъ сказать, средоточіе брачнаго таинства, при чемъ бракъ въ наше время безъ священнословія и состояться не можетъ: ἐφ' ἡμῶν δὲ οὐκ ἂν συσταίη χωρὶς ἱερολογίας, какъ говоритъ Матѳей канонистъ.

Вы этого не сдѣлали; не знаю, сдѣлалъ ли за васъ кто другой. Думаю, что нѣтъ. А до тѣхъ поръ, пока этого не сдѣлано, вы не имѣли, по моему мнѣнію, никакого права не только приписывать наставникамъ покровской часовни воззрѣніе на бракъ, какъ на естественный или гражданскій союзъ (что во всякомъ случаѣ останется несправедливымъ), но даже считать предлагаемую имъ схему брака неправильною. Иное дѣло мы, то есть, лица, не писавшія объ этомъ предметѣ ученыхъ изслѣдованій: съ насъ довольно знать, что церковь въ наше время не знаетъ и не предлагаетъ вѣрнымъ иного брака, кромѣ священнословнаго. И какъ, по выраженію св. Ѳеофилакта Болгарскаго, «почиваетъ вѣровавшій отъ іудей, егда слышитъ яко отъ Давида есть Христосъ», такъ и намъ, пребывающимъ въ общеніи и послушаніи церкви, достаточно знать, что цер-

родителей съ дочерьми, предавшими себя въ общеніе брака безъ воли родителей, бывшее сначала зло исправляется послѣдующимъ соизволеніемъ родителей, *такъ что блудъ переходитъ въ бракъ* (ὥστε τὴν πορνείαν εἰς γάμον μετάγεσθαι), и что это послѣдующее соизволеніе дѣлаетъ бракъ правильнымъ (ἡ μετὰ ταῦτα συναίνεσις ποιεῖ ἀνεύθυνον γάμον), Вальсамонъ присовокупляетъ къ этому:

«Но это, какъ мнѣ кажется, имѣло мѣсто (собственно въ то время), *когда бракъ составлялся единымъ соизволеніемъ. Ибо нынѣ, когда онъ совершается съ священнословіемъ*, еслибы родители и изъявили согласіе, бракъ съ священнословіемъ не послѣдовалъ бы ранѣе истеченія трехлѣтней епитиміи» [1]).

Итакъ ваше «будто бы» рѣшительно не удалось, и Скочковъ имѣлъ, какъ вы видите, полное право утверждать, что, по свидѣтельству Матѳея канониста, во время св. Василія Великаго «браки кромѣ всякаго священнословія состояшася». Свидѣтельство Матѳея подтверждается (кромѣ Севаста Арменопула, на котораго ссылается Скочковъ тоже, можно думать, не безъ основанія) древнѣйшимъ сравнительно свидѣтельствомъ наиболѣе уважаемаго и обстоятельнаго толковника церковныхъ правилъ, сперва номофилакса и хартофилакса Великой церкви, а впослѣдствіи патріарха антіохійскаго, Ѳеодора Вальсамона, и оба эти свидѣтельства весьма замѣчательны по своей формѣ: ни Вальсамонъ, ни Матѳей Властарь, какъ вы, вѣроятно, замѣтили, вовсе и не усиливаются доказывать, что въ прежнія времена бракъ составлялся безъ священнословія, а указываютъ на это съ совершеннымъ спокойствіемъ и твердостію, какъ на общеизвѣстный въ ихъ время фактъ, въ достовѣрности котораго не было ни малѣйшаго сомнѣнія.

Такимъ образомъ Скочковъ, на основаніи приведенныхъ имъ свидѣтельствъ, ставилъ передъ вами и вообще передъ нашею богословскою наукой слѣдующее ученое положеніе:

«Если въ исторіи истинной Христовой церкви дѣйствительно было такое время, когда вполнѣ правильные, въ смыслѣ церковномъ, браки (ἀνεύθυνος γάμος) составлялись единымъ

[1]) Ταῦτα δέ, ὡς ἐμοὶ δοκεῖ, χώραν εἶχον, ὅταν συναινέσει μόνῃ συνίστατο γάμος. Σήμερον γὰρ, ἐπεὶ μετὰ ἱερολογίας γίνεται, κἂν συναινέσωσιν οἱ γονεῖς, γάμος μετὰ ἱερολογίας οὐ γενήσεται, εἰ μὴ... Ῥάλ. καὶ Πότλ. Т. IV, стр. 183.

настоящій урокъ, данный въ вашемъ лицѣ всѣмъ намъ, я считаю не безполезнымъ.

IV. Въ вашемъ 5-мъ положеніи выражена та мысль, что ученіе Ивана Алексѣева о бракѣ могло найти себѣ послѣдователей среди безпоповцевъ, только благодаря тому обстоятельству, что въ первой половинѣ прошлаго столѣтія нѣкоторые православные причты рѣшались, по разнымъ побужденіямъ, нарушать законъ о вѣнчаніи раскольниковъ не иначе, какъ послѣ предварительнаго присоединенія ихъ къ церкви и по новоисправленнымъ требникамъ.

Законъ, о которомъ вы здѣсь говорите, выраженъ въ двухъ указахъ св. синода, послѣдовавшихъ въ 1722 году, 15 мая и 16 іюля, изъ коихъ въ первомъ сказано: «въ брачныхъ раскольниковъ съ православными сочетаніяхъ лице раскольничье православному сопрягаемое, первѣе да пріиметъ церкви святѣй обѣщаніе съ присягою; *обоихъ расколъ держащихъ лицъ не вѣнчать*» [1]); а во второмъ: «раскольники, ежели похотятъ дѣтей своихъ вѣнчать отъ православнымъ іереевъ, и таковыхъ православнымъ іереямъ вѣнчать по чину церковному и по новоисправленнымъ требникамъ, какъ и прочихъ православныхъ, точію брачущихся обязывать присягою и сказками, что имъ впредь расколу не держать, но быть въ содержаніи правовѣрія твердымъ и съ раскольниками никакого согласія не имѣть» и т. д. [2]).

Эти указы, подтвержденные еще новымъ указомъ 21 марта 1736 года, преграждали послѣдователямъ Ивана Алексѣева путь къ совершенію пріемлемыхъ ими браковъ: такъ какъ они искали бракосочетанія въ православныхъ церквахъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы войти въ соединеніе съ церковію, а единственно для удовлетворенія потребности, которая средствами ихъ собственнаго согласія удовлетворена быть не могла, и при этомъ ставили непремѣннымъ условіемъ, чтобы священнословіе брака совершалось по древлепечатнымъ (іосифовскимъ) книгамъ.

«Но, къ радости Алексѣева и его послѣдователей, замѣ-

---

[1]) Вып. I, стр. 151.

[2]) *Тамъ же.*

чаете вы, въ то время, когда издавались указы съ предписаніемъ вѣнчать раскольниковъ не иначе, какъ по церковному чину и новоисправленнымъ требникамъ и по присоединеніи ихъ къ православію, между православнымъ духовенствомъ было не мало лицъ, которыя считали распоряженія власти, *чего бы они ни касались*, не для нихъ писанными, или по крайней мѣрѣ за пенязи готовы были нарушать ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ» [1]).

Что этотъ отзывъ не есть клевета на православное духовенство первой половины прошлаго вѣка, а сущая правда, тому доказательствомъ приводится у васъ упорное неисполненіе духовенствомъ всѣхъ епархій (кромѣ московской и нижегородской) Высочайшаго указа 1716 г. «о сборѣ во всемъ государствѣ штрафа съ неисповѣдавшихся и о переписи и обложеніи раскольниковъ двойнымъ окладомъ противъ ихъ платежей». Упорство это доходило до того, что, не смотря на новое подтвержденіе о исполненіи этого указа отъ имени синода и сената, къ концу того же 1716 года потребовался новый подтвердительный указъ св. синода «о присылкѣ надлежащихъ *бородочамъ* и раскольникамъ вѣдомостей», и что за всѣмъ тѣмъ по всѣмъ этимъ указамъ «достодолжнаго исполненія не учинено».

Прежде всего позвольте вамъ замѣтить, что сопротивленіе этимъ и тому подобнымъ указамъ со стороны епархіальныхъ духовныхъ проистекало не изъ одного корыстнаго потворства раскольникамъ, а также и изъ прямаго сочувствія части тогдашняго духовенства къ старообрядчеству, о чемъ и сами вы свидѣтельствуете (Вып. I. стр. 154 и дал.), такъ что вліяніе «пенязей» въ этомъ дѣлѣ едва ли справедливо ставить на первый планъ. Затѣмъ обратите вниманіе на содержаніе и цѣль указа, отъ исполненія коего устранялось духовенство: взимать денежный штрафъ съ лицъ, не бывшихъ на исповѣди. Положимъ, что Петру I, какъ вы справедливо замѣчаете, нужно было много денегъ на флотъ, на шведскую войну, вообще на его преобразованія; но не могло же нравственное чувство

[1]) Тамъ же, стр. 152.

настоящій урокъ, данный въ вашемъ лицѣ всѣмъ намъ, я считаю не безполезнымъ.

IV. Въ вашемъ 5-мъ положеніи выражена та мысль, что ученіе Ивана Алексѣева о бракѣ могло найти себѣ послѣдователей среди безпоповцевъ, только благодаря тому обстоятельству, что въ первой половинѣ прошлаго столѣтія нѣкоторые православные причты рѣшались, по разнымъ побужденіямъ, нарушать законъ о вѣнчаніи раскольниковъ не иначе, какъ послѣ предварительнаго присоединенія ихъ къ церкви и по новоисправленнымъ требникамъ.

Законъ, о которомъ вы здѣсь говорите, выраженъ въ двухъ указахъ св. синода, послѣдовавшихъ въ 1722 году, 15 мая и 16 іюля, изъ коихъ въ первомъ сказано: «въ брачныхъ раскольниковъ съ православными сочетаніяхъ лице раскольничье православному сопрягаемое, первѣе да пріиметъ церкви святѣй обѣщаніе съ присягою; *обоихъ расколъ держащихъ лицъ не вѣнчать»* [1]); а во второмъ: «раскольники, ежели похотятъ дѣтей своихъ вѣнчать отъ православнымъ іереевъ, и таковыхъ православнымъ іереямъ вѣнчать по чину церковному и по новоисправленнымъ требникамъ, какъ и прочихъ православныхъ, точію брачущихся обязывать присягою и сказками, что имъ впредь расколу не держать, но быть въ содержаніи правовѣрія твердымъ и съ раскольниками никакого согласія не имѣть» и т. д. [2]).

Эти указы, подтвержденные еще новымъ указомъ 21 марта 1736 года, преграждали послѣдователямъ Ивана Алексѣева путь къ совершенію пріемлемыхъ ими браковъ: такъ какъ они искали бракосочетанія въ православныхъ церквахъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы войти въ соединеніе съ церковію, а единственно для удовлетворенія потребности, которая средствами ихъ собственнаго согласія удовлетворена быть не могла, и при этомъ ставили непремѣннымъ условіемъ, чтобы священнословіе брака совершалось по древлепечатнымъ (іосифовскимъ) книгамъ.

«Но, къ радости Алексѣева и его послѣдователей, замѣ-

---

[1]) Вып. I, стр. 151.

[2]) Тамъ же.

чаете вы, въ то время, когда издавались указы съ предписаніемъ вѣнчать раскольниковъ не иначе, какъ по церковному чину и новоисправленнымъ требникамъ и по присоединеніи ихъ къ православію, между православнымъ духовенствомъ было не мало лицъ, которыя считали распоряженія власти, *чего бы они ни касались*, не для нихъ писанными, или по крайней мѣрѣ за пенязи готовы были нарушать ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ» [1]).

Что этотъ отзывъ не есть клевета на православное духовенство первой половины прошлаго вѣка, а сущая правда, тому доказательствомъ приводится у васъ упорное неисполненіе духовенствомъ всѣхъ епархій (кромѣ московской и нижегородской) Высочайшаго указа 1716 г. «о сборѣ во всемъ государствѣ штрафа съ неисповѣдавшихся и о переписи и обложеніи раскольниковъ двойнымъ окладомъ противъ ихъ платежей». Упорство это доходило до того, что, не смотря на новое подтвержденіе о исполненіи этого указа отъ имени синода и сената, къ концу того же 1716 года потребовался новый подтвердительный указъ св. синода «о присылкѣ надлежащихъ *бородочамъ* и раскольникамъ вѣдомостей», и что за всѣмъ тѣмъ по всѣмъ этимъ указамъ «достодолжнаго исполненія не учинено».

Прежде всего позвольте вамъ замѣтить, что сопротивленіе этимъ и тому подобнымъ указамъ со стороны епархіальныхъ духовныхъ проистекало не изъ одного корыстнаго потворства раскольникамъ, а также и изъ прямаго сочувствія части тогдашняго духовенства къ старообрядчеству, о чемъ и сами вы свидѣтельствуете (Вып. I. стр. 154 и дал.), такъ что вліяніе «пенязей» въ этомъ дѣлѣ едва ли справедливо ставить на первый планъ. Затѣмъ обратите вниманіе на содержаніе и цѣль указа, отъ исполненія коего устранялось духовенство: взимать денежный штрафъ съ лицъ, не бывшихъ на исповѣди. Положимъ, что Петру I, какъ вы справедливо замѣчаете, нужно было много денегъ на флотъ, на шведскую войну, вообще на его преобразованія; но не могло же нравственное чувство

[1]) Тамъ же, стр. 152.

строителей таинъ Божiихъ не смущаться тѣмъ, что одна изъ сихъ богопреданныхъ и священнѣйшихъ таинъ была поставлена въ такое неприличное и оскорбительное соприкосновенiе съ фискальными цѣлями государства. До какой степени живо чувствовалась въ народѣ неестественность этой связи между святыней и налогомъ, можно заключить изъ того, что устраненiе оной было одною изъ первыхъ заботъ старообрядцевъ, пришедшихъ впослѣдствiи, во времена Екатерины II и Павла I, къ сознанiю необходимости возсоединенiя съ церковiю. Статья 13-я прошенiя, поданнаго сими старобрядцами митрополиту Платону и послужившаго основанiемъ нынѣ существующему единовѣрiю, состоитъ въ слѣдующемъ требованiи:

«При старообрядческихъ церквахъ имѣть троечастныя книги; но во время святыхъ постовъ, если кто изъ старообрядцевъ, по каковымъ либо встрѣтившимся обстоятельствамъ, на исповѣди и у причастiя св. таинъ не будетъ, *таковыхъ ко взысканiю съ нихъ штрафныхъ денегъ не выписывать и о томъ никуда не представлять, но да судятъ о томъ духовные ихъ отцы по священнымъ правиламъ*. Если же кто, по нерадѣнiю, или пренебреженiю, или другимъ незаконнымъ причинамъ, уклоняться будетъ отъ оныя святыни, *таковыхъ* записывать въ особыя книги и *наказывать епитимiею и другимъ духовнымъ исправленiемъ*».

Относительно сего требованiя митрополитъ Платонъ, представляя свои предположенiя объ учрежденiи единовѣрiя на усмотрѣнiе св. синода, далъ отъ себя такой отзывъ:

«Хотя на сiю статью и можно согласиться, но какъ штрафныя деньги собираются въ казну, то сiе зависитъ отъ благоусмотрѣнiя св. синода. *А еслибъ и всѣ православные отъ онаго денежнаго штрафа были освобождены, а наказуемы бъ они были за духовное преступленiе духовными епитимiями, сiе бы сходственнѣе было съ духовнымъ прегрѣшенiемъ*».

Далѣе, нельзя оставить безъ вниманiя и того обстоятельства, что переписывать «бородачей» приходилось людямъ, которые сами носили бороду. И если даже теперь, черезъ 150 слишкомъ лѣтъ, это странное преслѣдованiе почтеннаго народ-

наго обычая представляется напраснымъ и оскорбительнымъ насиліемъ, которому такъ и хочется противупоставить по крайней мѣрѣ строгость запоздалаго историческаго осужденія: то каково же было современникамъ той эпохи, когда гонимыя властію особенности народнаго обычая получили значеніе символа, и въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которые, какъ напримѣръ духовныя лица, принуждались къ участію въ этомъ преслѣдованіи?

И такъ хотя ваши показанія о недостаткѣ усердія мѣстнаго духовенства первой половины прошлаго вѣка къ исполненію означенныхъ указовъ вовсе не клевета; но въ нихъ есть, по моему мнѣнію, во первыхъ, та ошибка, что «пенязямъ» отведено въ этомъ дѣлѣ слишкомъ видное мѣсто, а во вторыхъ, явное преувеличеніе въ томъ, будто бы духовенство того времени считало не для него писанными всѣ распоряженія власти, *чего бы они ни касались*. Чтобы доказать это послѣднее положеніе, вамъ нужно было бы привести какія либо новыя данныя. Изъ тѣхъ же явленій, на которыхъ вы основали свой выводъ, такого заключенія вывести рѣшительно нельзя, а можно заключить лишь одно, что иныя мѣры, исходившія отъ церковной власти во времена Петра I, принимались духовенствомъ весьма несочувственно и потому встрѣчали въ немъ, вмѣсто готовности къ исполненію, явную холодность, а иногда и прямое противодѣйствіе.

Впрочемъ эти замѣчанія, относящіяся не прямо къ предмету нашего состязанія, я привелъ только кстати, такъ какъ мимо ихъ лежала дорога. Главное же, о чемъ я хотѣлъ просить вашего разъясненія по настоящему пункту, состоитъ въ слѣдующемъ: если вы такъ строго осудили духовенство первой половины прошлаго вѣка за совершеніе выше описанныхъ браковъ, то, разумѣется, потому, что вы эти браки считаете неправильными; ибо въ противномъ случаѣ пришлось бы заключить, что св. синодъ запрещалъ совершеніе браковъ правильныхъ, чего вы не говорите и чего не только не было, но очевидно, и быть не могло. Въ чемъ же состояла неправильность этихъ браковъ? Безъ сомнѣнія, въ томъ, что они совершались надъ лицами, которыя къ церкви присоединены пре-

дварительно не были, а потому и права на участіе въ таинствахъ церкви имѣть не могли [1]).

Я съ своей стороны не имѣю ничего сказать противъ той мысли, что эти браки были существенно неправильны; но я не могу понять, какъ можете держаться такого мнѣнія вы.

Изъ вашей книги мы узнаемъ, что въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ нашего столѣтія, когда правительство было занято изысканіемъ наиболѣе дѣйствительныхъ противъ раскола мѣръ, признано было полезнымъ и возможнымъ разрѣшить вѣнчаніе въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ такихъ лицъ, которыя до вѣнчанія, во время вѣнчанія и послѣ вѣнчанія были и оставались раскольниками, и если рѣшались принимать церковное бракосочетаніе, то единственно по принужденію власти и по чувству самосохраненія.

Говоря о такихъ бракахъ (стр. 159 вып. II), вы выразились такимъ образомъ:

«Жаль только, что епархіальная власть, равно какъ и св. синодъ, отказывали въ подобныхъ просьбахъ о повѣнчаніи раскольническихъ супруговъ въ православныхъ церквахъ, на томъ основаніи, что «вѣнчаніе въ православной церкви лицъ обоего пола, въ расколѣ пребывающихъ и къ православной вѣрѣ не обращающихся, указами 1722 года мая 31 [2]) и 1736 года марта 21 воспрещено».

Если вы изъявляете сожалѣніе о медленности св. синода въ этомъ дѣлѣ, то очевидно, что выше описанные браки вы признаете правильными; ибо я не могу допустить мысли, чтобы вы сожалѣли о недостаткѣ въ церковной власти рѣшительности на допущеніе дѣйствій неправильныхъ. Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ вашей книги [3]), выше мною приведенномъ, признаніе этихъ браковъ правильными выражено вами въ формѣ весьма

---

[1]) По понятіямъ, современнымъ запрещенію сихъ браковъ, могло считаться (и считалось въ самомъ дѣлѣ) неправильностію и то, что браки эти совершались по старопечатнымъ требникамъ; но въ настоящее время, когда употребленіе этихъ требниковъ благословлено русскою церковію, объ этой сторонѣ дѣла не можетъ быть иной мысли, что въ ней не заключалось никакой неправильности.

[2]) Выше показано было: 15 мая 1722 г.

[3]) Вып. II, стр. 80.

опредѣлительной, не допускающей ни малѣйшаго сомнѣнія въ сущности вашего воззрѣнія на этотъ предметъ.

«Такимъ образомъ, говорите вы въ заключеніе главы 2-й выпуска II, въ прошлое царствованіе, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, ученіе о необходимости брака болѣе и болѣе усвоялось поморскою безпоповщиной и выражалось не только въ формѣ безсвященнословныхъ или сводныхъ брачныхъ союзовъ, заключавшихся по благословенію родителей и наставниковъ, *но и въ видѣ правильныхъ браковъ, освящавшихся молитвами православныхъ и единовѣрческихъ пастырей*».

Позвольте же васъ спросить, чѣмъ эти браки правильнѣе тѣхъ, которые совершались въ православныхъ храмахъ послѣдователями Ивана Алексѣева и за которые вы предаете суду и негодованію читателя священниковъ прошлаго вѣка? Неужели тѣмъ, что въ прошломъ вѣкѣ эти браки были воспрещены, а въ нынѣшнемъ разрѣшены? Но развѣ возможно вопросъ о правильности того или другаго вида брака поставить въ зависимость отъ случайныхъ распоряженій мѣстной церковной власти и считать одинъ и тотъ же видъ брака, пока онъ запрещенъ, неправильнымъ, а когда разрѣшенъ, правильнымъ? Очевидно, нѣтъ; правильность брака, какъ и всякаго другаго церковнаго таинства, опредѣляется такими условіями, которыя относятся къ его сущности; и если заключенный бракъ по сущности своей оказался бы правильнымъ, то онъ оставался бы правильнымъ и запрещенный: если же онъ въ существѣ былъ неправиленъ, то будетъ неправильнымъ и разрѣшенный. Не только власть мѣстной церкви, но рѣшительно никакая власть въ мірѣ не можетъ присвоить себѣ права признавать богопреданныя таинства, отъ начала христіанства до послѣднихъ дней, неизмѣнно въ одномъ и томъ же разумѣ содержимыхъ всѣми вѣрными, унаслѣдовавшими сей священный залогъ своего спасенія и блаженнаго упованія отъ св. апостоловъ, исповѣдниковъ и вселенскихъ учителей вѣры, правильными или неправильными, по своему усмотрѣнію [1]). Въ такомъ дѣлѣ не можетъ быть, по апостолу, *ей* и *ни*.

---

[1]) Само собою разумѣется, что къ сущности таинствъ и къ необходимымъ условіямъ дѣйственности ихъ относится и то, чтобы таинства совершены были

Вѣдь если, по вашему, признавать такой бракъ правильнымъ, то личное расположеніе и настроеніе пріемлющихъ таинство придется поставить ни во что, между тѣмъ какъ имъ собственно и привлекается всегда готовая снизойти и только ожидающая призванія освящающая благодать таинства.

А между тѣмъ расположеніе, съ какимъ безпоповцы приступали къ совершавшемуся надъ ними въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, противъ ихъ воли, таинству брака, очень хорошо извѣстно. Вы сами изображаете его въ слѣдующемъ видѣ:

«Тѣ изъ нихъ, кои вѣнчались (въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ), дѣлали это не по искреннему убѣжденію, но изъ страха, по неволѣ, и такимъ образомъ благословеніе церкви часто раздавалось людямъ, которые не только не уважали его, напротивъ, положительно ни во что не ставили» [1]).

И послѣ этого все таки эти браки правильны? Да не будетъ! Какъ вы не замѣтили, что и разрѣшившая ихъ власть отнюдъ не признавала ихъ правильными? Вѣдь въ вашей же книгѣ мы читаемъ, что указы о повѣнчаніи сихъ браковъ давались епархіальнымъ начальникамъ только для собственнаго ихъ руководства, *съ тѣмъ чтобы это разрѣшеніе не предавать гласности и браки повѣнчанныхъ въ церкви раскольниковъ записывать не въ общія метрики, а въ особыя тетради;* что разрѣшеніе вѣнчать эти браки давалось, по выбору, сперва одной губерніи, а потомъ другой, *по соображенію мѣстныхъ условій*, иногда вопреки убѣжденію епархіальнаго начальства.

Всѣ эти предосторожности и ограниченія, вообще всѣ пріемы власти, разрѣшавшей эти браки, ясно показываютъ, что подобная мѣра не считалась и ею самою за правильную, а только за полезную по ожидавшимся отъ нея послѣдствіямъ и входящую въ разрядъ такихъ распоряженій, которыя характеризуются греческимъ терминомъ: οἰκονομίας χάριν — «домостроительства (церковнаго, разумѣется) ради».

Ужь если на то пошло, то скажу вамъ, что, по моему

лицами, законно поставленными на то высшею церковной властію, не лишенными права совершать эти таинства хотя бы на время, чтобы таинства совершались по установленному чину и даннымъ церковною властію правиламъ

[1]) Вып. II, стр. 75.

мнѣнію, ближе къ правильнымъ тѣ браки, которые совершались въ православныхъ церквахъ надъ послѣдователями Ивана Алексѣева. Сіи послѣдніе приступали къ церковному таинству по чувству собственной внутренней въ немъ потребности, нисколько имъ не гнушаясь, напротивъ, признавая за нимъ нѣкоторое священное значеніе, какъ ясно видно изъ слѣдующихъ, вами же приведенныхъ, словъ Ивана Алексѣева: «Святая церковь (здѣсь разумѣется, безпоповское согласіе) не умствуетъ о внѣшней (православной) церкви такъ, аки бы въ ней священныхъ не было молитвъ, *но глаголетъ молитвы, бываемыя въ ней, молитвы священныя*, и вси сосуды и одежды внѣшнія церкви и *дѣйства не суть проста, но суть священная* [1]); между тѣмъ какъ безпоповцы, приступавшіе къ бракамъ, разрѣшеннымъ въ минувшихъ десятилѣтіяхъ, почитали это только уступкою насилію, которую и спѣшили очистить, по возвращеніи къ своимъ наставникамъ, надлежащимъ исправленіемъ и епитиміею.

V. Всѣ, читавшіе вашу книгу, съ кѣмъ только я имѣлъ о ней разговоръ, согласно отзываются съ невыгодной для васъ стороны о томъ тонѣ, въ который вы не рѣдко вдаетесь при изображеніи непривлекательныхъ и предосудительныхъ чертъ изъ жизни раскольническихъ обществъ. Къ этимъ отзывамъ вполнѣ присоединяюсь и я, тѣмъ болѣе, что, впадая по временамъ въ этотъ тонъ, вполнѣ свойственный комедіямъ и водевилямъ и отнюдь не допускаемый въ серьезныхъ ученыхъ разсужденіяхъ [2]), вы ни мало не искупаете своей ошибки потребнымъ для этого искусствомъ, которымъ въ высшей степени владѣетъ другой мой добрый пріятель, тоже Иванъ Ѳедоровичъ (Горбуновъ). Жребіи человѣческіе раздѣлены, и лучше всего держаться каждому своей доли, какая она есть, не преступая въ предѣлъ братень: по латыни это выйдетъ: suum cuique!

Несоотвѣтствіе этого тона серьезному содержанію вашего сочиненія еще ярче выступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда вашъ

---

[1]) Выпускъ I, стр. 144.

[2]) Я разумѣю тутъ ваши: «нраву моему не препятствуй» и тому подобныя изреченія, о коихъ упоминалъ, между прочимъ, въ своихъ возраженіяхъ г. Чельцовъ.

отзывъ о томъ или другомъ явленіи изъ жизни безпоповцевъ является при томъ, и по сущности своей, несправедливымъ или по крайней мѣрѣ неравномѣрнымъ. Такъ, напримѣръ, говоря о совершеніи въ безпоповщинскомъ согласіи безсвященнословныхъ браковъ, вы выражаетесь такъ: «главная *фабрикація* раскольническихъ безпоповскихъ браковъ въ С.-Петербургѣ совершалась на Охтѣ, въ бывшей здѣсь покровской молельнѣ» [1]).

Это и другія сему подобныя уничижительныя выраженія о безсвященнословномъ бракѣ, во первыхъ, съ вашей же точки зрѣнія, несправедливы, ибо вы почитаете ихъ *въ сущности* одинаковыми съ бракомъ Ивана Алексѣева, проповѣдь о коемъ вы назвали, какъ показано выше, «словомъ истины»; во вторыхъ, непріятны, ибо они приводятъ на память другія вами же упоминаемыя и справедливо осуждаемыя выраженія (о тѣхъ бракахъ) нѣкоторыхъ епархіальныхъ архіереевъ, отъ коихъ нашелъ нужнымъ воздержать ихъ даже св. синодъ.

Меня въ этомъ дѣлѣ оскорбляетъ главнымъ образомъ то, что подобнаго выраженія никто изъ насъ не позволитъ себѣ, говоря о бракѣ, напримѣръ, лютеранскомъ; между тѣмъ какъ, по суду церковному, онъ не имѣетъ никакого преимущества передъ бракомъ покровской часовни. Какъ тотъ, такъ и другой совершается простецемъ, т. е., лицемъ, не имѣющимъ благодати рукоположенія, и вся разница, стало быть, въ томъ, что тамъ нѣмецъ и докторъ богословія, передъ которымъ мы чувствуемъ трепетъ, а здѣсь русскій простолюдинъ, котораго мы изощряемся презирать, сколь возможно, глубже. Это презрѣніе проявляется въ большей части полемическихъ сочиненій, писанныхъ противъ раскола, гдѣ нерѣдко попрекаютъ его наставниковъ тѣмъ, что они мужики. Эта черта какой-то аристократической брезгливости, носящей на себѣ печать шляхетскихъ нравовъ и занесенной къ намъ, какъ мнѣ кажется, кіевскими и вообще западнорусскими учеными. Не говоря о крайнемъ неприличіи такихъ попрековъ, нужно было бы брать во вниманіе хоть то, что раскольники съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣютъ обращать эти попреки въ свою пользу,

---

[1]) Вып. II, стр. 33.

коснуться чувства ревнителей древнерусскаго обряда, современному православному Востоку неизвѣстнаго, Ваше Всесвятѣйшество благоволили дать свое братолюбивое и закономъ церковнымъ требуемое согласіе, чтобы пришедшимъ въ общеніе церкви майносцамъ священный причтъ былъ поставленъ рукою русскаго іерарха.

Этотъ частный случай, знаменательный самъ по себѣ, имѣетъ и общее весьма важное значеніе. Онъ громко возвѣщаетъ, въ слухъ всему православному исполненію, что просвѣтившій насъ Востокъ совершенно чуждъ того несправедливаго предубѣжденія и той обрядовой исключительности, которыя два вѣка тому назадъ привели русскую церковь къ пагубному раздѣленію, и что въ тотъ недалекій, по упованію нашему, день, когда Богомъ просвѣщенные пастыри русской церкви обратятся къ содѣйствію восточныхъ церквей для окончательнаго рѣшенія наложенныхъ на свободу нашего обряда узъ, онѣ не откажутъ имъ въ своей духовной помощи и тѣмъ послужатъ миру и соединенію нынѣ разлученныхъ чадъ единой матери, земли русской.

Тотъ нареченный и великій день, призываемый помыслами ревнителей мира и вселенскаго общенія, да пріидетъ и не закоснитъ! И да принесетъ онъ съ собою успокоеніе и всѣ блага христіанской свободы не одной русской, но и всей православной церкви, отовсюду всеобразно гонимой возмогающимъ княземъ міра и преданной всѣмъ въ попраніе доселѣ, во испытаніе терпѣнія и вѣры святыхъ и во исполненіе словъ: скверный да сквернится еще и святый да святится еще!

Слагая къ стопамъ Вашимъ наши сыновнія искреннія и радостныя привѣтствія и ввѣряя себя заступленію Вашихъ праведныхъ и богопріятныхъ молитвъ, имѣемъ счастіе именоваться и быть

Вашего Всесвятѣйшества, великаго и Богомъ просвѣщеннаго святителя, нашего милостивѣйшаго владыки и по духу отца

покорнѣйшіе слуги и благоговѣйные почитатели:

(Слѣдуютъ подписи)

X.

Предисловіе собирателя пѣсенъ [1]).

Зачѣмъ вы начертались такъ
На памяти моей,
Единый молодости знакъ,
Вы, пѣсни прежнихъ дней?

Пора народнаго пѣсеннаго творчества на Руси прошла и никогда уже не возвратится. Отъ разлагающаго прикосновенія къ душѣ народа нашихъ понятій и вкусовъ въ ней мало по малу мутился, оскудѣвалъ и наконецъ совершенно изсякъ тотъ чистый и свѣтлый родникъ, изъ котораго въ теченіе вѣковъ почерпали свое высокое вдохновеніе творцы народныхъ пѣсенъ и ихъ дивныхъ напѣвовъ, оставившіе потомству богатое художественное наслѣдство, но скрывшіе отъ него свои имена. Теперь не только не возможно созданіе въ народѣ новой пѣсни въ духѣ и складѣ древняго творчества, но за большую рѣдкость почитается сохраненіе по мѣстамъ прежде созданныхъ и еще не совсѣмъ вытѣсненныхъ изъ употребленія чисто народныхъ пѣсенъ. Въ теченіе полувѣка, который я провелъ въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи съ русскою народною пѣснію, въ ея судьбѣ произошла поразительная и по быстротѣ едва вѣроятная перемѣна. Когда память воскрешаетъ и ставитъ предо мною образы нѣкогда дѣйствительно бывшихъ и несомнѣнно слышанныхъ мною художниковъ и звуки пѣтыхъ ими пѣсенъ,

---

[1]) Это предисловіе помѣщено было въ сборникѣ 40 пѣсенъ, собранныхъ Т. И. Филипповымъ и гармонизованныхъ Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ.

указывая на то, что «худородная мира и уничиженная избра Богъ, и не сущая, да сущая упразднитъ», и на слово фарисеевъ къ слугамъ, посланнымъ взять Іисуса и не приведшимъ Его: «еда кто отъ князь вѣрова во Нь, или отъ фарисей; но народъ сей, иже не вѣсть закона, прокляти суть».

Расчетливо ли давать своимъ противникамъ новое на себя оружіе?

На этомъ я прекращаю свое съ вами состязаніе. Хотя запасъ моихъ возраженій и не совсѣмъ еще исчерпанъ; но я рѣшился опустить тѣ изъ моихъ замѣчаній, которыя относятся къ частностямъ и подробностямъ вашего труда, желая сосредоточить ваше вниманіе на томъ, что мнѣ казалось въ вашемъ сочиненіи наиболѣе важнымъ. Я счелъ своею обязанностію какъ передъ наукой, такъ и передъ вами, выразить свое мнѣніе съ полною свободой, нисколько не скрывая силы и значенія представленныхъ мною возраженій, и я увѣренъ, что вы мнѣ не поставите этого въ вину даже и въ томъ случаѣ, еслибы какое либо изъ моихъ замѣчаній показалось вамъ не совсѣмъ сдержаннымъ по своему тону.

IX.

Признательное привѣтствіе единовѣрцевъ вселенскому патріарху Іоакиму III [1]).

Ваше Всесвятѣйшество!

Крайній въ православіи пастырь!

Архіепископъ Новаго Рима и Вселенскій патріархъ!

Мы, чада Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, пребывающіе въ сыновнемъ подчиненіи священноначалію церкви русской и въ духовномъ общеніи вѣры и любви съ прочими повсюду сущими православными церквами греко-восточнаго закона, но содержащіе нѣкоторыя отъ древняго благочестиваго преданія дошедшія до насъ особенности мѣстнаго русскаго обряда, пріемлемъ дерзновеніе — чрезъ настоящее посланіе наше—предстать предъ Вашимъ Всесвятѣйшествомъ съ изъявленіями нашей благоговѣйной преданности и безпредѣльной признательности.

Виною нашему благодаренію и самому посланію послужила радостная вѣсть, что Ваше Всесвятѣйшество разрѣшили и благословили невозбранно содержать чтимые и хранимые нами обряды братіямъ нашимъ, русскимъ обитателямъ Майноса, предки коихъ ради свободы сихъ обрядовъ, связанной соборнымъ постановленіемъ 1667 года, оставили нѣкогда свою родину и, презирая иго невѣрныхъ, поселились въ предѣлахъ священной области Кизика, ввѣренной Божіимъ Промысломъ Вашему верховному управленію. Дабы ни въ маломъ чемъ не

---

[1]) По поводу учрежденія въ кизической митрополіи, въ селеніи Майносѣ, единовѣрческаго прихода. Первоначально напечатано въ книгѣ Т. И. Филиппова «Современные церковные вопросы», Спб. 1882, стр. 462—463.

дѣлены на шесть разрядовъ: I. Пѣсни духовнаго содержанія, II. Пѣсни въ родѣ былинъ, III. Одиночныя, IV. Хоровыя, V. Хороводныя, VI. Плясовыя.

Въ первомъ разрядѣ, вмѣстѣ съ духовными стихами, помѣщенъ напѣвъ былины, которую пѣлъ въ засѣданіи петербургскаго славянскаго комитета олончанинъ Т. Г. Рябининъ, на томъ основаніи, что выдѣлять одну пѣсню въ особый разрядъ не приходилось, а по свойству (эпическому) напѣва ему самое приличное мѣсто было въ ряду сродныхъ ему напѣвовъ духовныхъ стиховъ.

Всѣ духовные стихи сборника слышаны мною во Ржевѣ; слова въ стихахъ объ Алексѣ Божьемъ человѣкѣ и о Лазарѣ, въ стихѣ поминальномъ и заздравномъ, записаны также отъ ржевскихъ пѣвцовъ. Но слова стиха о Егорѣ Храбромъ, за утратою моего собственнаго списка, взяты мною изъ сборника П. И. Якушкина, при чемъ необходимо было сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ правописаніи и размѣрѣ. Изъ Голубиной книги дано лишь нѣсколько стиховъ по собранію П. В. Кирѣевскаго, а къ напѣву былины Т. Г. Рябинина подобраны четыре стиха изъ сборника А. Ѳ. Гильфердинга.

Текстъ Алексѣя Божьяго человѣка составленъ мною изъ двухъ слышанныхъ мною во Ржевѣ стиховъ, при чемъ за основу взято лучшее изъ двухъ разнопѣній, а изъ другаго вставлены стихи, особенно поразившіе меня своею красотою.

Обѣ пѣсни втораго разряда замѣчательны какъ по содержанію, такъ и по достоинству ихъ напѣвовъ. Пѣснь о Ванѣ Ключникѣ была очень распространена въ народѣ, а другая «Какъ Донской казакъ велъ коня поить», по всѣмъ вѣроятіямъ, погибла бы вмѣстѣ съ множествомъ другихъ забытыхъ народомъ и ничьею памятью не удержанныхъ пѣсенъ, если бы она не попала въ издаваемый нынѣ сборникъ. Никому изъ знакомыхъ мнѣ собирателей, знатоковъ и пѣвцовъ русскихъ пѣсенъ не случалось ни разу ее слышать; только недавно скончавшійся пѣвецъ и руководитель хора И. Е. Молчановъ припоминалъ смутно, что въ молодости онъ ее слыхалъ.

То же самое должно сказать и о другой замѣчательной пѣснѣ, изъ разряда одиночныхъ: «Что вились-то мои русы

кудри, вились завивались». И она обязана своимъ сохраненіемъ тому обстоятельству, что мнѣ привелось ее услышать во Ржевѣ отъ одной пѣвицы (той же самой, которая пѣла о «Донскомъ казакѣ»), кромѣ которой и тамъ ея никто не пѣлъ и не зналъ. П. В. Кирѣевскому обѣ эти пѣсни сообщены были мною въ 1850 г.

О пѣсняхъ послѣднихъ трехъ разрядовъ нужныя замѣчанія сдѣланы подъ самымъ ихъ текстомъ. Къ нимъ считаю нужнымъ присовокупить еще одно общее, ко всѣмъ имъ относящееся. Хотя подъ каждою пѣснью и подписано, въ какомъ именно мѣстѣ я ее слышалъ, но это указаніе отнюдь не обозначаетъ того, будто та или другая пѣснь съ тою или другою мѣстностію имѣетъ особенную связь. По моему крайнему разумѣнію, почти всѣ онѣ пѣлись въ свое время почти по всей землѣ великорусской, распространяясь въ народѣ особыми неуловимыми для наблюденія путями. Мои указанія на то, что я слышалъ одну пѣсню въ Москвѣ, другую во Ржевѣ, третью въ Калугѣ, изображаютъ лишь до меня одного относящуюся случайность, на которой я остановилъ вниманіе читателей только по принятому въ подобныхъ изданіяхъ обычаю.

Первая и ближайшая цѣль изданія сего сборника, какъ и другихъ ему подобныхъ, состоитъ конечно въ спасеніи уцѣлѣвшихъ остатковъ древняго народнаго творчества отъ забвенія и невѣжественнаго равнодушія. Но надежды издателей на этой насущной цѣли не останавливаются и стремятся далѣе ея. Они думаютъ, что въ сохраненныхъ ими для искусства напѣвахъ наши родные художники найдутъ богатыя и разнообразныя темы для новыхъ созданій и тѣмъ утвердятъ и упрочатъ успѣхи того самобытнаго направленія въ области русской музыки, коего высшими представителями почитаются Глинка и Даргомыжскій и коего знамя такъ высоко держатъ живущіе среди насъ ихъ преемники. Еще отраднѣе мечта, что не теперь, конечно, а въ другое, болѣе счастливое время, когда, вопреки дружнымъ ополченіямъ всѣхъ многообразныхъ враговъ народа, онъ отстоитъ себя отъ ихъ насильническихъ заботъ и дождется для своихъ дѣтей призываемой его чаяніями школы, при помощи такой школы, въ оборотъ народный можетъ проникнуть

рождается невольное сомнѣніе: въ правду ли все это было, или то былъ сонъ? Какимъ же злымъ волшебствомъ могло въ такой поразительно краткій срокъ погибнуть исконное народное творчество? И какъ могла столь поэтическая среда, создавшая такой чарующій миръ, допустить въ себя, въ замѣнъ собственныхъ изящныхъ созданій, ту пришлую мерзость и пошлость, которою за послѣднія десятилѣтія успѣли надѣлить русскую деревню наши большіе и просвѣщенные города, преимущественно же

Чужой дальній, незнакомый,
Славный городъ Питербургъ?

Безъ сомнѣнія, тому могущественно содѣйствовали коренныя и столь же изумительно быстрыя измѣненія въ условіяхъ всей нашей жизни, которыя значительно сократили прежнее разстояніе между преобразованными слоями народа и собственно народомъ и, усиливъ вліяніе городовъ на деревню, не только помутили область народнаго творчества, но простерли свое вліяніе и далѣе. Впрочемъ въ другихъ отрасляхъ духовной дѣятельности народа для него возможна еще оборона и помощь со стороны. Но пѣснь народа отошла навсегда и нѣтъ въ природѣ такихъ силъ, которыя могли бы возродить возвышенное и строго художественное настроеніе народа, создавшее въ теченіе вѣковъ безконечный циклъ его вдохновенныхъ пѣсенъ.

Но если нѣтъ человѣческихъ средствъ къ задержанію того, что исчезаетъ, повинуясь роковымъ и неумолимымъ законамъ, опредѣляющимъ ходъ человѣческихъ общежитій, то не только можно, но и должно каждому изъ насъ доступными ему средствами стремиться къ сохраненію тѣхъ памятниковъ народнаго творчества, которые еще не утрачены и остаются въ народномъ обращеніи. Съ отроческихъ дней ознакомившись съ произведеніями народной поэзіи и усвоивъ ихъ самобытные и разнообразные напѣвы, я перешелъ въ юношескій возрастъ съ богатымъ пѣсеннымъ запасомъ и съ той весьма далекой уже отъ настоящей минуты поры не переставалъ думать о сохраненіи для роднаго искусства носимыхъ моею памятью сокровищъ. Но при первомъ же приступѣ къ исполненію

своей мысли, мнѣ пришлось убѣдиться, что такое съ виду совершенно простое намѣреніе, какъ перевести на ноты напѣвы русскихъ пѣсенъ сообразно съ ихъ истинною природою, исполнить не такъ-то легко. Особенности нашихъ народныхъ напѣвовъ таковы, что онѣ не каждому даются. И мои напѣвы весьма долго не давались разумѣнію весьма опытныхъ и искушенныхъ въ ученой музыкѣ художниковъ, къ которымъ я обращался въ разное время съ моею нуждою.

Первое мое обращеніе (около тридцати лѣтъ тому назадъ) было къ знаменитому въ свое время московскому пьянисту, который послѣ нѣсколькихъ попытокъ отказался отъ дальнѣйшихъ со мною занятій, признавъ невозможнымъ примирить тѣ необычныя для его уха сочетанія звуковъ, которыя онъ встрѣчалъ въ моемъ исполненіи русской пѣсни, съ требованіями извѣстныхъ ему законовъ общеевропейской музыки.

По переселеніи моемъ въ Петербургъ, въ шестидесятыхъ годахъ, сдѣлано было еще два опыта, изъ коихъ одинъ кончился ничѣмъ, а второй (съ г. Вильбоа) привелъ къ изданію въ свѣтъ нѣкоторой части моего пѣсеннаго запаса.

Но такъ какъ г. Вильбоа, записавъ наскоро съ моего голоса мои напѣвы, поспѣшилъ издать ихъ въ своемъ сборникѣ, вмѣстѣ съ другими ему извѣстными напѣвами, не провѣривъ своего труда ничьимъ судомъ и даже обстоятельными объясненіями со мною, то этимъ опытомъ мои ожиданія и требованія удовлетворены быть не могли, тѣмъ болѣе, что въ сборникъ г. Вильбоа вошли не всѣ мнѣ извѣстные и достойные общаго вниманія напѣвы.

Наконецъ, въ семидесятыхъ годахъ, при благосклонномъ посредствѣ М. А. Балакирева, судьба моихъ напѣвовъ отдана была въ руки роднаго ему по духу художника Н. А. Римскаго-Корсакова, который на передачу ихъ положилъ много дорогаго для него времени и добросовѣстныхъ усилій и которому я приношу глубокую и искреннюю признательность за осуществленіе давней и никогда не покидавшей меня мечты увидѣть когда-либо хранившіеся въ памяти моей напѣвы изданными въ книгѣ, вполнѣ достойномъ ихъ художественнаго значенія.

Пѣсни, вошедшія въ нашъ сборникъ, числомъ сорокъ, раз-

будетъ окончена и издана, я поспѣшу послать ее къ Вамъ, льстя себя напередъ Вашимъ добрымъ пріемомъ.

Примите, Милостивый Государь, мои отличнѣйшія чувства вмѣстѣ съ уваженіемъ, которыя питаетъ къ Вамъ Вашъ покорнѣйшій слуга *С. Ляпуновъ.*

Письмо профессора исторіи музыки въ Парижской Консерваторіи Bourgault-Ducoudray къ композитору С. М. Ляпунову.

Monsieur.

Si j'ai tardé à Vous accuser réception de votre précieux envoi, c'est que je tenais à prendre connaissance de ce très beau recueil de chansons populaires russes, avant de Vous adresser mon remerciement très cordial.

La Russie est d'une richesse inépuisable et témoigne d'une fécondité musicale merveilleuse. Après le beau recueil de Balakiriev et de Rimsky-Korsakov [1]), je ne m'attendais pas à rencontrer dans ce nouveau volume tant de trésors insoupçonnés.

L'entreprise si vaste et si artistique que patronne la Société Impériale de géographie, aura une influence notable et très bienfaisante pour l'avenir de notre art.

Chacune de ces inspirations émanée du pur génie humain, sont des rayons de la vérité éternelle, révélée à l'âme humaine primitive. M. Philippoff et vous tous, Messieurs, vous avez compris la grandeur d'une pareille union artistique qui consiste à ne pas laisser se perdre ces précieux trésors, mais à les recueillir précieusement et à les emmagasiner dans le parti moins intellectuel de l'humanité. voici dans ce 1-er volume un éclatant témoignage du succès de votre grandiose entreprise, pour le complet achèvement de la quelle je forme les voeux les plus ardents.

Croyez, Monsieur, à mes sentiments d'estime et de grande sympathie. *Bourgault-Ducoudray.*

16 villa Molitor
$\frac{27}{1}$ 95.

[1]) 40 пѣсенъ, собранныхъ Т. И. Филипповымъ и гармонизованныхъ Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ.

Милостивый Государь.

Если я замедлилъ увѣдомленіемъ Васъ о полученіи Вашей драгоцѣнной посылки, то потому, что я желалъ ознакомиться съ этимъ прекраснымъ сборникомъ русскихъ народныхъ пѣсенъ прежде, чѣмъ послать Вамъ мою сердечнѣйшую благодарность.

Россія—страна неисчерпаемаго богатства и свидѣтельствуетъ объ удивительной музыкальной плодовитости. Послѣ прекраснаго сборника Балакирева и Римскаго-Корсакова, я не ожидалъ встрѣтить въ этомъ новомъ томѣ столько неподозрѣваемыхъ сокровищъ.

Столь обширное и столь артистическое предпріятіе, которому покровительствуетъ Императорское Географическое Общество, будетъ имѣть замѣтное и очень благодѣтельное вліяніе на будущность нашего искусства.

Каждое изъ этихъ вдохновеній, истекающее изъ чистаго человѣческаго генія, суть лучи вѣчной истины, открываемой въ первобытной человѣческой душѣ. Г. Филипповъ и вы всѣ господа поняли величіе подобнаго артистическаго единенія, которое состоитъ въ томъ, чтобы не давать теряться этимъ драгоцѣннымъ сокровищамъ, но собирать ихъ дорогою цѣною и складывать ихъ въ менѣе интеллектуальную часть человѣчества. Вотъ въ этомъ первомъ выпускѣ блистательное свидѣтельство успѣха вашего грандіознаго предпріятія, о полномъ окончаніи котораго я возсылаю самыя горячія пожеланія.

Вѣрьте, Милостивый Государь, моимъ чувствамъ уваженія и теплаго сочувствія.

Бурго-Дюкудрэ.

16, вилла Молиторъ.
27 Января 1895.

вновь хотя часть тѣхъ художественныхъ сокровищъ, которыя нынѣ уходятъ изъ его владѣнія и передаются на храненіе ревнителямъ его самобытности и духовной свободы.

Письмо композитора С. М. Ляпунова къ профессору музыки въ Парижской Консерваторіи Bourgault-Ducoudray.

Monsieur.

Le vif intérêt que Vous témoignez pour la musique populaire de toutes les nationalités, m'autorise de Vous faire part de la collection des chants russes, faite dernièrement par la Société Impériale Géographique Russe. La livraison ci-jointe n'est que le commencement d'un grand ouvrage entrepris aujourd'hui par la sus-dite Société, dont le but honorable est de recueillir l'ancien et le vrai chant russe qui s'éfface et disparaît entièrement pour faire place aux compositions modernes de fort mauvais goût, très répandues parmi les artisans de fabriques et autres ouvriers de toutes espèces. Ces chants banals ne présentent aucun interêt sérieux, il est à désirer que les vrais et antiques melodies russes soient recueillies et reproduites pour la postérité. C'est à ce propos qu'un comité spécial sous la présidence de M-r T. Philippoff, membre honoraire de la Société Géographique, s'est chargé d'organiser des expéditions qui, en parcourant la Russie, entreprendraient de ramasser nos vieilles mélodies nationales dans toute la pureté de leur poétique beauté, telles qu'elles se sont conservées dans les coins les plus reculés de notre vaste Empire. Trois expéditions ont été faites, chacune consistant de deux personnages: l'un pour inscrire le texte, l'autre les mélodies. La première, dont l'ouvrage vient d'être publié dans la première livraison, s'étant dirigée dans les gouvernements d'Olonetz et d'Archangel, a été entreprise par MM. G. Dutsch et Th. Istomine. La mort de M. Dutsch ayant interrompu son oeuvre, la rédaction du parti musical m'a été confiée ainsi que le parti musical de l'expédition suivante, faite par M. Istomine et par moi l'été de l'année 1893. Aussitôt que notre ouvrage sera achevé et publié, je m'empres-

serai de Vous le faire parvenir en me flattant d'avance de Votre bon accueil.

Veuillez, Monsieur, agréer les sentiments les plus distingués avec les respects que Vous porte Votre très humble serviteur

S. Liapounoff.

Милостивый Государь.

Живой интересъ, свидѣтельствуемый Вами къ народной музыкѣ всѣхъ народовъ, даетъ мнѣ право подѣлиться съ Вами собраніемъ русскихъ пѣсенъ, составленнымъ въ послѣднее время Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Прилагаемый при семъ выпускъ есть только начало большаго труда, предпринятаго нынѣ выше названнымъ обществомъ, почтенная цѣль котораго—собрать старую и настоящую русскую пѣсню, изглаживающуюся и совершенно исчезающую, уступающую мѣсто новымъ сочиненіямъ слишкомъ дурнаго вкуса, очень распространеннымъ между фабричными рабочими и другими мастеровыми всѣхъ видовъ. Эти банальныя пѣсни не представляютъ никакого серьезнаго интереса, и необходимо желать, чтобы собраны и воспроизведены были для потомства настоящія, старыя мелодіи. По этому поводу спеціальный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ г. Т. Филиппова, почетнаго члена Географическаго Общества, взялъ на себя трудъ организовать экспедиціи, которыя, проходя по Россіи, предпринимали бы собраніе нашихъ старыхъ національныхъ мелодій во всей чистотѣ ихъ поэтической красоты, такими, какими онѣ сохранились въ самыхъ отдаленныхъ углахъ нашей обширной имперіи. Было образовано три экспедиціи, при чемъ каждая состояла изъ двухъ лицъ, одного для записыванія текста, другаго—мелодій. Первая экспедиція, трудъ которой только что изданъ въ первомъ выпускѣ, направившаяся въ губерніи Олонецкую и Архангельскую, была предпринята гг. Г. Дютшемъ и Ѳ. Истоминымъ. По смерти г. Дютша, прервавшей его дѣло, редакція музыкальной части была ввѣрена мнѣ, равно какъ музыкальная часть и слѣдующей экспедиціи, исполненной г. Истоминымъ и мною лѣтомъ 1893 года. Какъ только наша работа

въ струяхъ коего насъ ради крестился не Имѣвшій нужды въ крещеніи; тамъ Іерусалимъ, избившій пророковъ и каменіемъ побивавшій посланныхъ къ нему; тамъ Геѳсиманія, свидѣтельница человѣческаго изнеможенія и предсмертной скорби Богочеловѣка; тамъ крестный путь; тамъ страшная Голгоѳа; тамъ животворящій крестъ и живоносный гробъ Господень, «источникъ нашего воскресенія»; тамъ Елеонъ, откуда, по исполненіи Божія о насъ смотрѣнія, Іисусъ вознесся во славѣ ко Отцу Своему. Тамъ на Сіонѣ стояла и та горница, гдѣ въ день пятьдесятный, въ шумѣ бури и въ видѣніи огненныхъ языкъ, «Духъ сниде Святый на святыя Его ученики и апостолы».

Туда, къ этимъ святынямъ, отъ первыхъ дней христіанства, черезъ длинный рядъ столѣтій, постоянно стекались и донынѣ стремятся отъ всѣхъ племенъ и странъ благочестивые поклонники, дабы лобзать и увлажать слезами признательности и умиленія ту землю, коей касались пречистыя стопы Господни и на которой совершилась тайна нашего искупленія.

Вотъ почему я назвалъ Св. землю духовною родиною каждаго вѣрующаго христіанина и каждаго христіанскаго народа, не исключая изъ сего именованія и тѣхъ, которые не соблюли въ цѣлости непорочнаго ученія, проповѣданнаго божественными апостолами и утвержденнаго всеобщимъ и согласнымъ свидѣтельствомъ неоднократно собиравшейся для сей цѣли вселенной.

Но если Св. земля не чужда народамъ и странамъ, уклонившимся отъ праваго исповѣданія вѣры и отъ духовнаго общенія съ четырьмя священными престолами православнаго Востока, то для насъ она имѣетъ совершенно особое значеніе, равно какъ и мы для нея, какъ состоящіе съ нею въ неразрывномъ и пріискреннемъ общеніи вѣры и единомыслія и потому имѣющіе право съ дерзновеніемъ сказать про себя, что тамъ, въ землѣ чудесъ Христовыхъ, «нѣсмы странни и пришельцы, но сожителе святымъ и присніи Богу».

Неправославныя христіанскія церкви и новѣйшія христіанскія секты имѣютъ тамъ своихъ представителей; но у нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ у церкви армянской, вовсе

нѣтъ паствы, если не считать паствою нѣкотораго количества заѣзжихъ и пришлыхъ обитателей Св. земли армянскаго происхожденія. Иныя же, какъ напримѣръ латинская и англиканская (въ союзѣ съ протестантскими сектами), хотя и считаютъ не малое уже количество послѣдователей изъ мѣстныхъ жителей Св. земли, но всѣ они пріобрѣтены ими путемъ совращенія и соблазна, къ коему особенно латинская пропаганда имѣетъ вѣками пріобрѣтенный навыкъ и коему ни откуда, ни съ чьей стороны, она не встрѣчаетъ преграды или противодѣйствія.

Природный же и единственно законный пастырь христіанскихъ обителей Св. земли былъ и есть православный патріархъ Іерусалимскій, церковь котораго, вмѣстѣ съ прочими тремя вселенскими престолами православнаго Востока и съ иными независимыми церквами, въ томъ числѣ и съ церковію русскою, входитъ въ составъ вселенскаго православнаго союза, иными словами, составляетъ упоминаемую въ никеоконстантинопольскомъ символѣ Едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь.

Въ этомъ великомъ и священномъ союзѣ Россіи отведено Божіимъ промысломъ особое мѣсто. Среди всѣхъ православныхъ народовъ мира, изъ коихъ иные еще страждутъ подъ чуждымъ игомъ, иные же хотя и освободились отъ рабства благодаря нашему заступленію и пролитію нашей крови, но слишкомъ слабы и зависимы и едва способны оберегать свою собственную самобытность, среди всѣхъ ихъ, одинъ лишь русскій народъ облеченъ силою и могуществомъ, одаренъ обильными и разнообразными средствами для защиты православія и исповѣдающихъ оное народовъ отъ безпрерывнаго и неослабнаго нападенія ихъ многочисленныхъ, настойчивыхъ и хитрыхъ враговъ.

Призваніе Россіи служить оплотомъ церкви и быть ея оградою и упованіемъ отмѣчено въ ходѣ ея исторической жизни поразительно яркими чертами. Самое совпаденіе года, къ которому лѣтопись относитъ начало нашего государственнаго бытія, съ годомъ перваго роковаго разрыва между Римомъ и четырьмя православными престолами Востока, содержитъ въ себѣ ука-

XI.

Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Православнаго Палестинскаго Общества

2 декабря 1882 года вице-предсѣдателемъ Общества Т. И. Филипповымъ [1]).

Ваши Императорскія Высочества!
Богомудрые пастыри и отцы!
Вожделѣнные братія и сестры!

Святая земля, на служеніе которой учрежденъ нашъ недавно возникшій союзъ, есть общая духовная родина всякаго вѣрующаго христіанина, безъ различія племенъ и особенностей вѣроученія.

Каждый христіанскій отрокъ, не лишенный благодѣяній воспитанія, при самомъ началѣ своего обученія, прежде именъ и событій, принадлежащихъ исторіи его собственнаго народа, слышитъ и читаетъ о событіяхъ, передаваемыхъ бытописаніемъ обѣтованной земли, и на всю жизнь запечатлѣваетъ въ своемъ воображеніи величественные и священные лики ея древнихъ обладателей и богоизбранныхъ совершителей ея дивныхъ судебъ.

Имена Авраама и Сарры, Исаака и Ревекки, Іакова и Ра-

[1]) Первоначально издано было въ «Гражданинѣ», 1882 г., №№ 100 и 101 и затѣмъ отдѣльною брошюрою (24 стр.).

хили, Іосифа и его братьевъ, Моисея и Аарона, Гедеона и Сампсона, Самуила и Саула, Давида и Соломона, Иліи и Елисея, Исаіи и Іереміи, и множества иныхъ, о коихъ «не достанетъ мнѣ повѣствующу времене», суть имена не только для насъ священныя, но и родныя, близкія намъ, наравнѣ съ самыми дорогими именами родной земли.

О нихъ во всю остальную жизнь нашу безпрерывно напоминаетъ намъ церковь въ чтеніи священныхъ книгъ и въ пѣніи своихъ торжественныхъ и высоко художественныхъ пѣснопѣній; а вмѣстѣ съ сими именами и о событіяхъ, которыя съ ними связаны и которыя совершались большею частію въ предѣлахъ Св. земли, а если и вдали отъ нея, то съ мыслію, постоянно къ ней обращенною и простертою.

И самыя мѣста, свидѣтели сихъ событій и подвиговъ избранныхъ мужей избраннаго народа, хотя бы и не видѣнныя нами, но знакомыя по имени, хранятся неизгладимо въ нашей памяти чрезъ всю нашу жизнь и доносятся ею до нашего послѣдняго часа.

Надъ всѣми же именами, прославившими исторію Св. земли возносится Единое Имя, «еже паче всякаго имене», и надъ всѣми видѣнными ею событіями возстаетъ, въ недосягаемой и неудобозримой высотѣ своего божественнаго значенія, единое событіе, къ коему вся прошлая жизнь человѣческаго рода была лишь приготовленіемъ и безъ котораго самое бытіе его утратило бы свой верховный смыслъ и снизошло бы до загадочнаго и безотраднаго движенія отъ безсмысленнаго начала къ безцѣльному концу. Это отъ вѣка утаенное и въ предопредѣленный Божіимъ совѣтомъ день открытое миру таинство, неизреченно, паче слова и разума, сочетавшее съ землею небо и соединившее съ человѣкомъ Бога, проявилось, съ внѣшней исторической своей стороны, въ цѣломъ рядѣ событій, о коихъ, кромѣ Св. книгъ и преданій, ясно проповѣдуютъ священныя урочища Св. земли.

Тамъ Назаретъ, куда «посланъ былъ Архангелъ благовѣстити Дѣвѣ зачатіе»; тамъ Виѳлеемъ, гдѣ въ смиренныхъ ясляхъ лежалъ повитымъ младенцемъ Превѣчный Богъ; тамъ пустыня, свидѣтельница искушенія Непричастнаго грѣху; тамъ Іорданъ,

заніе на то, что возникавшая къ жизни на отдаленномъ Сѣверѣ, въ половинѣ IX в., держава предназначалась въ утѣшеніе церкви за великую постигшую ее утрату. Не подумайте, что это мое личное и произвольное воззрѣніе. Я конечно не отрекаюсь отъ него; но оно родилось не въ моемъ умѣ и только мною усвоено. Это взглядъ самихъ восточныхъ братьевъ нашихъ, который явственно выраженъ въ ихъ письменныхъ памятникахъ, проявляется при всякомъ удобномъ случаѣ въ ихъ бесѣдахъ о нашихъ общихъ судьбахъ и яснѣе всего запечатлѣнъ въ одномъ изъ важнѣйшихъ дѣяній нашей исторической жизни и священнѣйшихъ памятниковъ нашего духовнаго съ ними общенія, именно: въ дѣяніяхъ собора, утвердившаго учрежденіе въ Москвѣ патріаршаго престола, гдѣ прямо провозглашено, что патріархъ московскій и всея Руси учреждается въ замѣну отпадшаго отъ единости вѣры патріарха древняго Рима.

Еще разительнѣе совпаденіе времени взятія Константинополя и разрушенія Византійской имперіи со временемъ освобожденія Россіи отъ монгольскаго ига и начала ея государственнаго роста, который, постепенно увеличиваясь, достигъ впослѣдствіи исполинскихъ размѣровъ, соотвѣтственныхъ высотѣ и тяготамъ ея верховнаго призванія. По мѣрѣ возвышенія Москвы, въ общемъ сознаніи всего православнаго міра болѣе и болѣе прояснялось и утверждалось убѣжденіе въ томъ, что единый подъ солнцемъ православный государь, самодержавный повелитель Руси, пріялъ отъ Бога свою власть *прежде всего и болѣе всего* для охраненія Его церкви и для сокрушенія тѣхъ преисподнихъ силъ, которымъ за грѣхи христіанства дано было поругаться его величайшимъ святынямъ и повергнуть въ тягчайшую и позорную неволю всѣ единовѣрныя намъ племена. Эту задачу, это порученіе Божіе вся православная Россія считаетъ своими и донынѣ, не отрекаясь отъ соединенныхъ съ ними жертвъ и подвиговъ: ибо отреченіе отъ нихъ было бы отреченіемъ ея отъ самой себя, отъ священнѣйшихъ завѣтовъ своей исторіи, отъ верховнаго смысла собственнаго бытія.

Я надѣюсь, что досточтимое собраніе не осудитъ меня строго за изложеніе этихъ «общихъ мѣстъ», этихъ несомнѣн-

ныхъ аксіомъ нашего народнаго и государственнаго исповѣданія. Особенность нашего мудренаго времени состоитъ именно въ стремленіи сдвинуть съ ихъ основаній всѣ нравственныя и политическія аксіомы и на мѣсто ихъ насильственно водрузить пущенныя въ оборотъ произвольныя измышленія современнаго глубоко падшаго и оскверненнаго ума. Посему напоминать при случаѣ о колеблемыхъ основаніяхъ нашего государственнаго катихизиса—дѣло вовсе не лишнее, особенно когда рѣчь идетъ о такихъ дѣлахъ, какъ наше дѣло, которое только на этихъ основаніяхъ и можетъ быть утверждено и воздвигнуто.

Обязанности, возлагаемыя на насъ нашимъ призваніемъ оберегать единовѣрныя восточныя церкви вообще и въ частности церковь Іерусалимскую, какъ Дщерь Сіона и Матерь церквей, въ настоящее время особенно трудны и требуютъ отъ насъ согласныхъ и самоотверженныхъ усилій: ибо никогда, со времени его плѣненія, православный Востокъ, въ особенности же церковь Іерусалимская, не испытывали такихъ потрясеній и не подвергались такимъ многообразнымъ опасностямъ, какъ именно въ настоящую минуту.

Многимъ изъ васъ, безъ сомнѣнія, извѣстно содержаніе перваго выпуска «Палестинскаго Сборника», издаваемаго В. Н. Хитровымъ. Въ этой по истинѣ замѣчательной книгѣ нашего достойнаго сочлена, много потрудившагося и для созданія нашего общества, съ необыкновеннымъ знаніемъ дѣла и съ ужасающею выразительностію изложена глубоко для насъ печальная и безславная исторія успѣховъ въ Св. землѣ латинской и протестантской пропаганды и соразмѣрныхъ съ ними нашихъ пораженій и духовныхъ потерь.

Не смѣя утомлять васъ повтореніемъ начертанныхъ искусною рукою Василія Николаевича подробностей духовной брани, которую велъ Западъ съ Іерусалимскою церковью за послѣднія сорокъ и особенно двадцать пять лѣтъ (со времени назначенія знаменитаго Валерги латинскимъ патріархомъ Іерусалима) и которая продолжается донынѣ и конечно будетъ продолжаться съ прежнимъ со стороны нашихъ враговъ упорствомъ, я позволю себѣ привести вамъ на память лишь нѣсколько заклю-

чительныхъ строкъ изъ той главы книги В. Н. Хитрова, которая посвящена изображенію этого именно періода борьбы.

«Въ сорокъ лѣтъ, говоритъ г. Хитрово, протестантская и латинская общины въ Св. землѣ возросли съ 2,000 до 13,000 человѣкъ, и въ этомъ числѣ болѣе половины, до 8,000 человѣкъ, составляютъ отторгнутые отъ православія; при чемъ число это есть результатъ не всѣхъ сорока, а только послѣднихъ 20 лѣтъ. Но и въ такомъ отторженіи почти трети православнаго мѣстнаго населенія (всѣхъ православныхъ въ Св. землѣ насчитывалось до 25,000 человѣкъ), какъ оно ни прискорбно, я еще не вижу главнаго зла. Самая большая, самая неотразимая опасность для православія въ Св. землѣ заключается, по моему убѣжденію, въ томъ, что составляетъ, къ сожалѣнію, наибольшую силу западной пропаганды. Изъ списка извѣстныхъ мнѣ иновѣрныхъ учрежденій, помѣщеннаго въ приложеніи, видно, что почти половина ихъ, а именно болѣе 80 учрежденій, предназначены для воспитанія и призрѣнія слишкомъ 5,000 дѣтей. Понятно, что это число далеко не соотвѣтствуетъ 13-тысячному населенію протестантовъ и латинянъ, живущихъ въ Св. землѣ; мусульмане только исключительно отдаютъ своихъ дѣтей въ эти школы, а затѣмъ половина воспитывающихся въ нихъ дѣтей принадлежитъ православнымъ родителямъ.

«Если при этомъ мы припомнимъ, продолжаетъ авторъ, какъ живучи впечатлѣнія перваго. воспитанія; если мы отдадимъ себѣ отчетъ въ бѣдности и политическомъ угнетеніи православнаго туземнаго населенія: то для насъ станетъ яснымъ, что большинство этихъ воспитанниковъ протестантскихъ и латинскихъ школъ составитъ ежегодное приращеніе иновѣрныхъ общинъ и что, безъ принятія неотложныхъ энергическихъ мѣръ противодѣйствія имъ, достаточно будетъ немногихъ лѣтъ, чтобы православіе перестало существовать въ той именно странѣ, гдѣ возсіяло Солнце Правды и откуда свѣтъ Христова ученія распространился по лицу всей вселенной».

Изображеніемъ этихъ поразительныхъ успѣховъ нашихъ враговъ я не имѣю въ виду будить въ васъ чувства негодованія на ихъ посягательства. Враги наши дѣлаютъ свое дѣло, испол-

няютъ то, что считаютъ своимъ священнымъ долгомъ: совращая, они надѣются направить на прямой путь; губя и расхищая, они думаютъ, что спасаютъ и собираютъ. Однимъ словомъ, они «мнятся службу приносити Богу», и намъ странно было бы ожидать отъ нихъ иного поведенія и иныхъ къ намъ отношеній. Намъ нужно оглянуться на себя и строго допросить свою собственную совѣсть: что дѣлали за это время мы? какія средства къ защитѣ отъ западнаго насилія изобрѣли и доставили мы нашимъ изнемогающимъ въ борьбѣ единовѣрцамъ? Многіе ли изъ насъ были заняты мыслію о таковой защитѣ? Даже многіе ли изъ насъ знали, что тамъ, въ предѣлахъ священной для всего міра и родной намъ земли, нашедшіе съ Запада волки похитили третію долю овецъ нашего словеснаго стада?

Вообще, когда между нами возникаетъ разговоръ о духѣ латинской церкви, о ея непрерывной, ни на мигъ не успокоивающейся дѣятельности, направленной къ стяжанію душъ чуждой паствы; о чудесахъ самоотверженія, совершаемыхъ ея отрядами, разсылаемыми во всѣ концы міра; о вещественныхъ и умственныхъ благодѣяніяхъ, оказываемыхъ ими въ невѣдомыхъ никому углахъ земнаго шара, и когда рядомъ съ этой кипучей и одушевленной дѣятельностью сопоставляется наше спокойное и ничего намъ не стоющее бездѣйствіе: то мы обыкновенно выходимъ изъ затрудненія совершенно особеннымъ, самобытнымъ пріемомъ сужденія. Мы изобрѣли на этотъ случай свою теорію, которая учитъ, что пропаганда вовсе не свойственна духу православной церкви и въ кругъ нашихъ обязанностей вовсе и не входитъ; что съ насъ достаточно хранить, что имѣемъ, и не искать чужаго; что тревожная дѣятельность латинской церкви объясняется свойственною всякому заблужденію и пороку склонностію умножать число своихъ послѣдователей.

Уклоняя такимъ образомъ «сердце свое въ словеса лукавствія», чтобы въ нихъ обрѣсти мнимое оправданіе нашей лѣни, нашему равнодушію и нашей неумѣлости, мы не замѣчаемъ того, какъ мы оскорбляемъ честь и достоинство православнаго знамени. Кто же узнаетъ объ истинѣ, если хранители ея будутъ беречь ее только про себя?

«Како увѣруютъ, аще не услышатъ? Како услышатъ безъ проповѣдающаго»?

Вмѣсто того, чтобы пріискивать извиненія своему явному грѣху, исповѣдаемъ его мужественно и устремимся на его побѣду. Мы слишкомъ мало дорожимъ своимъ призваніемъ и любимъ болѣе украшаться имъ, какъ духовнымъ преимуществомъ и правомъ, чѣмъ исполнять сопряженныя съ нимъ великія и отвѣтственныя обязанности.

Отъ этихъ общихъ соображеній обращаясь къ нашимъ обязанностямъ по отношенію собственно къ Св. землѣ, остается присовокупить, что здѣсь намъ не предстояло даже стремиться къ новымъ духовнымъ пріобрѣтеніямъ; весь долгъ нашъ ограничивался обороною, въ союзѣ съ православнымъ іерусалимскимъ патріархомъ, его паствы отъ духовнаго насилія, коему она подвергается отъ союзнаго ополченія нашихъ общихъ западныхъ враговъ.

Что же мы дѣлали для этой обороны и что сдѣлали?

Нельзя сказать, чтобы мы ничего не дѣлали; но надобно признаться, что сдѣлали немного, и что изъ сдѣланнаго нами не все пошло на пользу Св. земли, а многое обратилось ей даже въ прямой вредъ. Я не стану пригвождать вашего вниманія къ ошибкамъ нашего прошлаго и если упоминаю о нихъ мимоходомъ, то отнюдъ не для того, чтобы навести на кого либо осужденіе. Мы сами стоимъ при началѣ нашего пути и ступаемъ свой первый шагъ: кто знаетъ, что ждетъ насъ самихъ, и благословитъ ли наши начинанія Живый во Іерусалимѣ? Послужитъ ли намъ въ наученіе пережитый опытъ и найдемъ ли мы въ себѣ достаточно силъ и духа, чтобы совершить что-либо истинно достойное нашего священнаго предпріятія? Это такіе вопросы, предъ которыми мы стоимъ въ настоящую минуту въ полномъ невѣдѣніи, со смиреніемъ ввѣряя наши начинанія и судьбу всего нашего дѣла промышляющему о Своей церкви Богу и отъ Него единственно ожидая помощи въ предстоящихъ намъ трудахъ и заступленія въ неизбѣжныхъ испытаніяхъ.

И такъ, повторяю, не для того упомянулъ я о прошломъ, чтобы навести на него порицаніе, но потому, что пройти его

совершеннымъ молчаніемъ я не могъ, не измѣняя своей прямой обязанности. Есть нѣкоторыя черты въ нашей недавней дѣятельности на Востокѣ, которыя мы должны постоянно держать передъ нашими очами, дабы избѣгнуть повторенія содѣянныхъ ошибокъ. Въ послѣднія 25 лѣтъ мы замѣтно отступили отъ нашего исконнаго и единственнаго вѣрнаго начала, коимъ опредѣлялись наши отношенія къ православному Востоку и къ населяющимъ его народамъ. Церковь, которою всѣ православныя племена Востока собирались въ одну цѣльную, сплошную силу и чрезъ которую всѣ они входили въ неразрывный союзъ съ ихъ Богомъ назнаменованной покровительницей, должна была посторониться передъ подчиненнымъ ей дотолѣ началомъ народности, послѣдствіемъ чего были многочисленныя и прискорбныя недоумѣнія, разрывъ вѣковыхъ связей, разстройство и безъ того ослабленнаго вселенскаго союза, безплодіе или по крайней мѣрѣ малоплодность нашихъ героическихъ подвиговъ и, наконецъ, потрясеніе православнаго іерусалимскаго патріархата, у котораго въ самое горячее время борьбы съ западными врагами были отняты необходимыя и въ собственность ему принадлежащія средства. Мы можемъ возблагодарить Бога за то, что въ настоящее время все становится вновь на свое мѣсто и въ соотношеніяхъ между началами, призванными къ совокупной и стройно согласованной дѣятельности водворенъ прежній временно нарушенный порядокъ; что Іерусалимъ въ своихъ лишеніяхъ частію уже утѣшенъ и въ свое время, безъ сомнѣнія, введенъ будетъ во всѣ свои права. Однимъ словомъ, мы начинаемъ свою дѣятельность, съ одной стороны, при весьма благопріятныхъ предзнаменованіяхъ и можемъ быть спокойны за то, что вѣрное направленіе нашихъ дѣйствій зависитъ вполнѣ отъ нашего разумѣнія и желанія идти прямымъ путемъ, и что никакое постороннее вліяніе не будетъ насъ въ этомъ стѣснять или ограничивать. Я сказалъ: съ одной стороны; ибо есть другая, очень печальная, сторона современнаго положенія дѣла: это—смуты въ церкви іерусалимской, которыя возникли при избраніи преемника недавно почившему блаженнѣйшему Іероѳею и которыя не скоро еще, какъ кажется, улягутся, судя по послѣднимъ оттуда извѣ-

стіямъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, эти смуты—явленіе случайное и преходящее, которое лишь на краткій срокъ можетъ задержать правильное движеніе нашей дѣятельности въ пользу Св. земли. Вообще же время, какъ я старался выше объяснить, для насъ благопріятно и намъ остается имъ пользоваться, чтобы стать на высотѣ своего призванія.

О томъ, какими способами намѣрено наше общество достигать своихъ цѣлей, говоритъ его уставъ. Во первыхъ, оно предполагаетъ позаботиться о томъ, чтобы русскіе люди, у которыхъ нѣтъ недостатка въ любви и усердіи къ Св. землѣ, но есть несомнѣнный и очень большой недостатокъ въ точныхъ о ней познаніяхъ, имѣли болѣе возможности ознакомиться съ ея прошлыми судьбами и съ ея современнымъ положеніемъ и чрезъ то расположились къ болѣе дѣятельной ей помощи. Съ этою цѣлью общество намѣрено употребить часть тѣхъ средствъ, коими снабдитъ его народное усердіе, на изслѣдованіе и изданіе памятниковъ Св. мѣстъ, о религіозномъ и научномъ значеніи коихъ въ настоящемъ собраніи распространяться было бы излишне. Когда мы сравнимъ то, что сдѣлано по этой части западными учеными, съ тѣмъ, на что можетъ указать наша ученая литература, то мы почувствуемъ на лицѣ своемъ краску. А между тѣмъ для Запада эти памятники не могутъ имѣть такого живаго значенія, какъ для насъ. Для него ихъ изслѣдованіе представляетъ скорѣе отвлеченный церковно-археологическій интересъ; для насъ же, сверхъ того и болѣе того, эти памятники дороги тѣмъ, что съ ними всѣмъ своимъ прошлымъ связано исповѣдуемое нами православіе, которое въ ихъ неопровержимомъ свидѣтельствѣ находитъ подтвержденіе своимъ установленіямъ, обычаямъ и преданіямъ. Въ частности, изученіе этихъ памятниковъ доставляетъ обильныя средства для объясненія минувшей церковной жизни присныхъ и единовѣрныхъ намъ народностей, греческой и грузинской, изъ коихъ первой дано было просвѣтить русскую землю и во всей исторіи христіанства занять преобладающее, первенствующее мѣсто (il a plu à la Providence, говоритъ знаменитый Vinet, que le christianisme fût eminemment grec); а другая, съ начала

нынѣшняго вѣка, съ нашею судьбою связала навѣки судьбу своей страны и своей церкви.

Позволю себѣ упомянуть при этомъ и о народности армянской, которая хотя и не находится съ православною церковію въ общеніи, но имѣетъ съ русскимъ народомъ тѣсную историческую связь и которая, не смотря на раздѣляющія насъ съ нею недоразумѣнія, не почитается навсегда для насъ потерянной въ религіозномъ отношеніи. И судьбы армянской церкви находятъ себѣ освѣщеніе въ древнихъ памятникахъ, хранимыхъ Св. землею и еще далеко не изслѣдованныхъ наукою съ надлежащею полнотою.

Вотъ сколько лишнихъ и сильныхъ для русскаго ученаго побужденій направить свои труды на изслѣдованіе древнихъ памятниковъ Св. земли, а для нашего общества—изыскивать средства для возможно успѣшнаго и достойнаго русскаго имени исполненія стоящихъ передъ отечественными изслѣдователями задачъ!

Не смотря на то, что общество наше только что приступаетъ къ своей дѣятельности, совѣтъ съ утѣшеніемъ можетъ заявить собранію, что въ этой отрасли его занятій уже положено доброе начало. Изъ прочитаннаго предъ вами доклада секретаря вы узнали, что Августѣйшій Предсѣдатель общества изволилъ пожертвовать извѣстную сумму на производство раскопокъ, которыя, по всѣмъ соображеніямъ, приведутъ къ важнымъ открытіямъ въ области топографіи древняго Іерусалима и въ частности Голгоѳы.

Сверхъ того, благодаря щедрости Его Высочества, совѣтъ получилъ возможность пригласить профессора грузинскаго языка въ С.-Петербургскомъ университетѣ, г. Цагарелли, къ ученому путешествію въ Іерусалимъ и на Синай, а по дорогѣ въ Аѳонъ и Константинополь, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ тѣмъ матеріаломъ, съ которымъ предстоитъ имѣть дѣло новымъ изслѣдователямъ церковной исторіи и древностей грузинскихъ, и тѣмъ освѣтить намъ характеръ и размѣры нашего въ этомъ дѣлѣ участія.

Наконецъ, совѣтъ остановился на мысли приступить къ

изданію нѣсколькихъ памятниковъ, которые имѣютъ значеніе для исторіи христіанскаго паломничества.

Выборъ его остановился на этотъ разъ: а) на описаніи путешествія по Сиріи и Палестинѣ монаха Епифанія Агіополита: *Διήγησις εἰς τύπον περιηγητοῦ περὶ τῆς Συρίας καὶ τῆς ἁγίας πόλεως καὶ τῶν ἐν αὐτῇ ἁγίων τόπων* и б) на описаніи путешествія Іоанна Фоки, подъ заглавіемъ: *Ἔκφρασις ἐν συνόψει τῶν ἀπ᾽ Ἀντιοχείας μέχρις Ἱεροσολύμων κάστρων καὶ χωρῶν Συρίας, Φοινίκης καὶ τῶν κατὰ Παλαιστίνην ἁγίων τόπων.*

Эти два памятника, принадлежащіе къ XII вѣку, среди другихъ памятниковъ византійской паломнической литературы, отличаются полнотою, обстоятельностію свѣдѣній о посѣщенныхъ авторами мѣстахъ и о памятникахъ христіанскихъ святынь. Послѣдній изъ нихъ предполагается издать на одномъ русскомъ языкѣ, а первый въ греческомъ подлинникѣ, съ древнимъ славянскимъ переводомъ (найденнымъ въ московской патріаршей библіотекѣ) и съ современнымъ русскимъ.

Два житія преп. Мелетія Новаго, подвизавшагося въ горѣ Міупольской, относящіяся тоже къ XII вѣку и до сихъ поръ еще не изданныя, поставлены на вторую очередь, и способъ изданія ихъ еще не рѣшенъ.

Подробное и обстоятельное изложеніе всѣхъ этихъ предпріятій будетъ представлено обществу въ свое время учеными членами совѣта, принявшими на себя трудъ изданія; въ настоящемъ же собраніи я счелъ умѣстнымъ слегка коснуться ихъ собственно для того, чтобы подѣлиться съ вами радостію о добромъ началѣ, положенномъ въ одной изъ отраслей нашей общей дѣятельности.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ этой дѣятельности можетъ возникнуть для общества нужда и въ собственномъ постоянномъ изданіи, которое, служа его ученымъ цѣлямъ, могло бы въ тоже время стать орудіемъ всенароднаго оглашенія его трудовъ, предпріятій и нуждъ. Мысль объ этомъ была уже заявлена въ одномъ изъ засѣданій совѣта и признана весьма полезною, хотя немедленное ея осуществленіе встрѣтило возраженія, единственно впрочемъ съ точки зрѣнія вещественныхъ средствъ.

Другая не менѣе важная задача общества состоитъ въ со-

дѣйствіи русскимъ поклонникамъ въ исполненіи ихъ страннического подвига.

Хожденіе ко Св. мѣстамъ изъ русской земли есть явленіе весьма древнее, восходящее до первыхъ дней просвѣщенія русской земли, а можетъ быть и предварившее общую при кн. Владимирѣ купель Руси. Указаніе на это можно усмотрѣть въ одномъ изъ древнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ созданій русскаго народнаго творчества, въ эпической пѣснѣ: «Сорокъ каликъ со каликою». Дѣйствіе, изображенное въ этой пѣснѣ, относится, какъ извѣстно, ко времени кн. Владимира, который самъ принимаетъ къ себѣ перехожихъ каликъ и угощаетъ ихъ. И эти сорокъ каликъ со каликою не похожи на новичковъ въ своемъ дѣлѣ, а представляютъ изъ себя цѣльную, крѣпко сплоченную дружину, самый составъ которой предполагаетъ уже какъ бы давнимъ временемъ установившійся обычай посѣщать Св. землю союзною толпою.

Кому мое соображеніе покажется слишкомъ смѣлымъ, того я попрошу обратить вниманіе на свидѣтельство памятника уже вполнѣ достовѣрнаго, именно Кіево-печерскаго патерика, свидѣтельство, относящееся къ 1022 году, до котораго отъ преставленія св. Владимира прошло всего семь лѣтъ. Тамъ въ житіи преподобнаго Ѳеодосія, повѣствуется о стремленіи святаго, еще въ отроческомъ возрастѣ, къ Св. граду и о первой его встрѣчѣ съ странниками, туда ходившими.

«Таже слышавъ о святыхъ мѣстѣхъ, идѣже Господь нашъ, плотію походивъ, спасеніе содѣла, желаше тамо ити и поклонитися имъ».

«И се пріидоша странніи во градъ Курскъ, ихже видѣвъ блаженный юноша радостенъ бысть и текъ поклонися имъ и любезно цѣловавъ, вопроси: откуда суть и камо грядутъ, они же отвѣчаша, яко отъ Св. града Іерусалима есмы, и аще Богъ изволитъ, вспять хощемъ ити. Тогда блаженный моляше ихъ, да его поимутъ съ собою и доведутъ до Св. мѣстъ».

И такъ вотъ изъ какой глубокой, сѣдой древности идетъ обычай русскаго народа ходить на поклоненіе Св. мѣстамъ и этотъ обычай, благодареніе Богу, хранится неослабно, чрезъ толикихъ вѣковъ прешествіе до нынѣшняго дня.

И нынѣ, какъ во дни св. Владимира и св. Θеодосія, русская земля ежегодно посылаетъ изъ среды своей смиренныхъ и безвѣстныхъ миру, но вѣдомыхъ и близкихъ Богу ходатаевъ, которые съ меньшими конечно противъ прежняго времени трудами и опасностями, достигаютъ Святой земли и тамъ, предстоя страшнымъ и спасительнымъ святынямъ, слезами и воплемъ крѣпкимъ преклоняютъ на милость раздраженнаго нашими безмѣрными неправдами Бога. Оттуда эти духомъ просвѣщаемые странники возвращаются въ родные города и веси съ запасомъ духовнаго утѣшенія, обновленной вѣры и дивныхъ сказаній о видѣнномъ и слышанномъ въ землѣ искупленія и, дѣлясь этимъ духовнымъ богатствомъ съ своими сосѣдами и знаемыми, бросаютъ въ народъ добрыя сѣмена, дающія плодъ свой и затрудняющія прозябеніе плевелъ.

Облегчить для этихъ молитвенниковъ ихъ дальній путь, оберечь ихъ душевное настроеніе отъ вліянія случайныхъ и нерѣдко весьма чувствительныхъ дорожныхъ невзгодъ и, что важнѣе всего, дать имъ на мѣстѣ, въ самой Св. землѣ, лишніе способы вездѣ побывать, все осмотрѣть, обо всемъ получить вѣрное понятіе и унести отдуда исполненное радостныхъ и благодатныхъ впечатлѣній сердце, будетъ одною изъ настоятельныхъ, отрадныхъ и, къ счастію, исполнимыхъ задачъ общества.

Исполненіе этой задачи облегчается тѣмъ, что здѣсь намъ придется строить на готовомъ уже основаніи; трудами Палестинскаго комитета въ Іерусалимѣ возведены зданія, которыя даютъ удобный пріютъ нашимъ богомольцамъ и которыя только за послѣднее время, вслѣдствіе постоянной прибыли въ числѣ русскихъ поклонниковъ Св. Гроба, оказываются несоотвѣтствующими дѣйствительной потребности. Весьма вѣроятно, что Палестинскій комитетъ самъ позаботится о расширеніи ввѣренныхъ его попеченію зданій, имѣя къ тому готовыя средства.

Въ настоящее время совѣтъ можетъ доложить собранію, что стараніями одного изъ его членовъ достигнуто удешевленіе проѣзда нашихъ богомольцевъ по одной изъ желѣзно-дорожныхъ линій, о чемъ впрочемъ вы знаете уже изъ сообщенія г. секретаря.

Совѣтомъ задуманы также нѣкоторыя мѣры къ снабженію

поклонниковъ книгами, которыя охраняли бы ихъ настроеніе во время пути въ Іерусалимъ и служили бы для нихъ источникомъ свѣдѣній о мѣстахъ и событіяхъ Св. земли, а по возвращеніи домой, средствомъ къ удержанію въ памяти слышаннаго и видѣннаго и къ духовному просвѣщенію вообще.

Въ чемъ должны состоять дальнѣйшія заботы общества о русскихъ поклонникахъ, на то укажетъ время и дальнѣйшее размышленіе всѣхъ нашихъ членовъ, принимающихъ сердечное участіе въ судьбѣ русскаго паломничества.

Третья, самая трудная, задача наша состоитъ въ поддержаніи и охранѣ православія въ Св. землѣ, то есть, въ помощи существующимъ мѣстнымъ обителямъ и храмамъ; въ созиданіи новыхъ храмовъ на мѣстахъ, ознаменованныхъ священными событіями; въ пріобрѣтеніи такихъ мѣстъ и, если окажется возможность, въ возвращеніи тѣхъ изъ нихъ, которыя захвачены западными; въ помощи мѣстному населенію, то есть, въ учрежденіи для него благотворительныхъ заведеній и въ особенности православныхъ училищъ, въ коихъ оно ощущаетъ крайній недостатокъ.

Трудность этой задачи состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы нельзя было изыскать нужныя для ея исполненія средства. Дѣло въ томъ, что, и при обладаніи достаточными средствами, мы не можемъ употреблять ихъ для означенныхъ цѣлей съ безусловною свободою, безъ особенно внимательнаго соображенія нашихъ дѣйствій съ намѣреніями и расположеніемъ патріархіи. А тутъ-то и ожидаютъ насъ трудности, для одолѣнія коихъ отъ насъ потребуется много благоразумія, терпѣнія и даже смиренія. Въ особенности трудно будетъ для насъ то, что нужнѣе всего: учрежденіе православныхъ училищъ.

Заботиться о духовныхъ нуждахъ православной іерусалимской паствы есть прямая обязанность ея духовнаго главы, а въ силу этой самой обязанности ему принадлежитъ и право располагать всѣ направленныя къ означенной цѣли дѣйствія, какъ свои, такъ и своихъ союзниковъ, по своему предначертанію. Когда въ предѣлы Св. земли вторгается врагъ латинецъ, или, какъ ихъ восточные, франкъ, его задача проста: заби- . болѣе изъ чужаго владѣнія, ничѣмъ не

стѣсняясь, и ни съ чѣмъ не соображаясь, кромѣ своей еретической алчности.

Приходитъ туда союзникъ и братъ, онъ не имѣетъ для своихъ намѣреній такой свободы: ему не достаточно самому получить убѣжденіе, что нужно для духовной пользы мѣстнаго народа построить тамъ-то церковь или завести училище; необходимо прежде достигнуть того, чтобы его убѣжденіе раздѣлилъ патріархъ. А у патріархіи могутъ быть свои напрасныя предубѣжденія, ложные страхи, невѣрныя соображенія, дурное разумѣніе даже своихъ собственныхъ выгодъ; пойти съ рѣшительностію противъ—принесетъ мало пользы и очень много вреда; уступить—будетъ грѣхъ передъ Богомъ.

Какъ же быть? На это никто не можетъ дать опредѣленныхъ правилъ. Каждый частный случай потребуетъ особеннаго ему приличнаго способа дѣйствій; важно уяснить себѣ общій духъ и общее направленіе всѣхъ нашихъ дѣйствій въ Св. землѣ и, утвердивъ себя въ разъ избранномъ направленіи, никогда отъ него не уклоняться. Духъ же и направленіе наше ясно опредѣляются цѣлію, ради которой мы заключили между собою нашъ духовный союзъ; цѣль наша—служить Св. землѣ всѣми средствами, которыя изобрѣтетъ нашъ разумъ и наше усердіе: служить, ставя постоянно предъ своими очами образъ Того, Кто пришелъ, не да послужатъ Ему, но послужити, и поминая Его божественную заповѣдь: «болій въ васъ да будетъ всѣмъ слуга!»

Не будемъ претыкаться о немощи и пороки нашихъ братьевъ, тѣмъ болѣе, что и мы сами не имѣемъ въ нихъ недостатка. Не удивимся иному ихъ предубѣжденію, зная, что множество ихъ порождено нашимъ собственнымъ поведеніемъ. Не будемъ корить своимъ земнымъ величіемъ и могуществомъ ихъ политическаго ничтожества и безсилія, поминая превратность человѣческихъ судебъ и повергая себя предъ Богомъ, «Иже многое не умножи и малое не умали»!

Намъ есть съ кѣмъ и безъ нихъ вести счеты: кругомъ насъ обстоятъ враги, которые усердно заняты мыслію насъ ослабить и унизить и которые для этой цѣли устремляются на разстройство нашихъ исконныхъ природныхъ союзовъ. На нихъ

обратимъ весь напоръ своихъ силъ и съ ними вступимъ мужественно въ бой, не смущаясь неравенствомъ средствъ! Уравновѣсить силы у насъ есть способъ: мы тамъ свои, а они чужіе; «они тамъ татіе, мы же братіе». Въ этомъ послѣднемъ словѣ вся тайна успѣха: какъ братьямъ, намъ тамъ все доступно; какъ «судьи и дѣлители», мы явились бы пособниками нашихъ общихъ враговъ и въ ихъ руки предали бы и то, что еще уцѣлѣло отъ ихъ захватовъ.

Вольное, невынужденное смиреніе не унижаетъ, но возноситъ. Ступивъ на его богоподражательный путь, мы привлечемъ на свое дѣло благословеніе свыше, а въ немъ откроется для насъ изобильный источникъ нужныхъ для нашего дѣла средствъ.

XII.

Рѣчь, произнесенная на обѣдѣ 21-го мая 1885 г.,

по случаю открытія памятника М. И. Глинкѣ въ Смоленскѣ.

Ваше преосвященство! Милостивые государи! На мою долю пала сегодня высокая честь—на торжественномъ праздникѣ роднаго искусства обратиться, къ сожалѣнію, заочно, со словомъ привѣтствія къ тому изъ русскихъ художниковъ, который состоитъ въ ближайшемъ духовномъ родствѣ съ геніальнымъ творцемъ русской народной музыки, который еще на рубежѣ отроческаго и юношескаго возраста, былъ отмѣченъ имъ, какъ будущій продолжатель его дѣла и вѣрный хранитель созданныхъ имъ художественныхъ преданій, и который прозорливымъ избраніемъ Государя Императора поставленъ во главѣ художественной части нынѣшняго торжества.

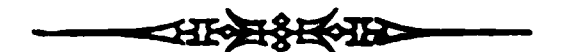
По общему закону, установленному для всего, что возвышается надъ обыкновеннымъ среднимъ уровнемъ, замѣчательныя произведенія М. А. Балакирева и его союзниковъ по искусству не сразу завоевали себѣ общественное признаніе. Да и теперь это признаніе еще очень далеко отстоитъ отъ размѣровъ, соотвѣтствующихъ истинной ихъ цѣнности. Къ нашему стыду, и на этотъ разъ чужіе люди ранѣе своихъ уразумѣли мѣру значенія предводимой Балакиревымъ музыкальной школы. Всякій разъ, когда на европейскихъ музыкальныхъ торжествахъ исполняется какое-либо произведеніе этой школы, заграничныя повременныя изданія приносятъ намъ вѣсти о бурномъ восторгѣ чужеродныхъ слушателей. Очередь

дойдетъ конечно и до насъ. Балакиревъ и его друзья могутъ ожидать этого времени спокойно, въ твердомъ сознаніи неминуемой и, Богъ дастъ, недалекой уже побѣды.

Но, м. г., Балакиревъ не только высокій, вдохновенный и строгій художникъ, онъ въ тоже время высокій и избранный человѣкъ. Кто, подобно мнѣ, имѣлъ бы возможность наблюдать за каждымъ днемъ его жизни, тотъ навѣрное не отрекся бы свидѣтельствовать вмѣстѣ со мною, что онъ являетъ отрадный примѣръ и рѣдкое сочетаніе полнаго безпрерывнаго самоотверженія въ служеніи ближнимъ и чрезвычайной кротости съ непреклонною, истинно христіанскою свободою и независимостью духа.

Не только въ наши небогатые доблестями дни, но и во всякое время и на всякомъ мѣстѣ онъ былъ бы украшеніемъ и отрадою всякаго человѣческаго общежитія.

Господа! Я приглашаю васъ поднять къ устамъ привѣтственную чашу въ честь и здравіе высокаго художника и рѣдкаго человѣка!



XIII.

О преподаваніи церковнославянскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ [1]).

Въ докладѣ В. Я. Стоюнина «О грамматическомъ матеріалѣ въ русскихъ учебникахъ», который былъ прочитанъ въ октябрскомъ собраніи преподавателей русскаго языка и словесности и подвергнутъ въ немъ тщательному обсужденію, поставленъ былъ, между прочими вопросами, и вопросъ о преподаваніи церковнославянскаго языка въ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Мнѣніе самого г. Стоюнина объ этомъ предметѣ выразилось въ десятомъ положеніи его доклада, гдѣ сказано:

«Церковнославянскимъ языкомъ въ извѣстныхъ случаяхъ можно пользоваться въ *научной* [2]) русской грамматикѣ, но смѣшивать съ нею славянскую грамматику не слѣдуетъ; *ее необходимо преподавать отдѣльно, послѣ русской научной грамматики*».

Чтобы выразить всю мысль г. Стоюнина о предметѣ, необходимо присовокупить къ сему его устное, въ печатный докладъ не вошедшее, но существенно важное заявленіе: что

[1]) Первоначально напечатано было отдѣльною брошюрою (Спб., тип. тов. «Общ. Польза», 1887).

[2]) Для лицъ, не присутствовавшихъ при чтеніи и обсужденіи доклада г. Стоюнина, считаю нужнымъ пояснить, что, по мысли почтеннаго докладчика, принятой и всѣмъ собраніемъ, въ программу среднихъ учебныхъ заведеній должны входить два курса русской грамматики—элементарный и научный.

церковнославянскій языкъ долженъ быть изучаемъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ языкъ церкви. Изъ этого заявленія, если взять его въ связи съ предложеніемъ г. Стоюнина преподавать церковнославянскую грамматику *послѣ* научнаго курса русской грамматики, можно было бы, пожалуй, заключить, что, въ виду указанной имъ священной, но все таки практической цѣли, онъ предлагаетъ изученіе церковнославянскаго языка не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сохранился въ его древнѣйшихъ памятникахъ, а по современному тексту Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, по которому читаютъ и поютъ въ православныхъ храмахъ въ настоящее время.

Но такому выводу препятствуетъ слѣдующее мѣсто его доклада: «собственно *старославянскую* грамматику проходить слѣдуетъ отдѣльно, послѣ русской грамматики» (стр. 626).

Изъ этого очевидно, что отъ преподаванія церковнославянскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Стоюнинъ ожидаетъ двоякой пользы, усматривая въ немъ орудіе какъ для яснаго разумѣнія того, что проповѣдуетъ церковь, такъ и для наукообразнаго изученія языка русскаго.

Положеніе г. Стоюнина вызвало живыя и разнообразныя возраженія. Никто, сколько я помню, не согласился съ тѣмъ его мнѣніемъ, что преподаваніе церковнославянскаго языка въ его древнемъ видѣ должно слѣдовать за курсомъ научной русской грамматики. Лица, принимавшія участіе въ преніяхъ, согласно отвергали такую постановку вопроса, находя, что она не соотвѣтствуетъ природѣ тѣхъ отношеній, которыя существуютъ между языкомъ русскимъ и древнимъ церковнославянскимъ, и лишаетъ преподавателя научной русской грамматики тѣхъ средствъ къ освѣщенію явленій русскаго языка, которыя въ такомъ обиліи предлагаются грамматикою церковнославянскою и которыя только она одна и можетъ преподать.

И между тѣми участниками совѣщанія, которые признавали необходимость ближайшей и безпрерывной связи между курсомъ русской научной грамматики и преподаваніемъ древняго церковнославянскаго языка, возникло извѣстное различіе во взглядахъ, которое не касается впрочемъ самой сущности дѣла, а выражаетъ собою лишь оттѣнки одной и тойже мысли, от-

тѣнки впрочемъ, достойные вашего, милостивые государи, вниманія и требующіе дальнѣйшаго разсмотрѣнія и обсужденія.

Одно мнѣніе, которое съ особенною обстоятельностію и съ замѣчательнымъ знаніемъ предмета развивалъ и поддерживалъ г. Мандельштамъ, требуетъ совмѣстнаго, нераздѣльнаго преподаванія русской грамматики древняго церковнославянскаго языка. Другое мнѣніе, котораго держусь я, состоитъ въ томъ, что грамматика древняго церковнославянскаго языка должна преподаваться *отдѣльно* отъ русской научной грамматики, какъ полагаетъ и г. Стоюнинъ, только не послѣ, а прежде ея.

Наконецъ однимъ изъ присутствовавшихъ въ октябрскомъ собраніи членовъ было заявлено, что онъ считаетъ изученіе церковнославянскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ совершенно излишнимъ и что изученіе русской грамматики въ этихъ заведеніяхъ много выиграло бы, если бы въ ихъ программу, вмѣсто церковнославянскаго языка, былъ введенъ языкъ нашихъ лѣтописей и вообще древнерусскихъ памятниковъ, а также языкъ въ тѣсномъ смыслѣ народный, живущій въ произведеніяхъ народной поэзіи и обращающійся въ устахъ народа. Языкъ же церковнославянскій, какъ языкъ искуственный, коего синтаксисъ построенъ по образцу языка чуждаго (греческаго), многія формы коего въ русскомъ языкѣ совершенно утратились, а иныя никогда въ немъ и не существовали, могъ бы, по мнѣнію досточтимаго члена собранія, быть вовсе исключенъ изъ программы безъ всякаго ущерба, а при указанной имъ замѣнѣ, даже съ прямою пользою для изученія языка отечественнаго.

Пусть это заявленіе ни въ комъ не нашло гласной поддержки и осталось одинокимъ. Но оно сдѣлано было лицемъ которое, при защитѣ даже такого невѣрнаго—какъ я смѣю думать—положенія, проявило много ума, познаній и преподавательской опытности. Еще важнѣе то, что оно было сдѣлано въ средѣ такого собранія, дѣятельность коего имѣетъ право на общее почтительное вниманіе и на заботливое огражденіе ея отъ всякихъ уклоненій отъ прямаго пути. Допущенный въ вашу среду, не какъ случайный гость, а какъ присный членъ вашей почтенной семьи, я не могъ отнестись равно-

душно къ заявленію, которое находится въ рѣзкомъ и непримиримомъ противорѣчіи съ моими воззрѣніями на предметъ и которое смутило и встревожило меня своею неожиданностію. Болѣе тридцати пяти лѣтъ тому назадъ поступивъ на должность преподавателя русскаго языка и словесности въ первую московскую гимназію, я, одинъ изъ всѣхъ моихъ московскихъ товарищей, на свой собственный страхъ, рѣшился преподавать своимъ ученикамъ церковнославянскій языкъ по грамматикѣ Остромирова Евангелія, возбуждая на первыхъ порахъ недоброжелательное недоумѣніе, не въ моихъ юныхъ слушателяхъ, изъ коихъ многіе и донынѣ хранятъ благодарное воспоминаніе объ этихъ урокахъ, но въ средѣ преподавателей. Лѣтъ черезъ десять, можетъ быть даже нѣсколько болѣе, послѣ разлуки моей съ преподавательскою должностію необходимость грамматики древняго церковнославянскаго языка получила всеобщее признаніе, выразившееся въ томъ, что обязательное преподаваніе ея введено было въ программу среднихъ учебныхъ заведеній. Благотворныя послѣдствія этого распоряженія были по видимому внѣ всякаго сомнѣнія. Еще такъ недавно они проявились съ полною очевидностью при обсужденіи въ нашемъ собраніи «Опыта русскаго правописанія» академика Грота. Многоученый и заслуженный авторъ «Опыта» встрѣтился здѣсь съ такими указаніями, значенія коихъ никто отвергнуть не можетъ и которыя однако не могли бы быть ему предложены, если бы члены нашего собранія, обсуждавшіе этотъ ученый трудъ, были лишены помощи древняго церковнославянскаго языка.

Вызовъ, сдѣланный сему языку въ нашемъ же собраніи, не долженъ быть оставленъ при тѣхъ только опроверженіяхъ, которыя были уже высказаны здѣсь вслѣдъ за прочтеніемъ доклада г. Стоюнина. По вниманію къ высокой важности, скажу болѣе, къ священному значенію предмета, я рѣшился принять на себя трудъ объясниться въ вашемъ присутствіи о главныхъ разногласіяхъ въ вопросѣ о преподаваніи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ древняго церковнославянскаго языка, которыя возникли при обсужденіи доклада г. Стоюнина, начиная

съ заявленія о совершенномъ исключеніи сего языка изъ программы тѣхъ заведеній.

Происхожденіемъ своимъ церковнославянскій языкъ обязанъ переводу Св. Писанія, богослужебныхъ, каноническихъ, святоотеческихъ, вообще всѣхъ церковію употребляемыхъ книгъ съ греческаго подлинника [1]) на одно изъ славянскихъ нарѣчій, современныхъ просвѣтительному апостольскому подвигу Великой Константинопольской Церкви, изъ нѣдръ коей вышли великіе совершители этого поистинѣ чудотворнаго перевода и христіанскіе первоучители всего славянскаго племени. На которое именно изъ бывшихъ въ то время нарѣчій переведены были Кирилломъ и Меѳодіемъ священныя книги, о томъ существуютъ различныя доселѣ не примиренныя мнѣнія, разборомъ коихъ нѣтъ надобности занимать сегодня ваше вниманіе. Естественнѣе всего думать, что переводчики избрали для сего языкъ славянъ македонскихъ, среди коихъ они родились и долгое время жили и отъ коихъ они, какъ и всѣ солунскіе жители, безъ различія народностей, усвоили знаніе этого языка, о чемъ свидѣтельствуетъ извѣстное изреченіе паннонскаго житія: «Солуняне бо вси чисто словенски бесѣдоваху». Но если бы наука пришла со временемъ и къ другому выводу, для цѣли моей настоящей бесѣды это не имѣло бы значенія. Для насъ достаточно имѣть въ виду, что одно изъ славянскихъ нарѣчій IX в. было избрано для передачи всему славянскому роду необъятнаго божественнаго содержанія христіанства; что совершенный святыми солунскими братьями переводъ всѣхъ церковію содержимыхъ книгъ сдѣлался первоначально общимъ достояніемъ всѣхъ жившихъ въ IX и X в. славянскихъ народовъ, языки коихъ въ ту пору были несравненно сходнѣе между собою, чѣмъ въ настоящее время; что кирилловскій первообразъ Св. книгъ, постепенно водворяясь въ каждой славянской странѣ, долженъ былъ неизбѣжно подвергаться вліянію мѣстныхъ языковъ и принимать въ себя нѣкоторыя ихъ черты и оттѣнки, но въ тоже время удерживалъ и сохранялъ свой особенный,

---

[1]) За исключеніемъ книгъ Ветхаго Завѣта, для коихъ текстъ семидесяти не былъ подлинникомъ.

строгій и возвышенный строй, предопредѣляемый его священнымъ содержаніемъ; что, по превратности историческихъ судебъ, многіе изъ славянскихъ народовъ были отторгнуты населеніемъ Рима отъ просвѣтившей ихъ церкви константинопольской и, вмѣстѣ съ чистотою христіанскаго исповѣданія, утратили и славянское богослуженіе; что это священное наслѣдіе сохранилось донынѣ во всей своей полнотѣ и художественной красотѣ собственно въ нашемъ отечествѣ. Если же Провидѣнію угодно было даровать русскому народу то рѣдкое, неоцѣнимое счастіе, чтобы все ученіе церкви, всѣ ея молитвы и славословія, всѣ ея уставы и правила, однимъ словомъ, все ея божественное содержаніе облеклось въ многоцѣнную и велелѣпную ризу церковнославянскаго слова, то одной этой причины было бы вполнѣ достаточно, чтобы предъ намѣреніемъ исключить преподаваніе церковнославянскаго языка изъ програмы русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній остановиться съ тягостнымъ недоумѣніемъ.

Хотя языкъ церковнославянскій весьма близокъ къ нашему отечественному языку, такъ что даже необученному простолюдину вполнѣ доступны многія части церковнаго богослуженія; но этою долею разумѣнія мы не довольствуемся даже для дѣтей народа, и въ школахъ, для нихъ учреждаемыхъ, стремимся, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, дать церковнославянскому языку первенствующее мѣсто, принадлежащее ему по праву, какъ орудію высшихъ и необходимѣйшихъ для христіанина познаній. На какомъ же основаніи и по какому праву могли бы мы отнять у нашихъ собственныхъ дѣтей то благодѣяніе, въ которомъ не отказываемъ дѣтямъ классовъ недостаточныхъ и обдѣленныхъ?

Открывая воспитаннику весь внѣшній смыслъ Св. Писанія и богослуженія, по мѣстамъ затруднительный, а иногда и вовсе непонятный для людей, знающихъ его по навыку, а не грамматически, церковнославянскій языкъ является въ высшей степени важнымъ вспомогательнымъ предметомъ въ религіозномъ образованіи русскихъ отроковъ и юношей, которое, я смѣю это утверждать, не опасаясь возраженій, поставлено въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ весьма неудовлетворительно.

Существенный основный его порокъ состоитъ, по моему крайнему разумѣнію, въ преобладаніи учебниковъ (большею частію очень плохихъ и мертвенныхъ) надъ живыми источниками церковнаго ученія, съ которыми воспитанникъ встрѣчается слишкомъ рѣдко и большею частію въ отрывочныхъ изреченіяхъ, содержащихъ въ себѣ лишь намеки на ту или другую религіозную мысль. Изученіе церковнославянскаго языка можетъ и должно прійти въ этомъ дѣлѣ на помощь. Пусть воспитанникъ приступитъ къ изученію главы Евангелія, апостольскаго посланія, пѣсни Давида или Дамаскина, слова одного изъ вселенскихъ учителей, не ради ихъ содержанія, а только для усвоенія древнихъ церковнославянскихъ формъ. Но эти встрѣчи, хотя бы и не съ тѣмъ намѣреніемъ устроенныя, могутъ имѣть благотворныя, спасительныя послѣдствія для молодой слагающейся души, внезапно освѣтивъ передъ нею еще невѣдомыя ей самой ея собственныя глубины, и плѣнить юный разумъ въ свободное послушаніе вѣры. Такъ нѣкогда Саулъ пошелъ отыскивать заблудившихся ослятъ отца своего, и нашелъ царство. При этомъ нѣтъ безусловной необходимости въ чемъ-либо наставленіи и руководствѣ: чуткая душа сама, безъ постороннихъ указаній, найдетъ въ себѣ отзывъ, коль скоро слуха ея коснется духовный глаголъ: «Все въ мірѣ, говоритъ одинъ изъ великихъ учителей церкви, обыкновенно стремится къ своему сродному. И душа, какъ имущая часть духа, когда услышитъ глаголъ, содержащій внутрь себя духовную силу, пламенно воспріемлетъ смыслъ его».

Помощь, которую преподаваніе церковнославянскаго языка, при правильномъ его устройствѣ, можетъ оказать религіозному воспитанію нашихъ дѣтей, имѣла бы высокую цѣну во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ. Тѣмъ выше должна цѣниться она въ наши трудныя и исполненныя опасностей времена, когда многочисленные, повсемѣстно разсѣянные и всюду проникающіе совратители юныхъ душъ подстерегаютъ первое пробужденіе въ нихъ самостоятельной мысли и благородные порывы ихъ самоотверженнаго одушевленія, дабы всѣ эти драгоцѣнные залоги благотворной дѣятельности нарождающихся поколѣній направить къ своимъ преисподнимъ цѣлямъ.

Не останавливаюсь долѣе на этой сторонѣ предмета, въ увѣренности, что и немногихъ, сказанныхъ, мною словъ совершенно достаточно для того, чтобы утвердить мою мысль о значенiи церковнославянскаго языка, какъ могущественнаго средства къ сближенiю учащихся отроковъ и юношей съ церковiю и къ усвоенiю ими того, что она возвѣщаетъ въ теченiе вѣковъ всему человѣческому роду.

Переходя къ значенiю церковнославянскаго языка, какъ представителя языковъ и нарѣчiй всего славянскаго племени, я позволю себѣ прежде всего остановить ваше вниманiе на замѣчательныхъ словахъ великаго славянскаго ученаго, произнесенныхъ имъ еще въ 1830 году: «Церковный славянскiй языкъ, писалъ П. I. Шафарикъ, есть наидражайшiй складъ нашихъ древностей (по чешски: starožitnosti a starobylosti našj). Остатки этого прастараго языка въ рукописяхъ IX вѣка находятся въ такомъ отношенiи къ прочимъ славянскимъ нарѣчiямъ, въ какомъ санскритъ къ родственнымъ ему языкамъ европейскимъ, то есть, они суть регулятивъ, безъ котораго ни въ одномъ изъ славянскихъ нарѣчiй нельзя достигнуть основанiя и дна».

«Въ памятникахъ, близкихъ ко временамъ св. Кирилла и Меѳодiя, говоритъ другой знаменитый представитель славянскаго языковѣдѣнiя, В. И. Григоровичъ, каждый славянинъ съ удивленiемъ находитъ начала родныхъ своему нарѣчiю стихiй. Замѣчательно, что живыя славянскiя нарѣчiя другъ друга исключали, не признавали правильности формъ своихъ до тѣхъ поръ, пока церковнославянскiй языкъ, раскрытый въ древнѣйшихъ памятникахъ, не объяснилъ отдѣльной организацiи каждаго, доказавъ необходимость свойствъ ея. Расходясь параллельно, славянскiе языки никогда бы, можетъ быть, не были изучаемы по извѣстнымъ прочнымъ правиламъ, безъ познанiя полнаго состава древняго славянскаго языка».

Тоже примирительное и связующее влiянiе имѣлъ церковнославянскiй языкъ и на постепенное образованiе нашего отечественнаго языка.

«Внесенный вмѣстѣ съ Св. книгами, говоритъ тотъ же ученый, церковнославянскiй языкъ примѣнялся къ народному выговору, упрощалъ свой составъ, но, не принимая въ себя

ничего, что разнитъ русскія нарѣчія, усвоилъ то, что ихъ соединяетъ. Дѣйствительно въ немъ есть много русскаго, но ничего малорусскаго, ничего великорусскаго, ничего бѣлорусскаго. Въ этомъ состоитъ его значеніе въ цѣломъ періодѣ образованія нашего до Петра. Онъ былъ связью племенъ, нарѣчій, былъ символомъ единства Россіи. Служа выраженіемъ божественныхъ истинъ на всѣхъ степеняхъ историческаго развитія, отъ Владимира Святаго до Петра Великаго, до нашего времени, на всѣхъ точкахъ обширнаго отечества нашего, онъ представлялся одинаково сознанію русскаго человѣка въ своей нравственной необходимости. Искони ведя къ духовнымъ дѣйствіямъ, онъ былъ условіемъ въ распространеніи народности. Такимъ образомъ связывалъ прошедшее съ настоящимъ, сближалъ страны, разрозненныя далью и климатомъ».

Далѣе, прибавлю я уже отъ себя, совмѣщая въ себѣ множество свойствъ, разбросанныхъ по различнымъ славянскимъ нарѣчіямъ и такимъ образомъ становясь ихъ средоточіемъ; по силѣ словопроизводства, по богатству звуковъ и древнѣйшихъ формъ, подходя ближе всѣхъ другихъ соплеменныхъ нарѣчій къ языку древнеславянскому, церковный языкъ является полнѣйшимъ и преимущественнымъ представителемъ нашего племени въ ряду языковъ индоевропейской семьи и въ этомъ обнаруживаетъ свое новое, можно сказать, всемирно-историческое значеніе.

Наконецъ у насъ въ отечествѣ онъ имѣетъ особенно важное значеніе по своей тѣснѣйшей связи съ языкомъ русскимъ, проходящей черезъ всю исторію сего послѣдняго. Не говорю уже о древнемъ періодѣ нашей словесности, когда языкъ церковнославянскій такъ сливался съ языкомъ устнымъ народнымъ, что эти двѣ стихіи въ древнерусскихъ письменныхъ памятникахъ почти нельзя разнять: но и впослѣдствіи, въ новый періодъ нашей словесности, церковнославянскій языкъ не переставалъ и доселѣ не перестаетъ обогащать нашъ языкъ своими сокровищами и охранять его отъ вторженія иноязычныхъ выраженій. Въ эпоху преобразованія Россіи, когда къ намъ настежь растворились двери всему чуждому, и въ языкъ нашъ вошло множество варваризмовъ, помутившихъ его чистоту. Чтобы положить

предѣлъ этому наплыву и вывести нашу рѣчь изъ хаотическаго состоянія, великій учредитель нашего новаго книжнаго языка прибѣгъ къ языку церковнославянскому, какъ оплоту его отъ чуждыхъ наносовъ. И послѣдующіе великіе писатели наши не уклонялись отъ вліянія этого языка; и не только духовные витіи, коимъ свойственно украшать свои слова славянскими реченіями и возвышеный слогъ коихъ такъ близко подходитъ къ торжественному строю рѣчи церковнославянской, но и на лучшихъ представителяхъ нашей свѣтской литературы его вліяніе отразилось очень замѣтно: на Державинѣ, Карамзинѣ, Жуковскомъ и особенно на Пушкинѣ.

Въ завершеніе моей апологіи, позволю себѣ привести заключительныя строки изъ классическаго разсужденія Ломоносова «О пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ».

«Разсудивъ таковую пользу отъ книгъ церковныхъ славянскихъ въ Россійскомъ языкѣ, всѣмъ любителямъ отечественнаго слова безпристрастно объявляю и дружелюбно совѣтую, увѣрясь собственнымъ искусствомъ, дабы съ прилежаніемъ читали всѣ церковныя книги, отчего къ общей и собственной цѣли воспослѣдуетъ:

1) По важности освященнаго мѣста церкви Божіей и для древности чувствуемъ въ себѣ къ славянскому языку нѣкоторое особливое почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо возвыситъ.

2) Будетъ всякъ умѣть разбирать высокія слова отъ подлыхъ и употреблять ихъ въ приличныхъ мѣстахъ по достоинству предлагаемой матеріи, наблюдая равность слога.

3) Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго славянскаго языка купно съ россійскимъ отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется; и Россійскій языкъ, въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ, перемѣнамъ и упадку не подверженъ, утвердится, коль долго церковь

россійская славословіемъ Божіимъ на славянскомъ языкѣ украшаться будетъ».

«Сіе краткое напоминаніе довольно къ движенію ревности въ тѣхъ, которые къ прославленію отечества природнымъ языкомъ усердствуютъ, вѣдая, что съ паденіемъ онаго, безъ искусныхъ въ немъ писателей, *не мало затмится слава всего народа*».

Исторія Русскаго языка и слога отъ дней Ломоносова до нашего времени свидѣтельствуетъ о неопровержимой истинѣ словъ родоначальника нашей новой словесности. И современное поразительное искаженіе русскаго языка и паденіе русскаго слога есть явное исполненіе его вѣщаго пророчества. Кромѣ внутреннихъ причинъ, которыя кроются въ порокахъ господствующихъ понятій и чувствъ нашего времени и въ обращеніи божественнаго дара въ оружіе «сквернаго прибытка», униженію роднаго слова несомнѣнно способствуетъ явное и намѣренное отчужденіе новѣйшихъ писателей отъ спасительнаго вліянія языка церковнославянскаго.

Особенно горькое чувство раждается въ душѣ при мысли, что это отчужденіе весьма замѣтно въ самомъ клирѣ и съ особою силою проявилось въ послѣднемъ переводѣ Св. Писанія на русскій языкъ. Вмѣсто того, чтобы, сколь возможно, ближе держаться высоко-художественнаго текста церковнославянскаго и не отходить отъ него безъ явной необходимости, переводчики поставили себѣ цѣлью отъ каждаго славянскаго реченія, отъ каждаго славянскаго, но и русскому языку нечуждаго, оборота рѣчи бѣжать, какъ отъ какой-то бѣды. И вотъ передъ нами русскій переводъ Ветхаго и Новаго Завѣта, «обнаженный первыя боготканныя *ризы*» и одѣтый въ скудное вретище.

Беру для примѣра вступленіе въ Маккавейскія книги:

«И бысть, егда поражаше Александръ Македонскій, сынъ Филиппа, иже изыде отъ земли Хеттіимъ, порази и Дарія царя перскаго и мидскаго и воцарися вмѣсто его первый во Ел-	«Послѣ того, какъ Александръ, сынъ Филиппа, Македонянинъ, который вышелъ изъ земли Киттимъ, поразилъ Дарія царя персидскаго и мидійскаго, и воцарился вмѣсто его прежде

ладѣ. И состави брани многи, и одержа твердыни многи, и уби цари земскія. И пройде даже до краевъ земли и взя корысти многихъ языковъ, и умолче земля предъ нимъ, и возвысися, и вознесеся сердце его. И собра силу крѣпку зѣло, и начальствова надъ странами и языки, и мучительми, и быша ему въ данники. И посемъ паде на ложе и позна, яко умираетъ».

надъ Елладою, онъ произвелъ много войнъ, и овладѣлъ многими укрѣпленными мѣстами, и убивалъ царей земли. И прошелъ до предѣловъ земли, и взялъ добычу отъ множества народовъ; и умолкла земля предъ нимъ, и онъ возвысился, и вознеслось сердце его. Онъ собралъ весьма сильное войско, и господствовалъ надъ областями и народами и властителями, и они сдѣлались ему данниками. Послѣ того онъ слегъ въ постель и почувствовалъ, что умираетъ».

Теперь перехожу къ вопросу о значеніи церковнославянскаго языка собственно для грамматическаго изученія языка русскаго, съ уясненіемъ коего безъ труда опредѣлится и порядокъ преподаванія того и другаго въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ докладѣ г. Стоюнина (полож. 8 и 9) основою этимологіи признается фонетика, а главнымъ матеріаломъ этимологіи происхожденіе и образованіе словъ.

Исходя изъ сихъ вполнѣ справедливыхъ положеній, я ставлю вопросъ: есть ли возможность сообщить учащимся правила русской фонетики и русскаго словообразованія и словопроисхожденія безъ предварительнаго ознакомленія ихъ съ основами этимологіи древняго церковнославянскаго языка? И безъ малѣйшаго колебанія отвѣчаю: нѣтъ! По приведенному выше выраженію Шафарика, безъ помощи сего прастараго языка ни въ одномъ изъ славянскихъ нарѣчій, въ томъ числѣ и въ языкѣ русскомъ, нельзя достигнуть основанія и дна.

Въ русской этимологіи на каждомъ шагу встрѣчаются явленія, безъ помощи древней церковнославянской этимологіи совершенно необъяснимыя.

Предложу нѣсколько примѣровъ:

Въ русскомъ языкѣ есть два однозвучныхъ глагола «жать», изъ коихъ одинъ имѣетъ въ настоящемъ времени «жму», а другой «жну». Корень того и другаго глагола *жа*(-ть есть окончаніе неопред. наклон.); окончаніе 1-го лица наст. врем.—*у*. Откуда же взялись *м* и *н*? И куда дѣвалось *а*?

На это можетъ дать вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ хорошій ученикъ гимназіи или корпуса, ознакомленный умнымъ преподавателемъ съ основными правилами древней церковнославянской фонетики; но не отвѣтитъ самый образованный и даже ученый человѣкъ, если онъ проходилъ русскую грамматику, безъ связи съ грамматикой древняго церковнославянскаго языка.

Далѣе. Есть цѣлый рядъ глаголовъ, происходящихъ отъ славянскаго «яти»: с-н-*я*-ть, в-н-*я*-ть, по-н-*я*-ть, отъ коихъ происходятъ формы: с-н-*им*-а-ть, съ-*ем*-ка: в-н-*им*-ать, в-н-*ем*-лю, по-н-*им*-а-ти, по-*ем*-ный.

Отъ глагола на-*ча*-ть—на-*чин*-а-ть, (ц.-слав. прич.) на-*чен*-ъ.

Опять темные вопросы: какимъ образомъ въ первыхъ двухъ случаяхъ *я* обратилось въ *им*- и *ем*-, а въ послѣднемъ случаѣ *а*—въ *ин*- и *ен*-?

Кромѣ того, обнажившійся въ послѣднемъ глаголѣ корень *чин*-, откуда существительное *чинъ*, что имѣетъ общаго съ понятіемъ о началѣ?

Еще. Какъ объяснить переходъ *я* въ *у*, или наоборотъ *у* въ *я*, въ слѣдующихъ случаяхъ:

со-*пряг*-ать=су-*пруг*-ъ,
мят-ежъ=с-*мут*-а,
звяк-ать=*звук*-ъ,
гряд-а=*груд*-ь,
по-*гряз*-ать=по-*груз*-ить?

Для тѣхъ изъ васъ, милостивые государи, которые не посвящены въ тайны древней церковнославянской этимологіи, я позволю себѣ указать на три своеобразныя особенности ея, при помощи коихъ весьма просто и ясно рѣшаются не только поставленные мною, но и многое множество другихъ вопросовъ русской этимологіи.

1) Первая особенность состоитъ въ томъ, что начертаніямъ

з и *ь*, которыя въ современномъ русскомъ языкѣ считаются признаками твердости или мягкости предшествующаго согласнаго звука, въ древнеславянскомъ языкѣ соотвѣтствовали краткіе гласные звуки, при чемъ начертанію *з* соотвѣтствовали *о* и *у*, а начертанію *ь* краткіе *е* и *и*.

Такъ, въ древнеславянскихъ памятникахъ встрѣчаемъ:

сзньмъ	наше	сонмъ,
дьнь	»	день,
обь-ходити	»	об*и*-ходъ,
нз	»	но,
тз	»	т*о*-тъ, то-й,
обз-яла	»	об*у*-яла,
склзьззкъ	»	ск*о*льз*о*къ и скл*и*з*о*къ,
Ползтьскъ	»	Пол*о*тскъ и несторовъ—Полътескъ,
Витьбьскъ	»	Вит*е*бскъ и несторовъ—Витьб*е*скъ.

И такъ древнее з=*о*, *у*; ь=*е*, *и*.

2) Гортанные звуки *г*, *к*, *х*, въ древнемъ славянскомъ языкѣ могли стоять исключительно передъ твердыми гласными: а, о, у, ѫ, ы, ъ. Такъ: книг-а, книг-ы, книг-ѫ; человѣк-ы, дух-ы и т. д.; передъ мягкими же (я, е, ю, ѧ, и, ь) они переходили: г—въ з, ж (вра*г*-ъ, вра*з*-и, вра*ж*-е), к—въ ц, ч (чловѣ*к*-ъ, чловѣ*ц*-и, чловѣ*ч*-е), х—въ с, ш (ду*х*-ъ, ду*с*-и, ду*ш*-е), при чемъ переходъ въ з, ц, с представлялъ первую степень ихъ смягченія, а въ ж, ч, ш—дальнѣйшую, такъ-что и з, ц, с, въ свою очередь, смягчались въ ж, ч, ш. Такъ: кънѧ*з*-ь—кънѧ*ж*-ь; оте*ц*-ъ—оте*ч*-ь; на*с*-ъ—на*ш*-ь. Производныя отъ гортанныхъ: ж, ч, ш могли стоять только передъ мягкими гласными: ж*ю*-ю, ч*ю*в-ство, о ш*ю*ю.

3) Въ древнемъ славянскомъ языкѣ существовали носовые звуки, изображавшіеся юсами: большимъ или твердымъ ѫ и малымъ или мягкимъ ѧ; и тотъ, и другой имѣли іотированную форму: ѭ, ѩ.

Въ русскомъ языкѣ этихъ звуковъ давно уже нѣтъ, а можетъ быть никогда и не было: у насъ твердому ѫ соотвѣтствуетъ

звукъ *у*, мягкому звукъ *я*, іотированному твердому—*ю*, а мягкому—тоже *я*.

Носовые звуки во всѣхъ языкахъ образуются изъ сочетанія согласныхъ *м* и *н* съ предшествующею гласною, причемъ *м* и *н* теряютъ свою согласную твердость, сливаясь съ гласною въ одинъ общій, нераздѣльный звукъ. Отъ свойства гласной, т. е. смотря по тому, твердая ли она, или мягкая, зависитъ и свойство юсовъ. Если начертанія *ъ* и *ь* мы примемъ за представителей твердости или мягкости гласнаго звука вообще, то твердый ѫ можно выразить въ видѣ *ъм* или *ън*, а мягкій въ видѣ *ьм* или *ьн*.

Носовые звуки во всѣхъ языкахъ, по самой природѣ ихъ, могутъ стоять только передъ согласными, или же на концѣ словъ; при встрѣчѣ же съ гласными, они разлагаются на свои составныя части. Такъ: en avant, inattendu, unanime.

Установивъ такимъ образомъ значеніе древнеславянскихъ *ъ* и *ь*, образъ и условія смягченія гортанныхъ и составъ звуковъ, изображаемыхъ юсами, возвратимся къ приведеннымъ выше примѣрамъ.

Глаголъ «жа-ть», въ обоихъ смыслахъ, изображался въ древнеславянскихъ памятникахъ не черезъ *а*, которое, какъ мною объяснено, и не могло стоять послѣ *ж*, а черезъ мягкій юсъ ѧ: жѧ-ти.

Выше показано, что мягкій ѧ=*ьм* или *ьн*; передъ гласнымъ окончаніемъ перваго лица настоящаго времени (у=ѫ) ѧ разлагается на свои составныя части, при чемъ получаются формы: *жьм*-у (ѫ), и *жьн*-у (ѫ), изъ коихъ, за опущеніемъ ь, образовались искомыя нами русскія формы: жму и жну. Намъ теперь ясно, откуда въ нихъ взялись звуки *м* и *н*, и куда дѣлось *а*. Если же мы припомнимъ, что *ь*=*е*, *и*, то отъ корней жьм- и жьн- получатся формы: с-ж*и*м-аю и *жем*-ъ, по-ж*и*н-аю и *женьци* [1]). Намъ ясны станутъ и производныя отъ глагола по-н-ѧ-ти формы: по-н-*им*[(ьм)]-а-ти, по-*ем*[(ьм)]-ный и отъ глагола на-*ч*ѧ-ти,—на-*чин*[(ьн)]-а-ти и на-*чен*[(ьн)]-ъ.

---

[1]) Ой на гори тай женьци жнуть.

Разложеніе носоваго звука ѧ на его составныя части: ьм, ем, им- даетъ ключъ къ образованію слова *сеймъ*, которому соотвѣтствуютъ древнерусскія формы: со-*йм*-ъ, со-*ем*-ъ, с-н-*ем*-ъ и древнеславянское съ-н-*ьм*-ъ, наше *сонмъ*. А такъ какъ ѧти, емлю значитъ—брать, беру, то всѣ эти формы одного и тогоже значенія: съньмъ, снемъ, соемъ, соймъ и сеймъ значатъ не что иное, какъ соборъ. Польская форма се-йм-ъ легко объясняется тѣмъ, что старославянское *ъ* весьма часто разрѣшается въ польскомъ языкѣ въ твердое *е*. На примѣръ: лъб-ъ (лобъ)—łeb, въ=we и т. д. «Въ крови»=we krwi.

Теперь займемся корнемъ *чин*, отъ коего существительное—*чин*-ъ, ничего общаго по видимому съ понятіемъ о *началѣ* не имѣющее.

Если, при условіи равенства *ь* и *и*, мы изобразимъ его въ формѣ *чьн*-ъ и примемъ въ соображеніе, что звукъ *ч* здѣсь производный отъ гортанной *к*, которая требуетъ послѣ себя, вмѣсто мягкой *ь*, соотвѣтственной твердой *ъ*: то придемъ къ формѣ *кън*-ъ, разрѣшающейся въ *кон*-ъ.

Конъ же, какъ извѣстно, значитъ рядъ, строй (чинъ), предѣльная черта, начало, въ словѣ ис-*кон*-и, и *кон*-ецъ.

И такъ *конъ* и *чинъ* суть двѣ различныя формы (твердая и мягкая) одного и тогоже слова. А такъ какъ *конъ* имѣетъ значеніе, между прочимъ, и начала, то становится ясно, почему и слово *чинъ* въ производномъ отъ него глаголѣ на-*чин*-а-ти имѣетъ тоже самое значеніе.

Такимъ же способомъ, какъ *конъ* и *чинъ*, сближается многое множество словъ русскаго языка, между коими, по звуку и начертанію, нѣтъ по видимому ничего общаго. Таковы: *кЪс*-а (коса) и *чьс*-ать (чесать), *гъд*-ить (годить) и *жьд*-ать (ждать); *хъд*-ить (ходить) и *шьд*-ши (шедши): *кЪшь*-ль (кошель) и *чьхъ*-лъ (чехолъ); *кашь*-ль (кашель) и *чахъ*-тка (чахотка); *гър*-ло (горло) и *жър*-ло (жерло); изъ-*гързд*ь (изгородь) и *жьрьдь* (жердь); *хъб*-отъ (хоботъ) и о-*шьб*-ъ (ошибъ).

Припомнивъ, что твердому ѫ (*ън* [ъм]) соотвѣтствуетъ въ русскомъ языкѣ звукъ *у*, а мягкому ѧ (*ьн* [ьм]) звукъ *я*, мы легко

объясняемъ себѣ вышеприведенные переходы *я* въ *у*, или *у* въ *я*: *мѧт*-ежъ=с-*мѫт*-а; со-*прѧг*-ати=сѫ-*прѫг*-ъ и т. д.

Въ сущности тутъ происходитъ взаимный переходъ твердыхъ и мягкихъ юсовъ, или, что тоже, измѣненіе *ъ* въ *ь* или, обратно, *ь* въ *ъ*, что, какъ мы видѣли, составляетъ весьма обычное въ славянорусскомъ языкѣ явленіе.

При изученіи русской грамматики, ученикъ встрѣчается съ такъ называемыми бѣглыми гласными звуками. Напримѣръ: крѣпкій, крѣп*о*къ; честный, чест*е*нъ; дерзкій, дерз*о*къ; смертный, смерт*е*нъ.

Предъ нимъ возникаетъ вопросъ: откуда взялись эти вставныя *о* и *е*? Сообразно съ наименованіемъ ихъ «бѣглыми» звуками, является представленіе, какъ будто они вставлены въ средину словъ, дабы отвратить затруднительное для выговора стеченіе согласныхъ. Но тогда является еще вопросъ: почему же въ словѣ «крѣпкій» потребовалось вставить именно *о*, а въ словѣ «смертенъ» непремѣнно *е*?

Оставаясь при средствахъ собственно русской этимологіи, ученикъ не найдетъ рѣшенія этимъ вопросамъ; при помощи же древнеславянской фонетики, они рѣшаются безъ малѣйшаго труда. Древнеславянскія формы этихъ словъ: крѣпъкый, крѣпъкъ; честьный, честьнъ (даже чьстьнъ), дерзъкый, дерзъкъ, смьртьный, смьртьнъ.

Оказывается такимъ образомъ, что эти звуки *о* и *е*, не бѣглые и не вставные, а представляютъ собою простое и обычное разрѣшеніе *ъ* и *ь* въ *о* и *е*.

Въ заключеніе позволю себѣ поставить предъ вами нѣсколько на удачу взятыхъ вопросовъ словопроизводства.

Какъ объяснить, безъ помощи древнеславянской этимологіи, происхожденіе слѣдующихъ, напримѣръ, словъ: басня, медвѣдь.

«Басня» очевидно происходитъ отъ слова «баять», какъ показываетъ и самый смыслъ обоихъ словъ, и слѣдующее выраженіе одного древнерусскаго памятника: «басни баютъ и въ гусли гудутъ». Но если «басня» отъ «баяти», то куда же дѣлось *я*? Отъ чего же образовалось слово «басня», а не «баясня», подобно тому, какъ отъ глагола «бояти-ся» образовалось «боязнь»?

Изъ собственно русской этимологіи отвѣта на это не полу-

чимъ. Древняя же славянская откроетъ намъ, кромѣ производныхъ ба-я-ти, сѣ-я-ти, дѣ-я-ти и т. д., цѣлый рядъ первообразныхъ глагольныхъ формъ: ба-ти, сѣ-ти, дѣ-ти и т. д., отъ коихъ происходятъ ба-снь, ба-ли (врачъ, обаятель), сѣ-ло (нива), сѣ-мя; дѣ-ло, дѣ-тель (поступокъ), откуда: добрая дѣтель и т. д.

Многимъ изъ васъ, безъ сомнѣнія, памятно, что нѣкогда слово «медвѣдь» производилось отъ словъ: «медъ» и «вѣдать». Теперь уже никто изъ преподавателей такого словопроизводства не допуститъ и каждый изъ нихъ знаетъ, что слово «медвѣдь» происходитъ отъ корней: *мед* и *ѣд*: то есть, что «медвѣдь» значитъ не вѣдущій медъ, а ядущій медъ. Но откуда же явилась эта странная вставка *в*?

Отвѣтъ мы найдемъ, если припомнимъ, что начертанію *ъ* соотвѣтствуютъ краткія гласныя *о* и *у*. Въ словѣ медъ начертанію *ъ* соотвѣтствуетъ послѣдній изъ сихъ звуковъ, именно — *у*, что подтверждается, между прочимъ, греческимъ μέθυ. А такъ какъ звуки *у* и *в* суть двѣ различныя формы, гласная и согласная, одного и тогоже звука, то совершенно ясно, почему форма мед-*ъ*-ѣдь, чрезъ посредствующую форму мед-*у*-ѣдь, обратилась въ форму мед-*в*-ѣдь.

Надѣюсь, что сказаннаго мною совершенно достаточно для убѣжденія въ томъ, что ключъ къ наукообразному познанію законовъ русской фонетики, русскаго словообразованія и словопроизводства сокрытъ въ этимологіи древнеславянской и что отрекшійся отъ ея помощи преподаватель научной русской грамматики «имать ходити во тьмѣ».

Въ этомъ собственно отношеніи замѣнить ее ничто не можетъ. Языкъ древнихъ русскихъ памятниковъ не пригоденъ по той простой причинѣ, что даже въ самыхъ древнѣйшихъ изъ нихъ нѣтъ строго проведенной этимологической системы. У Нестора, у Владимира Мономаха, у Кирилла Туровскаго уже встрѣчается пестрая смѣсь формъ древнеславянскихъ съ формами позднѣйшаго происхожденія, предъ которою и преподаватель, и ученикъ простояли бы всю свою жизнь въ неразрѣшимомъ недоумѣніи, безъ помощи тогоже древняго славянскаго языка.

Возьмемъ самыя первыя строки Лаврентьевской лѣтописи

Нестора: «Се повѣсти времяньныхъ лѣтъ, откуду есть пошла рускаꙗ земѧ, кто въ Кіевѣ первѣе нача княжити и откуду рускꙗ землѧ стала есть. Се начнемъ повѣсть сию. По потопѣ первие сынове Ноеви»....

Сколько здѣсь вопросовъ, на которые преподавателю не чего будетъ отвѣтить.

Отъ слова врем-ѧ, при разложеніи ѧ въ *ен*, прилагательное будетъ време*н*ьный, а не врем*ѧн*ьный (ѧн=*енн*). Откуда же это ѧ?

Если Лаврентьевская лѣтопись различаетъ звукъ ꙗ (іотированное а) отъ мягкаго юса—ѧ, то почему въ словѣ руска-ꙗ стоитъ первое, а въ словѣ зем-ѧ второе?

Почему одно и тоже слово пишется и перв*ѣе*, и перв*ие*? Какъ объяснить формы «нач*а*» и «нач*нем*ъ»?

Это смѣшеніе формъ, при которомъ нѣтъ никакой возможности установить твердыя, вѣрныя самимъ себѣ грамматическія правила, и которое даетъ себя такъ сильно чувствовать даже въ такомъ древнемъ памятникѣ, еще замѣтнѣе въ памятникахъ послѣдующаго времени.

Столь же мало пригодны для нашей цѣли и поэтическія произведенія русскаго народа, языкъ коихъ, по отношенію собственно къ этимологіи, почти столько же нуждается въ услугахъ древняго славянскаго, какъ и нашъ книжный языкъ.

О значеніи устной народной рѣчи для нашего вопроса, недоумѣваю, что и сказать. По строенію своему и по своимъ формамъ, она совершенно сходна съ языкомъ народныхъ пѣсенъ и потому для этимологическихъ цѣлей пригодна такъ же мало. Но если бы она и была пригодна, то гдѣ же взять ея образцевъ? Народъ нашъ, дѣйствительно, художникъ слова: рѣчь его, въ избранныхъ конечно устахъ, всегда образна, выразительна и стройна. Но verba volant! Въ какомъ же сосудѣ донесетъ ее преподаватель въ свой классъ съ улицы, съ поля, изъ крестьянской избы? Или онъ приметъ ее изъ вторыхъ рукъ, изъ разсказовъ Глѣба Успенскаго, изъ новой драмы гр. Толстаго? Но изъ того, что пословица не велитъ выносить соръ изъ избы, еще не слѣдуетъ, чтобы она разрѣшала вносить его въ «пометенную» и прибранную храмину науки.

Устраняя древнерусскій языкъ и языкъ нашей народной

поэзіи отъ непосильнаго для нихъ совмѣстничества съ древнимъ славянскимъ языкомъ въ области грамматики или, точнѣе, этимологіи, я вовсе не упускаю изъ виду особеннаго значенія этихъ стихій для современнаго русскаго языка и слога, и забочусь лишь о томъ, чтобы каждой изъ нихъ отвести мѣсто, указываемое ей ея природою. Ошибка почтеннаго члена нашего собранія, вызвавшаго мои настоящія объясненія, состояла болѣе всего въ томъ, что онъ совершенно напрасно поставилъ указанныя стихіи во взаимное враждебное соперничество, между тѣмъ какъ всѣ онѣ призваны къ совмѣстному и гармоническому участію въ дѣлѣ изученія и совершенствованія отечественнаго слова.

Древнему церковнославянскому языку, даже по его возрасту, принадлежитъ естественное между ними первенство; въ немъ ключъ разумѣнія всѣхъ славянскихъ нарѣчій, въ томъ числѣ и русскаго языка на всемъ пространствѣ его исторіи и во всѣхъ развѣтвленіяхъ его мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ. Овладѣвъ его основными чертами, учащійся можетъ и долженъ быть допущенъ и въ область древней русской письменности, которая введетъ его въ тайны историческаго развитія русскаго языка, расширитъ его лексическія познанія и послужитъ образованію его слога, предложивъ ему образцы высокаго, поразительнаго словеснаго художества, способные «поэта привести въ восторгъ и умиленье». Гоголь, совѣтуя Языкову для обновленія его творчества опуститься въ глубину русской старины, писалъ ему:

«На дняхъ попалась мнѣ книга: «Царскіе выходы». Тутъ уже одни слова и названія царскихъ убранствъ, дорогихъ тканей и каменьевъ—сущія сокровища для поэта; всякое слово такъ и ложится въ стихъ. Дивишься драгоцѣнности нашего языка: что ни звукъ, то и подарокъ: все зернисто, крупно, какъ самъ жемчугъ, и, право, иное названіе еще драгоцѣннѣе самой вещи».

Что я понималъ высокую цѣнность произведеній древней русской письменности, о томъ засвидѣтельствуютъ предъ вами слѣдующія слова изъ моей рѣчи, на актѣ первой московской гимназіи 3 октября 1854 г., въ которой я давалъ отчетъ о своей преподавательской дѣятельности.

«Познакомившись съ церковнославянскимъ языкомъ, мы

переходимъ къ изученію древнерусскаго языка, которому посвящается отдѣльный классъ. Здѣсь мы знакомимся съ русскимъ языкомъ на всемъ пространствѣ древняго періода его исторіи: отъ языка первобытной нашей письменности, встрѣчаемой въ проповѣди митрополита Иларіона, лѣтописи Несторовой, Словѣ о полку Игоревѣ, богатырскихъ пѣсняхъ, до языка схоластическихъ писателей».

Что я знаю цѣну чарующему языку русской народной поэзіи, которому въ моемъ курсѣ было также отведено подобающее мѣсто, въ томъ считаю лишнимъ увѣрять васъ: за то ручаются мои особенныя отношенія къ русской пѣснѣ.

Утвердивъ такимъ образомъ мою мысль о томъ, что изученіе русской этимологіи безъ знакомства съ этимологіей древняго церковнославянскаго языка невозможно, я прихожу къ тому неизбѣжно изъ моихъ положеній вытекающему заключенію: что преподаваніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ славянской грамматики послѣ научной русской было бы несообразно съ природою ихъ взаимныхъ отношеній.

Затѣмъ остается рѣшить вопросъ о томъ, что правильнѣе: преподавать ли русскую этимологію совмѣстно съ древней церковнославянской, или предпослать самостоятельное изученіе сей послѣдней и затѣмъ уже приступить къ преподаванію этимологіи русскаго языка.

Не усматривая, какъ я уже замѣтилъ, существеннаго различія между сими обоими способами, я отдаю однако предпочтеніе послѣднему, признавая за нимъ слѣдующее немаловажное преимущество. Если я ознакомилъ ученика съ тѣми особенностями древнеславянской этимологіи, которыя проливаютъ свѣтъ на вопросы этимологіи русской, то, при послѣдующемъ изученіи сей послѣдней, онъ самъ будетъ держать въ своихъ рукахъ ключъ къ уразумѣнію ея явленій, и мои ссылки на эти особенности, уже прежде имъ усвоенныя, и усвоенныя безъ задней цѣли, будутъ для него вразумительнѣе и получатъ высшую степень достовѣрности.

При первомъ же способѣ преподаванія, ученикъ, лишенный самостоятельно пріобрѣтенныхъ запасовъ, при каждой встрѣчѣ съ непонятнымъ ему этимологическимъ явленіемъ, долженъ

будетъ получать разъясненія отъ своего учителя ad hoc и, какъ говорится, постоянно смотрѣть изъ его рукъ. Мнѣ кажется, что при такомъ способѣ изученіе должно потерять нѣсколько въ своемъ качествѣ.

Впрочемъ можетъ быть и то, что такой способъ преподаванія избранъ по неволѣ, по недостатку времени для самостоятельнаго и предварительнаго изученія древней славянской грамматики. Тогда дѣло иное. Тогда возникаетъ вопросъ: заслуживаетъ ли этотъ предметъ того, чтобы для вполнѣ правильной и нестѣсненной его постановки тронуть существующія программы и учебные планы?

По моему убѣжденію, на этотъ вопросъ не должно быть двухъ отвѣтовъ.

Если за церковнославянскимъ языкомъ утверждено то многообразное значеніе, на коемъ я имѣлъ честь остановить ваше вниманіе; если онъ признается необходимымъ орудіемъ религіознаго образованія русскихъ отроковъ и юношей; если онъ есть средоточіе и связь всѣхъ языковъ и нарѣчій нашего племени и въ тоже время представитель ихъ среди языковъ арійской семьи; если онъ въ теченіе вѣковъ былъ воспитателемъ и неразлучнымъ спутникомъ нашего отечественнаго языка, постоянно воспринимая въ себя его черты и самъ независтно подавая ему отъ своихъ сокровищъ; если въ этомъ взаимномъ общеніи обоихъ языковъ лежитъ единственно вѣрный залогъ будущаго процвѣтанія нашего роднаго слова, и въ ихъ разобщеніи опасность его растлѣнія и крайняго упадка: то съ какою же совѣстію можно отказать ему въ приличномъ и его высокому достоинству соотвѣтствующемъ помѣщеніи среди другихъ предметовъ, изучаемыхъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ?

Считаю себя счастливымъ, что эти мысли я имѣлъ случай выразить въ близкомъ и дорогомъ мнѣ собраніи, предъ лицемъ людей, коимъ Провидѣніе ввѣрило попеченіе о судьбѣ общественнаго воспитанія и народнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ и которые удостоили своего высокаго вниманія— не смѣю сказать, мое чтеніе, но его предметъ.

XIV.

Грамматическая замѣтка [1].

Милостивые государи! По счету долговъ филологическаго общества, за мною числится разсужденіе о русскомъ правописаніи, которое было мною обѣщано при первомъ моемъ появленіи среди васъ. Съ тѣхъ поръ прошла цѣлая зима и мы, если вѣрить календарю, вступили уже въ періодъ весны, а мой долгъ все еще остается неуплаченнымъ, и въ настоящее ваше собраніе я, вмѣсто полной его уплаты, приношу лишь весьма умѣренные на него проценты, а именно: вмѣсто систематическаго изложенія положенія и нуждъ нашего правописанія, я имѣю въ виду предложить сегодня вашему вниманію лишь одинъ частный вопросъ, относящійся къ этой области русской грамматики, и затѣмъ представить на вашъ третейскій судъ то частное также разногласіе, которое возникло у меня съ нашимъ почтеннымъ сочленомъ А. С. Будиловичемъ, изъ моихъ съ нимъ объясненій по томуже орѳографическому вопросу.

Озабоченный изысканіемъ средствъ къ установленію какого-либо порядка въ этой области, въ которой, какъ вамъ извѣстно, господствуетъ самый странный и ничѣмъ не сдерживаемый произволъ и къ благоустроенію которой никто изъ имѣющихъ въ наукѣ власть не принимаетъ никакихъ мѣръ, я нерѣдко обращался къ тѣмъ, отъ кого надѣялся получить въ рѣшеніи

[1]) Предлагаемая замѣтка была прочитана въ засѣданіи филологическаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ 5-го апрѣля 1871 года и издана первоначально въ «Ж. М. Н. Пр.», ч. CLV, отд. 3, стр. 23—33.

этой задачи помощь, съ разнаго рода вопросами, и какъ-то недавно, при встрѣчѣ съ г. Будиловичемъ, спросилъ и его: какъ онъ думаетъ объ этомъ предметѣ и чтò бы такое можно было, по его мнѣнію, предпринять для того, чтобы установить удобопріемлемыя для всѣхъ и въ то же время согласныя съ наукою о языкѣ правила для русскаго правописанія? И къ чему надлежало бы болѣе въ этомъ отношеніи стремиться: къ основаніямъ произношенія (фонетическимъ) или словопроизводства (этимологическимъ)?

Не безъ удивленія услышалъ я отъ г. Будиловича, въ отвѣтъ на это, что онъ началъ бы дѣло установленія русской орѳографіи съ исключенія изъ нашей азбуки буквы ъ, которая, кромѣ весьма рѣдкихъ случаевъ употребленія въ срединѣ словъ передъ мягкими гласными, не имѣетъ, по его мнѣнію, вовсе никакого значенія, а между тѣмъ совершенно напрасно занимаетъ мѣсто, и, составляя весьма значительную долю (не помню, какую именно) всякой печатной страницы, увеличиваетъ цѣнность печатанія книгъ, и наконецъ, чтò всего важнѣе, затрудняетъ безъ пользы начинающихъ учиться дѣтей.

Признаюсь вамъ, что экономическія соображенія г. Будиловича меня вовсе не тронули; я твердо увѣренъ, что, сохранивъ по прежнему въ нашей азбукѣ начертаніе ъ-а, мы отъ того еще не раззоримся. Но другой его доводъ, состоящій въ томъ, будто бы буква ъ доставляетъ учащимся дѣтямъ лишь одни напрасныя затрудненія, я принялъ къ сердцу и поспѣшилъ привести противъ него свои возраженія.

По моему мнѣнію, совершенно противоположному, присутствіе въ нашей азбукѣ буквы ъ не только не приноситъ дѣтямъ никакого затрудненія (ибо самому тупоумному ребенку не трудно понять, что стоящая на концѣ слова буква ъ не выговаривается, а сообщаетъ только предыдущей согласной твердость), но, при умѣньи учителя, можетъ принести очень ... пользу, облегчивъ имъ доступъ къ уразумѣнію разнаго ...тическихъ законовъ, которые, безъ предварительной ... къ буквѣ ъ, сообщить имъ было бы гораздо ... Въ примѣръ я привелъ предлогъ *съ*, который ...угими словами не рѣдко разрѣшается въ *со*

и въ *су*; такъ отъ предлога *съ* и глагола *дрожать* производятся слова: *со*-дрогаться и *су*-дороги: отъ предлога *съ* и глагола *меркнуть* производное су̀-мерки. Не останавливаясь на безчисленныхъ разрѣшеніяхъ предлога *съ* въ *со*, которое бываетъ не только въ сложеніи этого предлога съ другими словами, но и при простой встрѣчѣ его со словами, начинающимися съ нѣсколькихъ согласныхъ (*со мною*, *со всѣми* и т. д.), я высчиталъ нѣсколько подробнѣе тѣ случаи, когда *съ* разрѣшается въ *су*, а именно: *су*-тки, *су*-сѣдъ, *су*-противъ, не-*су*-разный, *су*-кровица, *су*-межный, *су*-ставъ, *су*-толока, *су*-прядки, *су*-мятица, *су*-пругъ, *су*-мнѣваться, *су*-губъ,—и замѣтилъ г. Будиловичу, что искусный учитель можетъ воспользоваться указанными примѣрами, чтобы сообщить дѣтямъ, нѣсколько подвинутымъ въ грамматическомъ ученіи, наглядное объясненіе одного изъ важныхъ фонетическихъ явленій нашего языка: соотвѣтствія *ъ* звукамъ *о* и *у* и его срединнаго между этими звуками положенія и чрезъ то заблаговременно приблизить къ нимъ разумѣніе того значенія, которое буква *ъ* имѣетъ въ фонетикѣ древне-церковнославянскаго языка.

На замѣчаніе г. Будиловича, что такое объясненіе имѣло бы тотъ недостатокъ, что основывалось бы на исключительномъ случаѣ, который представляется въ предлогѣ *съ*, я указалъ ему, что точно такимъ же образомъ конечное *ъ* разрѣшается то въ *о*, то въ *у*, и въ нѣкоторыхъ другихъ предлогахъ, какъ напримѣръ: предлогъ *противъ* является въ сложеніи въ формѣ *противо*—(противо-рѣчіе), и въ формѣ *противу* (противу-стать), не говоря уже о церковнославянской формѣ: коемуждо *противу* силы его: *противу* дышащу росоносному духу, и т. д.

Но еще замѣчательнѣе представляется переходъ *ъ* въ *у* въ предлогѣ *объ*, примѣры коего находимъ въ языкѣ пѣсенъ и вообще въ народномъ говорѣ, равно какъ и въ древнихъ памятникахъ церковнославянскаго и русскаго языка.

Въ извѣстной народной пѣснѣ «Ночь ли ноченька» мы слышимъ:

Безъ мила дружка
*Обу*яла грусть тоска.

этой задачи помощь, съ разнаго рода вопросами, и какъ-то недавно, при встрѣчѣ съ г. Будиловичемъ, спросилъ и его: какъ онъ думаетъ объ этомъ предметѣ и что̀ бы такое можно было, по его мнѣнію, предпринять для того, чтобы установить удобопріемлемыя для всѣхъ и въ то же время согласныя съ наукою о языкѣ правила для русскаго правописанія? И къ чему надлежало бы болѣе въ этомъ отношеніи стремиться: къ основаніямъ произношенія (фонетическимъ) или словопроизводства (этимологическимъ)?

Не безъ удивленія услышалъ я отъ г. Будиловича, въ отвѣтъ на это, что онъ началъ бы дѣло установленія русской орѳографіи съ исключенія изъ нашей азбуки буквы ъ, которая, кромѣ весьма рѣдкихъ случаевъ употребленія въ рединѣ словъ передъ мягкими гласными, не имѣетъ, по его мнѣнію, вовсе никакого значенія, а между тѣмъ совершенно напрасно занимаетъ мѣсто, и, составляя весьма значительную долю (не помню, какую именно) всякой печатной страницы, увеличиваетъ цѣнность печатанія книгъ, и наконецъ, что̀ всего важнѣе, затрудняетъ безъ пользы начинающихъ учиться дѣтей.

Признаюсь вамъ, что экономическія соображенія г. Будиловича меня вовсе не тронули; я твердо увѣренъ, что, сохранивъ по прежнему въ нашей азбукѣ начертаніе ъ-а, мы отъ того еще не раззоримся. Но другой его доводъ, состоящій въ томъ, будто бы буква ъ доставляетъ учащимся дѣтямъ лишь одни напрасныя затрудненія, я принялъ къ сердцу и поспѣшилъ привести противъ него свои возраженія.

По моему мнѣнію, совершенно противоположному, присутствіе въ нашей азбукѣ буквы ъ не только не приноситъ дѣтямъ никакого затрудненія (ибо самому тупоумному ребенку не трудно понять, что стоящая на концѣ слова буква ъ не выговаривается, а сообщаетъ только предыдущей согласной твердость), но, при умѣньи учителя, можетъ принести очень большую пользу, облегчивъ имъ доступъ къ уразумѣнію разнаго рода фонетическихъ законовъ, которые, безъ предварительной привычки дѣтей къ буквѣ ъ, сообщить имъ было бы гораздо затруднительнѣе. Въ примѣръ я привелъ предлогъ *съ*, который въ сложеніи съ другими словами не рѣдко разрѣшается въ *со*

прозаической) отъ употребленія только страдательныхъ формъ глагола *о-буять*, если бы онѣ на самомъ дѣлѣ были, тогда какъ она такъ часто употребляетъ форму дѣйствительную *обуялъ*, *обуяла*.

Но, кромѣ этого отрицательнаго доказательства я указалъ на одну такую древнерусскую форму, которая должна уничтожить всякое сомнѣніе въ томъ, что, при сложеніи предлога *объ* съ глаголомъ *яти*, конечное *ъ* предлога разрѣшается въ *у*, а именно:

Въ концѣ своего знаменитаго поученія Владимиръ Мономахъ, кротко упрекая своего свата [1]) Ольга Святославича въ убіеніи своего сына, а его зятя (во время сраженія), замѣчаетъ ему: «А къ Богу бяше покаятися, а ко мнѣ бяше грамоту утѣшеную а (и), сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсть въ ней ни зла, ни добра, да быхъ *обуимъ* оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею, въ пѣсніи мѣсто» [2]).

Въ происхожденіи формы *обуимъ* (по нынѣшнему *обнявъ*) отъ глагола *объяти* не можетъ быть никакого сомнѣнія. Смыслъ выраженія Владимира Мономаха ясенъ: «дабы я, обнявъ (сноху), оплакалъ мужа ея»; прошедшая причастная краткая, или, по нынѣшнему, дѣепричастная форма *имъ* отъ глагола *яти* есть форма самая обыкновенная и правильная, которая постоянно встрѣчается въ сложеніи съ нѣкоторыми другими предлогами, какъ напримѣръ: прі-имъ, по-имъ и т. д. [3]),

Остается, слѣдовательно, допустить указываемый мною переходъ *объ* въ *обу*, и тогда ничто уже не помѣшаетъ согласиться съ моимъ мнѣніемъ о происхожденіи формы *обу-яла*.

Что же касается слова *обуяетъ* въ приведенномъ выше текстѣ Евангелія, то это, очевидно, глаголъ средній—*терять силу*—который съ глаголомъ *обуяла* (грусть тоска), какъ съ дѣйствительнымъ, не имѣетъ ничего общаго, кромѣ случайнаго звуковаго сходства.

---

[1]) Сынъ Владиміра былъ женатъ на дочери Ольга.

[2]) Чтобы я, обнявъ (ее), оплакалъ мужа ея: Полн. Собр. Лѣт. Т. I, стр. 105.

[3]) Другой видъ этой же причастной формы есть: *емъ* или *емъ*: *прі-емъ*. *сн-емъ*, просто *емъ*.

Безъ знанія этого закона о переходѣ *з* въ *у* легко подумать (замѣтилъ я г. Будиловичу), что эта глагольная форма *обуяла* происходитъ не отъ предлога *объ* и *яла*, прошедшаго времени глагола *яти*, *емлю*, а отъ предлога *о* и прилагательнаго *буй*, *буйный;* и въ такое заблужденіе свойственно впасть не только людямъ, мало смыслящимъ въ дѣлѣ языка, но и весьма чуткимъ къ его законамъ, даже геніальнымъ представителямъ русскаго слова, не знакомымъ съ тонкостями звуковыхъ измѣненій. Такъ у Пушкина читаемъ:

Аллахъ великъ! тогда султанъ
Былъ духомъ гнѣва *обуянъ*.

Очевидно, что это страдательное причастіе произведено Пушкинымъ отъ предположеннаго имъ глагола *о-буять;* за нимъ же, а можетъ-быть, и прежде еще его, со словъ народныхъ пѣсенъ и народнаго говора, употреблялось это причастіе и въ общемъ нашемъ разговорѣ, и въ печати, безъ малѣйшаго опасенія за правильность таковой формы.

Г. Будиловичъ объявилъ мнѣ, что и онъ, подобно многимъ другимъ, считаемъ форму *обуяла* (въ пѣсни: обуяла грусть тоска, и въ другихъ подобныхъ примѣрахъ) производною отъ глагола «о-буять» который въ свою очередь происходитъ отъ предлога *о* и прилагательнаго *буй* и означаетъ дѣлать буйнымъ или, по древнему, буимъ, тоесть, доводить до безумія, бѣшенства и т. д., и что вслѣдствіе сего онъ признаетъ и причастную страдательную форму *обуянъ* вполнѣ правильною, и что наконецъ существованіе глагола *о-буять* не подлежитъ никакому сомнѣнію; при этомъ онъ указалъ мнѣ на евангельское выраженіе: аще соль *обуяетъ*. Тогда я рѣшился замѣтить г. Будиловичу, во-первыхъ, что причастной формы *обуянъ* онъ не укажетъ мнѣ ни въ одной изъ народныхъ пѣсенъ, равно какъ ни въ одномъ изъ древнихъ русскихъ памятниковъ, въ коихъ разсыпано такое множество нашихъ разнообразнѣйшихъ, чисто народныхъ формъ; а это обстоятельство даже одно должно бы было, по моему мнѣнію, имѣть большое значеніе при рѣшеніи нашего спора, такъ какъ форма *обуяла* встрѣчается именно въ памятникахъ слова народнаго. Странно было бы такое воздержаніе народной рѣчи (стихотворной и

прозаической) отъ употребленія только страдательныхъ формъ глагола *о-буять*, если бы онѣ на самомъ дѣлѣ были, тогда какъ она такъ часто употребляетъ форму дѣйствительную *обуялъ*, *обуяла*.

Но, кромѣ этого отрицательнаго доказательства я указалъ на одну такую древнерусскую форму, которая должна уничтожить всякое сомнѣніе въ томъ, что, при сложеніи предлога *объ* съ глаголомъ *яти*, конечное *ъ* предлога разрѣшается въ *у*, а именно:

Въ концѣ своего знаменитаго поученія Владиміръ Мономахъ, кротко упрекая своего свата [1]) Ольга Святославича въ убіеніи своего сына, а его зятя (во время сраженія), замѣчаетъ ему: «А къ Богу бяше покаятися, а ко мнѣ бяше грамоту утѣшеную а (и), сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсть въ ней ни зла, ни добра, да быхъ *обуимъ* оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею, въ пѣсніи мѣсто» [2]).

Въ происхожденіи формы *обуимъ* (по нынѣшнему *обнявъ*) отъ глагола *объяти* не можетъ быть никакого сомнѣнія. Смыслъ выраженія Владиміра Мономаха ясенъ: «дабы я, обнявъ (сноху), оплакалъ мужа ея»; прошедшая причастная краткая, или, по нынѣшнему, дѣепричастная форма *имъ* отъ глагола *яти* есть форма самая обыкновенная и правильная, которая постоянно встрѣчается въ сложеніи съ нѣкоторыми другими предлогами, какъ напримѣръ: прі-имъ, по-имъ и т. д. [3]).

Остается, слѣдовательно, допустить указываемый мною переходъ *объ* въ *обу*, и тогда ничто уже не помѣшаетъ согласиться съ моимъ мнѣніемъ о происхожденіи формы *обу-яла*.

Что же касается слова *обуяетъ* въ приведенномъ выше текстѣ Евангелія, то это, очевидно, глаголъ среднiй—*терять силу*—который съ глаголомъ *обуяла* (грусть тоска), какъ съ дѣйствительнымъ, не имѣетъ ничего общаго, кромѣ случайнаго звуковаго сходства.

---

[1]) Сынъ Владиміра былъ женатъ на дочери Ольга.

[2]) Чтобы я, обнявъ (ее), оплакалъ мужа ея: Полн. Собр. Лѣт. Т. I, стр. 105.

[3]) Другой видъ этой же причастной формы есть: *емъ* или *смъ*: *прі-емъ*, *сн-емъ*, просто *емъ*.

Появленіе этого довода поколебало увѣренность г. Будиловича въ несомнѣнности происхожденія формы *обу-яла* отъ слова *буй* и *буйный*, и онъ на тотъ разъ ограничился лишь замѣчаніемъ, что еслибы дѣло было и такъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы въ русской азбукѣ нужно было удерживать столь мало нужную и въ то же время весьма много занимающую мѣста букву *ъ*, что дѣтямъ, для разъясненія фонетическихъ явленій, подобныхъ тѣмъ, на которыхъ я остановилъ его вниманіе, можно сказать, что въ предлогахъ *съ*, *объ*, *противъ*, которые будутъ уже писаться безъ *ъ* на концѣ, была когда-то буква *ъ*, имѣющая такое-то значеніе.

Съ этимъ замѣчаніемъ я согласиться не могъ, ибо великая, по моему мнѣнію, разница возстановлять въ понятіи ученика какое-то, бывшее нѣкогда въ употребленіи, но ему вовсе неизвѣстное начертаніе, и затѣмъ посредствомъ его разъяснять ему фонетическій законъ, или же указать только пальцемъ на весьма извѣстную ему букву и тутъ же привести ему живыя и ему доступныя и внятныя формы языка, на коихъ онъ наглядно повѣритъ переходъ изображаемаго этою буквою (хотя и безгласною) звука въ *о* и въ *у*. Такое разъясненіе я позволялъ себѣ дѣлать передъ дѣтьми 10-лѣтняго и 11-лѣтняго возраста и не имѣлъ причины въ томъ раскаяваться, ибо объясняемое явленіе было понято ими легко и усвоено прочно, такъ что они могли, по указаннымъ мною примѣрамъ, дѣлать собственныя аналогіи и привести два случая разрѣшенія *съ* въ *су*. Нужно ли много распространяться о томъ, какую пользу принесетъ имъ это легко доставшееся, но ясно понятое и твердо удержанное явленіе русской и древне-славянской фонетики, когда эти дѣти достигнутъ до того возраста, когда имъ будетъ предложено Остромирово Евангеліе? Но если бы въ нашей азбукѣ не было буквы *ъ*, то я никакъ не рѣшился бы на предложеніе имъ подобнаго объясненія, такъ какъ безъ помощи, которую оказываетъ въ настоящее время означенное начертаніе, вводить дѣтей въ такія фонетическія соображенія было бы прямымъ насиліемъ ихъ возрасту, противнымъ правилу: magna debetur puero reverentia, которое я считаю примѣнимымъ не только къ нравственной, но и къ умственной

сферѣ. На этомъ кончилась наша изустная бесѣда съ г. Будиловичемъ; но ей суждено было возобновиться на письмѣ. Г. Будиловичъ такъ много оказалъ вниманія къ моимъ соображеніямъ, что рѣшился выразить свое мнѣніе по возникшему между нами словопренію въ письмѣ слѣдующаго содержанія:

«Нашъ недавній споръ объ этимологіи слова *обуять* такъ меня занялъ, что я рѣшаюсь письменно изложить вамъ нѣкоторыя разъясненія по этому поводу, ободряемый вашею любовью къ славянской филологіи, къ которой и я не вполнѣ равнодушенъ.

«Хотя ваша удивительная для меня память позволила вамъ подтвердить вашу догадку ссылкой на древнерусскую форму, по видимому окончательно рѣшающую споръ въ вашу пользу, однако во мнѣ осталось внутреннее сомнѣніе въ справедливости подобнаго объясненія. Фактъ перехода *у* въ *ъ* въ древній періодъ славянскаго языка не представлялся мнѣ невозможнымъ; но въ подобномъ переходѣ всегда обнаруживалось дѣйствіе закона подъема звуковъ (Lautsteigerung). Напримѣръ, боук-(боучать). Его градація: отрицательная бъч-ела, положительная бык-ъ.

«Таково же отношеніе формъ: бъд-ѣти и боуд-ити, дъх-няти и доу-хъ и т. д.

«Но случаевъ обратнаго перехода *ъ* (ў) въ *оу*, безо всякаго *этимологическаго* повода, едва ли можно указать много; а быть-можетъ, ихъ и не существуетъ. Вы возразите: а сусѣдъ, судороги, сумерки, а обуимъ? На это можно отвѣтить:

1) «Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ предлогъ *съ*, сочетаясь съ именемъ или глаголомъ, переходитъ въ *су*, нужно предполагать промежуточную форму *сѫ*. И дѣйствительно, въ этомъ болѣе *древнемъ* и исконномъ видѣ этотъ предлогъ очень часто является въ древ. слав. сѫсѣдъ, сѫпрѧгъ и т. д.

2) «Что же касается формъ: обуимъ, предугадать, предуставить и т. д., то ихъ нужно разлагать на 3 части: *об-оу-имъ*, пред-*оу-ставить*, пред-*у-гадать* и т. д. Дѣйствительно, всѣ эти формы: оуставить, угадать, *оуяти* встрѣчаются самостоятельно (послѣдняя форма встрѣчается у Григор. Богосл.: ἀφῄρουν переведено *оуимахъ* «38 л. 2 столб.»).

Это, значитъ, фактъ двойнаго предложнаго префикса, явленіе очень обычное въ славянскомъ, какъ и въ другихъ языкахъ. Переходъ же фонетической *ъ* въ *у* былъ бы явленіемъ чрезвычайно страннымъ въ языкѣ русскомъ, гдѣ для *ъ* есть другой замѣнитель *о*.

«Но я имѣю, кромѣ этихъ отрицательныхъ доводовъ, и положительныя доказательства справедливости своего производства слова *обуять*.

«Вы сами не отрицали корня *буй* въ словѣ: *обуяетъ* (соль) и только сомнѣвались въ возможности употребленія этого слова въ смыслѣ не среднемъ, а дѣйствительномъ.

«Въ настоящее время я имѣю возможность вполнѣ разсѣять это сомнѣніе не только аналогіями другихъ словъ, но и положительными фактами употребленія слова *о-буять* въ дѣйств. залогѣ.

1) «Г. Некрасовъ на стр. 33 и слѣд. приводитъ много примѣровъ смѣшенія въ русскомъ языкѣ залоговъ:

... ручей *бьетъ* мутною водою.

... *брякнулъ* стаканъ о полъ.

... первую тавлеюшку царь *ступилъ!*

... заходитъ свои ноги... и т. д.

2) «Въ словарѣ церковнославянскаго и русскаго языка II отд. Ак. Н. читаемъ: *обуяти* — 1) *Обезумить:* Не *обуи* ли Богъ премудрость мира сего? Его обуяли страсти. Страхъ обуялъ его. 2) Терять силу. Аще же соль обуяетъ...

«У *Даля. Обуять* см. *обуевать:* обезумить: корысть его обуяла. Обуянный страхомъ. Терять силу: Аще же соль обуяетъ.

«Мнѣ кажется, что это рѣшаетъ споръ въ мою пользу.

«Конечно, и послѣ того останется еще много возраженій противъ моей мысли о безполезности въ русской азбукѣ ъ-а и пользѣ введенія, по образцу Вука, іоты; но на этотъ разъ я не смѣю утруждать васъ долѣе своими объ этомъ соображеніями».

Я не умѣю выразить, какъ бы мнѣ хотѣлось и какъ бы слѣдовало, чувства моей признательности г. Будиловичу за его внимательность къ мнѣнію, предложенному во время легкой пріятельской бесѣды человѣкомъ, филологической наукѣ почти

совершенно чуждымъ и заглядывающимъ въ ея область лишь изрѣдка, въ часы весьма рѣдкаго отъ другихъ дѣлъ досуга.

Я остался однако не убѣжденнымъ тѣми доказательствами, которыя приведены въ письмѣ моего почтеннаго собесѣдника, и потому покорнѣйше прошу васъ, мм. гг., послѣдовать за моимъ разборомъ его доводовъ.

1) Переходъ *ъ* въ *у* въ древнемъ періодѣ славянскаго языка г. Будиловичъ признаетъ возможнымъ, но при этомъ необходимымъ условіемъ предполагаетъ подъемъ звука; но самъ же тотчасъ указываетъ на примѣры противнаго: *су*-сѣдъ, *су*-губъ и т. д., и хотя при этомъ присовокупляетъ, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ предлогъ *съ* переходитъ въ *су*, необходимо предполагать промежуточную форму сѫ, но противъ этой необходимости можетъ свидѣтельствовать простая справка съ словаремъ Остромирова Евангелія, или съ словаремъ церковнославянскаго языка Востокова, гдѣ рядомъ съ формою сѫ-сѣдъ стоитъ форма соу-гоубъ, рядомъ съ сѫ-мракъ—соу-мнѣтися. При этомъ могу указать и на то, что предлогъ *противъ* встрѣчается въ указанныхъ словаряхъ какъ формѣ против-оу, такъ и въ формѣ против-ѫ. Итакъ прямой необходимости, при переходѣ *ъ* въ звукъ *у*, въ посредствѣ твердаго ѫ пока не видать; этотъ переходъ можетъ совершаться, какъ показываютъ приведенные примѣры, и безъ этого посредства. Пользуюсь впрочемъ случаемъ замѣтить, что меня весьма занимаетъ вопросъ о переходѣ *ъ* въ предлогѣ *съ* большею частію въ сѫ (носовую форму) и что я разъяснить себѣ такой наклонности этого предлога не умѣю, а потому былъ бы очень признателенъ тому изъ васъ, мм. гг., кто помогъ бы мнѣ въ разъясненіи этого явленія.

2) Форму *обуимъ* г. Будиловичъ сопоставляетъ съ формами: *предугадать*, *предуставить* и т. п. и думаетъ видѣть въ ней причастіе *имъ* въ сложеніи съ двумя предлогами *объ* и *у*. Но между этими сопоставленными г. Будиловичемъ формами, въ отношеніи къ ихъ сложенію, нѣтъ никакого соотвѣтствія. Что значитъ *пред-угадать?* Напередъ, прежде событія, угадать что-либо. Что̀ значитъ *пред-уставить?* Напередъ что-либо уставить. И такъ какъ угадать и уставить суть глаголы, сами по себѣ явно сложные, то противъ того и рѣчи нѣтъ, что въ сло-

вахъ: «*предугадать и предуставить*» надобно признать два предлога: *предъ* и *у*.

Но что значитъ *обуимъ?*—обнявъ; а *обнявъ* происходитъ отъ *объять*, откуда *объятія*, *объемъ* и т. д. *Объять* происходитъ очевидно отъ предлога *объ* и глагола: *яти*. Зачѣмъ же тутъ явится еще посредствующій предлогъ *у* и съ какимъ бы значеніемъ онъ тутъ могъ явиться? Глаголъ *оуѧти*, приводимый г. Будиловичемъ, встрѣчается не только въ древнемъ памятникѣ, указываемомъ въ письмѣ г. Будиловича (Григ. Богосл.), но живетъ, хотя съ другимъ значеніемъ, донынѣ въ народѣ, съ своимъ производнымъ: *уемъ*. «Будетъ ли тебѣ уемъ, или нѣтъ?» говоритъ мать расплакавшемуся ребенку. Но что же значитъ и древній глаголъ *оуѧти*, и нынѣ живущій глаголъ *унять?* Послѣднее всѣмъ извѣстно, а древнее оуѧти значитъ отнять, ἀφαιρέω: что же общаго между отнятіемъ и объятіемъ, между объемомъ и уемомъ?

Но, кромѣ формы *обуимъ*, есть древнія формы: *обоумирати* и *обоумрѣти*, въ которыхъ я точно также вижу переходъ ъ въ *у*, какъ и въ словѣ *обуимъ*. Если бы это слово представляло изъ себя глаголъ (*мирати*, *мрѣти*), сложенный съ двумя предлогами *объ* и *у*, то необходимо было бы признать нужду въ томъ и другомъ предлогѣ, чтобы изъ сложенія съ ними указанныхъ глаголовъ вышли тѣ сложныя формы, которыя я привелъ: *обоумирати* и *обумрѣти*, съ ихъ извѣстнымъ значеніемъ. А если это участіе непремѣнно двухъ предлоговъ *объ* и *у* было бы дѣйствительно необходимо, то и въ современныхъ намъ словахъ этого значенія мы имѣли бы формы съ тѣми же двумя предлогами; между тѣмъ мы имѣемъ формы: *обмиратъ*, *обмереть*, *обморокъ* и т. д., гдѣ и помина нѣтъ объ участіи другаго предлога *(у)*, а явно выступаетъ единственный предлогъ *объ*, коего для сообщенія указаннымъ словамъ (*обмирать обморокъ* и т. д.) ихъ значенія оказывается совершенно достаточнымъ. По поводу сихъ послѣднихъ глаголовъ: *обоумирати* и *обоумрѣти*, считаю не лишнимъ упомянуть о глаголѣ *обоуморяти*, который въ словарѣ Востокова приведенъ съ значеніемъ *пренебрегать*, и о формѣ *обȣморенъ*, встрѣчающейся въ современномъ текстѣ Св. Писанія, въ извѣстномъ мѣстѣ

Апокалипсиса (гл. III, ст. 16). «Тако яко *обоуморенъ* еси, и ни тепль, ни студенъ, изблевати тя изъ устъ моихъ имамъ».

По гречески стоитъ въ этомъ мѣстѣ χλιαρός—тепловатый, tiède.

Имѣютъ ли эти слова связь съ глаголомъ *обмирать*, videant consules.

Послѣ сказаннаго, я не знаю, какъ понять выраженіе письма г. Будиловича, что «переходъ фонетическій ъ въ *у* былъ бы явленіемъ чрезвычайно страннымъ въ языкѣ русскомъ, гдѣ для ъ есть другой замѣнитель: *о*». Что же сдѣлаешь, если ъ имѣетъ способность разрѣшаться то въ *о*, то въ *у?* И если въ русскомъ переходъ ъ въ *у* кажется г. Будиловичу страннымъ только потому, что у ъ есть другой переходъ въ *о*, то отчего же не кажется ему страннымъ, что въ церковнославянскомъ языкѣ тотъ же самый ъ имѣетъ два замѣнителя: и *о*, и *у?*

Приведу здѣсь кстати производство слова *медвѣдь*, предложенное въ диссертаціи М. Н. Каткова «О формахъ и элементахъ русской рѣчи». Онъ производитъ это слово изъ слова *медъ* и глагола *ѣсть*, такъ что слово это дѣлитъ на составныя части такимъ образомъ *медв-ѣдь;* при этомъ, снеся наше *медъ* съ греческимъ μέθυ, онъ указываетъ на соотвѣтствіе нашего ъ греческому υ (у), при которомъ только ъ, какъ равное *у*, и могло перейти въ *в*. Этимъ соотвѣтствіемъ ъ-а въ словѣ *медъ* звуку *у* объясняется и прилагательная форма *медвяный*.

3) Противъ моего мнѣнія, что глаголъ *обуять*, съ спряженіемъ: *обуяю, обуяеши* и т. д., не имѣетъ ничего общаго съ формою *обуяла* (грусть-тоска), такъ какъ это глаголъ средній и значитъ *обезумѣть* или *потерять силу*, г. Будиловичъ указываетъ на возможность въ славянскомъ и русскомъ языкахъ для одного и того же глагола быть и въ среднемъ, и въ дѣйствительномъ залогѣ.

Возможности этой я нисколько не отвергаю, и кромѣ примѣровъ такого явленія, приведенныхъ г. Будиловичемъ, могъ бы указать не мало другихъ:

Господь солнце свое *сіяетъ* на безблагодатныя и злыя.

Сидѣть деготь.

Встрѣчался мнѣ въ древнихъ памятникахъ церковносла-

вянскаго языка и глаголъ *процвѣтать* въ смыслѣ *произращать*.

4) Словарь церковнославянскаго и русскаго языка II отдѣленія Академіи Наукъ, признавъ за словомъ *обуяти* значеніе глагола дѣйствительнаго *обезумить*, впалъ, по моему мнѣнію, въ ошибку, которая обличается тѣмъ самымъ примѣромъ, который въ немъ приведенъ на первомъ мѣстѣ:

Не *обуи* ли Богъ премудрость мира сего?

По какой же грамматикѣ отъ глагола *обуяти* 3-е лице прошедшаго времени единственнаго числа будетъ *обуи*, а не *обуя*? *Обуи* начало *обуити* [1]), что̀ дѣйствительно значитъ *обезумить*, тогда какъ *обуяти* значитъ только *обезумѣть*. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ разница залоговъ выражается разностію одного звука: *я* и *и*; *ѣ* и *и*.

Другіе примѣры, приведенные г. Будиловичемъ изъ академическаго словаря (II отдѣленія): «Его обуяли страсти»—«Страхъ обуялъ его»—не годятся въ доводы ни мнѣ, ни моему почтенному сопернику, ибо они могутъ быть поняты и въ его, и въ моемъ смыслѣ. *Емлю* значитъ *беру* и *держу*, а за тѣмъ и *владѣю*, оттуда: *держава*—власть и владѣніе; «точію *держай* (владѣющій) нынѣ дондеже отъ среды будетъ»; слѣдовательно: «Его *обуяли страсти*», или «*обуялъ страхъ*», можетъ значить (я увѣренъ, что и значитъ): «*Его объяли* (имъ овладѣли) страсти»; «*его объялъ* страхъ».

Синонимическое выраженіе: *онъ одержимъ страхомъ*.

Наконецъ въ стихѣ Языкова прямо читаемъ:

И пѣсню ту принесъ онъ долу
Священнымъ трепетомъ *объятъ*.

Дѣйствительныя формы этого глагола, приводимыя г. Далемъ: *обуяти* и *обуевати* не надежны. Отъ первой онъ производитъ: *обуянный*, то есть, ту отъ недоразумѣнія возник-

---

[1]) Въ этомъ именно видѣ встрѣчается онъ и въ словарѣ Востокова, гдѣ онъ, въ противоположность среднему *обоуяти*—μωραίνεσθαι, причисленъ къ дѣйствительнымъ, съ значеніемъ: обратить въ буйство. Оттуда и страдательное причастіе: *обуенъ*, а не *обуянъ*. Отъ этого же глагола возвратная форма: *обуитися*—μωραίνειν, stultum esse.

шую форму, о которой уже была рѣчь выше; а отъ глагола *обуевать*, въ существованіи коего въ народномъ говорѣ, и именно въ дѣйствительномъ залогѣ, я сильно сомнѣваюсь, онъ не привелъ (по крайней мѣрѣ я у г. Будиловича не нашелъ) ни одной производной формы, по которой можно было бы заключить что либо о характерѣ этого глагола.

Я кончилъ свои объясненія, и вамъ, мм. гг., предстоитъ нашъ некрупный споръ, размѣрами немного превосходящій βατραχομυομαχίαν, но тѣмъ не менѣе не лишенный значенія. Вопросъ о томъ, остаться ли въ русской азбукѣ буквѣ *ъ*, или нѣтъ, вовсе не такъ маловаженъ, какъ это можетъ показаться людямъ поверхностнымъ и чуждымъ наукѣ, и я увѣренъ, мм. гг., что вы, не преувеличивая его значенія, найдете однако и для него соотвѣтственное мѣсто въ ряду грамматическихъ изысканій и не поставите мнѣ въ вину, что я позволилъ себѣ занять имъ ваше вниманіе.

5-го апрѣля 1871 года.

XV.

А. В. Горскій [1]).

Ἐπεὶ καὶ τὴν ἀγαθῶν ἀνδρῶν σπάνιν, ὡς ἐσχάτην δίκην ταῖς ἀμελούσαις αὐτοῦ πόλεσι τὸ Θεῖον ἐπανατείνεται, ὑπὲρ πολιορκίαν, καὶ ὑπὲρ λιμὸν, καὶ ὑπὲρ ἅπασαν ἁπλῶς συμφοράν. Ὅτι καὶ αἷς ἂν τὰ τοιαῦτα πάθη συμβαίη, ῥάδιόν ἐστιν αὐτῶν ἀπαλλάττεσθαι ἀνδρῶν ἀρίστων ἐπιστασίαις [2]).

(Георгія Схоларія надгробная рѣчь надъ Маркомъ Ефесскимъ).

Ваше Императорское Высочество и мм. гг.! 11-го октября въ началѣ 11-го часа вечеромъ, въ оградѣ обители преподобнаго Сергія Радонежскаго, скончался, на 64-мъ году отъ рожденія, нашъ почетный членъ, ректоръ Московской духовной академіи, протоіерей Александръ Васильевичъ Горскій.

Его отшествіе отъ насъ, несомнѣнно блаженное для него, есть событіе въ высшей степени скорбное для оставшихся, и не только для духовно-учебнаго вѣдомства, котораго онъ былъ лучшимъ украшеніемъ и законною гордостію, не только для родной ему академіи, для которой онъ былъ истиннымъ, го-

---

[1]) Читано въ засѣданіи 23-го октября С.-Петербургскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія и первоначально напечатано въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1875 г., ч. 182, ноябрь, и отдѣльно (стр. 10).

[2]) Ибо и скудость въ доблестныхъ мужахъ Промыслъ насылаетъ на небрегущія о немъ государства, какъ крайнюю кару, выше осады, выше голода и вообще выше всякаго бѣдствія: потому что если бы и случились съ ними таковыя страданія, то было бы легко отъ нихъ избавиться лучшихъ людей предстательствомъ.

рячо любящимъ и взаимно любимымъ отцемъ, не только для русской науки, представители которой, на перерывъ другъ передъ другомъ, искали чести видѣть его въ числѣ членовъ своихъ ученыхъ обществъ и учрежденій, но и для всей отечественной церкви, благу и чести которой посвящены были всѣ его ученые труды, его 43-хъ лѣтняя педагогическая дѣятельность и каждое помышленіе его сердца [1]). Нужно ли говорить о той личной скорби, переполняющей сердца всѣхъ, которые имѣли неоцѣненное счастіе быть въ числѣ его друзей и присныхъ и которымъ была открыта его дѣвственная, непорочная и безпредѣльно любящая душа?

Въ тяжкія минуты такой великой и горестной утраты естественно искать утѣшенія въ воспоминаніи о дѣлахъ усопшаго и въ сколь возможно живомъ представленіи его внутренняго образа, который, и по лишеніи видимаго, тѣлеснаго общенія съ отшедшимъ, остается нашимъ неотъемлемымъ сокровищемъ.

Я знаю, что для исполненія такой задачи потребны силы, какихъ у меня нѣтъ, нуженъ истинный и высоко настроенный художникъ, котораго внутреннее устроеніе сообразовалось бы, хоть въ нѣкоторой степени, съ постоянно возвышеннымъ строемъ души блаженнаго почившаго отца; но успокоиваюсь на мысли, что изъ членовъ нашего общества никто, кромѣ меня, не изъявлялъ, сколько мнѣ извѣстно, желанія принять на себя этотъ трудъ и сопряженную съ нимъ честь, и надѣюсь, что при такихъ обстоятельствахъ вы великодушно извините дерзость моей любви къ усопшему, побуждающей меня говорить о немъ, не соображаясь съ своею мѣрою, и не окажете излишней строгости къ моему блѣдному, неискусно и наскоро набросанному очерку.

А. В. Горскій родился 16-го августа 1812 года въ Костромѣ, гдѣ отецъ его былъ впослѣдствіи каѳедральнымъ протоіереемъ; воспитывался сперва въ мѣстной семинаріи, при ревизіи которой баккалавромъ Московской духовной академіи

---

[1]) Чистая слава его имени проникла и за предѣлы родной земли; оно было знакомо и на православномъ Востокѣ, не смотря на наше бѣдственное разобщеніе съ нимъ, вслѣдствіе несчастно сложившихся историческихъ обстоятельствъ.

іеромонахомъ Аѳанасіемъ (впослѣдствіи ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи и астраханскимъ архіепископомъ) былъ имъ замѣченъ и, по вниманію къ его необыкновеннымъ дарованіямъ и успѣхамъ, взятъ въ Московскую духовную академію съ философскаго курса, 16-ти лѣтъ отъ роду, чѣмъ и объясняется его чрезвычайно раннее (20-ти лѣтъ) окончаніе академическаго курса въ 1832 году. По окончаніи курса въ академіи, онъ былъ назначенъ профессоромъ церковной и гражданской исторіи въ Московской семинаріи, откуда черезъ годъ переведенъ былъ баккалавромъ въ Московскую духовную академію и тамъ быстро (въ 1839 году) достигъ званія ординарнаго профессора церковной исторіи, въ которомъ оставался до своего назначенія въ ректоры академіи, послѣдовавшаго 23-го октября 1862 г. 27-го марта 1860 г. онъ былъ посвященъ въ санъ іерея безъ предварительнаго вступленія въ бракъ, представивъ при этомъ первый примѣръ изъятія изъ частнаго постановленія русской церкви, не допускавшаго, какъ извѣстно, до степени священства людей безбрачныхъ, вопреки правилу церкви вселенской и общему порядку, существующему во всѣхъ прочихъ единовѣрныхъ намъ церквахъ. Одновременно съ званіемъ профессора, онъ занималъ и должность библіотекаря академіи, о чемъ, не смотря на видимую незначительность этой должности, нельзя умолчать, какъ о такомъ обстоятельствѣ, которое имѣло весьма важное вліяніе на ходъ его собственныхъ занятій, и, какъ видно изъ сообщеній его товарищей, принесло весьма благотворныя послѣдствія для академіи вообще.

«Его библіотекарство», говоритъ г. Смирновъ въ некрологѣ А. В. Горскаго, помѣщенномъ въ № 265 *Московск. Вѣдом.*, «имѣло и для него, и для академіи огромное значеніе: хотя и до этого времени (1842 г.) Горскій отлично успѣлъ познакомиться съ обширною литературою и своего, и другихъ предметовъ, и перечиталъ множество книгъ и рукописей въ академической и лаврской библіотекахъ; но съ того времени, какъ онъ сталъ завѣдывать академическою библіотекой, онъ вовлеченъ былъ въ миръ книжный до такой степени, что отрывать его отъ занятій въ этомъ мирѣ значило отнимать у него лучшіе часы въ жизни. Это знала и дорого цѣнила вся академія,

которая пользовалась отъ него сокровищемъ добытыхъ имъ обширныхъ и разностороннихъ познаній... Памятникомъ его необычайной любознательности и глубокихъ свѣдѣній по всѣмъ, можно сказать, отраслямъ знаній служатъ его замѣтки карандашомъ на книгахъ и рукописяхъ: въ этихъ замѣткахъ заключаются указанія на какіе-либо недостатки въ книгѣ, сообщаются дополнительныя свѣдѣнія, цитуются мѣста изъ разныхъ книгъ, гдѣ можно получить то или другое свѣдѣніе о предметѣ сочиненія; встрѣчаются параллели, варіанты, хронологическія указанія, лингвистическія соображенія и т. п. Но главное мѣсто въ этихъ замѣткахъ предоставлено тонкому и мѣткому критицизму».

«Библіотеку зналъ онъ такъ», пишетъ другой достойный его товарищъ А. Ѳ. Лавровъ,—«что въ чрезвычайномъ случаѣ, когда вдругъ надобна была ночью какая-нибудь книга, онъ въ темнотѣ (вносить огонь въ библіотеку не дозволяется) отыскивалъ ее только при помощи памяти и осязанія».

Съ возведеніемъ въ званіе ректора (1862 г.), въ которомъ онъ оставался до дня своей блаженной кончины, А. В. Горскій, по предложенію покойнаго митрополита Филарета, оставилъ каѳедру церковной исторіи и принялъ на себя преподаваніе догматическаго богословія, въ которомъ имѣлъ столь же обширныя свѣдѣнія, какъ и въ исторіи церкви.

Въ послѣдній годъ своей жизни онъ не могъ уже принимать прежняго неутомимо-дѣятельнаго участія въ дѣлахъ дорогаго ему заведенія, такъ какъ первые грозные признаки болѣзни, которая свела его въ могилу, обнаружились съ особенною силою еще въ прошломъ году и побудили врачей потребовать отъ него воздержанія отъ трудовъ и заботъ управленія и преподаванія.

Вотъ недлинный перечень внѣшнихъ событій въ должностной жизни А. В. Горскаго. Отъ него, конечно, вполнѣ зависѣло имѣть другое, болѣе видное, и блестящее внѣшнее поприще. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибы онъ пожелалъ принять монашеское званіе, то, при своихъ дарованіяхъ, весьма скоро достигъ бы высшихъ іерархическихъ степеней. Но любовь къ наукѣ, въ соединеніи съ крайнимъ смиреніемъ, по-

буждала его твердо держаться противъ настойчивыхъ приглашеній вступить на столь обычный въ то время и для многихъ столь привлекательный путь. Необходимо при этомъ замѣтить, что къ монашескому званію онъ имѣлъ глубокое благоговѣніе и главнѣйшіе иноческіе обѣты (цѣломудріе и постъ) онъ содержалъ во всей строгости, не давая ихъ торжественно передъ лицемъ Церкви и не облекаясь въ черную рясу, такъ что могъ бы принять постриженіе съ чистою и ясною совѣстію. Но онъ очень хорошо понималъ, что съ этимъ шагомъ были неизбѣжно связаны: разлука съ академіею и двумя подъ рукою находящимися библіотеками, частыя передвиженія, заботы управленія, однимъ словомъ, что при этомъ надобно было проститься съ безмятежными учеными занятіями и вмѣстѣ съ тѣмъ подвергнуть опасному искусу независимость своего характера и образа мыслей, которою онъ дорожилъ, какъ святынею. Вотъ почему онъ рѣшился отклонить отъ себя не только ожидавшія его на томъ пути почести и власть, которыя онъ *«вмѣнялъ уметы»*, но даже и счастіе предстоять алтарю Господню, въ которомъ онъ полагалъ высшее наслажденіе своей личной жизни и котораго онъ достигъ, паче надежды, только на 49-мъ году своего возраста, когда митрополитъ Филаретъ, по своей къ нему любви и высокому уваженію, рѣшился наконецъ отступить, ради его, отъ нашего неправильнаго, но крѣпко укоренившагося обычая, и примѣнить къ нему лично вселенскій канонъ, цѣлыя столѣтія бездѣйствовавшій въ нашей церкви.

Познанія А. В. Горскаго не ограничивались кругомъ тѣхъ предметовъ, церковной исторіи и догматическаго богословія, которые онъ преподавалъ съ академической каѳедры; это была, если можно такъ выразиться, живая энциклопедія наукъ богословскихъ: казалось, будто онъ перебывалъ поочередно на всѣхъ каѳедрахъ академіи и по каждому предмету пріобрѣлъ свѣдѣнія, достаточныя для того, чтобы руководить занятіями спеціалистовъ.

«Съ юныхъ лѣтъ до самой смерти, говоритъ въ своемъ превосходномъ надгробномъ словѣ архимандритъ Михаилъ (извѣстный издатель Толковаго Евангелія), неутомимый труженикъ науки, ради удобнѣйшаго пріобрѣтенія этого блага презрѣвшій

многое, считающееся благомъ въ жизни, отвергшій даже всякія считающіяся невинными удовольствія житейскія, всегда въ тиши уединенія, какъ отшельникъ, или какъ евангельскій приточный купецъ, продавшій для пріобрѣтенія одной драгоцѣнной жемчужины все, что имѣлъ, онъ умѣлъ такъ обогатиться ученостію, что нельзя было не дивиться ея многообъемлемости и глубинѣ... Эта глава была какъ бы богатѣйшею сокровищницей знаній, изъ которой каждый могъ почерпать сколько могъ и сколько хотѣлъ».

Прежде всего, изъ этого бездоннаго и для всѣхъ независтно отверстаго кладязя мудрости почерпали цѣлыя поколѣнія учениковъ А. В. Горскаго, разсѣянныхъ по лицу русской земли и на всю жизнь сохранившихъ признательную память къ своему наставнику.

«Онъ училъ насъ, говоритъ А. Ѳ. Лавровъ (въ письмѣ, которымъ онъ удостоилъ меня по смерти А. В—ча), троякимъ способомъ: *всѣхъ вообще* на каѳедрѣ, увлекая насъ своими глубокими изысканіями, историческими картинами, блестящими характеристиками древнихъ отцевъ и учителей (доселѣ не могу забыть его характеристики Оригена); затѣмъ онъ *всѣхъ же насъ* училъ на другой своей каѳедрѣ—въ библіотекѣ. Это тоже драгоцѣннѣйшія для насъ его лекціи, коими онъ вводилъ насъ въ полное обладаніе литературою предмета. Но были еще его лекціи — lectiones privatissimae — домашнія. На эти лекціи иногда онъ призывалъ насъ по одиночкѣ, по поводу прочитанныхъ имъ нашихъ разсужденій, или для сообщенія своихъ мыслей относительно данной темы; иногда же мы и сами ходили къ нему. И здѣсь-то, иногда за чашкою чая, въ Бозѣ почившій благодѣтель нашъ, не щадя своего дорогаго времени, вводилъ насъ въ глубину данныхъ намъ задачъ, обозрѣвая литературу предмета, а если дѣло шло о представленномъ уже и прочитанномъ имъ разсужденіи, указывая и на его достоинства, и на его недостатки, на послѣдніе съ особенною строгостію».

Но не одни ученики и товарищи пользовались сокровищами его познаній; къ его помощи обращались нерѣдко и лица, облеченныя властію въ церкви.

вахъ: «*предугадать и предуставить*» надобно признать два предлога: *предъ* и *у*.

Но что значитъ *обуимъ?*—обнявъ; а *обнявъ* происходитъ отъ *объять*, откуда *объятія*, *объемъ* и т. д. *Объять* происходитъ очевидно отъ предлога *объ* и глагола: *яти*. Зачѣмъ же тутъ явится еще посредствующій предлогъ *у* и съ какимъ бы значеніемъ онъ тутъ могъ явиться? Глаголъ *оуѧти*, приводимый г. Будиловичемъ, встрѣчается не только въ древнемъ памятникѣ, указываемомъ въ письмѣ г. Будиловича (Григ. Богосл.), но живетъ, хотя съ другимъ значеніемъ, донынѣ въ народѣ, съ своимъ производнымъ: *уемъ*. «Будетъ ли тебѣ уемъ, или нѣтъ?» говоритъ мать расплакавшемуся ребенку. Но что же значитъ и древній глаголъ *оуѧти*, и нынѣ живущій глаголъ *унять?* Послѣднее всѣмъ извѣстно, а древнее оуѧти значитъ отнять, ἀφαιρέω: что̀ же общаго между отнятіемъ и объятіемъ, между объемомъ и уемомъ?

Но, кромѣ формы *обуимъ*, есть древнія формы: *обоумирати* и *обоумрѣти*, въ которыхъ я точно также вижу переходъ *ъ* въ *у*, какъ и въ словѣ *обуимъ*. Если бы это слово представляло изъ себя глаголъ (*мирати*, *мрѣти*), сложенный съ двумя предлогами *объ* и *у*, то необходимо было бы признать нужду въ томъ и другомъ предлогѣ, чтобы изъ сложенія съ ними указанныхъ глаголовъ вышли тѣ сложныя формы, которыя я привелъ: *обоумирати* и *обумрѣти*, съ ихъ извѣстнымъ значеніемъ. А если это участіе непремѣнно двухъ предлоговъ *объ* и *у* было бы дѣйствительно необходимо, то и въ современныхъ намъ словахъ этого значенія мы имѣли бы формы съ тѣми же двумя предлогами; между тѣмъ мы имѣемъ формы: *обмирать*, *обмереть*, *обморокъ* и т. д., гдѣ и помина нѣтъ объ участіи другаго предлога (*у*), а явно выступаетъ единственный предлогъ *объ*, коего для сообщенія указаннымъ словамъ (*обмирать обморокъ* и т. д.) ихъ значенія оказывается совершенно достаточнымъ. По поводу сихъ послѣднихъ глаголовъ: *обоумирати* и *обоумрѣти*, считаю не лишнимъ упомянуть о глаголѣ *обоуморяти*, который въ словарѣ Востокова приведенъ съ значеніемъ *пренебрегать*, и о формѣ *обѹморенъ*, встрѣчающейся въ современномъ текстѣ Св. Писанія, въ извѣстномъ мѣстѣ

скаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія, въ 1864 г. почетнымъ членомъ Московскаго университета, въ 1867 г. докторомъ русской исторіи отъ совѣта С.-Петербургскаго университета; въ 1869 г.—почетнымъ членомъ Общества любителей русской словесности и Кіевской духовной академіи, въ 1873 г. почетнымъ членомъ нашего Общества и Казанской духовной академіи. На извѣщеніе о смерти А. В—ча, полученное академикомъ и профессоромъ С.-Петербургскаго университета И. И. Срезневскимъ, находившимся съ покойнымъ въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ, въ Московскую духовную академію была отправлена, отъ членовъ Академіи наукъ, С.-Петербургскаго университета, обществъ филологическаго, археологическаго и др., слѣдующая, составленная г. Срезневскимъ, телеграмма:

«Чтя *великія* заслуги усопшаго, какъ ученаго, писателя и *руководителя*, просимъ Академію присоединить къ своей и нашу глубокую скорбь объ утратѣ, всѣми нами понесенной».

Я не позволю себѣ обременять вашего вниманія исчисленіемъ всѣхъ ученыхъ трудовъ А. В. Горскаго; желающіе познакомиться съ ихъ заглавіями могутъ найти почти полный ихъ перечень (числомъ до 40) въ вышеупоминаемой статьѣ г. Смирнова (№ 265 *Московскихъ Вѣдомостей*). Укажу только на нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ: *Описаніе славянскихъ рукописей синодальной* (*патріаршей*) *библіотеки*,— трудъ монументальный, къ сожалѣнію не доведенный до конца, который до 1862 г., то-есть, до назначенія ректоромъ, А. В—чъ совершалъ совмѣстно съ К. И. Невоструевымъ и въ которомъ содержатся драгоцѣннѣйшіе матеріалы для изученія исторіи славянскаго текста св. Писанія, нашихъ богослужебныхъ и святоотеческихъ книгъ, для славянской филологіи и т. д. *Изслѣдованіе о св. первоучителяхъ славянскихъ*, составленное по такъ называемымъ паннонскимъ житіямъ, которыя имъ были открыты и съ тѣхъ поръ донынѣ служатъ для всѣхъ изслѣдователей дѣятельности св. солунскихъ братьевъ главнѣйшимъ основнымъ источникомъ (напечатано въ Москвитянинѣ 1843 г.); *Памятники духовной литературы времени Ярослава I*, это всѣмъ нынѣ извѣстныя произведенія перваго (изъ Русскихъ)

митрополита кіевскаго Иларіона: Слово о законѣ и благодати и Похвала кагану нашему Владиміру, и его же Изложеніе вѣры, которыми, со времени ихъ открытія А. В. Горскимъ, начинается изложеніе исторіи письменной русской литературы (нап. въ *Твореніяхъ св. отцевъ*) и т. д.

Утрата такого ученаго была бы очень ощутительна даже и въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ наука въ истинномъ строгомъ значеніи этого слова; для насъ же, при слабости ея насажденій на нашей благодатной, не неудобренной трудомъ почвѣ, и при скудости въ людяхъ, предающихъ себя на безкорыстное служеніе наукѣ, потеря такого человѣка, какъ А. В. Горскій, есть настоящее общественное бѣдствіе, въ частности же для духовно-учебнаго вѣдомства—чистое сиротство. Въ этой сферѣ дѣятельности, можно сказать, не опасаясь когolибо оскорбить, *не примѣнится инъ къ нему.*

Но важность этой потери представится намъ во всемъ своемъ размѣрѣ только тогда, когда мы припомнимъ, что всѣ силы своего необыкновеннаго ума и всѣ сокровища своихъ знаній усопшій обращалъ, какъ уже выше замѣчено мною, на служеніе Церкви, съ судьбами которой Промыслу, по недоступнымъ для насъ Его намѣреніямъ, угодно было такъ тѣсно связать судьбы нашей родной земли и въ этомъ таинственномъ и священномъ ихъ союзѣ предуказать намъ наше всемирно-историческое призваніе.

Нравственныя качества А. В. Горскаго были никакъ не ниже, если еще не выше, его ученыхъ достоинствъ; основаніемъ и въ то же время вершиною ихъ было истинное, непритворное смиреніе, плодъ его непрерывнаго внутренняго подвига, укрѣпляемаго и внѣшними средствами духовной борьбы (какъ, напримѣръ, добровольнымъ постомъ). Это дивное сочетаніе смиренія съ высотою разнообразныхъ даровъ всегда приводило мнѣ на память художественное изреченіе одного изъ великихъ подвижниковъ древности: «дерево, обре[illegible]енное плодами, всегда клонитъ свои вѣтви внизъ».

[illegible]та верховная христіанская добродѣтель никогда не [illegible] въ А. В—чѣ въ робкую малодушную уступчи[illegible]щими во власти и не исключала въ немъ по-

рывовъ праведнаго гнѣва и открытаго негодованія, при встрѣчѣ съ дѣйствіями или намѣреніями, направленными противъ чести и спокойствія Церкви. Я могъ бы привести не одно доказательство въ подтвержденіе этой возвышенной черты его характера, если бы не опасался возмутить наслажденіе мирнаго о немъ воспоминанія.

О томъ, какъ онъ боялся встрѣчъ, питающихъ тщеславіе, и какъ старательно укрывался отъ такихъ поисковъ, которые для многихъ были бы краемъ желаній, можетъ свидѣтельствовать слѣдующій случай изъ его жизни. Однажды, во время его пребыванія въ С.-Петербургѣ, ему было передано, черезъ мое посредство, приглашеніе одного высокостоящаго лица, въ которомъ намекалось на то, что за этимъ свиданіемъ должно послѣдовать другое, еще болѣе лестное и вообще знаменательное для А. В—ча, знакомство. На это онъ отвѣчалъ весьма учтивыми извиненіями, но принять приглашеніе рѣшительно отказался, сославшись при этомъ на слова подобонравной ему ветхозавѣтной Соманитяныни: «Къ князю силы я не имѣю слова, ибо живу посреди моего народа».

За то, когда изъ этого заброшеннаго, скуднаго образованіемъ, но пока еще вѣрнаго благочестію, народа являлся кто-либо къ А. В—чу *ради помощи души своей*, то находилъ въ немъ истиннаго брата и исполненнаго любви руководителя. Изъ лично мнѣ извѣстныхъ примѣровъ такого сближенія я позволю себѣ упомянуть передъ вами объ одномъ болѣе другихъ характеристическомъ. Когда я жилъ еще въ Москвѣ, случай свелъ меня съ однимъ сборщикомъ, крестьяниномъ Тамбовской губерніи Борисоглѣбскаго уѣзда В. П. Пеньковымъ, человѣкомъ неграмотнымъ, но путемъ подвига и безпрерывной молитвы достигшимъ замѣчательной духовной высоты, исполненнымъ любви и самоотверженія и имѣвшимъ даръ умиленія и слезъ. По окончаніи срока его сборной книгѣ, онъ захотѣлъ побывать въ обители преподобнаго Сергія, и я, желая доставить ему средства съ большимъ удобствомъ обозрѣть святую обитель и всѣ ея достопримѣчательности, далъ ему письмо къ А. В—чу, въ которомъ поручалъ моего нечаяннаго знакомца его благосклонному вниманію. А. В—чъ не ограничился испол-

неніемъ просьбы, заключавшейся въ письмѣ, но, какъ человѣкъ высокаго духовнаго опыта, сразу опознавъ свойства своего гостя, удержалъ его у себя въ домѣ, дѣлилъ съ нимъ свою трапезу, самъ обошелъ съ нимъ все, что̀ могло быть занимательнаго для пришельца въ Троицкой лаврѣ, и съ тѣхъ поръ до самой кончины смиреннаго сборщика всякій разъ принималъ его съ тою же неизмѣнною любовью и считалъ его въ числѣ близкихъ себѣ людей. Для меня этотъ братскій союзъ ученаго, которому я затруднился бы пріискать въ современномъ поколѣніи равносильнаго соперника, съ безграмотнымъ простолюдиномъ есть явленіе, въ высшей степени трогательное и, думается мнѣ, едва ли гдѣ, кромѣ нашей земли, еще возможное.

О томъ, сколько любви изливалось изъ сердца А. В—ча на ввѣренныхъ его ближайшему попеченію питомцевъ академіи, вы можете, мм. гг., узнать изъ сообщеній его почтенныхъ товарищей по академіи, напечатанныхъ за послѣднее время въ нѣсколькихъ нумерахъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Тамъ найдете вы трогательное изображеніе и многихъ другихъ возвышенныхъ и нѣжныхъ чертъ его характера, рядъ коихъ могъ бы значительно пополнить и я, еслибы имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточное для того время. Но такъ какъ для изложенія всего, что̀ можно было бы привести въ честь и память безвременно оставившаго насъ замѣчательнаго мужа, потребовались бы цѣлые дни и такъ какъ мнѣ пора уступить свое мѣсто моему достойному товарищу, то я оканчиваю свое слово, въ заключеніе коего позволю себѣ замѣтить, что похищеніе изъ рѣдкихъ и безъ того рядовъ истиныхъ служителей Церкви такого дѣятеля, на которомъ, среди многообразныхъ ея нуждъ и окружающихъ ее опасностей, могли бы опочить ея надежды, есть событіе, въ которомъ открывается какъ будто намѣренный выборъ Провидѣнія.

XVI.

О дѣятельности и литературныхъ заслугахъ Н. Ѳ. Щербины [1]).

Славянскій Комитетъ не можетъ остаться равнодушнымъ къ потерѣ, которую понесъ онъ, а съ нимъ и вся русская литература со смертію Н. Ѳ. Щербины. Обнимая своимъ сочувствіемъ всѣ замѣчательныя проявленія общественной жизни въ славянскомъ мірѣ, онъ естественно долженъ считать своею утратою потерю каждаго замѣчательнаго славянскаго, а тѣмъ болѣе русскаго писателя, даже въ томъ случаѣ, если бы этотъ писатель и не служилъ прямо тѣмъ ближайшимъ цѣлямъ, которымъ Комитетъ посвящаетъ свою дѣятельность, лишь бы только онъ не становился въ разрѣзъ съ этими цѣлями и не противодѣйствовалъ бы высокой и спасительной идеѣ славянской взаимности и развитію въ русскомъ обществѣ сознанія пренебрегаемыхъ имъ обязанностей къ родственнымъ славянскимъ племенамъ и къ своей собственной народности. Тѣмъ глубже должна быть скорбь нашего Комитета при утратѣ такого дѣятеля, который съ несомнѣннымъ и давно всѣми признаннымъ литературнымъ дарованіемъ соединялъ глубокую и вполнѣ искреннюю, не одними словами, но и самымъ дѣломъ

---

[1]) Читано въ засѣданіи Славянскаго Благотворительнаго Общества 27 апрѣля 1869 года и напечатано было сначала въ книгѣ: «Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества», Спб. 1888 г., стр. 11—14.

доказанную любовь къ своему народу и къ нашимъ соплеменникамъ.

Поэтому я смѣю выразить надежду, что Славянскій Комитетъ отнесется благосклонно къ моему намѣренію почтить недавно отшедшаго отъ насъ, высоко одареннаго и высоко честнаго дѣятеля словомъ сочувственнаго воспоминанія и что даже недостаточность моего слова искупится на его судѣ цѣною предмета, которому оно посвящается.

Быть можетъ не всѣмъ вамъ, Мм. Гг., извѣстно, что то направленіе, которому покойный Н. Ѳ. слѣдовалъ въ послѣдній періодъ своей литературной дѣятельности и которое роднитъ его съ нашимъ учрежденіемъ, было имъ усвоено не съ разу. Была пора, когда онъ не только не чувствовалъ себя расположеннымъ примкнуть къ дѣятельности славянофиловъ, но даже относился къ ней съ легкою ироніею, которая нашла свое выраженіе въ его не всѣмъ, вѣроятно, извѣстныхъ, можетъ быть и имъ самимъ, подъ конецъ, забытыхъ юмористическихъ произведеніяхъ, которыя никогда ни проникали въ печать. Особенно замѣчательно, по моему мнѣнію, то обстоятельство, что отрицательное отношеніе къ тѣмъ вопросамъ, въ высокое значеніе которыхъ онъ впослѣдствіи такъ горячо увѣровалъ и на служеніе которымъ онъ смотрѣлъ какъ на единственное достойное русскаго писателя дѣло, продолжалось во все время его пребыванія въ Москвѣ, и что истинный смыслъ этихъ вопросовъ открылся ему только по переселеніи его въ Петербургъ.

Я узналъ Н. Ѳ. въ началѣ 50-хъ годовъ, вскорѣ послѣ прибытія его въ Москву съ Юга Россіи, откуда онъ явился съ запасомъ своихъ греческихъ стихотвореній, отмѣченныхъ признаками замѣчательнаго поэтическаго дарованія и доставившихъ ему общую извѣстность въ литературѣ. Мимоходомъ замѣчу, что, не смотря на свое полугреческое происхожденіе, Н. Ѳ. не получилъ строгаго классическаго образованія, и высочайшіе образцы древней греческой поэзіи никогда не были изучаемы имъ по подлинникамъ, съ полною основательностію. Тѣмъ, по моему мнѣнію, удивительнѣе представляется его творческая чуткость, которою онъ угадывалъ существенныя черты

этихъ безсмертныхъ образцевъ и которая помогла ему въ созданіи такихъ превосходныхъ имъ подобій.

Стихотворенія свои Н. Ѳ. печаталъ въ «Москвитянинѣ», который былъ въ то время единственнымъ періодическимъ изданіемъ, служившимъ дѣлу русской народности и славянства; но, не смотря на то, что онъ находился у самаго источника народнаго и славянскаго направленія, онъ оставался ему чуждъ и даже встрѣчи съ такими людьми, какъ Кирѣевскій, Хомяковъ, Самаринъ, Аксаковы, которые хотя и не принимали въ «Москвитянинѣ» тѣхъ годовъ прямаго участія, но слѣдили за нимъ съ теплымъ сочувствіемъ и были съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, не произвели на Н. Ѳ. такого дѣйствія, чтобы привлечь его къ служенію русскому и славянскому дѣлу.

Для того, чтобы въ умѣ его совершился спасительный переворотъ, ему нужно было переѣхать въ Петербургъ и сойтись лицемъ къ лицу съ тѣми наиболѣе видными изъ здѣшнихъ литературныхъ дѣятелей, которыхъ слава составляетъ стыдъ нашъ: близкое знакомство съ истиннымъ характеромъ и цѣлями ихъ дѣятельности само собою совершило то, чего не могли произвести прямыя вліянія Московскихъ идей.

Перемѣна образа мыслей обошлась Щербинѣ не дешево: петербургская критика, прежде столь къ нему благосклонная, съ яростью опрокинулась даже на восхваленныя ею самою Греческія его стихотворенія, а затѣмъ, по обыкновенію своему, коснулась въ немъ и того, что для людей, не утратившихъ до конца чувства чести, остается навсегда неприкосновеннымъ не только въ литературномъ противникѣ, но даже и въ личномъ врагѣ.

Какъ ни отвратительно было само по себѣ это «уськанье, гайканье и улюлюканье», мы не можемъ однако не признать за нимъ нѣкоторой услуги: не оно, конечно, породило, но нѣтъ сомнѣнія, что оно возбуждало и поддерживало то сатирическое вдохновеніе Щербины, которому мы обязаны созданіемъ его превосходныхъ эпиграммъ, большею частію не обнародованныхъ, но повсюду распространенныхъ и всѣми съ жадностію перечитываемыхъ.

Здѣсь не у мѣста было бы вдаваться въ подробный разборъ

этихъ замѣчательныхъ произведеній, изъ коихъ иныя предназначены, по моему убѣжденію, сдѣлаться украшеніемъ нашей литературы; при томъ же онѣ, вѣроятно, всѣмъ вамъ, больше или меньше, извѣстны и потому въ настоящемъ случаѣ вполнѣ достаточно будетъ воздать честь высокому, нравственному и гражданскому ихъ значенію. Эпиграммы Н. Θ., поражая все недостойное въ нравахъ литературныхъ и общественныхъ, отъ низости продажныхъ гликерій нашей журналистики до вольной или невольной измѣны народному дѣлу со стороны лицъ, призванныхъ охранять его и служить ему на высотѣ общественнаго положенія, съ особенною мѣткостію бичевали пороки и заблужденія того ложно-либеральнаго направленія петербургской журналистики, которое господствовало извѣстное время надъ всѣмъ печатнымъ словомъ въ Россіи и, благодаря количеству въ унисонъ вопившихъ голосовъ, заглушало долгое время всякій протестъ здраваго смысла и честнаго чувства.

Въ настоящее время это направленіе низложено... Я не говорю, чтобы у него не было никакихъ надеждъ впереди. Нѣтъ! Какъ прежнее его господство было естественнымъ послѣдствіемъ ложной системы, налагавшей тяжкія узы на всякое свободное проявленіе общественной мысли, такъ и въ будущемъ ему расчищается широкій путь газетою «Вѣсть» и тѣмъ, что скрывается за этою вывѣскою. Не дивитесь, что я свожу вмѣстѣ эти два, по видимому, діаметрально противуположныя направленія; ихъ близость и родство, при всемъ наружномъ различіи, несомнѣнны по закону соприкосновенія крайностей (les extrêmes se touchent), они служатъ одной и той же цѣли, каждое въ своей формѣ одинаково препятствуя дѣлу свободы и истины. Это древніе Ассиріяне и Египтяне, враждовавшіе и между собою, но болѣе всего и прежде всего враждебные Израилю, на котораго они нападали съ равнымъ ожесточеніемъ, только съ различныхъ сторонъ и съ различными пріемами въ тактикѣ.

Но, предоставляя наше будущее охраненію тѣхъ самыхъ силъ, которыя въ недавнемъ прошедшемъ спасли насъ отъ грозившихъ намъ бѣдъ, мы можемъ считать пока господствовавшее въ началѣ текущаго десятилѣтія направленіе побѣжденнымъ.

Честь этой побѣды принадлежитъ главнымъ образомъ двумъ московскимъ изданіямъ, которыя въ минуты общаго шатанія мысли устояли въ истинѣ и изъ которыхъ одно, самое чистое и возвышенное по направленію и самое близкое и родственное нашему комитету по духу, давно уже безмолвствуетъ...

За тѣмъ соразмѣрная доля этой чести должна принадлежать и всѣмъ тѣмъ литературнымъ дѣятелямъ, которые, такъ или иначе, послужили дѣлу возстановленія утраченнаго нашимъ обществомъ здраваго смысла и пораженію угнетавшихъ его сознаніе злыхъ силъ; въ ряду этихъ дѣятелей, видное мѣсто долженъ занять Н. Ѳ. Щербина, какъ творецъ эпиграммъ и какъ составитель «Пчелы».

Вамъ опять можетъ показаться страннымъ сближеніе столь несходныхъ, по видимому, предметовъ. Какая, подумаете вы, связь между написанною на нашего доморощеннаго Бабефа или Теруэнъ д'Эмерикуръ эпиграммою и составленіемъ книги для чтенія народа? А между тѣмъ связь есть, и весьма близкая, хотя и не съ разу замѣтная: какъ составленіе упомянутой книги было плодомъ заботливой любви къ русскому народу, которому, на первыхъ шагахъ обновленной жизни, разставлены были многоразличныя сѣти и соблазны, начиная отъ настежъ растворенныхъ дверей кабака, до подметныхъ грамотъ, такъ и созданіе эпиграммъ, поражавшихъ съ особою силою соблазнителей народа, было выраженіемъ тойже заботливости о народѣ и стремленія уберечь его отъ разнообразныхъ попытокъ къ его насильственному растлѣнію. Эти эпиграммы были шагомъ той самой «любодѣльной» «Пчелы», которая облетѣла все поле роднаго слова, чтобы изъ лучшихъ его цвѣтовъ собрать сладкіе и благоухающіе соты и предложить ихъ въ снѣдь и наслажденіе русскому человѣку.

Противодѣйствіе, оказанное нашимъ обществомъ и литературою развращающимъ народъ вліяніямъ, было замѣчательно слабо; наша литература не можетъ похвалиться обиліемъ книгъ, изданныхъ съ цѣлью укрѣпить въ народѣ тѣ основныя начала его духовной жизни, въ сохраненіи и правильномъ развитіи коихъ заключается единственное условіе будущаго преуспѣя-

нія нашего отечества и даже его цѣлости. Но если книгъ такого направленія вышло вообще не много, то такой книги, какова составленная Н. Ѳ. Щербиною «Пчела», не появилось ни одной.

Она замѣчательна какъ по разнообразію и высокому литературному достоинству вошедшихъ въ нее образцовъ роднаго слова, такъ и по чрезвычайно умному ихъ подбору, вполнѣ соотвѣтствующему воспитательной задачѣ, которую имѣлъ въ виду ея составитель.

Извлеченныя частію изъ первоначальныхъ источниковъ, частію изъ твореній лучшихъ отечественныхъ историковъ повѣствованія о происхожденіи и первоначальной судьбѣ русскаго народа, о просвѣщеніи его христіанствомъ, о замѣчательнѣйшихъ событіяхъ, какъ скорбныхъ, такъ и радостныхъ, его 1000-лѣтней исторіи, не только ознакомятъ русскаго простолюдина-читателя съ прошедшею судьбою его земли, о которой онъ такъ мало знаетъ, но въ тоже время осмыслятъ, укрѣпятъ и возвысятъ живущее въ немъ безотчетно чувство любви къ ней. Затѣмъ статьи обще-славянскаго отдѣла «Пчелы» должны расширить предѣлы его политическихъ симпатій, которыя ограничивались до сего времени своею родною землею и нашими восточными единовѣрцами, указавъ имъ на нашихъ кровныхъ братьевъ, которые преданы злою судьбою въ горькую неволю Турка и Нѣмца и отъ насъ однихъ чаютъ своего избавленія и о которыхъ не только народъ нашъ, но даже наше образованное общество и самая литература до самаго послѣдняго времени ничего не знала и знать не хотѣла. Тѣ изъ васъ, Мм. Гг., которые слѣдили за журналистикою 40-хъ годовъ, конечно, помнятъ, что ни одной книжки толстыхъ петербургскихъ журналовъ того времени не выходило въ свѣтъ безъ какихъ нибудь пошлыхъ выходокъ противъ Хомякова, Языкова, К. Аксакова... и противъ тѣхъ идей, которыя вно-
сь въ область нашего сознанія этими высокими дѣятелями.
дъ духовно-нравственный отдѣлъ, особенно замѣча-
разнообразію и достоинству предложенныхъ въ
и чрезвычайно искусно приноровленный къ по-
у нашего народа, ознакомитъ читателя съ на-

зидательными и плѣнительными, по своей простотѣ, разсказами о священныхъ для русскаго человѣка мѣстахъ и о подвигахъ наиболѣе чтимыхъ въ нашемъ народѣ святыхъ, а также съ высокими образцами поученій древнихъ великихъ учителей вселенской церкви и нѣкоторыхъ отечественныхъ проповѣдниковъ. Тамъ же читатель-простолюдинъ найдетъ рядъ весьма полезныхъ для него статей о расколѣ, съ которымъ русскій человѣкъ встрѣчается въ настоящее время почти на каждомъ шагу и которому онъ удобно подчиняется, предоставленный собственнымъ умственнымъ и нравственнымъ средствамъ, лишенный своевременной и разумной помощи.

Такимъ образомъ составленная Щербиною книга предназначена содѣйствовать не только умствевному развитію народа расширеніемъ круга его познаній, но и воспитанію въ немъ религіозно-нравственныхъ и патріотическихъ стремленій и наконецъ возбужденію въ немъ эстетическаго чувства, не производя при этомъ никакой смуты или тревоги въ его внутреннемъ устроеніи, а только возвышая и очищая въ его сознаніи тѣ вѣчныя и непреходящія истины, которыя онъ и нынѣ чтитъ, но не столько разумомъ, сколько своимъ неяснымъ чувствомъ.

Я кончаю... хотя сказалъ, какъ вы сами, конечно, это чувствуете, далеко не все, что можно было бы сказать о дѣятельности Щербины; но я не хотѣлъ употребить во зло вашей снисходительности: для моей цѣли довольно того, что въ средѣ высоко чтимаго самимъ покойнымъ учрежденія, ему, какъ общественному дѣятелю, художнику-поэту, остроумному сатирику и наставнику народа принесена дань хвалы и признательнаго воспоминанія.

Да будетъ въ мирѣ мѣсто его и покой его—честь!

XVII.

Памяти И. Ѳ. Горбунова [1].

Скорбная вѣсть о кончинѣ И. Ѳ. Горбунова пронесется по всей Россіи до отдаленнѣйшихъ ея концевъ и вызоветъ всюду искреннюю печаль объ утратѣ высокаго художника роднаго слова и неподражаемаго живописца быта и нравовъ всѣхъ слоевъ русскаго народа. Не будетъ, безъ сомнѣнія, недостатка въ сочувственныхъ отзывахъ какъ о его общественной дѣятельности, такъ и о рѣдкихъ свойствахъ его души, чему начало уже положено въ петербургскихъ современныхъ изданіяхъ; какъ дань общей заслуженной признательности, принесутся ему согласныя и достойныя его заслугъ хвалы; могутъ быть изысканы, предложены и приняты различныя мѣры къ увѣковѣченію его свѣтлой памяти. На этомъ можно было бы, пожалуй, мнѣ и успокоиться и незамѣтно присоединиться къ многочисленному хору сочувственныхъ голосовъ.

Но мои особенныя отношенія къ почившему не дозволяютъ мнѣ молча проводить его въ могилу и повелительно требуютъ слова. Какъ свидѣтель всего пройденнаго имъ пути, какъ послѣдній за его смертію членъ того литературнаго кружка «молодаго Москвитянина», въ которомъ онъ получилъ свое художественное воспитаніе, я погрѣшилъ бы и противъ его братской ко мнѣ дружбы, и противъ его близкихъ и почита-

---

[1] Первоначально напечатано въ «Новомъ Времени», 28 декабря 1895 г., № 7123.

телей, если бы въ минуту земной съ нимъ разлуки остался безмолвнымъ и не послалъ бы ему прощальнаго привѣта.

Мы познакомились съ И. Ѳ. въ 1853 году, въ Москвѣ у А. Н. Островскаго, который жилъ тогда у Николы въ Воробинѣ; его простота, любезный открытый нравъ, замѣчательная скромность съ перваго раза привлекли меня къ новому знакомому; а выслушанный мною разсказъ «Утро квартальнаго надзирателя» далъ мнѣ понять, что я вижу предъ собою истиннаго художника, бриліантъ чистой воды.

Съ той поры И. Ѳ. усвоенъ былъ кружкомъ «молодаго Москвитянина» и, по распаденіи кружка, оставался со всѣми бывшими его членами въ неизмѣнныхъ дружескихъ отношеніяхъ.

А. Н. Островскій и П. М. Садовскій въ той области искусства, въ которой собирался дѣйствовать И. Ѳ., были два гиганта недосягаемой высоты и несоизмѣримой силы: ихъ постоянному наблюденію и вліянію И. Ѳ. былъ обязанъ тѣмъ тонкимъ чувствомъ мѣры, которымъ отличаются всѣ его разсказы, и полною свободою отъ того, что французы зовутъ charge и что обыкновенно соблазняетъ начинающихъ художниковъ легкостію дешеваго успѣха. Разумѣется, ничье вліяніе не оградило бы И. Ѳ. отъ этого слишкомъ распространеннаго порока, если бы въ собственной природѣ его дарованія не было залоговъ строгой художественной трезвости. Но едва ли можно поручиться, что онъ хотя бы на время не впалъ бы въ этотъ грѣхъ, если бы, вмѣсто Островскаго и Садовскаго, онъ на первыхъ порахъ своей дѣятельности попалъ подъ руководство, напримѣръ, Самойлова. Общеніе и съ другими членами «молодаго Москвитянина» не осталось безъ пользы для развитія въ И. Ѳ. общаго литературнаго вкуса и силы его природнаго юмора: Е. Н. Эдельсонъ и Б. Н. Алмазовъ должны быть упомянуты здѣсь на первомъ мѣстѣ.

Въ 1853 году у И. Ѳ., кромѣ «Утра квартальнаго надзирателя», разсказа превосходнаго, но немного грубоватаго, было нѣсколько маленькихъ разсказовъ изъ быта московскихъ фабричныхъ, тонко отдѣланныхъ и чрезвычайно забавныхъ, но

сравнительно съ позднѣйшими плодами его творчества незначительныхъ.

Между произведеніями его зрѣлой поры внимательный взоръ можетъ отмѣтить не мало такихъ, которымъ, сверхъ ихъ художественнаго совершенства, нельзя отказать и въ важномъ общественномъ значеніи. Напримѣръ, когда бѣднягу портнаго изъ Гусева переулка взяли въ участокъ за его невинное намѣреніе летѣть съ нѣмцемъ въ воздушномъ шару и когда изъ народа раздается голосъ: «и какъ это возможно безъ начальства летѣть?» мысль не останавливается на забавномъ смыслѣ этого частнаго случая, но простирается далѣе его, къ болѣе важнымъ общественнымъ явленіямъ.

Разсказъ о засѣданіи «Общества прикосновенія къ чужой собственности», вмѣстѣ съ взрывомъ неудержимаго хохота, вызываетъ (увы! вызывалъ) и взрывъ негодованія и унынія своимъ сходствомъ съ дѣйствительными нравами нашихъ общественныхъ дѣятелей, которые нимало не стѣсняются тѣмъ, что «грабить не приказано».

Разсказъ «о кражѣ брюкъ» есть правдивое и живое изображеніе изнанки быта судебныхъ учрежденій, взывающее объ исправленіи зла.

Въ числѣ разсказовъ И. Ѳ. есть и такіе, въ которыхъ сквозь комическую оболочку проступаетъ замѣтная поэтическая жилка и живое чувство природы и подъ которыми не усомнился бы подписать свое имя первоклассный художникъ, таковы: Лѣсъ, Безотвѣтный.

И. Ѳ. зналъ въ совершенствѣ языкъ древнерусскій и могъ поддѣлываться подъ него съ неподражаемымъ искусствомъ. Составленное имъ описаніе поѣздки древняго русскаго боярина въ Эмсъ ввело даже опытныхъ археологовъ въ крайнее недоумѣніе. Думая, что это подлинный статейный списокъ XVII ст., ученый П. И. Савваитовъ долго не могъ придти въ себя отъ удивленія, вообразивъ, что рулетка существовала уже въ XVII вѣкѣ.

Равнымъ образомъ И. Ѳ. былъ знакомъ и съ языкомъ церковнославянскимъ и могъ писать на немъ свободно шутливыя

привѣтственныя слова и поздравленія по разнымъ случаямъ. Такая переписка происходила неоднократно и между нами.

Многія части нашего богослуженія онъ зналъ наизусть и не могъ насытиться дивною красотою и велелѣпіемъ священныхъ твореній богодухновеннаго греческаго генія, переданныхъ въ чудотворномъ церковнославянскомъ переводѣ. Въ свои предсмертные дни онъ съ наслажденіемъ слушалъ чтеніе Цвѣтной Тріоди.

Языкъ русской пѣсни и ея напѣвы были ему знакомы, какъ рѣдко кому.

Наконецъ, начитанность его въ нашей новой литературѣ была поразительна; и нельзя надивиться количеству стихотвореній нашихъ великихъ, среднихъ и даже малыхъ поэтовъ, которое удерживалось въ его изумительной памяти.

Этими бѣглыми, наскоро набросанными, замѣтками о тѣхъ составныхъ частяхъ, изъ которыхъ сложилось умственное и художественное образованіе И. Ѳ., я долженъ поневолѣ на этотъ разъ ограничиться; думаю, впрочемъ, что и въ нихъ достаточно ясно опредѣляются основныя черты его внутренняго образа и его отношенія къ тому, что составляетъ душу нашего народа: къ его вѣрѣ, языку, пѣснѣ и вообще его словесному творчеству. Въ силу сихъ отношеній ему по праву принадлежитъ имя *народнаго* русскаго художника.

Благословеніями провожая его въ неизбѣжный всѣмъ намъ таинственный путь, мы смѣемъ выразить упованіе, что дѣтское незлобіе его свѣтлой души, которое привлекало къ нему общую любовь здѣсь, и тамъ исходатайствуетъ ему милость прощенія, въ которой одной онъ и имѣетъ теперь нужду.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письмо А. С. Хомякова къ Т. И. Филиппову [1]).

...Вы навлекли на себя грозу и, позвольте сказать, отчасти по дѣломъ. Пишете вы о комедіи, пишете вы статью въ журналѣ, положимъ, трехмѣсячномъ, но все таки журналѣ, и вздумали затронуть нравственный вопросъ, да еще и затронуть его не такъ какъ нибудь, слегка, а затронуть глубоко, серьезно, искренно. Я спрашиваю у васъ самихъ: водится ли это, дѣлается ли это въ другихъ журналахъ, принято ли это въ литературномъ обычаѣ? Вы знаете, что нѣтъ. Вѣдь вы должны же понимать, что такіе вопросы прямо могутъ коснуться совѣсти читателя, отчасти встревожить и, можетъ быть, даже разстроить ее; а какое имѣете вы на это право? Или вы думаете, что за тѣмъ подписываются на журналъ, чтобъ, прочитавъ его, повѣсить голову, да задуматься надъ своей душою? Вы скажете, что это бываетъ кое-гдѣ. А гдѣ напримѣръ? во Франціи ли, у насъ ли? Нѣтъ, даже и не въ Германіи. Такъ и вамъ не слѣдовало заводить новаго обычая. «On ne se prépare pas à la lecture d'un journal, comme à un examen de conscience», сказала при мнѣ одна дама, и очень мило сказала. Вотъ ваша первая вина.

---

[1]) Первоначально было напечатано въ «Русской Бесѣдѣ», 1856 г., кн. IV, по поводу статьи Т. И. Филиппова о новой комедіи Островскаго: «Не такъ живи какъ хочется» («Русская Бесѣда», 1856 г., кн. 1); перепечатано въ полномъ собраніи сочиненій А. С. Хомякова (М. 1861, I, 560—576; М. 1878, I, 591—606).

Вторая не легче. Вамъ пришла несчастная мысль коснуться вопроса нравственнаго, вопроса живаго, крайне щекотливаго, можно сказать, задорнаго—женской эманципаціи и ея проповѣдниковъ, а въ особенности великой проповѣдницы Жоржъ Зандъ. Не могли ли вы, даже разрѣшая вопросъ по своему, сдѣлать какія нибудь исключенія въ пользу страстныхъ натуръ, геніальныхъ умовъ, непонятыхъ женщинъ, душъ вольнолюбивыхъ, угнетенныхъ мелкою пошлостью ежедневной жизни? Такими исключеніями всякій могъ бы воспользоваться и смотрѣлъ бы снисходительнѣе на вашу теорію; но вы не умѣли или не хотѣли подготовить себѣ такихъ простыхъ, облегчающихъ обстоятельствъ. Еще болѣе: вы употребили, и не разъ, выраженія крайне грубыя и неприличныя—грѣхъ, развратъ и даже мерзость. Вы такъ наивно виноваты, что мнѣ даже жаль васъ. Позвольте мнѣ у васъ спросить: если мы будемъ употреблять такія рѣзкія слова, къ чему же служитъ прогрессъ, къ чему цивилизація, къ чему смягченіе нравовъ, къ чему наконецъ весь девятнадцатый вѣкъ? Знаете ли, къ какому разряду людей вы приписываетесь? Пріѣхалъ какъ-то въ Петербургъ москвичъ (славянофилъ, что ли) въ бородѣ, въ русскомъ платьѣ; былъ гдѣ-то на большомъ вечерѣ, и вдругъ какая-то милая Петербургская дама, вся въ кружевахъ (ну, просто вся блескъ и трепетъ, какъ гдѣ-то сказалъ Гоголь), обратилась къ нему, прося отъ имени многихъ разрѣшенія бросить мужей. Что-жъ вы думаете? Медвѣдь отказалъ, не позволилъ даже петербургскимъ женамъ бросить своихъ петербургскихъ мужей. Вы не вѣрите, не вѣрю и я. Но посмотрите: это напечатано въ Le Nord, въ январѣ нынѣшняго года, въ письмѣ изъ Петербурга. Пусть это шутка, пусть даже насмѣшка на счетъ московскихъ славянофиловъ и ихъ неумытной (шутникъ скажетъ *неумытой*) строгости; все-таки видно, что про нихъ идетъ такая слава. И къ этимъ-то людямъ вы приписываетесь! Имъ не слѣдъ на большіе вечера, а вамъ не слѣдъ въ журналъ даже трехмѣсячный! Начинаете ли вы понимать свое преступленіе?

Есть еще третья вина, но та ужъ полегче. Вы находите, что правило для разрѣшенія одной изъ формъ вами поставленнаго вопроса яснѣе выражается въ простой крестьянской, можно

сказать, мужицкой пѣснѣ, чѣмъ въ произведеніяхъ современной западной словесности, и что непросвѣщенный народъ вѣрнѣе хранитъ нравственное понятіе, чѣмъ цивилизованное общество, которое мы обыкновенно принимаемъ за образецъ. Непростительно! Но эта послѣдняя вина падаетъ не полною тяжестью на васъ; она раздѣляется по всѣмъ сотрудникамъ Русской Бесѣды: напримѣръ г. Аксаковъ въ «Луповицкомъ» и г. Самаринъ въ разборѣ статьи г. Великосельцева очевидно впадаютъ въ одинаковое съ вами заблужденіе. (Кстати, я слышалъ, что одинъ журналъ готовитъ возраженіе противъ г. Самарина и защиту г. Великосельцева: весело бы поглядѣть на такое признаніе въ единомысліи). Какъ бы то ни было, вы сами видите, что журнальный громъ не могъ не упасть на вашу голову.

Критика у насъ не безъ грѣха, да и гдѣ же она безъ грѣха? Все же кто-нибудь изъ записныхъ критиковъ могъ бы замѣтить вѣрность, съ какою вы разобрали художественные недостатки натуральной школы; могъ бы оцѣнить справедливость вами поставленнаго положенія, что *натуральная школа, по своему дагеротипному характеру, непремѣнно должна быть запечатлѣна рабскою пошлостью и не можетъ никогда возвыситься до художественнаго творчества, которое одно только способно постигнуть и выразить духовную свободу жизни.* Далѣе, кто-нибудь могъ бы сказать читателю, какъ высоко вы поставили вопросъ *о самоуважающей себя любви*, и какъ ясно вы показали, что *она полагаетъ предѣлы своимъ правамъ не вслѣдствіе какого-нибудь внѣшняго закона, но вслѣдствіе собственнаго своего уваженія къ самой себѣ.* Мысль новая, благородная и выраженная вами съ достоинствомъ, соотвѣтствующимъ самому предмету. Все это могли бы признать журнальные критики; скажу болѣе, нѣкоторые сначала признавали это въ разговорахъ, но скоро спохватились. Вы такъ провинились передъ цивилизаціею, что вамъ потачки дѣлать не слѣдовало. «Разругай его, душа Тряпичкинъ!»

Поступлено по Хлестаковскому рецепту. Иные привѣтствовали васъ тѣмъ почти безсловеснымъ крикомъ, которому мы видѣли образецъ; другіе, болѣе хитрые въ діалектикѣ, стали

придираться къ подробностямъ. У нихъ Жоржъ Зандъ (еще недавно одна изъ великихъ представительницъ потребностей вѣка) вдругъ стала какъ-то совсѣмъ особнякомъ. Дѣла нѣтъ до того, что вы просили въ своей статьѣ, чтобы вамъ показали, «что Жоржъ Зандъ есть явленіе частное, возникшее внѣ всякой связи съ образованіемъ Запада». Этого вамъ доказывать не стали, а просто сказали это голословно, на зло всякому здравому смыслу, и потомъ «ругай, душа Тряпичкинъ». Неловко показалось сразу оправдывать Зандъ, такъ пусть она покуда останется явленіемъ совершенно самостоятельнымъ! Критики не видятъ какой бы ни было зависимости ея отъ исторической жизни Европы. Они не видятъ ничего общаго между ею и однимъ изъ извѣстнѣйшихъ произведеній высшаго представителя Германіи, Гёте (Wahlverwandschaften); между его и Маріонною, воспѣтою Викторомъ Гюго, и Манонoю и Нинонoю, которыхъ прославляла словесность и которыхъ уважали современники; между ею и всею литературой Италіи средневѣковой (Боккачіо, Аріосто и пр.) и французскими фабліо, и всею литературою труверовъ, которые опять восходятъ до пѣсенъ о Ланселотѣ и Тристанѣ, а нисходятъ до Бальзака, Сю и почти всѣхъ современныхъ романистовъ Франціи; ничего общаго между нравственными понятіями Жоржъ Занда и всѣми извѣстными именами отъ Свентобольдовъ лотарингскихъ и Вильгельмовъ норманскихъ, Энціевъ, Манфредовъ, Транстамаровъ, Дюнуа, герцоговъ Бургонскихъ и прочихъ, до герцоговъ Менскихъ и далѣе; ничего общаго между Жоржъ Зандъ и всею европейскою исторіей, которой почти нельзя давать читать благовоспитаннымъ дѣтямъ, если желаемъ избѣгнуть вопросовъ о Розамундахъ, Агнесахъ Сорель и другихъ равно почетныхъ историческихъ лицахъ; ничего общаго между обычаями и кодексомъ зандовскихъ героинь и сижисбеизмомъ Италіи, и галантеріею Франціи, и гражданскимъ разводомъ Наполеона по несогласію нравовъ (par incompatibilité d'humeur), и наполеоновскимъ же предположеніемъ о многоженствѣ въ колоніяхъ, и церковнымъ разводомъ почти всѣхъ реформатскихъ земель, который самъ Бунзенъ называетъ: ein legalisirter Ehebruch; наконецъ нѣтъ ничего общаго между взглядомъ Жоржъ Зандъ

и почти всѣми мыслителями, ученіями и школами современнаго Запада! Критики тутъ не видятъ ничего общаго, никакой круговой поруки или солидарности въ бытѣ, словесности, исторіи, гражданскихъ и даже церковныхъ законахъ. Сильненько же незнаніе журнальныхъ критиковъ! Право, ужъ лучше бы имъ было опровергать васъ примѣрами жены рыцаря Карадока, Женевьевы Брабантской или Гризельды; да видно они и про тѣхъ не знаютъ.

Нашлись критики еще похитрѣе: оставляя въ сторонѣ весь вопросъ художественный и нравственный и отношенія Жоржъ Зандъ къ Западу, они напали на васъ за другое. «Не имѣли вы, дескать, права искать норму русскихъ понятій объ обязанностяхъ жены въ бракѣ въ простой бытовой пѣснѣ; да и пѣсня та не представляетъ чистаго и высокаго нравственнаго настроенія, а содержитъ только утѣшительныя надежды на лучшее будущее въ жизни земной». Дѣйствительно, пѣсня, уговаривая несчастную жену къ терпѣнію, обѣщаетъ ей лучшее будущее на землѣ; но чего же и ждать отъ бытовой пѣсни? Развѣ неестественно человѣку, когда онъ старается укрѣпить шаткую волю своего ближняго въ искушеніяхъ жизненнаго подвига, прибавить къ слову «потерпи» или «борись!» нѣсколько словъ надежды, хотя бы и сомнительной, на лучшее будущее? Дѣйствительно также, отдѣльная пѣсня не документъ; есть чудная пѣсня пьяной бабы. «Верея ль моя вереюшка!» и всетаки не слѣдуетъ думать, чтобы пьяныя бабы находились въ особенной чести у русскаго народа. Конечно, вы искали въ пѣснѣ не документа, а указанія; но имѣли ли вы на это право? Это другой вопросъ. Быть можетъ, вы думали, что васъ оправдаетъ общее сознаніе, и что нормальное значеніе самой пѣсни скажется всякому, кому сколько нибудь знакомъ голосъ русской души. Вы въ этомъ были не правы. Вы думали, что нѣтъ ни одной стародавней пѣсни, гдѣ жена невѣрная представлялась бы, какъ предметъ достойный сочувствія; что нѣтъ ни одной старо-русской сказки (о переводныхъ и говорить нечего), въ которой бы Зандовская героиня требовала уваженія и любви отъ слушателя; что въ нашихъ мѣстническихъ спорахъ и родословныхъ (за исключеніемъ, можетъ быть, одной сомнительной)

нѣтъ ни Энціевъ, ни Транстамаровъ; что наши старые законы духовные и гражданскіе могутъ въ этомъ отношеніи выдержать самый строгій разборъ; что, наконецъ, во всей нашей старой исторіи и во всѣхъ лѣтописяхъ (быть можетъ охраняемыхъ отъ пятенъ народною стыдливостью) не найдешь ни Сорелей, ни Розамундъ, и что поэтому вы имѣли право смотрѣть на пѣсню, которую привели, какъ на довольно вѣрное выраженіе нравственнаго русскаго взгляда. Это все правда, все ясно до очевидности; но вы все-таки не правы: вы забыли о душѣ Тряпичкинѣ и его всегдашнемъ, вольномъ или невольномъ незнаніи. Когда человѣкъ говоритъ *не знаю*, можно ему вѣрить; когда скажетъ *знать не знаю*, сомнѣніе весьма позволительно. И въ словесности нашей есть, при огромномъ незнаніи, очень порядочная доля знать-не-знайства. (Существительное это соотвѣтствуетъ глаголу игнорировать). «Какъ этому дѣлу пособить?» спрашивалъ я недавно одного деревенскаго сосѣда. «Дайте незнанію книги въ руки, а знать-не-знайство привяжите къ позорному столбу общественнаго мнѣнія, единственному позорному столбу, который бы не былъ позоренъ для общества», былъ его отвѣтъ. Совѣтъ, кажется, хорошъ. Выразивъ свое мнѣніе на счетъ нападеній, которымъ вы подверглись, прошу у васъ позволенія сдѣлать съ своей стороны критическое замѣчаніе на вашу статью и развить нѣсколько мыслей, связанныхъ съ этимъ замѣчаніемъ; замѣчаніе же само касается главной нравственной идеи, вами выраженной: *о самоуваженіи любви* и истекающихъ изъ него обязанностей.

Я отдаю полную справедливость правилу, вами постановленному: *истинная любовь отказывается отъ своихъ собственныхъ правъ на счастіе всякій разъ, когда это счастіе должно бы было быть куплено постыднымъ торгомъ съ совѣстью. Тогда самоотреченіе любви есть единственное послѣдствіе ея уваженія къ своей собственной святынѣ.* Я не привожу самыхъ вашихъ словъ, но, кажется, вѣрно передаю ихъ смыслъ. Конечно, не найдется ни одной благородной души, которая бы вамъ въ этомъ не сочувствовала; но мнѣ кажется, вы не довели своей мысли до полнаго ея логическаго развитія. Причину самоотреченія находите вы не во внѣшнемъ

законѣ, но въ самоуваженіи любви къ себѣ: это прекрасно. Но въ тоже время ея самоуваженіе выражается въ уступкѣ закону, который какъ будто отъ нея не зависитъ, ей внѣшенъ. По крайней мѣрѣ такъ кажется изъ вашихъ словъ, и въ этомъ я нахожу вашу мысль не вполнѣ развитою. Самые законы, которымъ любовь, по видимому, уступаетъ, суть, по моему мнѣнію, обязанности, истекающія изъ ея собственной основы, и нарушеніе ихъ было бы искаженіемъ ея собственнаго значенія. Такъ желалъ бы я пополнить вашу мысль.

Любовь, какъ требованіе притязательное и себялюбивое, любовь, ставящая цѣль въ лицѣ любящемъ, есть еще неотрѣшившійся эгоизмъ. Она можетъ, какъ и всякая другая страсть, доходить до изступленія, разгараться до безумія, опьянять до бѣшенства. Но въ этой степени она не имѣетъ еще ни благородства, ни нравственнаго достоинства. Какое бы ни было ея напряженіе, она не заслуживаетъ еще имени любви. Англійскій языкъ (сколько мнѣ извѣстно), одинъ изъ новыхъ европейскихъ языковъ, выразилъ эту первую степень любви словомъ: to like. Оно выражаетъ любовь человѣка къ предметамъ низшимъ, неодушевленнымъ или неразумнымъ, или къ другому человѣку, признаваемому еще, какъ средство наслажденія, а не какъ цѣль. Истинная любовь имѣетъ иное, высшее значеніе. Предметъ любимый уже не есть средство: онъ дѣлается цѣлію, и любящій уравниваетъ его съ собою, если не ставитъ выше себя; иначе сказать, признавая его уже не средствомъ, а цѣлію, онъ переноситъ на него свои собственныя права, часть своей собственной жизни, ради его, а не ради самого себя. Таково опредѣленіе истинной, человѣческой любви: она по необходимости заключаетъ уже въ себѣ понятіе духовнаго самопожертвованія. Безъ сомнѣнія, всякая дѣятельность исходитъ отъ человѣка, отъ его внутреннихъ требованій и слѣдовательно имѣетъ въ себѣ характеръ эгоистическій; но въ любви она переходитъ на высшую степень, на степень *самоотрицающагося эгоизма*. Отъ того-то, и только отъ того, любовь есть нравственнѣйшее чувство, къ какому только способно духовное существо, высшее, къ чему только можетъ стремиться человѣкъ. Если есть какая нибудь обязанность въ стремленіи

къ совершенству, если есть какое нибудь благородство въ человѣчествѣ, если есть наконецъ какая нибудь истина въ понятіяхъ о нравственности и добрѣ: очевидно, что любовь есть тотъ высшій законъ, которымъ должны опредѣляться отношенія человѣка къ человѣку вообще, или лица разумнаго ко всему роду своему. Но этотъ законъ, всѣмъ предлежащій, многихъ къ себѣ привлекающій, исполнимъ для весьма малаго числа избранныхъ душъ. Таково внутреннее тяготѣніе эгоизма и сравнительная слабость добрыхъ началъ. Человѣкъ, стремящійся къ исполненію высокаго закона, котораго красоту онъ сознаетъ и не находящій въ себѣ достаточной силы, ищетъ для осуществленія его (хотя въ тѣсныхъ предѣлахъ) пособія внѣшняго. Это внѣшнее пособіе находитъ онъ въ земномъ счастіи, доставляемомъ ему союзомъ съ лицомъ другаго пола, вслѣдствіе того первоначальнаго закона, который раздѣлилъ родъ человѣческій на двѣ половины, взаимно пополняющія другъ друга какъ въ вещественномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Счастіе само не есть цѣль союза, но пособіе грубому человѣческому эгоизму для полнѣйшаго осуществленія высшаго закона любви, принимающей чужую человѣческую личность не средствомъ наслажденія, а цѣлію полнѣйшей нравственной жизни. Изъ союза, представляющаго въ четѣ типъ самого рода человѣческаго, возникаетъ для нея цѣлый новый миръ, такъ сказать, новый родъ человѣческій въ семьѣ, и кровная, естественная связь придаетъ слабости человѣческой столько силъ, что она доходитъ (хотя повторяю, въ тѣсныхъ предѣлахъ) до самоотрицанія эгоизма, то есть, до искренней, истинной и дѣятельной любви. Изъ этого самаго понятно, что тѣ немногіе, которые могутъ жить для закона дѣятельной всечеловѣческой любви безъ всякаго внѣшняго пособія, были бы не правы, вступая въ союзъ, безполезный для высшей цѣли ихъ жизни: ибо личность, съ которою бы они сочетались, не была бы для нихъ цѣлію, но поставлена бы была на унизительную (и возвратно унижающую) степень средства къ наслажденію или такъ называемому счастію. То, что возвышаетъ среднихъ, было бы паденіемъ для высшихъ. Самая семья была бы стѣсненіемъ ихъ всечеловѣческой любви.

Но таже самая семья есть тотъ кругъ, въ которомъ для людей обыкновенныхъ, то есть почти для всего человѣчества, осуществляется, воспитывается и развивается истинная, человѣческая любовь; тотъ кругъ, въ которомъ она переходитъ изъ отвлеченнаго понятія и безсильнаго стремленія въ живое и дѣйствительное проявленіе. Очевидно, что всякое нарушеніе этой семейной святыни есть нарушеніе самаго закона любви. Въ дѣтяхъ оживаетъ и, такъ сказать, успокоивается взаимная любовь родителей; и конечно не преувеличено бы было сказать, что они въ своихъ дѣтяхъ любятъ каждый не самаго себя, а другъ друга. Въ тоже время взаимная любовь родителей и дѣтей представляетъ типъ той высокой человѣческой любви, которая въ родѣ человѣческомъ соединяетъ поколѣніе съ поколѣніемъ; а разрывъ между родителями, уничтожая связь ихъ съ дѣтьми, представляетъ безобразное и безнравственное явленіе разрыва между человѣческими поколѣніями; а не должно забывать, что внутренняя нравственность каждаго поколѣнія заключается по преимуществу въ той любви и въ тѣхъ надеждахъ, которыя оно обращаетъ на поколѣніе грядущее. Скажите: если бы человѣкъ смотрѣлъ только на окружающее его современное, если бы онъ не надѣялся, съ теплымъ чувствомъ любви, что всякая человѣческая истина полнѣе осіяетъ поколѣнія грядущія, кто бы не впалъ въ уныніе и не просилъ бы Бога сократить неблагодарный подвигъ жизни земной? И такъ нарушеніе святыни семейной есть нарушеніе всѣхъ законовъ любви человѣческой.

Вотъ, милостивый государь, какъ я желалъ бы пополнить вашу мысль. Мнѣ кажется, что изъ предыдущаго ясно выводится мое первоначальное положеніе: *что законы, которымъ любовь личная по видимому уступаетъ, суть не что иное, какъ обязанности, истекающія изъ ея собственной основы, и что нарушеніе ихъ было бы искаженіемъ ея собственнаго значенія.* Съ намѣреніемъ избѣгалъ я всякаго выраженія, которое напомнило бы законъ Божественнаго Откровенія. Мнѣ хотѣлось въ семъ случаѣ показать его полное тождество съ выводами здраваго чувства и разума, исходящими изъ нравственнаго опредѣленія любви; ибо, по моему мнѣнію, недося-

гаемая высота христіанскаго ученія проявляется по преимуществу въ томъ, что оно никогда не ставитъ ни одного правила произвольнаго и, такъ сказать, внѣшняго для человѣческаго духа.

И такъ, какія бы ни были вѣра или безвѣріе проповѣдниковъ ученія, связаннаго съ именемъ Жоржъ Занда, оно остается одинаково безразсуднымъ и одинаково отвратительнымъ, развѣ-бъ оно отрицало сразу всякое нравственное понятіе. (Въ этомъ случаѣ оно по крайней мѣрѣ не заслуживало бы упрека въ антилогизмѣ). Но, произнося такой безусловный судъ, я не могу не разсмотрѣть обстоятельствъ, облегчающихъ нравственную вину цѣлой школы. Въ чемъ же состоятъ онѣ? Не въ согласіи ли съ общественнымъ мнѣніемъ? Крайняя нравственная шаткость общественнаго мнѣнія по этому вопросу на Западѣ уже указана мною; но эта шаткость не есть оправданіе для людей, которые выдаютъ себя за мыслителей, ибо они около себя же, въ своемъ же обществѣ находятъ струю мысли болѣе здравую и разумную. Шаткость мнѣнія объясняетъ только возможность школы, а не оправдываетъ ея ученія, не снимаетъ ни малѣйшей части вины съ ея представителей. Или въ огромномъ распространеніи женской безнравственности по всему Западному обществу? И такъ проповѣдь порока будетъ тѣмъ невиннѣе, чѣмъ болѣе порокъ распространенъ. Проповѣдывать кривосудіе, гдѣ оно обычно, взятки въ томъ обществѣ, въ которомъ онѣ преуспѣваютъ, будетъ извинительно. Или въ самой тягости нравственнаго закона? Но тогда надобно нѣсколько распространить предѣлы слишкомъ тѣсной проповѣди. Ее надобно обратить противъ всякаго самопожертвованія, совершаемаго ради какого бы то ни было нравственнаго закона. Къ низости въ жизни надобно прибавить проповѣдь низости. Признаюсь, обо всемъ этомъ безъ нѣкотораго омерзенія трудно говорить.

Всякое ложное ученіе находитъ наказаніе въ своихъ собственныхъ выводахъ и, разумѣется, такъ называемая эманципація женщинъ не можетъ избѣгнуть общаго закона. Я уже сказалъ, что всякій разрывъ духовнаго союза, соединяющаго человѣческія четы, имѣетъ прямымъ послѣдствіемъ уничтоже-

ніе духовной связи между поколѣніями и разрушеніе всѣхъ нравственныхъ основъ, на которыхъ зиждется самое усовершенствованіе рода человѣческаго; но прямыя послѣдствія такого разрыва между поколѣніями отразятся не одинаково на судьбѣ женщины и мущины. Совершись онъ, и родъ человѣческій распадается на двѣ половины, на женщину вообще и мущину вообще. Мущина отчасти освобождается отъ дѣтей, женщина лишается дѣтей; и въ наступившей борьбѣ рабство духовное и вещественное дѣлается единственно возможнымъ удѣломъ слабѣйшей половины человѣческаго рода, ибо дѣти суть единственная ограда, ограда священная и несокрушимая, которая спасаетъ слабость женщины отъ буйной энергіи мужскаго превосходства. Личная эманципація каждой женщины (въ зандовскомъ смыслѣ) была бы приговоромъ рабства для всѣхъ женщинъ. Таковы бытовыя послѣдствія теоріи, столь же нелѣпой, сколько безнравственной, и я счелъ бы небезполезнымъ обличеніе ея безумія, хотя, какъ вы видѣли, основываю ея осужденіе на другихъ, высшихъ началахъ.

Но неужели она не имѣетъ никакого оправданія, т. е. неужели она не опирается ни на какое здравое и доброе чувство въ душѣ человѣческой? Ея успѣхъ, даже временный, былъ бы невѣроятенъ, если бы не было какой нибудь правды въ ея основѣ, или, лучше сказать, если бы не было какого нибудь нравственнаго повода къ ея существованію. И дѣйствительно, она есть въ самомъ бытѣ современнаго общества. На это законное оправданіе ложной теоріи слишкомъ мало обращаютъ вниманія, и позвольте мнѣ сказать, что вы сами, намекнувъ на него, намекнули слишкомъ легко.

Все ученіе объ эманципаціи женщинъ лежитъ на двухъ началахъ: на чувствѣ справедливости, котораго законности и святости отрицать нельзя, и на той нравственной слабости, которая, не рѣшаясь на строгій приговоръ противъ порока, готова распространить его предѣлы, чтобъ уничтожить по крайней мѣрѣ несправедливость привилегіи, даруемой обществомъ на пользованіе этимъ порокомъ. Ученіе о законности разврата для женщины оправдывается общимъ развратомъ мущинъ, и давнишній жизненный обычай связанъ логически съ новою тео-

ріею. Вглядитесь, прошу васъ, безпристрастно въ тотъ вопросъ, который скрывается за слабыми умствованіями или соблазнительными вымыслами цѣлой школы. Какія права мущины на развратъ? На чемъ основана его постыдная привилегія? На большей слабости волѣ? Этого никто сказать не смѣетъ и не рѣшится. На бо́льшихъ искушеніяхъ? Это чистая ложь, ибо развратъ женщины происходитъ всегда отъ разврата мущины и, сверхъ того, гораздо извинительнѣе уже и потому, что мущина свободнѣе управляетъ своею судьбою, чѣмъ женщина. На томъ, что мущина носитъ на себѣ многія другія обязанности, которыя не лежатъ на женщинѣ и которыя выше обязанностей семейныхъ? И это низость и нелѣпость! Предположимъ даже, что есть обязанности выше семейной святыни. Неужели права на развратъ (и слѣдовательно на порокъ вообще) возрастаютъ съ расширеніемъ круга общественныхъ и гражданскихъ обязанностей? Неужели праведный судія имѣетъ право на мелкое мошенничество, и правая рука можетъ безъ упрека передергивать ка́рты, потому что лѣвая ея товарка повреждена въ сраженіи? Такія права были бы затѣйливою наградою за мужество гражданское и военное. На томъ, что женскій развратъ вноситъ болѣе разстройства въ бытъ семейный? Самое это предположеніе невѣрно, и если справедливо, то справедливо только въ отношеніи семьи къ законамъ гражданскимъ. Но кто же подчинитъ свое счастіе постановленіямъ условнымъ или вздумаетъ временными учрежденіями ограничивать нравственныя права, которыя или вовсе не существуютъ, или существуютъ вѣчно?

Поставьте себя на мѣсто защитниковъ женской эманципаціи. Передъ ними общій развратъ мущины и почти общее осужденіе женскаго разврата. Эти два явленія логически отрицаютъ другъ друга; и поэтому слѣдуетъ узнать, которое же изъ нихъ болѣе согласно съ дѣйствительными, хотя и невысказанными, убѣжденіями общества. Развратъ мущины предполагаетъ развратъ женщины. Какое же понятіе имѣетъ мущина объ отношеніяхъ женщины къ нему въ этомъ союзѣ? Считаетъ ли онъ ихъ невинными? Тогда, осуждая женщину, онъ лицемѣръ изъ личныхъ выгодъ. Считаетъ онъ ихъ пороч-

ными? Тогда кто же онъ самъ? Перенеситесь въ другую, болѣе привычную сферу нравственнаго суда надъ поступками людей и произносите приговоръ. Человѣкъ, который пользуется порокомъ другаго человѣка, усугубляя его нравственное униженіе для своихъ личныхъ выгодъ, есть и считается подлецомъ. Такой выводъ неизбѣженъ и неотразимъ. Что же должно думать объ общественномъ мнѣніи въ этомъ вопросѣ? Легче предполагать мягкое и своекорыстное лицемѣріе, пользующееся временными убѣжденіями и выдающее ихъ за неизмѣнныя правила нравственности для своихъ собственныхъ выгодъ, чѣмъ ту бездушную подлость, которая въ одно время признаетъ вѣчные, нравственные законы и сознательно ругается надъ ними. Слѣдовательно очень понятно, почему могло или должно было возникнуть мнѣніе, что общество современное въ глубинѣ своихъ убѣжденій нисколько не осуждаетъ безграничнаго права женщины на свободу жизни. Дѣйствительно, тѣ, которые осуждаютъ развратъ женщины, не произнося такого же строгаго приговора противъ разврата мущинъ, замолвливаютъ слово въ пользу низости и подлости душевной.

И такъ, школа Занда права противъ общей неправды. Нинона могла съ полною справедливостью называть себя честнымъ человѣкомъ (je suis un honnête homme, говорила она); и я не знаю, почему Лукреція Флоріани не была бы очень милымъ мущиною и даже очень почтеннымъ джентльменомъ. Разумѣется, это не перемѣняетъ нисколько ихъ отношенія къ высшему понятію о нравственности, но отнимаетъ у общества право суда надъ ними, по тому же закону, по которому продавецъ краденыхъ вещей не можетъ произносить нравственнаго приговора надъ воришками, снабжающими его лавку предметами выгодной торговли.

Явленіе женскихъ эманципаціонистовъ было неизбѣжно. Когда общество живетъ въ явной лжи, на словѣ признавая какой нибудь законъ, а на дѣлѣ безсовѣстно и сознательно нарушая его, и когда обличители, во имя высшей правды, потворствуютъ неправдѣ низкимъ молчаніемъ: тогда, вслѣдствіе неизбѣжной исторической логики, возникаютъ обличители другаго рода, обличители во имя самаго порока, принимающіе

явленіе бытовое за признанный законъ и притягивающіе къ нему, для его оправданія, другой нравственный законъ, еще признаваемый обществомъ (какъ напр. въ теперешнемъ случаѣ: чувство справедливости). Легко бы можно показать такую историческую логику въ дѣятельности Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ, въ ихъ успѣхахъ; и точно тоже видимъ мы въ сравнительно слабѣйшихъ дѣятеляхъ, какова Жоржъ Зандъ. Новая ложь ученія правà передъ старою ложью; но тутъ является опять новый законъ, обличающій самихъ обличителей. Къ ихъ дѣлу не всякая человѣческая природа пригодна. Души чистыя и благородныя, сознавая общественную ложь, не смѣютъ доводить ее до ея крайнихъ (хотя по видимому и законныхъ) послѣдствій. Могущественная логика ихъ ума робко останавливается передъ непобѣдимымъ чувствомъ внутренней красоты, передъ скрытою любовью къ своей собственной чистотѣ душевной: онѣ остаются благородно-непослѣдовательными. Нуженъ нѣкоторый запасъ душевной грязи, чтобы человѣкъ довелъ до крайнихъ послѣдствій систему, принимающую какую нибудь общественную ложь или общій порокъ за признанный законъ. Въ этомъ случаѣ новый обличитель находитъ въ своемъ внутреннемъ сочувствіи къ нравственному злу ту силу и смѣлость, которыхъ не доставало душамъ, болѣе возвышеннымъ и чистымъ. Таковъ характеръ геніальныхъ дѣятелей XVIII вѣка, Вольтера и Руссо; таковы же свойства и Жоржъ Зандъ. Отдавая полную справедливость ея великимъ художественнымъ способностямъ, восходящимъ иногда до безукоризненнаго творчества (напр. въ Чортовой Лужѣ), эстетическое чувство всегда сознавало какую-то примѣсь грязной струи почти во всѣхъ ея произведеніяхъ. Эта струя грязи разлилась полнымъ разливомъ въ Запискахъ Жоржъ Зандъ, всплывая надъ всѣми прикрасами лицемѣрной чувствительности и восторженности. Безъ всякой необходимости, безъ всякаго внѣшняго принужденія, безъ спора, безъ тяжбы, безъ житейскихъ нуждъ, которыя такъ часто извиняютъ даже и непохвальное, эта женщина объясняетъ паденіе, въ которомъ не кается и котораго даже не сознаетъ, чѣмъ же? Мерзостью роднаго брата, котораго выставляетъ на показъ ради потѣхи

читателя и таскаетъ на позоръ ради собственнаго возвеличенія. Таково явленіе, таково самообличеніе дрянной порочности, передъ которымъ одинъ изъ нашихъ журналовъ, разгорячившись въ нѣжномъ восторгѣ, восклицаетъ: «пусть кто-нибудь бросить свой злой и грѣшный камень въ эту женщину». Право, не мѣшало бы знать, что нѣкоторое, хотя бы и слабое, развитіе нравственнаго чувства нужно даже и для оцѣнки художественныхъ произведеній.

Но какая бы ни была ложь и безнравственность теоріи, какой бы ни былъ душевный развратъ ея представителей, какъ скоро она обличаетъ какую нибудь общественную порчу или бытовой развратъ противупоставленіемъ (хотя и несправедливымъ) какого нибудь нравственнаго закона, она не можетъ не принесть добрыхъ плодовъ для человѣческаго развитія. Таковъ историческій законъ. Самое зло личное дѣлается орудіемъ добра въ безконечной мудрости Божьяго Промысла. Вопросы, на которые человѣкъ смотрѣлъ съ непростительнымъ легкомысліемъ, получаютъ приличную имъ важность и значеніе, когда отъ разрѣшенія ихъ, правильнаго или неправильнаго, зависитъ самая судьба общества. Такъ и теперь, смѣлый протестъ цѣлой школы, болѣе или менѣе явно поднявшей знамя женской эманципаціи, не пройдетъ безъ слѣдовъ. Онъ неправъ передъ нравственнымъ закономъ, онъ совершенно правъ передъ жизненнымъ обычаемъ. За него справедливость, чувство вполнѣ законное и христіанское. Для общества предстоитъ впереди выборъ неизбѣжный: или расширеніе предѣловъ дозволеннаго разврата на женщину, или подчиненіе мущины строгости нравственнаго закона, а необходимость выбора возвысить общій строй жизни во избѣжаніе совершеннаго паденія. Я знаю, что дряблая слабость современнаго общества не вдругъ повѣритъ возможности лучшаго и болѣе здраваго обычая въ будущемъ; но такое невѣріе въ возможность добра ничего не доказываетъ: оно не что иное, какъ послѣдствіе и казнь преобладающаго зла. Я увѣренъ, что заговорятъ о неисполнимости закона, о невозможности борьбы: пустяки и ложь растлѣнной жизни! Стоитъ только признать борьбу со страстями невозможною, и она дѣлается невозможною, законъ

неисполнимымъ, и онъ неисполнимъ. Выборъ неизбѣженъ, ибо онъ требуется во имя справедливости. Если кто скажетъ, что женщина откажется отъ предлагаемаго права на униженіе, чтобы сохранить уваженіе къ самой себѣ: я думаю, что сколько нибудь честный мущина откажется отъ исключительной привилегіи на подлость, чтобы не быть презрительнымъ въ своихъ собственныхъ глазахъ. Опять повторяю: таковъ историческій законъ. Ложнымъ своимъ началомъ не можетъ торжествовать никакая ложная теорія: она всегда бываетъ обязана своимъ временнымъ успѣхомъ присутствію въ ней нѣкоторой правды, противопоставляемой общественной неправдѣ. Такова причина успѣха энциклопедистовъ въ XVIII вѣкѣ. Вольтеръ бралъ противъ лже-христіанства современной ему жизни оружіе изъ христіанской истины. Въ дѣлѣ Каласа, въ дѣлѣ двухъ молодыхъ людей, сужденныхъ за богохульство, и во многихъ другихъ случаяхъ, онъ былъ болѣе христіаниномъ, чѣмъ его противники. Руссо и подавно. Прошли года; объ нихъ, какъ объ учителяхъ, никто уже не говоритъ, кромѣ какой нибудь французской муміи, которую смерть забыла, потому что никогда не видала въ ней дѣйствительныхъ признаковъ жизни; но многія истинно-христіанскія начала осуществились въ обществѣ по тому только, что они уяснились въ упорной борьбѣ, и учители зла сдѣлались безсознательнымъ орудіемъ добра. Не думаете ли вы, что какой нибудь нравственный законъ, подобный тому, о которомъ я сейчасъ говорилъ, выразился въ индѣйской миѳологіи, по которой злые духи, иногда торжествуя, всегда обязаны своимъ торжествомъ какому нибудь оружію добытому изъ хранилища боговъ?

Были въ жизни христіанскаго міра догматическія ереси, и онѣ имѣли временный, часто огромный, успѣхъ; послѣдствіемъ же ихъ было яснѣйшее сознаніе самыхъ догматовъ вѣры. Безъ сомнѣнія, будущіе вѣка покажутъ, что таково же назначеніе и теперь преобладающихъ латинства и протестантства. Точно также, кажется мнѣ, есть и временныя ереси христіанскаго чувства: ими особенно богато наше время. И онѣ пройдутъ не безъ пользы для человѣчества; ибо, заставляя человѣка глубже вникать въ нравственные вопросы, онѣ

уясняютъ самое чувство христіанства и готовятъ ему болѣе полное торжество во всѣхъ областяхъ жизни частной, общественной и гражданской.

Вотъ, милостивый государь, тѣ мысли, которыя мнѣ пришли въ голову по поводу вашей статьи. Если вы сочтете ихъ достойными помѣщенія въ Бесѣдѣ, помѣстите ихъ. Не думаю, чтобы рѣзкость и строгость въ моихъ сужденіяхъ испугали ее... Мнѣ кажется, она не очень склонна къ пощадѣ и сама не проситъ снисхожденія. Примите, м. г., и пр.

Г. Тула.

А. Хомяковъ.

Оглавленіе.

11.

ИNG CO.